

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

2

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/2002

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Мамед Эмин Расул-Заде. Национальное движение в Азербайджане. Вступительная статья
С. М. Исакова 3

СТАТЬИ

- А. В. Пыжиков — Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ . . . 33
Н. С. Андреева — Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX века 44

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А. Л. Шемякин — Никола Пашич 62

ПУБЛИКАЦИИ

- Л. Б. Красин. Письма жене и детям. 1917—1926 . . . 91

СООБЩЕНИЯ

- В. В. Дегоев — Александр I и проблема европейского согласия после Венского конгресса . . . 119

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- С. Илич — Религиозные брожения в Османской Боснии во второй половине XVI в. 133

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

М. К. Чиняков — К вопросу о Бургундских войнах (1473—1477)	138
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

Л. И. Ивонина — Роль внешнего фактора в политической жизни Англии XVII века	145
В. В. Серебрянников — Е. С. Сенявская, Психология войны в XX веке: исторический опыт России	152
Р. Е. Кантор — Д. М. Гланц. Барбаросса. Гитлеровское вторжение в Россию в 1941 году	155
Б. Васильев — А. В. Лубков. Война. Революция. Кооперация	158
Г. И. Шмелев, Г. А. Ястребинская — Трагедия советской деревни. Т. 2. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, ноябрь 1929 — декабрь 1939	160
Л. И. Гинцберг — Г. В. Костырченко. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм	164
Г. Н. Канинская — Политика и власть в Западной Европе XX века	167
В. И. Моряков — А. Б. Каменский. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа	169

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

С. П. Щавелев — В защиту Д. Я. Самоквасова	174
---	-----

Мамед Эмин Расул-Заде. Национальное движение в Азербайджане

Политик, писатель и журналист Мамед Эмин Расул-Заде (Mammad Amin Rasulzade) родился 31 января 1884 г. в селе Новханы Бакинского уезда Бакинской губернии. Первоначальное образование он получил в семье ахунда этого села¹. После окончания Бакинского технического училища его увлекла революционная деятельность. В 1904 г. он стал одним из организаторов первой в Закавказье мусульманской социал-демократической группы «Гуммет» («Энергия»), а в 1909 г. отправился в Иран, где принял активное участие в революционных событиях. В 1911 г., когда русские войска вошли в Иран, он перебрался в Турцию. В 1913 г., воспользовавшись амнистией по случаю 300-летия дома Романовых, он вернулся в Баку и принял участие в создании мусульманской демократической партии «Мусават» («Равенство»).

Красной нитью через всю первую программу партии Мусават проходила, как считается в азербайджанской историографии, идея солидарности мусульманских народов и стран в борьбе за национальное освобождение. Исламскую солидарность лидеры азербайджанского национального движения понимали лишь как взаимодействие и взаимопомощь в совместной борьбе за общие идеи — национальное освобождение мусульманских народов от колониального ига европейских держав². Ничего общего с панисламизмом это не имело.

Легализовавшись после Февральской революции, партия Мусават постепенно становилась наиболее влиятельной среди азербайджанского населения Закавказья. Расул-Заде, один из лидеров этой партии, приобретал широкую известность и за пределами Азербайджана. Выступая на Всероссийском мусульманском съезде (Москва, 1—11 мая 1917 г.), он говорил, что будущая государственность должна покоиться на двух началах. Это — общечеловеческие интересы, с одной стороны, и свобода развития отдельных национальностей — с другой. Поэтому мусульмане выступают за то, чтобы сохранялись их особенности и обеспечивались их особые интересы. Сохранение народами их национального облика необходимо в интересах всего человечества. Он подчеркивал, что каждый народ должен организоваться самостоятельно. Если ислам, по его выражению, «здание», то отдельные мусульманские народы пусть будут «комнатами» в этом общем доме. Причем, по его словам, «мы сначала должны дифференцироваться, а потом объединиться». «Мы желаем, чтобы будущая форма государственного управления была демократическая республика на федеративных началах, но мы прибавляем, что не хотим воспользоваться

критическим положением русского государства, а откладываем разрешение вопроса до созыва Учредительного собрания»³, — говорил Расул-Заде. Он принадлежал к числу лидеров мусульманских федералистов, которые не желали развала страны. Это стремление имело свои этнопсихологические мотивы.

«Нас, азербейджанских, или закавказских, тюрков, — констатировал один из них, — очень мало знают в России... Официально нас называли «кавказскими татарами», да и теперь этот термин, наследие недоброй старины, продолжает существовать по отношению к нам. Чаще всего величают нас «мусульманами Закавказья» (магометанами). Как тот, так и другой термин далеко не удовлетворительны. Называя «татарами», «предупредительное» русское правительство просто «оберегало» и «охраняло» нас от соседних турок. Мусульманство же определяет нашу религию, а не национальность». Между тем «тюрки-азербейджанцы» имеют свой язык, литературу, музыку, историю и «национально-культурная физиономия их настолько выяснена», что они вправе требовать уважать их право в устройении своей судьбы самим этим народом в союзе со всеми национальностями федеративно-республиканской России⁴. Согласно меморандуму, представленному на Версальской мирной конференции, численность российских азербейджанцев составляла около 3 млн человек⁵.

Когда в июне 1917 г. произошло слияние партии Мусават и Тюркской партии федералистов в силу совпадения их позиций по многим вопросам, новая партия, которую продолжали называть коротко Мусават, сразу же сделалась крупнейшей политической силой в Азербейджане, доминировавшей среди мусульман как в Баку, так и в провинции. Их объединяла приверженность к федерализму на не религиозной, а национальной основе, что, по мнению американского азербейджановеда Т. Светоховского, являлось самой сутью мусаватизма⁶. С осени 1917 г. Расул-Заде становится официальным лидером — председателем ЦК «Тюрк адеми меркезиез „Мусават“ халк фиркеси» («Тюркская народная (или демократическая) партия федералистов „Мусават“»).

Отношение мусаватистских лидеров к установлению советской власти трактуется в историографии по-разному. В советской литературе считалось, что первое время мусаватисты в Баку выжидали, как сложится дальнейшая ситуация. При этом в вопросе о власти среди них в Баку и других местах Закавказья были расхождения. На съезде мусаватистов в Баку было принято постановление в поддержку Временного правительства и одновременно решено направить своих представителей в Бакинский совет; в то же время в Елизаветполе, Тифлисе и других городах мусаватисты открыто выступали против Советской власти⁷. Современные азербейджанские исследователи считают, что партия Мусават доброжелательно встретила Октябрьскую революцию, с которой она связывала свои надежды на самоопределение и создание автономного Азербейджана. В первые дни после революции большевики и мусаватисты в Баку практически по всем основным вопросам текущего момента занимали близкую позицию. Но их сотрудничество имело чисто конъюнктурный характер⁸. Такая оценка тактики мусаватистов не согласуется с тем фактом, что Расул-Заде и другие их лидеры, как известно, были выдвинуты и избраны в члены Всероссийского Учредительного собрания.

Огромное влияние на тактику мусаватистов в отношении Совнаркома оказали события в Туркестане. 13 декабря мусульманское население Туркестана готовилось повсеместно выразить свою поддержку автономии Туркестана (в составе России), провозглашенной на Чрезвычайном мусульманском съезде 27 ноября в Коканде. Однако, несмотря на гарантии местных большевиков, праздничная манифестация мусульман была разогнана. Власти спровоцировали в центре города расстрел демонстрантов. Цель этой акции состояла в том, чтобы, с одной стороны, скомпрометировать в глазах русского населения туркестанскую автономию как движение «контрреволюционное», антирусское и антирусское, с другой — спровоцировать мусульман на «священную войну» (то есть борьбу мусульман в защиту своей веры). Этого не получилось.

Ташкентские события вызывали со стороны идеологов мусаватистов протест и критику большевизма. При этом указывалось, что «под флером программы-минимум» большевики переносят в Туркестан приемы царского режима; ташкентские большевики — «это русские чиновники наихудших периодов царского режима»; «если мусульманам предоставляется свобода самоопределения и устройства собственной судьбы», то народным комиссарам «остаётся только избавить мусульман от них же самих». Хотя бакинские мусаватисты в январе 1918 г. поддержали разгон Всероссийского Учредительного собрания и Брест-Литовский мирный договор⁹, это не помогло. В конце марта 1918 г. произошли трагические события, приведшие только в Баку к гибели свыше 10 тыс. человек, в подавляющем большинстве азербайджанцев. Все это в советской историографии подавалось как гражданская война, спровоцированная мусаватистами; замалчивался тот факт, что именно мартовские события стали началом конца советской власти здесь, поскольку мусульмане отвернулись от нее¹⁰. После этих событий мусаватисты взяли курс на полную государственную независимость Азербайджана.

Как известно, Закавказский сейм в марте 1918 г. объявил об отделении Закавказья от советской России, а в апреле провозгласил Закавказскую демократическую федеративную республику (ЗДФР). Однако межнациональные противоречия грузин, армян и азербайджанцев послужили одной из основных причин недолговечного существования этого образования. Вскоре, 26 мая 1918 г., сейм объявил себя распущенным, и в итоге на месте ЗДФР были созданы грузинская, армянская республики, а 28 мая 1918 г. была провозглашена Азербайджанская республика со столицей в г. Гяндже, базе мусаватистов. Одним из инициаторов ее провозглашения был Расул-Заде, ставший ее первым руководителем — председателем Национального совета (парламента) Азербайджана. В этот парламент вошли депутаты, избранные во Всероссийское Учредительное собрание и не признавшие его роспуск. При открытии заседания азербайджанского парламента, переместившегося в Баку, 17 ноября 1918 г. Расул-Заде подчеркнул, что «при русской революции национальности не могли добиться от центрального правительства своих неотъемлемых прав и были предоставлены самим себе, что побудило их взять на себя инициативу в деле устройства своей судьбы»¹¹.

Открывая 7 декабря 1918 г. заседание первого азербайджанского парламента, Расул-Заде подчеркнул: «Переворот в России, давший народам надежду на свободное развитие и свободное самоопределение на демократических основах, не оправдал наших надежд, народные деятели, отправленные в Россию в качестве членов Всероссийского Учредительного собрания, чающие работать над созданием союза свободных народов, были обмануты; создавшееся анархическое состояние в Центральной России лишило возможности какой-либо работы, направленной к переустройству государства на новых началах свободного самоопределения и союза народов, и вынудило каждый из них приблизиться к достижению своих социально-политических прав естественным путем: объявлением самостоятельности. Другого исхода не было... Наше отделение от России не есть враждебный акт по отношению к России. Мы не чувствовали обид от русского народа, который не меньше нас страдал под гнетом деспотизма, данное же наше поведение объясняется другим гнетом, являющимся результатом господствующей в России анархии»¹². Такая этнорегионалистская психология была свойственна большинству тогдашних мусульманских лидеров страны, знавших психологию своих народов.

Касаясь уровня восприятия идеологии мусаватизма среди тюркок-азербайджанцев, Расул-Заде, как лидер фракции Мусават, на заседании азербайджанского парламента в феврале 1919 г., после почти года существования в условиях независимости, совершенно определенно заявил: «Мы все тюрки (то есть азербайджанцы. — С. И.), но между нами есть разница. Мы полагаем, что в тюрках еще нет в достаточной степени национального самосознания, и считаем своей обязанностью внушить народу это самосознание»¹³. Эта весьма самокритичная оценка означает, что мусаватизм еще не проник

в толщу народных масс, что требовало, разумеется, времени. Ряд исследователей полагает, что психология большинства азербайджанцев оставалась на уровне сознания мировой мусульманской общины (уммы), с ее типичным безразличием к светской власти — как иностранной, так и местной, что идея азербайджанской государственности не укоренилась среди большей части населения, что вместо национального самосознания у них было скорее ощущение принадлежности к массе людей, живущих рядом и объединенных одной религией и совместным социальным устройством, что их сознание и идентичность основывались в значительно большей мере на обычаях и традициях уммы, чем на каком-либо зарождавшемся национальном чувстве¹⁴. Такие представления лишены убедительных оснований. Достаточно обратить внимание на факт существования этноконфессиональных констант, присущих психологии народных масс.

«Будучи тюрками, мы никогда не теряли надежду на светлое будущее, — говорил, в сущности, об этом Расул-Заде на 2-м съезде партии Мусават (Баку, 2—11 декабря 1919 г.). — Мы верили, что наша идея осуществится, и эта вера спасла нас, как когда-то эта вера спасла наших предков... Будучи мусульманами, мы всегда верили, что наш народ, временно лишенный своих политических прав и казавшийся мертвым, в недалеком будущем воскреснет и займет подобающее ему место»¹⁵. Как отмечают современные азербайджанские исследователи, азербайджанское «западничество» еще в философской, общественно-политической и этико-эстетической мысли XIX в. заявило о себе как о реальной силе, способной преобразовать азербайджанское общество. В начале XX в. «прозападническая ориентация» стала доминирующей в среде национальной интеллигенции¹⁶. Идеи национальной независимости, создания собственного государства, свободной политической жизни Азербайджана на принципах народной демократии были выдвинуты азербайджанскими идеологами Г. Зардаби (1837—1907), М. Ахундовым (1812—1878) еще в XIX веке. Современные азербайджанские исследователи считают, что «азербайджанизм» — это идеология национальной буржуазии, основанная на идеях возрождения азербайджанцев, особое общественно-политическое течение, отличающееся от пантюркизма, панисламизма и паниранизма, хотя в его истоках есть элементы данных идеологий¹⁷. Стремление к европеизации было характерно и для других мусульманских народов Российской империи начала XX века.

Незадолго до падения Азербайджанской республики Расул-Заде, выступая на заседании парламента в марте 1920 г., подчеркнул, что не следует смешивать российскую и русскую революции. «Российская революция, вспыхнувшая три года назад, дала свои результаты, и мы являемся свидетелями, что лозунг о самоопределении народов, выдвинутый этой революцией, получил полное свое осуществление. Происходящую теперь революцию внутри русского народа надо рассматривать с точки зрения русской национальной революции. Российская революция для тюркского (азербайджанского. — С. И.) народа явилась спасительной и освободила его из заколдованного круга, в котором он задыхался во время царизма. Такова наша точка зрения на Российскую революцию»¹⁸.

Когда в конце апреля 1920 г. 11-я армия красных подошла к Азербайджану, они предъявили парламенту ультимативное требование сложить свои полномочия. На чрезвычайном заседании парламента вечером 27 апреля Расул-Заде сказал, что следует согласиться на это, чтобы «не создавать внутреннюю войну». Было принято постановление о передаче власти азербайджанским коммунистам, с условием, что с их стороны не будет преследований¹⁹.

Однако после установления советской власти в Азербайджане Расул-Заде, как и многим, пришлось скрываться. Его все же арестовали, но И. В. Сталин во время своего пребывания в Баку в октябре 1920 г. спас его от расстрела. Они познакомились в Баку еще во время первой русской революции. Тогда власти попытались арестовать Сталина, но именно Расул-Заде, известный к тому времени журналист, спас его, спрятав у себя.

«Вы мой старый товарищ по совместной борьбе с царизмом, — сказал Сталин Расул-Заде, приехав к нему в бакинскую тюрьму. — Поэтому я и пришел сюда. Я знаю, сколько вы сделали для борьбы с царизмом и вообще для революционного движения. Вы нужны нашей революции. Вас нельзя ни расстреливать, ни гноить в тюрьме... Ну, а если хотите, можете вообще уехать в любой конец света... Вы свободны в своем выборе»²⁰. Все же сначала Сталин увез его с собой в Москву, где Расул-Заде провел около двух лет, занимаясь в основном научной работой. Весной 1922 г. его по указанию Сталина включили в состав Всероссийской научной ассоциации востоковедов при Наркомнаце. Однако летом 1922 г. он бежал из Петрограда в Финляндию, затем уехал в Германию, оттуда — в Париж и, наконец, прибыл в Стамбул.

В Стамбуле в 1923 г. была издана на турецком языке небольшая книга Расул-Заде «Азербайджанская республика». Эта книга, по заключению российского тюрколога А. И. Самойловича, содержит «ценный материал для истории общественно-политических течений в одной из частей исламского мира за новейшее время». По мнению другого историка, в ней Расул-Заде эмоционально, но правдиво изложил драматическую историю этого государства, республики, первого опыта создания светского демократического государства в одном из мусульманских регионов. Советская историография представляла работы Расул-Заде в искаженном свете, следуя сталинскому указанию «разоблачить» его деятельность²¹. Расул-Заде стали характеризовать как буржуазного националиста, панисламиста, пантюркиста и др.

В 1923—1927 гг. в Стамбуле под редакцией Расул-Заде издавался двухнедельный журнал «Ени Кавкасия» («Новый Кавказ») — первый печатный орган всей тюркской и отчасти кавказской эмиграции. В январском (1924 г.) номере этого журнала он опубликовал письмо Сталину, которое начиналось так: «Уважаемый Сталин! Мои друзья очень удивились, узнав, что меня выпустили из тюрьмы особого отдела... Это чудо оказалось возможным благодаря Вам, именно Вы вспомнили о нашей прежней дружбе и выгнали меня». Далее следовала резкая критика того, что происходило в советской России, особенно национальной политики большевиков, в частности, в отношении мусульманских народов²².

На пятом году существования журнал был все же закрыт кемалистскими властями, не желавшими осложнять отношения с советским государством. В среде азербайджанской эмиграции положение Расул-Заде было нелегким. Ему предъявлялись серьезные обвинения, главным из которых был печальный финал Азербайджанской республики. В конфиденциальном донесении (июнь 1928 г.), направленном из Парижа на имя министра иностранных дел Турции Т. Рюштю, его авторы пытались скомпрометировать Расул-Заде как лидера партии Мусават, которая стояла у власти в Азербайджане и которая «так бесславно отдала ее в руки большевикам»²³.

В конце 1931 г. советская дипломатия добилась от турецких властей закрытия и других периодических изданий азербайджанской эмиграции. Из Турции центр азербайджанской эмиграции вскоре переместился в Варшаву. Расул-Заде представили главе правительства Польши Ю. Пилсудскому. (Между его племянницей Вандой и Расул-Заде установились близкие отношения, они жили вместе²⁴.) Расул-Заде распространил свою деятельность и на другие европейские страны, в особенности на Германию и Францию, где продолжал свою издательскую и теоретико-пропагандистскую работу.

В 1930 г. в Париже вышли в свет его самые, пожалуй, известные книги. В одной (на французском языке) освещалась борьба Азербайджана за свою независимость в 1918—1920 гг.²⁵, другая работа, которая считается в историографии самой важной в его творчестве, представляла собой сборник «О пантюранизме. В связи с кавказской проблемой»; она дала основание включить его в число теоретиков пантюркизма.

В азербайджанской эмигрантской историографии 20—30-х годов отмечалось, что национальное движение как в общетюркском масштабе, так и в пределах Азербайджана к началу XX в. стало приобретать свои особые очертания. Этот период вошел в историю тюркских народов как переход от

национальности к нации. Расул-Заде в 20-х годах писал, что первое понятие подразумевает среду, образовавшуюся под влиянием языкового, религиозного, этнического, исторического, географического, экономического и политического факторов, а второе означает наличие общего сознания и коллективной воли этой среды²⁶.

Долгое время в эмиграции партия Мусават во главе с Расул-Заде была единой. Но в 1934 г., когда скончался другой азербайджанский лидер А. М. Топчибашев, в азербайджанских организациях произошел большой раскол, распались Национальный центр (который также возглавлял Расул-Заде) и Мирная делегация; Расул-Заде руководил также образовавшейся варшавской группой Мусават, связанной с польской спецслужбой (экспозитурой № 2, созданной в 1929 г. для ведения разведывательной деятельности против СССР, — подразделения Отдела II (разведка) Главного штаба Польши)²⁷.

12 января 1934 г. в экспозитуре № 2 была получена публикуемая ниже статья Расул-Заде «Национальное движение в Азербайджане», которая, как указано на первой странице, была «составлена в Варшаве 19 ноября 1933 года». Этот материал²⁸ был одним из многих, подготовленных им для польской разведки, с которой сотрудничали, разумеется, не только мусаватисты, но и другие выходцы из России.

Поддерживая через организацию «Прометей»²⁹ контакты с французским правительством, общественно-политическими организациями и прессой, польские разведчики во второй половине 30-х годов действовали, помимо азербайджанцев Расул-Заде и М.-Я. Мехтиева, через украинцев А. И. Удовиченко, А. Я. Шульгина, грузин Н. Н. Жордания, А. И. Чхенкели, Е. П. Гегечкори, кабардинца М.-Г. Сунша, казаха М. Чокаева, калмыка Ш. Балинова и др. Выступая в парижском клубе «Прометей» 17 января 1936 г. с докладом «Современная литература Азербайджана», Расул-Заде, в частности, отмечал, что «начало Балканской войны, явно тенденциозная политика русского правительства и шовинистическое настроение русского общества, не скрывающего свою вражду и злобу против не только Турции как государства, но и ко всему тюркскому, вызывает взрыв национального чувства и политического негодования во всем Азербайджане... В таком возбужденном состоянии Азербайджан входит в эпоху мировой войны. Война еще больше способствует этому возбуждению»³⁰.

В сопроводительном письме, датированном 9 августа 1936 г., находившемуся в Париже польскому дипломату и разведчику И. Скаржинскому Расул-Заде объяснял, что посылает «обширные материалы в рукописном виде», хотя знает, что это «представит известное затруднение; но по мотивам времени, поспешности дела и отсутствия [пишущей] машины под рукой пришлось довольствоваться этим». Речь шла о следующих материалах: информация о состоявшейся 5—7 августа 1936 г. конференции партии Мусават, на которой Расул-Заде сделал доклад о политике партии в «национальной борьбе». Конференция выработала политическую платформу партии Мусават, тезисы по внешней и внутренней политике партии и ряд других резолюций. В политической платформе партии, в частности, говорилось, что «мусаватизм — это азербайджанский патриотизм, преданный идеалам республики, свободы и национальной независимости и органически связанный с высокими идеалами общечеловеческой цивилизации и великой тюркской культуры»³¹.

Комментируя программу партии Мусават, Расул-Заде писал: «Партия наша, исходя из действительности бывшей русской империи, требовала создания русской республики в форме федеративной народной республики, основанной на национально-местных автономиях. Одновременно партия требовала национально-местную независимость для автономного Киргизстана (Казахстана. — С. И.), Башкирдистана (Башкурдистана. — С. И.), Туркестана и Азербайджана и национальную автономию для Поволжья и Крыма. Тогда эти намеченные цели встречались возражением и протестом, но ныне стали фактом, то есть вышеуказанные автономии — хотя с некоторыми дефектами — фактически существуют. Из этих автономий Азербайджан стал не только автономным, но вполне независимым»³².

В записке под названием «Азербайджанская революционная партия „Мусават“» Расул-Заде объяснял польским экспертам, что «по своей идеологии и программе-максимум партия Мусават является партией турецкой (тюркской. — С. И.). Но несмотря на свою турецкую (тюркскую. — С. И.) идеологию и вопреки обвинениям ее в туркофильстве, она никогда не отрицала реальность объединения кавказских народов в одно политическое целое. С этой целью в 1919 г. на 2-м съезде партии была принята резолюция о Кавказской конфедерации и вслед за этим как на армяно-азербайджанской конференции в Баку, так и в общекавказской конференции в Тифлисе представители Азербайджанского правительства огласили декларацию о необходимости федерирования кавказских народов.

Такое объединение Кавказа, как политическая форма, способствующая освобождению Кавказа от русского вторжения и завоевания, по мысли партии, ничуть не противоречит интересам освобождения турецких (тюркских. — С. И.) народов от того же ненавистного русского империализма; наоборот, служа гарантией прочного мира на востоке и играя роль барьера против русского проникновения на юг, [оно] может служить наилучшим фактором в борьбе турецких (тюркских. — С. И.) народов с вековым врагом». По своей социальной идеологии, продолжал свои объяснения Расул-Заде, Мусават — партия народническая, партия широких народных масс, мелкой буржуазии, крестьянства и национальной интеллигенции. Партия имела большое влияние и на тюркские рабочие массы³³.

Занимаясь теоретической разработкой мусаватизма, Расул-Заде одновременно сотрудничал с представителями высших властных структур и средств массовой информации. Отчитываясь на заседании ЦК Мусавата о поездке в Берлин, состоявшейся 2—22 мая 1937 г., Расул-Заде сообщил, что встречался с высокопоставленными представителями Внешнеполитического управления НСДАП, Министерства пропаганды Германии и др. Общее впечатление, вынесенное им из этих встреч и бесед, состояло в том, что эти круги сильно интересуются национальной проблемой в советской России. Послушать его доклад в респектабельном клубе Гумбольдтской высшей школы 21 мая собрались около 200 человек — представители различных ведомств и учреждений, науки, прессы и общественно-политических кругов, а также эмигранты из России, Персии и Турции. Председатель собрания, известный немецкий тюрколог-лингвист и дипломат Г. Яшке, во вступительной речи представил Расул-Заде, выступившего затем с докладом на тему «Азербайджанский вопрос». Его размышления привлекли внимание нацистской прессы («Völkischer Beobachter»). В 1938 г. в Берлине вышла его брошюра «Das Problem Aserbeidschan». В 1939 г., после того как Польша была оккупирована Германией, Расул-Заде уехал в Турцию, но не надолго. В Берлине вспомнили о нем. При встрече с Гитлером он отказался войти в оккупационное правительство в Азербайджане, и ему пришлось покинуть Германию. Он уехал в Румынию³⁴, позднее вернулся в Германию, а в 1947 г. поселился в Турции. Здесь после смерти Сталина он опубликовал свои воспоминания о нем. Расул-Заде умер 6 марта 1955 г. в Анкаре, оставив несколько книг (на французском, турецком, немецком, польском языках).

В «перестроечное» время о нем стали много писать³⁵, его работы издаются в Азербайджане³⁶, его имя присвоено Бакинскому государственному университету. На родине Расул-Заде, в с. Новханы, установлен величественный памятник, возле которого в день его рождения происходят митинги, организуемые современными политиками. Но едва ли прав исследователь, утверждающий, что азербайджанские историки в этот период «открыли для себя личность» Расул-Заде³⁷. То, что он сыграл значительную роль в истории Азербайджана — общеизвестный факт, который признавала еще советская историография.

До сих пор его имя — частый аргумент в полемике современных азербайджанских политиков и политологов. Правительство Расул-Заде, пишет, например, бывший президент Азербайджана А. Н. Мугалибов, без сопротивления уступило власть после того, как большевики пообещали

оставить Нагорный Карабах в составе Азербайджана³⁸. Стало считаться, что Расул-Заде, прежде один из основоположников пантюранизма (пантюркизма), «уже в 30-е годы в своей книге „О пантюранизме“ признавал бесперспективность этого „изма“», — подчеркивает азербайджанский политолог Р. Агаев. В распоряжении президента Азербайджанской республики Г. Алиева (от 30 января 1998 г.) сказано, что республика, просуществовавшая 23 месяца, создала на Востоке первый государственный демократический строй и оставила большой след в истории азербайджанского народа³⁹.

В данной публикации Расул-Заде сообщает немало неизвестного о том, как происходило «установление» большевистской власти в Азербайджане и какая борьба за тем последовала. Вместе с тем то, что он обратил внимание поляков на явные успехи в развитии народного образования, национальной литературы и культуры Азербайджана, свидетельствует о высокой степени его объективности и глубоком этносоциальном анализе психологии азербайджанского народа. Но в эмигрантской печати такого рода материал мог быть оценен как просоветский, что для лидера мусаватов было недопустимо.

И хотя Расул-Заде вошел в число самых знаменитых азербайджанцев XX в., многие обстоятельства в его политической карьере, в особенности времени зарубежной деятельности, еще не в полной мере изучены.

Публикацию подготовил **С. М. Исхаков**.

Примечания

1. АБАСОВ А. Ислам в современном Азербайджане: образы и реалии. В кн.: Азербайджан и Россия: общества и государства. М. 2001, с. 304.
2. БАЛАЕВ А. Азербайджанское национальное движение: от «Мусавата» до Народного фронта. Баку. 1992, с. 5.
3. Утро России, 4.V.1917.
4. Свободный Союз (Киев), 1917, № 1 с. 4—5.
5. АЙДА А. Садри Максуди Арсал. Пер. с турецкого. М. 1996, с. 255.
6. СВИЕТОХОВСКИЙ Т. Русский Азербайджан. 1905—1920. — Хазар (Баку), 1990, № 2, с. 91.
7. АЗИМОВ Г. С. Великий Октябрь в Азербайджане. Баку. 1987, с. 206—207, 209.
8. БАЛАЕВ А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917—1920 гг. Баку. 1990, с. 13, 14, 15; ИСМАИЛ М. История Азербайджана. Баку. 1995, с. 93.
9. ИШХАНИЯН Б. Контрреволюция в Закавказье. Ч. 1. Баку. 1919, с. 62, 72, 73.
10. БАЛАЕВ А. Азербайджанское национально-демократическое движение, с. 18.
11. Азербайджанская Республика. Док. и м-лы. 1918—1920 гг. Баку. 1998, с. 65, 212.
12. Там же, с. 92.
13. Там же, с. 154.
14. СВИЕТОХОВСКИЙ Т. Русский Азербайджан. 1905—1920. — Хазар, 1990, № 3, с. 60; СУНИ Р. Национализм и демократизация в Русской революции 1917 г. В кн.: Анатомия революции. СПб. 1994, с. 289—290; СМИТ М. Память об утратах и азербайджанское общество. В кн.: Азербайджан и Россия, с. 91.
15. Азербайджанская Республика, с. 382.
16. ИСКЕНДЕРОВ С., БАЙРАМОВ Т. Культура и этнос. — Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 1 (7), с. 220.
17. См.: ДАШДАМИРОВ А. Ф. оглы. Национальная идея и этничность. М. 1996, с. 34, 36.
18. Азербайджанская Республика, с. 494.
19. Там же, с. 537, 539.
20. РАСУЛ-ЗАДЕ М. Э. Воспоминания о И. В. Сталине. — Восточный экспресс, 1993, № 1, с. 46. См. также: СУЛТАНБЕКОВ Б. Ф., МАЛЫШЕВА С. Ю. Трагические судьбы. Казань. 1996, с. 119.
21. Звезда Востока (М.), 1924, № 1, с. 20; «Обозвать азербайджанским погромщиком...» В кн.: СУЛТАНБЕКОВ Б. История Татарстана. Казань. 1995, с. 161—162.

Исхаков Салават Мидхатович — кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

22. РАСУЛ-ЗАДЕ М. Э. Ук. соч., с. 42; ГУСЕЙНОВ Ч. Доктор Н. Кн. 2. М. 1998, с. 137.
23. Подробнее см.: КАРАЕВ А. Азербайджанская эмиграция 1920—1930 гг. Канд. дис. М. 1991; Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), ф. 461, оп. 1, д. 232, л. 20.
24. RASULZADE R. Mammad Amin Rasulzade — Founding Father of the First Republic. — Azerbaijan International, Autumn 1999, (7.3); [http://www.azer.com/aiweb/categories/magazine/73 articles/ 73 rasulzade.html](http://www.azer.com/aiweb/categories/magazine/73%20articles/73%20rasulzade.html).
25. RASSOUL-ZADE M. E. L'Azerbayjan en lutte pour l'indépendance. Paris. 1930.
26. МАМЕДЗАДЕ М. Б. Азербайджанское национальное движение. — Хазар, 1991, № 1, с. 36, 37.
27. ЦХИДК, ф. 309, оп. 1, д. 158, л. 79.
28. Там же, ф. 461, оп. 2, д. 97, л. 1—13. Подлинник. Авторизованная машинопись.
29. Общество «Прометей» — «Лига угнетенных Россией народов» было создано в 1928 г. в Варшаве Отделом II польского Главного штаба и Восточным отделом МИД Польши в связи с поставленной Ю. Пилсудским задачей объединения и использования всех групп эмиграции против СССР. В организацию входили представители Азербайджана, Дона, Карелии, Грузии, Поволжья, Крыма, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана, Украины и др.
30. ЦХИДК, ф. 461, оп. 1, д. 329, л. 3, 21; оп. 2, д. 38. Этот доклад был опубликован в Берлине (RESUL-ZADE M. E. Çağdaş Azerbaycan Edebiyatı. Berlin. 1936) и в Варшаве (RESUL-ZADE M. E. Literatura Azerbejdzanu. — Wschód — Orient, 1936, № 2-3, p. 63—64).
31. ЦХИДК, ф. 461, оп. 2, д. 78, л. 35, 36.
32. Там же, л. 105, 106.
33. Там же, л. 116—117, 125, 126.
34. Там же, д. 75, л. 5, 12; RASULZADE R. Op. cit.
35. См. напр. ЯГУБЛУ Н. Мамед Эмин Расул-заде. Баку. 1991 (на азерб. яз.).
36. РАСУЛ-ЗАДЕ М. Э. Азербайджанская республика. Баку. 1990 (на азерб. яз.); его же. Воспоминания о беседах со Сталиным. Баку. 1991 (на азерб. яз.). Фрагменты этих мемуаров опубликованы и по-русски: РАСУЛ-ЗАДЕ М. Э. Воспоминания о И. В. Сталине. — Восточный экспресс, 1993, № 1, с. 41—59; 1994, № 1, с. 41—43; его же. Азербайджанский поэт Низами. Баку. 1991 (на азерб. яз.); его же. Сиявшу нашего века. Баку. 1991 (на азерб. яз.); его же. Соч. Т. 1 (1903—1909). Баку. 1992 (на азерб. яз.); и др.
37. СМИТ М. Ук. соч., с. 102.
38. <http://www.mutalibov.ru/politic/tochka/karabah.shtml>. Красная армия вошла в Баку в то время, когда азербайджанские войска были сосредоточены в Карабахе, где они вели борьбу с восставшими в конце марта 1920 г. дашнаками (КОРНЕЛЛ С. Конфликт в Нагорном Карабахе. В кн.: Азербайджан и Россия, с. 436).
39. Российская газета, 31.X.1996; Азербайджанская Республика, с. 7.

Национальное движение в Азербайджане

I

Национальное движение в Азербайджане по своим идейным истокам соединяет в своем виде национально-освободительные идеи Востока с культурно-демократическим течением Запада.

Кавказский Азербайджан, населенный мусульманским и тюркским элементом, ни в религиозном, ни в культурном отношении ничего общего не имеющим с Россией, и завоеванный ею только силою оружия, духовно никогда не мирился с русской государственностью, традиции которой, как известно, зиждились на вражде с мусульманским и тюркским миром, вследствие чего идеи панисламизма и пантюркизма всегда находили в нем живой отклик.

С течением времени и развитием социальных сил, когда к общественному движению приобщались все более широкие круги населения, в Азербайджане, раньше чем где-либо на мусульманском Востоке, национальное движение принимало европейский характер.

Уже в начале XIX в. азербайджанская литература, имеющая в своей

исторической галерее подобные светила восточной литературы, как знаменитый Физули¹ (великий тюркский поэт конца XV в. христ[ианской] эры), начинает модернизироваться. Великий новатор Мирза Фатали Ахунд Заде², своими бессмертными произведениями, написанными на популярно-народном языке, дает новый толчок азербайджанскому обществу. Он в своих писаниях, новых по форме (он первый в мусульманском мире писал драматические произведения), проповедует совершенно новые идеи, почерпнутые им из либерально-просветительной идеологии XVIII века.

Начиная с Мирзы Фатали азербайджанская литература приобретает вкус к идеям Запада и привыкает критически относиться к явлениям жизни.

Вслед за Мирзой Фатали появляется целая плеяда поэтов, писателей, драматургов либерального направления, которые ставят себе задачей развить в народе вкус к европейским понятиям и вызвать в нем общественную самодеятельность.

В 1875 г. появляется первая газета на азербайджанском языке в гор. Баку (столице Азербайджана); это была первая тюркско-мусульманская газета, издающаяся в России. Просветительные идеи М[ирзы] Фатали в этой газете «Экинджи» (Пахарь), Гасанбека Зардаби³ находят периодическую защиту. Если у М[ирзы] Ф[атали] и его последователей до «Экинджи» эти идеи проповедовались отвлеченно, без определенной политической тенденции, то у первого публициста Азербайджана они служили уже конкретно-политической цели. «Азербайджанцы должны достичь плодов современной цивилизации и приобщаться к европейской культуре; в противном же случае обречены на вечное порабощение...»⁴

Царское правительство, терпеливо относящееся к отвлеченным писаниям М[ирзы] Фатали, к тенденции первой политической газеты не могло относиться равнодушно. «Экинджи» был закрыт. И редактору его было отказано также в организации Мусульманского благотворительного общества в Баку.

До 1905 г. азербайджанская общественность находится в ежовых руках царской цензуры. Только благодаря первой русской революции, последовавшей за поражением царской армии в Маньчжурии, начинается новая эра в общественной жизни азербайджанцев. Появляются ежедневные газеты и разные периодические издания. Пышным расцветом развивается литература, музыка и сцена. Открываются типографии; организуются разные общественно-просветительные общества, политические кружки и партии. Чувствуя под собою твердую почву, общественное движение принимает явно национальный характер, которое в унисон с либерально-революционным движением во всей империи добивается как реформы общеполитического режима во всей империи, так и специальных национально-культурных прав для мусульман, живущих во всей России.

Причем замечаются два главных течения общественности. Тогда как более старшее поколение, с университетским образованием, из старых аристократических слоев, шло в ногу с русскими либералами, молодое поколение, в большинстве национально воспитанное, симпатизировало радикальным и революционным течениям российской общественности.

Находясь под общим гнетом Российской империи, следующей известной антимусульманской политике, политическая деятельность тюркских народов России происходила в одном направлении и в тесной идейно-организационной связи между собой. Во всем общероссийско-мусульманском движении более-менее руководящую роль играли представители азербайджанской общественности.

Два исторических факта определяют два важных момента в развитии политической жизни российских мусульман: первый — Нижегородский съезд⁵, созванный в 1905 г., и второй — Московский съезд⁶ 1917 г., которые оформили политические стремления российских мусульман.

Нижегородский съезд, тактически идя под лозунгом сотрудничества с русским либерализмом, политически ограничивался требованиями национально-культурного и гражданско-правового характера. Московский же съезд вынес резолюцию, требующую распада России на национально-

территориальные автономные единицы ⁷. Политические формулировки как в первом, так и во втором съезде давались представителями Азербайджана (на первом — председателем Мусульманской фракции первой Государственной думы А. М. б. Тингибаши ⁸; на втором — председателем Азербайджанской национально-демократической партии «Мусават» М. Э. Расул-Заде).

Во времена Нижегородского съезда большинство было на стороне либералов не только на самом съезде, но и на местах, то есть и в Азербайджане; на Московском же съезде о либералах не было и помина, но зато были сторонники коалиции с так называемой русской революционной демократией, которые, однако, очутились в меньшинстве со своим требованием об унитарном устройстве демократической России. Большинство же шло за революционными националистами, требующими национально-территориальных обособлений всех проживающих в пределах империи национальностей.

Азербайджанский революционный национализм, сыгравший решающую роль на Московском съезде, представлялся в лице партии «Мусават», который еще на съезде Кавказских мусульман в Баку (в апреле 1917 г.) опубликовал свою программу, где требовалось не только государственное оформление Азербайджана, но и других тюркских народов, находящихся под властью России ⁹.

Деятели партии «Мусават» выходили из недр того молодого азербайджанского поколения, которое во времена первой русской революции, вопреки старшему поколению, симпатизировало революционному крылу Российской общественности. В борьбе с царизмом революционный социализм им казался если не совсем верным, то более подходящим союзником.

С ненавистью к России, как поработителю их страны, они легко воспринимали тактику крайних партий, далеко идущих в своей подрывной работе.

Мусаватизм как сочетание национальной идеологии, сохранившей в себе модернизированные понятия идейных традиций исламизма и тюркизма, социальной программы народно-социалистического толка и революционной тактики в смысле стремления к отторжению Азербайджана и всего Кавказа от России, за короткое время приобрел большую популярность в азербайджанской народной массе. В выборах в российское Учредительное собрание, в Закавказском сейме, в Азербайджанском парламенте и даже в Бакинском совете рабочих депутатов партия «Мусават» и блокирующие[ся] с ним группы всегда имели солидное большинство.

С этого момента «мусаватизм» становится синонимом азербайджанского национализма.

Проводимая возрожденной национальной литературой, защищаемая общественно-политическими организациями разного толка и течения и, наконец, получившая свою конкретно-политическую формулировку в программе партии «Мусават» идея национально-государственного самоопределения Азербайджана, став всенародным требованием, воплотилась в жизнь. Соответственно всенародной воле Азербайджанский национальный совет 28 мая 1918 г. объявил Азербайджан независимой демократической республикой.

II

Азербайджанская Демократическая Республика просуществовала всего два года. 27 апреля 1920 г. она подверглась нападению советской России и силою штыков Красной армии была «советизирована». Описание борьбы против оккупационных сил последует ниже. Тут же мы остановимся на некоторых достижениях Азербайджана за время существования национального правительства.

Прежде чем перейти к изложению этих достижений, находим полезным отметить следующее.

Мусульманский Азербайджан больше, чем христианские его соседи, подвергался угнетению царского режима. Не в пример армянам и грузинам,

азербайджанцы не отбывали воинской повинности (как неблагонадежный элемент), не принимались на государственно-административные службы (за очень редким исключением), ограничивались в общегражданских правах (в местных самоуправлениях Закавказья мусульмане не имели права образовывать больше половины всех гласных) и искусственно держались в темноте. Не разрешалось им иметь печать на родном языке; запрещалось им иметь также общественные организации, даже благотворительно-просветительного характера.

Азербайджанскому правительству удалось за короткое время организовать свою собственную армию в количестве 30 000 человек¹⁰, существование которой в деле развития национального духа имело громадное значение. Был налажен государственный аппарат. Сохраняя существующий кодекс законоположений в силе, азербайджанское правительство держалось политики постепенной реорганизации государственных органов соответственно требованиям нового строя и национальных интересов.

Особенное внимание национального правительства было обращено на постановку школьного дела и народного образования. По официальной статистике большевиков, при падении царского правительства во всем Азербайджане было 950 начальных школ, в которых обучались около 62 788 учеников. Количество же средних школ было 32 с 2643 учениками. Высших учебных заведений не было.

При образовании национального Азербайджанского правительства в Азербайджане только 6% населения было грамотным.

За полтора года своего фактического функционирования национальное правительство взялось за национализацию этих школ. Начальные школы совершенно тюркизировались. В школах же национальных меньшинств был введен тюркский язык как обязательный предмет. Открылись новые средние школы с национальной программой. Существующие же средние школы подверглись также тюркизации. В городах Баку, Шеки, Казах и Гандже открылись новые учительские семинарии с целью подготовки кадров учителей для национальных школ. Были выписаны учителя и учительницы из Турции.

Учрежден университет с историко-филологическим, физико-математическим и медицинским факультетами. Профессорами университета были иностранцы. Во все европейские центры науки было отправлено свыше ста студентов.

Специально образовавшаяся комиссия взялась за составление и перевод научно-популярных изданий и учебников как пособий для национализированных школ.

Во всех крупных административных центрах страны были основаны специальные курсы для подготовки государственных чиновников.

Кроме военных школ, отмеченных выше, была открыта также специальная полицейская школа в Баку.

По большевистской же статистике, в апреле 1920 г., когда страна была оккупирована Советами, в Азербайджане уже 10% населения было грамотным.

В Азербайджанском парламенте руководящая роль принадлежала партии «Мусават», идеологическая характеристика которой дана выше.

Кроме партии «Мусават», за исключением фракции национальных меньшинств (таковые были армянская и русская фракции), в парламенте были и другие партии, представляющие правое и левое крыло парламента. Правее «Мусавата» была партия «Иттихад»¹¹ с клерикальной идеологией и левее — социалистический блок.

Все эти группы, несмотря на свое идеологическое различие, в вопросе о независимости были солидарны, что особенно демонстрировалось по вопросам внешней политики и государственной обороны. Достаточно отметить, что бюджеты военного ведомства, несмотря на наилиберальнейшие парламентские нравы, проходили через парламент с большим подъемом и всегда без прений.

Азербайджанским парламентом был принят закон об аграрной рефор-

ме, в силу которого весь земельный фонд, за некоторым минимумом, оставленным во владении землевладельцев, переходил к казне. Казна оделяла безземельных крестьян участками пахотной земли, в пределах известной нормы, безвозмездно; земля давалась земледельцу в полное владение. Другими словами, установилась мелкокрестьянская земельная собственность. При этом право на подземные богатства (недра) принадлежало исключительно государству.

Был принят также и другой закон об организации земских самоуправлений на широких демократических началах.

В вопросах внешней политики Азербайджанское национальное правительство прежде всего добивалось закрепления международного положения новорожденной республики. Оно добилося фактического признания великих держав¹². Заключило договор мира и дружбы с Персией¹³, которая признала Азербайджан де-юре, а также с Турцией.

По отношению же к соседним кавказским республикам оно вело специальную политику тесного сближения. Партия «Мусават» на втором своем конгрессе в Баку в 1919 г. вынесла резолюцию о необходимости объединения кавказских республик в конфедеративный союз¹⁴. Был заключен специальный военно-оборонительный союз между Азербайджаном и Грузией¹⁵.

Азербайджанское правительство как на армяно-азербайджанской конференции в Баку, так и на Закавказской конференции в Тифлисе выступило с официальным предложением о конфедеративном объединении этих республик, но каждый раз наталкивалось на отвод армянской делегации. Даже Азербайджанский парламент в одном из своих заседаний принял декларацию о необходимости теснейшего сближения кавказских республик.

Большевистская пропаганда, несмотря на наличие бакинской организации русских большевиков, всегда отличавшаяся своей активностью, как социальная доктрина в Азербайджане не имела успеха.

Мусульманские рабочие Баку в подавляющем большинстве шли за партией «Мусават». В 1917 г. в начале российской революции в выборах Совета рабочих и солдатских депутатов в Баку 70% голосов получила партия «Мусават». Перед приходом же большевиков в Азербайджан, как утверждает Ломинадзе¹⁶, секретарь Закавказского комитета Коммунистической партии, число азербайджанских коммунистов не превышало 300 лиц. Но большевики, социально бессильные в Азербайджане, широко пользовались политической демагогией. Об этом ниже.

III

Оккупация Азербайджана Советами произошла в очень невыгодной обстановке для азербайджанцев. В то время когда интересы балтийских государств в борьбе с русско-большевистской агрессией совпадали с политическими интересами западных держав, и они в этой борьбе имели как моральную, так и материальную их поддержку, на Кавказе сложились совершенно другие обстоятельства. Великие державы в силу известных обстоятельств не оказали своевременную поддержку кавказским республикам; что же касается непосредственных соседей, Персии и Турции, то они — в особенности последняя — были в таком положении, что в борьбе за свое существование принуждены были опираться на дружбу и даже на помощь со стороны большевиков.

Это обстоятельство оказалось роковым, особенно для молодого, еще не окрепшего Азербайджана. Турецкие политические эмигранты, получившие приют в Азербайджане, оказались невольными пособниками «советизации» Азербайджана. Красная армия должна была идти на помощь кемалистам, теснимым греками. На пути же стоял «мусаватский» Азербайджан, неприемлемый для большевиков, — твердили на всех перекрестках агенты Москвы в унисон с турецкими эмигрантами, что производило известное впечатление на общественное мнение страны, сочувствующей судьбе братского народа, еще вчера приходившей ей на помощь.

Благодаря интриге большевиков в эти критические дни в армянских провинциях Карабаха вспыхнуло восстание. Главные войсковые части

республики занялись подавлением его. Пользуясь моментом, Красная армия без объявления войны и без особого повода, с армией свыше 60 000 штыков, перешла границу и, силой одолев сопротивление небольшого количества азербайджанских войск ¹⁷, 27 апреля 1920 г. заняла Баку.

Красные оккупанты всячески старались замаскировать явный акт насилия, совершенный ими над новорожденной республикой. С этой целью они, с одной стороны, симулировали мнимое восстание бакинских рабочих, будто бы позвавших их на помощь, а с другой — всячески использовали турецких эмигрантов, при сотрудничестве которых удавалось им создавать впечатление, что советские войска действительно идут на помощь Анатолии и что они не имеют намерения оккупировать Азербайджан, где будто бы произошел только внутренний переворот, ничуть не затрагивая национальный суверенитет страны.

Первые же шаги действительной советизации со всеми присущими ей свойствами отрезвили население, и дурман бесподобной лжи стал рассеиваться. Начались повсеместные восстания.

Несмотря на репрессии и меры предупреждения, почти [через] месяц после занятия Баку, 26 мая 1920 г., вспыхнуло Ганджинское восстание. В это время в Гандже находился табор ¹⁸ Ганджинского полка национальной азербайджанской армии в 250 человек и некоторые части 3-го Нухинского полка с двумя батареями. У русских же красноармейцев в тюркской части города было 2500, а в армянской части около 500 штыков и два бронепоезда. Вокруг национальных частей сгруппировались партизанские части из городского населения.

Первый день восстания после пятичасовой кровавой борьбы кончился победой повстанцев. Все части Красной армии были разоружены и взяты в плен. Государственные учреждения в городе, а также железнодорожная станция перешли в руки повстанцев. За ночь большевистские броневые поезда, отбив станцию, начали бомбардировать город. Как со стороны Баку, так и со стороны Казаха большевики подвинули на Ганджу армию в 20 000 штыков и с помощью армян обложили Ганджу. Завязалась неравная борьба. Несмотря на невыгодное положение, восставшие аскеры ¹⁹ с помощью народных ополченцев и партизан оказывали отчаянное сопротивление, отбивая бешеные атаки противника. Но несмотря на настойчивые и упорные бои, повстанцам суждено было терпеть поражение. Улицы представляли ужасную картину поголовной бойни. В этой борьбе, продолжавшейся больше недели, почти каждая улица и каждый дом брался отдельным штурмом.

По официальным советским источникам, в этой войне погибло 8500 красноармейцев. Потери же населения, надо полагать, были по крайней мере в три раза больше.

Подобное же восстание произошло в Карабахе. Повстанцы после упорной и кровопролитной борьбы, продолжавшейся несколько дней, принуждены были отступить частью в Персию и частью в Турцию.

Восстание, вспыхнувшее в Закатал[ьск]о-Нухинском направлении, было подавлено с такой же жестокостью и кровопролитием.

Такие же кровопролитные восстания происходили в лесах Ленкорани и горах Кубинского уезда. Ленкоранское движение носило длительный характер и учиняло оккупантам немалые хлопоты. Долгое время города Ленкоран[ь] и Сал[ь]ян[ы] находились под постоянной угро[зой] повстанцев.

Несмотря на жестокое подавление выше изложенных восстаний, повстанческое движение всегда имело место в Азербайджане, переменяясь в темпе и размере соответственно характеру политических моментов и экономических экспериментов советской власти. В одном из своих докладов в 1925 г., на съезде А[зербайджанской] К[оммунистической] п[артии (б)], народный комиссар по внутренним делам А[зербайджанской] ССР Багиров ²⁰, говоря об антикоммунистическом движении в стране, отметил около 64 случаев крупных вооруженных выступлений против советской власти.

Вооруженная борьба и решительное сопротивление активных сил народа, в первую очередь крестьянства, гармонировало с систематической непрерывной политической работой национальных сил, ушедших в подполье.

«Комитет независимости Азербайджана», руководимый партией «Мусават», в своей декларации, выпущенной вслед за оккупацией страны, горячо призывал народ [бороться] за восстановление потерянной независимости, объявив советскую власть в Азербайджане оккупационно-узурпаторской.

Упорное сопротивление оказывается власти также и в экономической области. Это сопротивление главным образом выражается в отказе крестьян посеять в указанных правительством размерах, в [срываемой] продаже сельских продуктов по твердым ценам, в бойкоте советских кооперативов, в вредительстве советских сельскохозяйственных учреждений, в поджоге хлебных амбаров, принадлежащих правительству. Группу крестьян осудили за то, что она повредила шлюзы Кара-Саккальского канала, в результате чего пашни, принадлежащие колхозам и переселенцам, подверглись наводнению. Тюрьмы переполнены крестьянами-недоимщиками податей, пособников партизан, вредителей и других антисоветских элементов. Затруднения, замечаемые в кампаниях по сбору хлопка, воочию показывают, насколько крестьяне упорно сопротивляются правительственным видам. Советские газеты пестреют фактами «саботажа» крестьян, «вредительства», убийства колхозников и т. п.

Многие из азербайджанской интеллигенции также подвергались гонению как саботажники по технической и экономической части. Недавно выслана на север масса учителей. Недавно расстреляны в Баку 7 кооператоров и два учителя ²¹.

Трудно в рамках маленького очерка отметить все моменты той величайшей борьбы, которую ведет азербайджанский народ против наихудшей тирании, какую только помнит человеческая история.

Вокруг этой организации группировались активные элементы национально мыслящей молодежи, интеллигенции, рабочего класса, крестьянства и широкие слои всего населения Азербайджана.

Борьба национальных сил с оккупационным режимом в Азербайджане началась не на жизнь, а на смерть.

Начиная с 1922 г., почти ежегодно в Азербайджане происходят массовые аресты. Арестанты частью томятся в сырых подвалах ГПУ или же высылаются на дальний север, в «ледовитый ад», по выражению одного азербайджанского поэта.

В 1923 г. в августе месяце были арестованы до 2000 мусаватистов. В начале декабря того же года была случайно открыта тайная типография и конфискована нелегальная газета «Истиклал» («Независимость»). Целых 3 года под носом чека в Баку печаталась тайная газета, успевшая уже выпустить 19-й номер. Ни бдительное преследование агентов чека, ни массовые аресты не могли помешать ее выпуску. В эти же дни неописываемые зверства, учиненные над арестантами, вызвали со стороны их 10-дневную голодовку. Среди голодавших были доктор, учителя, писатели, поэты, инженеры, студенты и многие другие. Из партии арестованных видных деятелей около 50-60 человек были высланы в Соловецкий лагерь.

Массовые аресты повторялись в 1924, 1925, 1926, 1927, 1928, 1929 годах. Некоторые из них, как доктор Дадаш ²², были расстреляны; некоторые же, не вытерпев пыток, сходили с ума, а остальные следовали уже по известному пути «ледовитого ада». В последние годы особенно участились случаи расстрелов и бессудной расправы.

В настоящее время на Соловках имеется азербайджанская колония, о героизме которой не раз св детельствовали случайные посетители этого ада.

Вопреки зверским гонениям и беспощадным террорам «мусаватисты» не прекращали подпольную работу. Подтвердим это показанием самих же

большевиков. Народный комиссар по внутренним делам Азербайджанской Советской Республики, известный чекист М. Д. Багиров, с трибуны 16-й Конференции бакинской организации А[зербайджанской] К[оммунистической] п[артии (б)] в 1926 г., сделав подробный доклад о подпольной деятельности партии «Мусават», заявил о том, что «ныне четыре члена Центрального комитета сидят у нас в Чека. Каждый из них умудрился войти в самые ответственные наши учреждения. На наше указание о несовместимости двух начал: службы у советов и работы на „Мусават“, они остригли, говоря, что так, мол, удобно и выгодно...» («Коммунист», [1926] № 302).

* * *

Несмотря ни на какие репрессии, национальная стихия все больше одерживает верх над коммунизмом в Азербайджане. Идея национально-государственной независимости проникает не только в широкие слои народных масс, но и в самые интимные круги самих коммунистов. Лейтмотив всякого уклонизма в Азербайджане, начиная с самого Нариманова²³, первого главы советского Азербайджана, и кончая Ханбудаговым²⁴, секретарем А[зербайджанской] К[оммунистической] п[артии (б)], сводился к одному требованию «невмешательства центра во внутренние дела Азербайджана». Но это требование, конечно, не мешало «центру» систематически объявлять «смельчаков» подпавшими под «мелкобуржуазное» влияние и «отзывать» их в Москву и очистить партию от их сторонников. За последние годы Азербайджанская Коммунистическая партия подверглась многократным чисткам и часто управляется генеральными секретарями, по национальности русскими, назначенными из Москвы.

Уклоняются от слепого подчинения видам Москвы даже комсомольцы — эта замена коммунистического поколения. Согласно заявления секретаря Бакинской организации коммунистической партии, 40% из состава местных комсомольцев были «очищены», как элемент неблагонадежный в отношении националистического уклона. С особенною болью на сердце он констатировал, что в советских школах открылись «мусаватские кружки», активными организаторами которых являлись комсомольцы²⁵.

На одном из съездов Бакинского совета народный комиссар внутренних дел Багиров говорил о том, что «мусаватистам» удалось проникнуть даже в советские и партийные учреждения. В руках у правительства имеется инструкция ЦК партии «Мусават», где она предписывает учителям проводить в школах идеи национального самосознания и воспитать в юношах ненависть к русско-большевистскому режиму²⁶.

С целью большей документации национального уклона среди коммунистов позволим себе привести некоторые факты из партийной жизни и прессы большевиков в Азербайджане:

Вооруженные восстания первого периода, в 1924 г. в общем уже были ликвидированы. В этом играли роль не только материальные силы Красной армии, но и та новая экономическая политика, которая выразилась в ослаблении нажима на деревню и предоставлении им [крестьянам] некоторой экономической свободы. Вскоре оказалось, что все местные советы и кооперативы перешли в руки мелкобуржуазных и «кулацких» элементов, по советской терминологии. Началось движение с требованием упразднения государственной монополии и объявления свободной торговли. Крестьяне не ограничивались одними словесными требованиями, но и фактически стали осуществлять свое желание. Они начали игнорировать государственные учреждения: выносили товар на рынок и стали продавать по вольным ценам.

Начался поход против крестьянства.

Генеральный секретарь А[зербайджанской] К[оммунистической] п[артии (б)] Ле[в]он Мирзоян²⁷ в своей речи («Коммунист», № 302), произнесенной в Баку, тогда говорил следующее: «Пролетарский Баку окружен националистически настроенным крестьянским Азербайджаном. Крестьянский Азербайджан угрожает Баку завоеванием. Он стремится положить конец пролетарской диктатуре в Азербайджане».

В 1927 и 1928 гг., чтобы обеспечить «пролетарскую диктатуру» от надвигающейся опасности, большевики перешли в наступление; решено было очистить сельские советы от нежелательных элементов. В эти годы выборы в Советы сопровождались кровавыми событиями в Азербайджане. Крестьяне-«лишенцы», выгнав всех коммунистов и их кандидатов из советов, самочинно занимали их места. Аналогичные события происходили и во время хлебозаготовки.

Тревога оккупационной власти усугублялась тем, что в этой борьбе власти с крестьянством азербайджанские коммунисты держали «нейтралитет» и отказывались бороться с крестьянством. Это тем более понятно, что основные кадры азербайджанских коммунистов в большинстве своем вербовались из тех же крестьян.

Москва решила «чистить» Азербайджанскую Коммунистическую партию. Резолюцией ЦК ВКП[б] от 25 июля 1925 г.²⁸ было принято решение реорганизовать Азербайджанскую Коммунистическую партию; исключив всех членов центральных, городских, уездных и сельских комитетов партии, заменили их лицами, назначенными из Москвы²⁹.

Московские и бакинские газеты этого времени были посвящены этому событию. В обсуждении вопроса принимали участие видные коммунистические деятели. Нападая главным образом на Бакинскую организацию партии, они обвиняли ее в том, что она не боролась с отступлением от большевизма, с национализмом и с усилением мелкобуржуазной идеологии в центральных и уездных комитетах Азербайджана. Мало того. Эта организация покровительствовала националистам и собственникам.

Габид Джабиев³⁰ в бакинской газете «Коммунист» (№ 183 и 184) на тюркском языке между прочим писал: «...Усиливающиеся под влиянием „непа“ собственнические и националистические движения мелкобуржуазных элементов не могли не повлиять и на ряды коммунистической партии. Это движение создало в нашей партии правый уклон. В азербайджанских условиях этот уклон проявляется в виде национализма, особенно тюркского национализма. Если это продолжится и в будущем, то Азербайджан останется под влиянием партии „Мусават“...»

Как необходимую меру против этого зла Джабиев предлагал отстранить руководящий состав Азербайджанской Коммунистической партии, потому что «только они дают возможность национализму жить в Азербайджане...»

Джабиев в этой же своей статье рассказывал о том, что подобные, пораженные национализмом коммунистические элементы еще в 1922 г. думали объявить Азербайджан буржуазно-демократической республикой.

В 1924 г. генеральный секретарь Азербайджанской Коммунистической партии Эюб Ханбудагов, уклонившись от официальной тактики партии, стал во главе азербайджанской оппозиции. Его группа требовала самостоятельности Азербайджана в своих внутренних делах.

Это движение, окрещенное «ханбудаговщиной», подверглось гонению, и сам Ханбудагов был выслан за пределы Азербайджана³¹. Но корни «ханбудаговщины» были глубоки. В 1925 и 1926 гг. Азербайджанскую [Коммунистическую] партию опять охватила оппозиционная волна. На этот раз во главе оппозиции стоял другой ответственный секретарь ЦК Махмуд Ханбудагов³². Он в своих печатных и публичных выступлениях требовал пересмотра конституции Союза Советских Республик в смысле ограничения прав Москвы командовать союзными республиками, в частности Азербайджаном.

В 1928 и 1929 гг. Юсуф Касимов³³ и Мирзоян, оба ответственные секретари ЦК Азербайджанской Коммунистической партии, составили азербайджанско-армянский блок, решившись выгнать всех русских чиновников из Азербайджана, заменив их местными элементами, поддерживая крестьян в их борьбе против московских экспериментов.

Оппозиционные уклады не перестают существовать среди азербайджанских коммунистов. Их много было и в последующие годы. Была группа Ю. Касимова, М. Зейналова³⁴, Атакишиева³⁵ и других. Все эти группы

сотрудничали с группой Теймура Алиева³⁶, которая носила ярко националистический характер и [не]двусмысленно защищала азербайджанский национализм.

ЦК ВКП[б] в своем постановлении от 31 октября 1931г. подчеркивал, что Коммунистическая партия в Азербайджане идеологически и организационно еще не окрепла.

Генеральный секретарь А[зербайджанской] К[оммунистической] п[артии] (б) Полонский,³⁷ назначенный из Москвы, в развитие утверждения этого постановления говорил, что «следует положить конец местному национализму, который, по его словам, стремится к отторжению Азербайджана от России и созданию самостоятельного государства». В этих целях на основании его доклада партийный съезд вынес решение «энергично бороться с партией „Мусават“ и его идеологией не только в стране, но и за границей».

Разумеется, все эти внутренн[ие] партийные уклоны всегда беспощадно подавлялись из Москвы. Назначались специальные комиссии, посылались генеральные секретари — диктаторы с чрезвычайными полномочиями, которые брались за «чистку» местных организаций от «националистической и мелкобуржуазной заразы». 60% комсомола было исключено из организации. Состав крестьян в партии с 60% снизился до 13%. Целые слои крестьян лишали избирательных прав в Советы. Отнимались у крестьян «излишки» земельных участков. Кооперативы начали разгружать от крестьян, где их было около 80%.

* * *

«Мелкобуржуазно-националистическая зараза» действует не только на политический оплот оккупационного режима, то есть на партийные ряды Азербайджанской Коммунистической партии, но и на всю систему идеологической базы коммунизма в стране. Ни школа, ни печать, ни литература до сих пор, с точки зрения коммунистического режима, не считаются вполне обеспеченными.

Мы уже отметили выше, что и в школах и в среде комсомола советская власть открыла агентов «мусаватизма».

Еще в 1928 г. ретивый коммунист Р. Ахундов³⁸ хотел «очистить» школы от неблагонадежных учителей, но его планы так и не осуществились ввиду недостатка «благонадежных».

Студенты из провинции не раз устраивали бурные демонстрации с требованием во что бы то ни стало национализировать высшие учебные заведения, требование же национализации советских учреждений, как в языковом, так и в кадровом отношении, вообще является одним из сильно действующих лозунгов студентов в Азербайджане.

Таково положение и в области литературы: на десятом году советизации оказалось, что азербайджанская литература всецело находится в руках «мелкобуржуазных националистов». Несмотря на свое гонимое положение, надклассовая национальная поэзия одержала верх над классово-пролетарской. Талантливые начинающие поэты из коммунистов подпали под влияние поэтов-националистов, произведения которых переходили из рук в руки. Молодые люди тайком приносили свои произведения к популярному поэту Джаваду³⁹, желая получить его оценку⁴⁰. Против этого явления большевики решили бороться «моральным» террором. Созывались съезды писателей, и там выносились резолюции против «контрреволюционных писателей, нелояльных к Советской власти», предавая их анафеме.

На этом знаменитом съезде (октябрь 1929 г.) комиссар народного просвещения М. Кулиев⁴¹, перечисляя видных представителей народнической литературы, которых перед тем большевики склонны были считать своими «спутниками», говорил о них следующее: «...Эти люди не могут быть нам спутниками. Они еще ни в каком вопросе не освободились от буржуазно-либерального подхода и понимания⁴². Они думали, что Октябрьская революция после свержения царизма даст капиталистам (читай азербайджанскому народу. [— М. Э. Расул-Заде]) стать господином Азер-

байджана. Они разочаровались. И вместе с националистами объединили свои силы против нас особенно на литературном фронте...»⁴³

М. Кулиев на этом же съезде опубликовал статистический материал, доказывающий, что у азербайджанской читающей массы коммунистические книги не имеют успеха. Из чего он делал вывод: «Вот почему никто не пишет о коммунизме, о колхозе, совхозе и т. д. Все пишут буржуазные сочинения, приравливаясь ко вкусу читателей». Так поступают не только «попутчики», но даже и «пролетарские писатели, которые подпали под влияние националистов».

В подтверждение заявления Кулиева мы находим статью в бакинском «Коммунисте» от 5 октября 1929 г., где говорится следующее: «Число писателей и поэтов, вышедших из недр трудового класса Азербайджана, увеличивается. Хотя это поколение и не знает „Мусавата“, но представители национальной литературы вроде Джавада, пользуясь великодержавно-шовинистическими выступлениями, имеющими место в русской пролетарской литературе, создают соблазнительные примеры националистического творчества в азербайджанской пролетарской литературе. И в результате молодые писатели из азербайджанской пролетарской среды начинают писать против русской опасности, идеализировать мусаватский лозунг о независимом Азербайджане. Такие сильные пролетарские поэты, как Эльмас⁴⁴, Адил⁴⁵, Мишфик⁴⁶, Гуссейн-Заде⁴⁷ и другие стали ярыми националистами и даже вышли из союза пролетарских писателей⁴⁸, оставили также и коммунистическую партию. Они вместе с Джавадом стали воспевать трехцветное азербайджанское национальное знамя...»

* * *

В эпоху «нэпа», когда советская власть допускала некоторое ослабление коммунистического режима и терпеливо относилась к «обогащению» сельского «кулака», то есть предприимчивого, экономического способного класса сельского населения, и в некоторых рамках мирилась с деятельностью частных торговцев и предпринимателей, антисоветская работа в Азербайджане протекала в более «мирных» формах постепенного накопления революционных сил и организационной подготовки. В этот период революционно-освободительная активность больше проявлялась в идеологической форме.

То идейное наступление национально-демократических начал, о котором говорили выше, собственно, соответствовало этой эпохе.

Но резкий поворот курса советской политики вызвал и резкую перемену в тактике азербайджанского народа.

Уже применение чудовищного плана индустриализации Советского Союза за пять лет и связанная с ним принудительная хлебозаготовка вызвали сопротивление крестьян: они отказывались продавать хлеб по твердой цене. На применение же силы со стороны властей отвечали убийствами коммунистов, агентов хлебозаготовок. Начались массовые аресты, поработали специальные суды с их бесконечными смертными приговорами.

Когда же большевики приступили к так называемой сплошной коллективизации сельского хозяйства, то тогда же начались форменные восстания крестьян. И с конца 1929 г. до 1931 г. включительно Азербайджан был охвачен кровавыми событиями; шла форменная война, где со стороны власти принимали участие регулярные войска, пущены были в них удушливые газы и аэропланы.

Кадры партизан, скрывающихся в горах, увеличились благодаря присоединению к ним недовольных крестьян. Началось то народное движение, которое глава Закавказской Федерации Советских республик Элиава⁴⁹ называл «широкой волной повстанческого движения»⁵⁰. Эта «волна» пронеслась по всему Азербайджану. Произошли крупные события в разных частях страны. Таковые имели место в Геокчае, Акдаше, Кедабеке, Карабахе, Закатале, Нухе, Ганджинском районе, а также в Нахичевани в районах Веди-Басар и Даралагезе. Города Нуха, Шуша, Закатала, Агдаш и другие крупные населенные пункты целыми днями находились в руках повстанцев.

Взрывались мосты, останавливались железнодорожные движения. Как, например, на Джульфа-Эриванской железной дороге сообщение прервалось на целую неделю. Поезда конвоировались броневыми поездами. На Баку-Ганджинской линии бывали случаи нападения на поезда. Охрана Евлахского моста была усилена. Общее количество повстанцев доходило до 10 000.

Большевики с неопишуемой жестокостью боролись против восстаний; они в потоке крови хотели топить народное движение. Села предавались огню и разорению. Расстреляны были бывшие члены парламента Али бей⁵¹, Ашраф бей⁵², Хамдулла Эфенди⁵³, главное духовное лицо шейх[уль-ислам]⁵⁴ Гани и многие другие. Арестам, ссылкам, расправам без суда и следствия не было конца. Тюрьмы переполнялись интеллигенцией. Арестованные массами высылались в Россию, что в общем продолжается и по сей день.

Народ в панике оставлял насиженные места, много беженцев находится ныне в Персии, о несчастном положении которых подробности можно найти в меморандуме азербайджанской делегации в Париже, поданном на имя Лиги Наций в 1930 году.

Большевики, в начале формально опровергая факт восстания и долго умалчивая о происшедших событиях, наконец принуждены были с полной откровенностью признать факт «повстанческого движения». Говорим — с полной откровенностью — ибо советские деятели в своих выступлениях, говоря об этих событиях, употребляли термины «антисоветские», «антиколхозные», наконец, «антипартийные» движения, тщательно избегая слова «восстание». Это сакраментальное слово, наконец, было произнесено. Элиава — глава Советской Закавказской Федерации на пленарном заседании Закавказского Краевого комитета Коммунистической партии в Тифлисе выступил с большим докладом о политическом положении в Закавказье. «Это положение в целом, — по его заверению, — было чрезвычайно напряженное, чрезвычайно острое, такое, как ни в одном уголке Советского Союза». Острота этого положения особенно заметна была в деревне. Давая картину положения в деревне, советский сановник делал некоторую классификацию по республикам Закавказья. Выходило, что «в Грузии положение выжидательное, тяжелое в тюркских⁵⁵ районах, Тифлиском округе, в Армении более сложное, в частности в таких районах как Зангезурский, Караязский и части Делижанского и Лори-Бамбакского округа; *значительно хуже положение в Азербайджане*, где протекает волна повстанческого движения в Нахичевани, Закатальском и Нухинском округах. Дело дошло до размычки». «Все это, — говорит он, — возглавляется нашими врагами — сильным кулачеством в Азербайджане и зарубежным влиянием».

В повстанческом движении против советско-окупационной власти были объединены все слои народа. Вот в каких выражениях, полных злобы и тревоги, говорил об этом Элиава: «Сам по себе кулак не страшен, пока под его влияние не попали середняцкие элементы. К сожалению, мы очень мало сделали для того, чтобы противопоставить батрацко-бедняцкие и середняцкие массы этому влиянию». «На селе теперь трогательное единение всех противосоветских сил — кулака, попа, муллы, меньшевика, дашнака, мусаватиста и пр...»

Почти три года Азербайджан был охвачен этими чрезвычайными событиями. Все горы страны были озарены пламенем народного восстания. Лучшие сыны страны решили [лучше] с честью умереть в борьбе, чем бесславно погибать в рабском повиновении дьявольски чудовищным экспериментам московских тиранов.

Ведь «уничтожение кулака как класса» в условиях Азербайджана и вообще Кавказа означало ни что иное как поголовное истребление главной массы народа. Ведь 60% сельского населения в Азербайджане принадлежит к той категории лиц, которые подлежат «раскулачиванию». Имейте в виду, что здесь коллективизировалось не только сельское хозяйство, но и животноводство.

Азербайджан, а также и весь Кавказ никогда не знали института общинного земледелия. Это — явление русской жизни. К тому же экспери-

менты производились руками советских чиновников, которые на 70% состоят из азербайджанцев. Принудительная же сила «революции» была русская — красная оккупационная армия.

При такой обстановке «антиколхозное» выступление крестьянства носило не только антисоветский, но и антиоккупационный, то есть антирусский характер. Социально-классовый момент вполне совпадал с национальным. Установлено, что повстанцы требовали не только отмены коллективизации, но и восстановления своей национальной власти. Тот факт, что местные красноармейцы массами переходили на сторону повстанцев и милиция всегда оказывалась неблагонадежной, и то влияние, что даже местные коммунисты шли в партизаны, — разве не доказывает справедливость нашего утверждения. Советские ораторы, выступающие на партийных собраниях в Закавказье, не раз указывали на это «печальное» явление. Один из них (Чаплин ⁵⁶), говоря о «деревенских кадрах» коммунистической партии, назвал их поведение во время последних событий прямо возмутительным. «Тот факт, — говорил он, — что в Нухе в тяжелый момент многие коммунисты и комсомольцы изменили нам, открыто перейдя на сторону врага, заставляет нас еще раз подчеркнуть, что в деревне основное ядро партии должно быть подобрано «только из проверенных и закаленных в последних боях элементов» ⁵⁷. Факт измены комсомольцев, сообщенный советскими ораторами, служит подтверждением нашего сведения о героическом выступлении 10 комсомольцев, которые, уйдя в горы, отчаянно дрались с преследующими их чекистами, защищаясь до последней пули, зарядом которой они покончили самоубийством ⁵⁸.

Что же заставляло и ныне также заставляет этих красноармейцев, милиционеров, бедняков, середняков, коммунистов и даже комсомольцев заодно выступать с «кулаком», с «классовым врагом» и пойти в горы к партизанам, к «бандитам», по терминологии советской прессы. Если послушать «товарища» Гикало ⁵⁹ — секретаря А[зербайджанской] К[оммунистической] п[артии] (б), выступавшего на заседании Закрайкома в Тифлисе, то следует утверждать, что все это дело рук «Мусавата». Это «мусаватизм» одухотворяет антисоветское повстанческое движение в Азербайджане.

«Мусаватизм» как синоним азербайджанского национального движения во всем этом движении, несомненно, играл существенно важную роль. Но вопрос ясен и так, без всякого синонима — общее национальное несчастье — вот где была и есть причина. Общий национальный протест — вот результат этой причины.

Партизанами был поднят азербайджанский национальный флаг.

IV

Говоря о современном положении азербайджанского национального движения, разумеется, следует уделить особое внимание азербайджанской эмиграции, и в первую очередь идейно-пропагандистской работе ее политической верхушки.

В своей главной массе азербайджанская эмиграция состоит из различных слоев народа, оставивших страну в разное время, начиная с первого дня оккупации ее большевиками. Первоначально эмигрантами были лица, занимающие известные политические положения в республике, как-то: бывшие министры, депутаты, офицеры, чиновники и некоторые видные представители общественных классов. Потом же, по мере репрессии оккупантов, ряды эмиграции пополнялись более серыми массами. После же подавления крестьянских восстаний в 1930—1931 г. началось форменное переселение масс на сопредельные провинции Персии и Турции. Так что в настоящее время число азербайджанских эмигрантов, пожалуй, превышает 10 000 душ.

С самого начала намечались два больших пункта политической деятельности азербайджанской эмиграции: Париж и Стамбул. В Париже еще при национальном правительстве ⁶⁰ пребывала Азербайджанская делегация, представляющая республику на Мирной конференции ⁶¹. После падения правительства она продолжала там свою агитационно-политическую деятельность.

В Стамбуле же съехались все видные политические деятели Азербайджана, образовав там различные политические организации и общества с целью защиты прав родины и пропаганды идей независимого Азербайджана. Такие же организации были и в крупных центрах Персии — в Тегеране, Тавризе и Реште, а также и в таких центрах Европы, как, например, в Берлине.

До начала 1922 г. политическая работа велась с перебоями и пропаганда велась нерегулярно. В начале же этого года, по прибытии М. Э. Расул-Заде в Стамбул (он бежал из российской ссылки), появляется первая книга, где подробно излагается трагедия Азербайджана, с призывом ко всем патриотам объединиться вокруг знамени борьбы за восстановление попраных прав родного народа. Вслед за тем под редакцией того же автора учреждается двухнедельный журнал под названием «Ени Кавкасия» («Новый Кавказ») — первый печатный орган всей тюркской и отчасти кавказской эмиграции.

Учрежденный таким образом печатный орган азербайджанской эмиграции скоро уже 14 лет как непрестанно продолжает свою работу. Начатое «Ени Кавкасией» дело ныне продолжается газетой «Истиклал»⁶², выходящей через каждые 10 дней в Берлине. В промежутке же этих двух изданий выходили и другие азербайджанские издания под названиями «Азери-Тюрк»⁶³, «Одлу-Юрт»⁶⁴ и «Бильдириш»⁶⁵ при участии членов одной и той же редакции с одной и той же политической программой.

Программа же эта заключалась в следующем:

1) Пропаганда идеи национальной государственности и защита борьбы за восстановление потерянной независимости Азербайджана.

2) Критика большевизма как известной социально-политической догмы вообще и разоблачение национальной политики советской власти как наихудшей формы колониальной эксплуатации.

3) Социально-политический анализ повседневной жизни находящейся под русско-большевистской оккупацией страны с выводами, устанавливающими очередные лозунги борьбы соответственно требованиям политического момента.

4) Развитие и разработка положительной социально-политической программы радикально-демократического мировоззрения в духе революционного национализма.

5) Критика советской прессы и полемика с ней.

Кроме периодических органов, азербайджанское издательство выпустило ряд книг и брошюр на разных языках такого же характера — свыше 20 различных заглавий, как-то: «Азербайджанская Республика»⁶⁶, «Национальность и большевизм», «За независимость» (Сборник национально-революционных стихотворений), «О пан-туранизме и проблеме Кавказа»⁶⁷, «Проблема Кавказа»⁶⁸, «Независимость и молодое поколение» и т. д.

Чтобы дать читателю возможность судить о действительном значении азербайджанской эмиграционной печати и литературном творчестве, следует отметить тот эффект, который она вызывала и продолжает вызывать на Родине. Чтобы не быть голословным, опишем это фактами из советской жизни и цитатами из большевистской прессы. Еще первая книга об Азербайджане, изданная в 1922 г. в Стамбуле, произвела должное впечатление. В коммунистических газетах Баку и Тифлиса самые ответственные деятели из коммунистической среды, вроде М. Д. Гусейнова⁶⁹, А. Г. Караева⁷⁰ и других взялись за перо и в серии статей, заполняющих целые страницы, начинали «опровергать» положения М. Э. Расул-Заде, силясь доказать, что при «мусаватском правительстве Азербайджан не был независимым, что его свобода обеспечена только при советском режиме». А Орджоникидзе, приближенный человек Сталина, тогда ответственный член штаба 11-й советской армии, оккупирующей Закавказье, и генеральный секретарь Кавказского окружного комитета Российской Коммунистической партии, выходя перед партийной аудиторией в Баку, говорил следующее: «У меня в портфеле книга М. Э. Расул-Заде. Глава «Мусавата» требует, чтобы товарищи русские ушли из Азербайджана. Нет, они не уйдут. Они нужны нам,

как работники и сотрудники по советизации. Но одновременно мы должны устранить наши дефекты и национализировать учреждения Азербайджана, привлекать товарищей тюрков⁷¹ к работе, и не потому, что этого требует Расул-Заде, а только потому, что это наша настоящая задача. Азербайджан должен быть примерной республикой для всего Востока».

С появлением же «Ени Кавкасиа» началась непрекращающаяся полемика между Баку и Стамбулом. Нередко в эту полемику вмешивался и Тифлис; по временам в полемике принимали участие даже центральные органы советской прессы. Кроме обычных газетных статей, большевики полемизировали с зарубежной свободной печатью «мусаватистов» и другими доступными и достойными им средствами. [Ин]сценировались специальные «митинги рабочих», где принимались резолюции протеста против «инсинуации мусаватистов, подготовляющих интервенцию капиталистов в социалистическую родину». Путем специальных угроз вымогались из арестантов декларации, осуждающие «клеветнические выступления заграничной пропаганды обанкротившихся националистов». От имени съездов и общего собрания бакинских и иных организаций требовали от товарища Чичерина — народного комиссара иностранных дел Советского Союза — требовать от правительства дружественной Турции, чтобы она запретила мусаватистам издавать на ее территории антисоветские издания и чтобы вообще не давала убежища деятелям национальной азербайджанской эмиграции. В этом отношении характерной была 16-я конференция бакинской организации Азербайджанской Коммунистической партии. Целое заседание конференции (отчет о котором находим в соответствующих номерах бакинских газет, выходящих в последних числах декабря 1925 г.) было посвящено нелояльности тюркской⁷² интеллигенции к советскому режиму, подпольной работе мусаватистов, националистической деятельности учителей и роли зарубежной пропаганды во всех этих грехах, в особенности роли журнала «Ени Кавкасиа». Ораторы, указывая на выступления некоторых азербайджанских коммунистов, как, например, некоего Ризаева⁷³, утверждающего на страницах «Зари Востока» о том, что «Бакинский комитет не желает тюркизировать Азербайджан и что он, то есть Бакинский комитет, всецело игнорирует тюркские⁷⁴ кадры партии...», находили, что Ризаевы находятся под влиянием «Е[ни] К[авкасиа]», и самый сердитый из них, Р. Ахундов, требовал, чтобы Советская власть требовала от Турции о закрытии «этого органа, вредящего дружественным взаимоотношениям двух стран».

Когда же по случайной, чисто технической причине журналу «Е[ни] К[авкасиа]» пришлось на некоторое время приостановить свое издание, то в Баку это приняли как настоящий праздник, и газета «Коммунист» поместила торжествующую передовицу об окончательной ликвидации «Мусавата».

Но, разочарованные тогда, большевики впоследствии могли утешиться. На пятом году своего существования решением Ангорского правительства журнал был закрыт.

Но зато стали выходить, заменяя его, журналы «Азери-Тюрк», «Одегү-Юрт»⁷⁵ и впоследствии газета «Бильдириш». Все они вели ту же самую работу, с еще большим успехом, вызывая также раздражение большевиков и ожесточенную полемику на страницах их прессы.

Наконец, к концу 1931 г. советская дипломатия одержала победу, и все вышеизложенные издания принуждены были прекратить свое издание в Стамбуле.

С этого момента азербайджанцы перенесли свое издательство в Берлин, где вот уже второй год выходит газета «Истиклал» с той же программой и под той же редакцией, вызывая такие же отклики в советской прессе.

У азербайджанских большевиков уже имеются люди, особо специализировавшиеся на полемике с мусаватистами; к таким относится бывший народный комиссар народного просвещения М. Кулиев, который не только ведет «мусаватский отдел» на страницах печати, но выпускает от времени до времени и специальные «труды» по вопросам, касающимся этой беспокоящей темы.

Зарубежной печати азербайджанской эмиграции посвящаются критические статьи и за пределами Азербайджана. Как пример, укажем на книгу Эдил ⁷⁶-уральского коммуниста А. Ибрагимова ⁷⁷ под названием «Кара маяклар» («Черные маяки») ⁷⁸, где он среди писаний тюркской антисоветской эмиграции трудам азербайджанцев придает особое значение.

Немалой нападке подвергается это издательство также и со стороны зарубежной прессы русских эмигрантов, одинаково враждебных нам, как сепаратистам, с каковою целью, кроме газетных статей, выпущена специальная брошюра на русском языке «О пантуризме».

В настоящее время, кроме боевого органа «Истиклал», в Берлине и в Стамбуле продолжает выходить научно-литературный журнал «Азербайджан Юрт Билгиси» ⁷⁹, который специально занимается разработкой материалов научно-литературного характера.

Кроме того, азербайджанцы принимают активное участие в Парижском журнале «Прометей» ⁸⁰ — органе защиты национальных интересов народов Кавказа, Украины и Туркестана.

Политическая деятельность азербайджанской эмиграции возглавляется президиумом Аз[ербайджанского] Н[ационального] Ц[ентра] и заграничным представительством партии «Мусават»; во главе обоих стоит бывший председатель Азер[байджанского] Нац[ионального] Собрания М. Э. Расул-Заде.

На главных пунктах эмиграции имеются местные политические организации, в большинстве конспиративного характера. Существуют, кроме того, и некоторые студенческие и благотворительные объединения. Имеются кадры офицеров, служащие в армиях Польши, Турции и Персии. Имеются интеллигентные лица — специалисты, занимающие определенные должности в турецких и персидских государственных учреждениях, а также отдельные представители свободных профессий и научной деятельности.

Все эти эмиграционные силы со всей массой эмиграции, среди которых имеются многие боевики-партизаны, вышедшие из борющейся страны, поддерживают в себе дух борьбы и надежду на освобождение, живо интересуясь мировыми событиями. Несмотря на тяжелые условия эмиграционной жизни, усугубляющиеся еще и примитивностью условий главных площадей их расселения, они по мере возможностей живут своей национальной жизнью и в специальные дни национальной истории возобновляют воспоминания о Родине, давая взаимный обет о беспрестанной борьбе за восстановление потерянной независимости.

Азербайджанские эмигрантские организации работают в тесной связи с подобными же организациями других народов Кавказа. Азербайджанский Национальный Центр принимает активное участие в Комитете Независимости Кавказа, где принимают такое же участие как грузинские организации, так и горцы Северного Кавказа. К[омитет] Н[езависимости] К[авказа] популяризирует идею кавказской солидарности и добивается Союза кавказских республик на почве конфедерации. Журнал «Прометей», издающийся в Париже, о котором отметили выше, учрежден этим комитетом и является его изданием.

Одновременно азербайджанская организация принимает такое же активное участие и в обществе «Прометей» — Лиге объединения всех народов, поработанных Россией, поддерживая всевозможный контакт со всеми народами, борющимися против русско-большевистской оккупации. В это объединение, кроме кавказских народов, входят Украина, Туркестан, Эдил ⁸¹-Урал, Крым и другие.

V

Несмотря на действительное намерение коммунистической власти и оккупационного режима советов заполнять национальную по форме культуру советизированного Азербайджана исключительно «пролетарским» содержанием, нивелирующим все национальные [формы] и подводящим их под единый образ всесоюзных, иными словами, всероссийских понятий, естественным ходом событий и потенциальной силой азербайджанского общества

эти «национальные формы» вбирают в себя в порядочной дозе «национальные содержания».

Прежде всего отметим, в какой степени при большевиках в Азербайджане достигли успеха «национальные формы», главным образом имея в виду развитие народного образования, литературы, театра и других культурных учреждений.

В настоящее время во всем Азербайджане имеется около 1300 так называемых воспитательных домов, где находится около 44 000 детей обоего пола, из которых около 23 000 — тюрки⁸². Число же начальных школ доходит до 1600, где обучаются около 200 000 учеников; из них около 110 000 тюрки. В школах же второй ступени, количеством около 160, обучаются свыше 44 000 учеников, из коих около 23 000 тюрки. На всех же факультетах Азербайджанского университета, ныне выделенных в самостоятельные высшие институты, и в других высших учебных заведениях, как-то: высшее техническое, высшее агрономическое и другие, обучается около 12 000 студентов, из которых только 4000 студентов — коренные азербайджанские тюрки.

Кроме того, имеются общие общеобразовательные курсы для взрослых, где обучаются грамоте 441 000 людей, из которых около 200 000 тюрков.

Официальным языком преподавания во всех школах является тюркский. Все предметы преподаются на тюркском языке. В школах национальных меньшинств тюркский язык проходит как обязательный предмет; следует отметить и то, что во всех школах русский язык также проходит как обязательный предмет. Исключение составляют только высшие учебные заведения, где, за исключением только высшего педагогического института, преподавания идут на русском языке. Недавно с целью тюркизации высших учебных заведений был созван специальный съезд, согласно решения которого до 1 марта 1933 г. постепенная тюркизация всех высших школ должна была совершиться окончательно.

Специальные комиссии начали составлять особые научные словари и вырабатывать целую систему научной терминологии по всем отраслям науки и техники. С этой же целью подготавливаются кадры научных специалистов из тюрков.

В начале 1933 г. в главных городах Азербайджана уже 70% населения было грамотным; во второстепенных городах процент грамотности доходил до 50%, а в деревнях и до 25%. В общем процент грамотности во всей стране доходит до 50%.

В области национальной литературы и театра среди обилия агитационного материала имеются также ценные труды, идущие в положительный актив азербайджанской культуры. Репертуар азербайджанской сцены обогатился. Почти все классические пьесы европейских народов переведены на азербайджанский язык. Издано много материалов, касающихся истории азербайджанской литературы и истории. Собрано и издано много материалов по фольклору. Переизданы классики азербайджанской литературы.

Если вся советская публицистика и агитационная литература естественным образом и пропитана коммунистическим духом, то содержание научной и беллетристической литературы не так пропитано коммунистическим ядом. Горьким признанием самих большевистских критиков, Азербайджан еще далек от создания своей пролетарской культуры. Стимул же деятелей национальной литературы совершенно иной, а именно: несколько лет тому назад в Баку был устроен 400-летний юбилей памяти могикана азербайджанской литературы, знаменитого поэта-лирика Физули⁸³. В связи с этим был выпущен специальный юбилейный сборник, посвященный творчеству национального поэта. В предисловии этого сборника, изданного, к слову сказать, редакцией газеты «Коммунист», между прочим заявлялось, что целью этого издания есть показать всем, «что азербайджанцы не являются отсталым и первобытным народом, как об этом думают некоторые невежды даже из коммунистической среды, а наоборот, Азербайджан имеет

вполне оформленную литературу с большим прошлым и с выдающимися светилами классического Востока, каковым является Физули».

Что в развивающуюся азербайджанскую литературу, национальную по форме, вопреки стараниям большевиков, благодаря потенциальным силам самого общества вливается национальное же содержание — мы видели и на других фактах, которые были отмечены несколько выше, о которых так часто кричат сами большевики.

Гони природу в дверь, она войдет в окошко.

Итак, гонимая русско-большевистской оккупацией национальная стихия Азербайджана напирается через три окошка современности.

В то время, когда азербайджанская национальная эмиграция, высоко держа знамя свободы, неустанно и с непоколебимой верой в правое дело теоретически защищает права Азербайджана на независимое существование, и в то время, когда народные массы во главе с идейными руководителями из подпольного Азербайджана самоотверженно ведут кровавую борьбу на деле за осуществление этой независимости, мы замечаем и то, что в рядах азербайджанских же коммунистов происходит внутренне-психологический процесс, который выделяет известный элемент, по-своему идущий также к общенациональной цели — к независимости Азербайджана.

В этом отношении характерно отметить теоретическое суждение современных уклонистов из Азербайджанской Коммунистической партии. С целью борьбы с идеалистическим пониманием национального вопроса, коммунисты, развив марксистическую теорию понимания вопроса, в полемике с мусаватистами доказывали, что для образования единой нации недостаточны общность языка, культуры и религии, что эти начала не суть причины, что они сами являются продуктами общей и совместной экономической жизни.

Молодые же коммунисты, исходя из этого же суждения, практически пришли к тому же заключению, к какому приходили националисты. Принимая во внимание экономическую целость и материальную возможность Азербайджана, они на основании марксистических начал и доктрин стали возражать против экономической эксплуатации Азербайджана со стороны России. На всеазербайджанском съезде комсомольцев в 1927 г. в Баку комсомольцы-уклонисты прямо спрашивали: «Куда идет наша нефть? Что делается с нашим хлопком? Кому вывозятся наш шелк, наша икра и др.?.. Почему Азербайджан не обладает бюджетом соответственно со своим национальным богатством?..»

Группа азербайджанских коммунистов во главе с Д. Бунят-Заде⁸⁴ и друг[ими] комиссарами выдвинули тезу⁸⁵ о пересмотре советской конституции в смысле обеспечения Азербайджану самому стать самодовлеющей экономической величиной с тем, чтобы азербайджанское сырье в первую очередь шло на нужды азербайджанской же индустрии.

На съезде Азербайджанской Коммунистической партии в Баку в 1928 г., характеризуя это экономическое требование азербайджанских коммунистов, Мирзоян не без основания сказал, что «эта экономическая тенденция неминуемо поведет до политической независимости, другими словами, до разрыва всяких связей с российским пролетариатом».

Чтобы не довести до того, коммунистический централизм, вопреки всем стихиям, старается держать Азербайджан в экономической кабале Москвы, и с этой целью он искусственными мерами превращает Азербайджан в страну, доставляющую главным образом только одно сырье.

В заключение следует отметить одно очень важное явление, характерное для всех трех видов азербайджанского национализма.

И националистические идеологи эмиграции, и народные борцы на родине, и раскаивающиеся националы из коммунистической среды ясно сознают одно: для успешной борьбы всем народам Кавказа следует действовать заодно. Только общими силами всего Кавказа можно освободиться от России.

Независимый от России Кавказский Конфедеративный Союз — лозунг, самым искренним и настойчивым образом защищаемый печатными ор-

ганами эмиграции, одновременно находит живой отклик во всех слоях Азербайджана!

* * *

Да, борются не только одни азербайджанцы. Красный кошмар советской тирании всеподавляющим прессом давит на все народы Кавказа. Тяжелая судьба истории объединяет их. Суровая школа учит солидарности. Национально-жизненный инстинкт подсказывает им общность их политических интересов. В результате перед нами картина братания народных масс Кавказа. В Нахичевани — в том самом Веди-Басаре, который с оружием в руках в свое время защищал свою свободу против армянской республики, ныне турецкие партизаны действовали совместно с армянскими дружинниками. По прямым сообщениям наших корреспондентов, а также по косвенным указаниям советской прессы установлено, что между всеми партизанскими отрядами Кавказа существовала и существует тактическая связь. Слух о съезде делегатов партизан всех национальностей Кавказа, имевшем место в Закатальских горах, не лишен основания. В этом съезде приняли участие делегаты Азербайджана, Северного Кавказа, Грузии и Армении. Достоверная информация из Азербайджана отмечает ряд блестящих фактов, доказывающих наличие междунациональной солидарности борющихся элементов Кавказа.

Что может быть красноречивее того, что армянские беглецы скрываются у турков, а турки — у армян. Были случаи, когда армянские села (как, например, село Айнарроз в Веди-Басаре), имея в виду старые счета по гражданской войне с армянскими партизанами, предпочитали лучше иметь дело с турецкими, чем с армянскими дружинниками.

Факты подтверждают правдивость определения резолюции Комитета Независимости Кавказа, гласящей: «что общее несчастье, постигшее все народы Кавказа, та тяжелая борьба, которую они совместно ведут против общего врага, несомненно, способствует утверждению в умах сознания общности исторических судеб всех народов Кавказа», [она] соответствует действительности. Правда, что «создается общекавказская революционная психология, без которой невысказано успешное завершение начатой борьбы» (из той же резолюции).

Единство Кавказа! Вот лозунг, которым ныне воодушевлены народы Кавказа. То, что народные массы понимают инстинктом самосохранения и проявляют практически — руководящие органы Кавказа оформляют теоретически. «...Усилить организационно-пропагандистскую деятельность на родине, выдвигая на первый план лозунг независимой Кавказской Конфедерации» говорится в той же резолюции К[омитета] Н[езависимости] К[авказа], принятой по поводу последних событий на Кавказе.

Азербайджанский Национальный Центр и Центральный Комитет партии «Мусават» в своих резолюциях, принятых по поводу восстаний в Азербайджане, «энергично предлагают всем лицам, причастным к организации, и всем патриотам, говоря о независимости Азербайджана, одновременно повторить и о необходимости объединения Кавказских республик в Конфедеративный Союз, ибо освобождение Азербайджана мыслимо только совместно с освобождением всего Кавказа».

Эта мысль в довольно сильных выражениях этими ответственными органами азербайджанского национально-революционного движения высказана также в воззваниях, выпущенных к народу по поводу 15-летия объявления независимости Азербайджанской республики!

Примечания

1. Мухаммед Физули (1494—1556) — азербайджанский поэт-лирик.
2. Мирза Фатали Ахунд-Заде (Ахундов) (1812—1878) — писатель, просветитель, философ, основатель азербайджанской драматургии.
3. Хасан бей Меликов-Зерабчи (1837—1907) — экономист, публицист, драматург, основатель азербайджанского национального театра.

4. Здесь и далее воспроизводятся подчеркивания и отточия оригинала.
5. Всероссийский мусульманский съезд состоялся в Нижнем Новгороде в августе 1905 года. Самым важным решением съезда было решение об объединении российских мусульман в организацию под названием «Иттифак-аль-муслимин» («Союз мусульман»).
6. Первый после Февральской революции Всероссийский мусульманский съезд состоялся в Москве 1—11 мая 1917 года.
7. Часть делегатов этого съезда выступила за национально-территориальное устройство России (Азербайджан, Туркестан, Крым, Башкирия, Степные, или казахские, области); другие, ядро которых составила группа представителей поволжских татар и часть делегатов Северного Кавказа, — за национально-культурную автономию. Большинство съезда высказалось за федеративный строй.
8. Опечатка: Али Мардан бек Топчибаши (Топчибашев) (1862—1934) — юрист, журналист, издатель, депутат I Государственной думы. Министр иностранных дел Азербайджанской республики, затем председатель азербайджанского парламента. С осени 1918 г. находился за границей. Возглавлял азербайджанскую делегацию на Парижской мирной конференции (1919—1920 годы).
9. 16—22 апреля 1917 г. в Баку прошел съезд кавказских мусульман (председатель Топчибашев). Съезд принял резолюции о том, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на территориально-федеративных началах; о всемирной поддержке Временного правительства в проведении возвещенной им программы завершения войны без аннексий и контрибуций и о тесном сближении с другими народами России в целях осуществления общих демократических идеалов.
10. В азербайджанской армии было 8 пехотных полков, 3 конных полка, 3 артиллерийских бригады, конно-горный дивизион, мортирный дивизион, 2 бронепоезда, 6 броневых автомобилей, 2 канонерки, 8 гидропланов. Военное офицерское училище (пехотное, кавалерийское, артиллерийское), инженерное училище. Азербайджанская армия в течение двух лет проводила целый ряд военных походов и ожесточенных боев с успехом. — *Прим. Расул-Заде*. В этой европейски организованной армии, по свидетельству полковника Исрафил-бея Исрафилова, командира пехотного полка, имелись также три отдельных пехотных батальона (ИСРАФИЛ-БЕЙ. Воспоминания об Азербайджанской армии. — Горцы Кавказа. *Kafkasya Dagları* (Париж), 1933, № 35—36, с. 19).
11. Партия «Иттихад» («Иттихади ислам» — «Единение ислама») — азербайджанская партия. Возникла в сентябре 1917 г. в Елисаветполе под названием «Русияда мусулманлык фиркеси — Иттихад» («Партия мусульманства в России — Союз». В конце ноября 1917 г. приняла название «Иттихад». При советизации Азербайджана объявила себя распущенной, фактически перешла на сторону большевиков.
12. Верховный союзный совет Антанты признал независимость Азербайджанской республики в начале 1920 года. Вскоре последовало признание со стороны Польши, а затем в феврале 1920 г. — Японии (ЦХИДК, ф. 461, оп. 2, д. 101, л. 6).
13. Договор между Азербайджанской республикой и Персией был подписан в Баку в марте 1920 года.
14. 28 ноября 1918 г. был заключен договор между Азербайджанской республикой и Республикой Союза горских народов Северного Кавказа, предусматривавший торгово-экономическое сотрудничество. 26 декабря 1918 г. был заключен соответствующий договор между Азербайджанской и Грузинской республиками.
15. Этот договор был подписан в июне 1919 года.
16. Ломинадзе Виссарион Виссарионович (1897—1935) — советский партийный деятель, 1-й секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) в 1930 году.
17. По мнению полковника Генерального штаба И.-б. Исрафилова, если бы азербайджанская армия была своевременно сосредоточена на границе с Дагестаном против большевиков, то оборона страны была бы обеспечена. Малодисциплинированные и плохо организованные части 11-й армии красных в этом случае, подчеркивал член ЦК «Мусавата» (глава военного отдела), вряд ли вступили бы в пределы Азербайджана (ИСРАФИЛ-БЕЙ. Ук. соч., с. 19).
18. Так в тексте.
19. Войны.
20. Мир Джафар Багиров (1896—1956) — советский партийный и государственный деятель.
21. Коммунист, [1926], № 302. *Прим. Расул-Заде*. «Коммунист» — газета (на азерб. яз.), орган ЦК и Бакинского комитета АКП(б), ЦИК АЗССР и Бакинского Совета.
22. Вероятно, Гасан Дадашев — врач клиники Азербайджанского государственного университета.

23. Нариман Нариманов (1870—1925) — советский государственный, партийный деятель, с мая 1920 г. председатель Совнаркома Азербайджана.
24. Эюб (Эйюб) Ханбудагов (1893—1937) — большевик с 1918 г., азербайджанский советский партийный и государственный деятель; возглавлял, согласно большевистской терминологии, антипартийную группу национал-уклонистов.
25. Коммунист, [1926], № 302. *Прим. Расул-Заде.*
26. Коммунист, [1926], № 302. *Прим. Расул-Заде.*
27. Мирзоян Левон Исаевич (1897—1939) — советский партийный деятель, секретарь ЦК АКП(б) в 1925—1929 годах.
28. Правильно: 1929 года.
29. Правда, [1929], №№ 165, 171, 175, 178. Бак[инский] «Коммунист», [1929], №№ 183, 184. *Прим. Расул-Заде.*
30. Правильно: Габиб Джабиев (1899—1938) — участник борьбы за установление Советской власти в Азербайджане, партийный и государственный деятель АзССР.
31. Его направили на учебу в Коммунистическую академию в Москву; по окончании ее, с весны 1926 г., работал в Закрайкоме.
32. Махмуд Ханбудагов после окончания в 1926 г. партийной учебы в Москве был направлен на работу в ЦК АКП(б).
33. Юсиф (Юсуф) Касимов (1896 — после 1957) — азербайджанский советский партийный и государственный деятель.
34. М. Зейналов — азербайджанский советский партийный и государственный деятель.
35. Исрафил Атакишиев (1900—1962) — азербайджанский советский партийный и государственный деятель.
36. Теймур Алиев (1896—1938) — азербайджанский советский государственный деятель.
37. Полонский Владимир Иванович (1893—1937) — советский партийный и профсоюзный деятель, 1-й секретарь ЦК АКП(б), секретарь Закрайкома ВКП(б) в 1930—1933 годах.
38. Рухулла Ахундов (1897—1938) — секретарь ЦК АКП(б), нарком просвещения АзССР в 1924—1930 годах.
39. Ахмед-Джавад (псевд.; полное имя Джавад Мамедали оглы Ахундзаде) (1892—1937) — поэт и переводчик.
40. Коммунист, 24.X.1929, № 2756. *Прим. Расул-Заде.*
41. Мустафа Кулиев (1893—1938) — советский партийный и государственный деятель, в 1922—1928 гг. нарком просвещения АзССР.
42. Коммунист, [1929], № 2764. *Прим. Расул-Заде.*
43. Коммунист, [1929], № 2765. *Прим. Расул-Заде.*
44. Эльмас (Алмас) Ильдирим — поэт, репрессирован.
45. Адил Ниджетян — поэт, репрессирован.
46. Правильно: Мушфик (псевд.; наст. имя и фам. Михаил Мирза Абдулгадир оглы Исмаилзаде) (1908—1939) — азербайджанский советский поэт.
47. Али Мирза Гуссейн-Заде (Гусейн-Заде) — поэт, востоковед, репрессирован.
48. Речь идет либо об Азербайджанском союзе писателей и поэтов (создан в 1922 г.), либо об Азербайджанской ассоциации пролетарских писателей, организованной в 1927 году.
49. Элиава Шалва Зурабович (1883—1937) — в 1921—1930 гг. член Кавбюро ЦК ВКП(б), член Закрайкома РКП(б), председатель СНК Грузии.
50. Заря Востока, 16.VI.1930 и Бакинский рабочий, [1930], № 140. *Прим. Расул-Заде.* «Заря Востока» — орган Закрайкома ВКП(б) и ЦИК ЗСФСР. «Бакинский рабочий» — орган ЦК и Бакинского комитета АКП(б), АзЦИК и Бакинского Совета.
51. Сamed Агам-Али (Агамали, Агамалов) (1867—1930) — член «Гуммета», кандидат в члены Всероссийского Учредительного собрания, депутат азербайджанского парламента, входил в Социалистический блок, большевик с 1920 г., в 1922 г. председатель ЦИК Азербайджана.
52. Ашраф Каркунлу — член азербайджанской либеральной партии («Эхрар»), депутат азербайджанского парламента.
53. Хамдулла Эфенди — крупный помещик, член азербайджанской партии «Иттихад», депутат азербайджанского парламента.
54. Речь идет о главе Закавказского магометанского духовного правления шиитского учения.
55. Азербайджанских.
56. Чаплин Николай Павлович (1902—1938) — генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ (1926—1928 гг.), в 1930 г. — второй секретарь Закрайкома ВКП(б).
57. Хорурдайн Айастан (большевистская газета, выходящая в Эривани). *Прим. Расул-Заде.*
58. Глава группы назывался Мурсал Ибат оглы. Событие произошло в Аскераке. *Прим. Расул-Заде.*

59. Гикало Николай Федорович (1897—1938) — советский государственный и партийный деятель, в 1930 г. секретарь ЦК АКП(б).
60. Имеется в виду правительство Азербайджанской республики (1918—1920 гг.).
61. Парижская мирная конференция 1919—1920 годов.
62. «Истиклал» стала выходить в Берлине с 1932 года.
63. Азери-Тюрк, Стамбул, 1928—1930 годы.
64. Одлу-Юрт, Стамбул, 1929—1931 годы.
65. Бильдириш, Стамбул, 1930—1931 годы.
66. Ее автором являлся Расул-Заде.
67. Точное название — «О пантуризме. В связи с кавказской проблемой» (Париж. 1930). Ее автор Расул-Заде.
68. Mir-Yacoub. Le problème du Caucase. Paris. 1933. Автор — Мир-Якуб Мехтиев, член азербайджанского парламента, который в эмиграции примкнул к мусаватистам.
69. Мирза Давуд Гусейнов (1894—1938) — советский партийный и государственный деятель, в 1920—1929 гг. на руководящих должностях в АзССР и ЗСФСР.
70. Али Гайдар Караев (1896—1938) — депутат азербайджанского парламента, входил в Социалистический блок, затем примкнул к большевикам, советский партийный работник, избирался секретарем ЦК АКП(б), Закрайкома ВКП(б), историк.
71. Азербайджанцев.
72. Азербайджанской.
73. Новруз Ризаев (1883—1941) — советский партийный и государственный деятель.
74. Азербайджанские.
75. Правильно: «Одлу-Юрт». См. прим. 64.
76. То есть: Волжско-.
77. Алимджан (Галимджан) Ибрагимов (1887—1938) — советский государственный деятель, член РКП(б) с 1920 г., татарский писатель.
78. Точное название — «Кара маяклар яки Ак эдэбиятлар» («Черные вежи, или Белая литература») (М. 1924, на татар. яз.)
79. «Азербайджан Юрт Билгиси» выходил в Берлине с 1932 года.
80. Prométhée (Прометей) (Париж, 1926—1938) — орган национальной защиты народов Кавказа, Украины и Туркестана; ежемесячный журнал, основанный Комитетом независимости Кавказа.
81. Идель — Волга.
82. Здесь и далее под тюрками имеются в виду азербайджанцы.
83. Этот юбилей Физули отмечался в Баку в 1925 году.
84. Правильно: Дадаш Буннатзаде (1888—1938) — советский партийный и государственный деятель, с 1920 г. на руководящих должностях в АзССР.
85. Тезис (*устар.*).

Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ

А. В. Пыжиков

Реформирование советского общества во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов, в период, вошедший в историю как «оттепель», уходит своими корнями в последние, послевоенные годы сталинского правления. Выйдя победителем из самой кровопролитной войны в истории человечества, советский народ ощущал необходимость перемен — перехода к более достойной жизни. Подобными настроениями было проникнуто сознание всех слоев общества. Именно в этот период заявили о себе попытки сформулировать определенные идеологические новации. Многие политические повороты проявились уже после смерти Сталина. Взгляд на хрущевские реформы с позиций послевоенных лет позволяет прояснить и улучшить понимание целого ряда узловых вопросов развития постсталинского общества.

Одна из центральных тем, имеющих ключевое политическое значение в период «оттепели», вопрос о соотношениях и пропорциях группы «А» (производство средств производства) и группы «Б» (производство средств потребления). От формирования этих пропорций напрямую зависело экономическое состояние общества, его хозяйственные характеристики. В довоенный период именно группа «А» составляла основу советской экономики. Эта тенденция мотивировалась марксистско-ленинским учением, обосновывалась идеологической необходимостью и не подвергалась сомнению. Акцент на тяжелую индустрию делался за счет сознательного ущемления легкой промышленности, сельского хозяйства, причем последнее вообще выступало в качестве экономического донора, постоянно подвергаясь фактическому разграблению со стороны государства. Такая ситуация была одной из главных причин низкого уровня благосостояния населения, хронического отставания жизненных стандартов от западных образцов¹. Не случайно, после смерти Сталина Г. М. Маленков и Н. С. Хрущев процессы реформирования начали с изменения подходов к развитию легкой промышленности, сельского хозяйства. Речь Маленкова на августовской (1953 г.) сессии Верховного Совета СССР о необходимости приоритетного производства товаров народного потребления и выступление Хрущева на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС с программой сельскохозяйственных преобразований считаются своего рода визитной карточкой «оттепели».

Пыжиков Александр Владимирович — доктор исторических наук, профессор, помощник Председателя Правительства РФ.

Однако обращение к источникам показывает, что обсуждение вопроса о пропорциях хозяйственного строительства предпринималось гораздо раньше. Эта тема возникла на самом высоком уровне уже в конце 1930-х годов. Война, по вполне понятным причинам, отодвинула подобные дискуссии на задний план. Наиболее развернуто идеи смещения акцентов промышленного развития страны прозвучали в первые послевоенные годы. В их формулировании главную роль играл заместитель председателя Правительства СССР, председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский. После войны курс на развитие производства товаров народного потребления, на повышение материального благосостояния людей был особенно актуален. Советские люди после нескольких лет постоянного перенапряжения, огромных тягот военного времени, заслужили право на лучшую жизнь. Многие из них были участниками освободительного похода советской армии в Европу. Впервые огромное количество советских граждан побывало в зарубежье. Своими глазами они увидели тамошнюю жизнь и получили возможность лично сравнить жизненные реалии двух систем, усомниться в излюбленных пропагандистских клише советских идеологов. К тому же колоссальные задачи восстановления народного хозяйства, преодоления ущерба, нанесенного войной, требовали (и допускали!) иных рычагов воздействия на экономику, несколько выходящих за рамки сугубо административно-хозяйственных методов. Такой крупный ученый-экономист, каким был Вознесенский, не мог игнорировать практику новой экономической политики 20-х годов, которая помогла преодолеть хозяйственную разруху после гражданской войны. Стремление использовать кое-что из опыта нэпа в послевоенной восстановительной работе представлялось достаточно осмысленным. В комплексе все это позволяет понять, почему на самом высоком уровне возник вопрос об изменениях пропорций в промышленном развитии страны.

В обстановке тех лет любой политический поворот требовал «освящения» со стороны Сталина. Такое благословение прозвучало в его предвыборном выступлении 9 февраля 1946 г.: было признано очень важным повышение материального уровня жизни народа, указан путь достижения этой цели — широкое развертывание производства товаров народного потребления, развитие отраслей, имеющих к этому отношение. Данная установка оформлялась несколькими постановлениями Правительства СССР за 1946—1948 гг.: «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» (9 ноября 1946 г.), «О мероприятиях по ускорению подъема государственной легкой промышленности, производящей предметы широкого потребления» (23 декабря 1946 г.), «О мероприятиях по расширению торговли потребительской кооперации в городах и рабочих поселках» (21 июля 1948 г.), «О мероприятиях по улучшению торговли» (20 ноября 1948 г.)². Смысл этих документов сводился к следующим положениям: правительство требовало значительно увеличить товароборот, расширить объем торговли между городом и деревней, пересмотреть роль потребительской кооперации (которая не располагала тогда устойчивыми связями с потребителем, ограничивала свои функции распределением товаров, получаемых от государства), разрешалась торговля в городах и рабочих поселках продовольствием и товарами широкого потребления, ставилась задача повсеместного расширения сети магазинов и лавок.

В концептуальном плане эти идеи развивал журнал «Плановое хозяйство» (орган Госплана СССР). На его страницах прослеживается стремление пропагандировать в хозяйственной практике категории экономической целесообразности. Характерен пример одной из статей, где подчеркивалось: «переход к мирной экономике... требует перестройки планирования и укрепления экономических рычагов организации производства и распределения — денег, цены, кредита, прибыли, премии». В другой публикации обосновывалась необходимость конкурентных отношений в торговой системе, приветствовалось устранение монопольного положения государствен-

ной торговли, развитие здоровой конкуренции между ней и кооперацией³. Обращает на себя внимание частое использование в понятийном аппарате статей журнала термина «конкуренция», что было не очень привычно для тогдашних идеологических стандартов. Такие же мотивы преобладали и в главном пропагандистском рупоре советского руководства — газете «Правда». В передовой от 6 января 1947 г. говорилось: «Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом..., а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Чем шире будет развернут товарооборот, тем быстрее поднимется благосостояние советских людей, тем лучше будут удовлетворены их насущные нужды». Заметим, что эти мысли излагались в период наибольшего расцвета культа личности Сталина. Еще более примечательно и само название редакционной статьи: «Советская торговля — наше родное большевистское дело».

Страницы центральной, республиканской печати заполнились публикациями о ходе развертывания торговли в разных регионах страны. К примеру, «Правда Украины» рапортовала, что с середины 1946 и в 1947 г. в республике открыто около 7 тыс. новых магазинов, ларьков, число пайщиков возросло на 1,5 млн человек. Планировалось открытие еще 15 тыс. торговых точек⁴. Масштабы кооперативной торговли в СССР заметно возрастали: ее розничный оборот в марте 1947 г. увеличился по сравнению с декабрем 1946 г. почти в три раза, а до конца этого года поднялся еще в два раза⁵. За 1947 г. в целом по стране кооперативными организациями было закуплено более 180 тыс. т. мяса, свыше 9 тыс. т. жиров, 83 млн литров молока, около 200 тыс. т. картофеля, 195 тыс. т. овощей, 126 тыс. ящиков яиц и т. д.⁶. Сопровождая многочисленные публикации о важности развития торговли для населения, «Правда» указывала: «все мелочи торгового дела должны быть предусмотрены, ибо речь идет не о какой-то временной кампании, не о проведении эпизодической ярмарки, а о торговле всерьез и надолго»⁷.

Меры по расширению товарооборота и оживлению торговли объективно требовали и укрепления денежной системы, отмены карточек на приобретение товаров. Во время войны инфляционные процессы значительно усилились: цены по сравнению с довоенными выросли в 10—15 раз. Денежная реформа декабря 1947 г. была призвана ликвидировать последствия войны в области денежного обращения, восстановить полноценный рубль и облегчить переход к торговле по единым ценам без карточек. В постановлении Правительства СССР и ЦК ВКП(б), посвященном этим вопросам, давалась прямая ссылка на опыт аналогичной реформы 1922 г., когда фактически были созданы новые деньги, оживившие экономику начала 20-х годов⁸. Проведение реформы сказалось в некотором улучшении общей ситуации в товарно-денежной системе. Такие тенденции зафиксированы во многих отчетах местных властей Центральному комитету ВКП(б)⁹.

Отмене карточной системы и денежной реформе сопутствовала мощная пропагандистская кампания об успехах советской экономики, колхозного строя, их роли в быстром преодолении последствий войны. Однако за фасадом этой кампании остался конфискационный характер реформ. Государство фактически сняло с себя всякие обязательства по гарантированному, карточному снабжению городского населения и рабочих, а новые государственные цены в большинстве своем были выше коммерческих, утвержденных после войны. Негативные издержки денежной реформы косвенно упоминались и в постановлении Правительства СССР и ЦК ВКП(б), в котором признавалось: «Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя население, тем более, что это будет последняя жертва»¹⁰. Широко тиражировалась мысль, что государство в связи с реформой потеряло 57 млрд руб., но эти потери будут возмещены в течение непродолжительного времени за счет роста производительности труда, расширения товарооборота¹¹.

Таким образом, первые послевоенные годы характеризовались формированием политического курса, связанного с коррекцией приоритетов хозяйственного развития в сторону производства товаров народного потребления и попытками укрепления денежной системы. Мы разделяем вывод Р. Пихоя о первых годах послевоенного периода: «нельзя не отметить, что команда Жданова-Вознесенского смогла добиться и определенных положительных результатов в экономической области, среди которых считаем необходимым отметить прежде всего отмену карточной системы, проведение денежной реформы и вызванное этим некоторое усиление товарно-денежных отношений в стране»¹². Только в последнее время исследователи, обращаясь к послевоенному периоду, стали различать и выделять его политические зигзаги, отходя от идеологических (как положительных, так и отрицательных) штампов в отношении многогранного исторического процесса. Недостаточное внимание историков к этим новациям ленинградской группы связано во многом с тем, что они не утвердились в общественной практике как преобладающие.

Важно не то, что данный политический курс не стал определяющим при жизни Сталина, а то, что попытки его утверждения в жизнь явились основой более масштабной реализации данного подхода в новых исторических условиях 1953—1954 гг. — после смерти вождя. В этом заключается один из парадоксов истории. Ведь свертывание политики «ленинградской команды» по развитию отраслей группы «Б» было подавлено соперничающим с ней кланом Маленкова, выступившим затем в качестве якобы автора той же идеи. В августе 1953 г. с именем Маленкова — нового председателя Совета Министров СССР — ассоциировалась политика, отвергавшаяся им же четырьмя годами ранее. Интересно и другое: именно за свое стремление изменить приоритеты хозяйственного строительства в пользу группы «Б» пострадал и сам Маленков, когда в 1955 г. был смещен с высшего правительственного поста по инициативе первого секретаря ЦК КПСС Хрущева, использовавшего ту же аргументацию, с помощью которой Маленков когда-то громил «группу Жданова-Вознесенского».

В дальнейшем эта история повторилась в конце 1950-х годов с той лишь разницей, что в роли Маленкова образца 1953—54 гг. выступал Хрущев, который активно ратовал за социальную направленность экономики и позабыл свои обвинения в адрес Маленкова, пытавшегося в свое время делать то же самое. Чем объяснить подобные повороты? На наш взгляд, определяющим здесь было стремление того или иного лидера использовать популярный политический курс для закрепления своей главенствующей роли в руководстве партии и правительства, подкрепить свои позиции народными симпатиями. Этим же объясняется и активное противодействие конкурирующих группировок тем, кто выдвигал данный курс. Переориентация советской экономики с ее ярко выраженным военизированным характером, придание динамики ее социальной направленности не могли не быть привлекательными в условиях хронического товарного дефицита. Очевидная объективность того, что советская экономика должна была развиваться именно таким образом, хорошо осознавалась высшим руководством страны, о чем и свидетельствует неизменное возвращение во второй половине 1940—1960 годах новых лидеров к попыткам утвердить социальную направленность в хозяйственной практике. А тем временем на Западе полным ходом шло формирование так называемого общества массового потребления, где удовлетворение потребностей людей являлось не пропагандистской целью, а выступало как главный смысл функционирования экономики.

Сферой постоянных и всевозможных экспериментов в Советском союзе являлось и сельское хозяйство. Оно постоянно находилось в плачевном состоянии, а потому и попытки его реформирования предпринимались практически непрерывно. Война еще более усугубила и без того тяжелое положение села. Его валовая продукция в 1945 г. не превышала 60% довоенного уровня. К тому же сильная засуха летом 1946 г. стала причиной сильного голода. Недостаток продовольствия вынудил власти урезать снабжение населения хлебной продукцией. В результате численность снабжа-

емого сельского населения сократилась с 27 млн до 4 млн человек, в городах и рабочих поселках с пайкового снабжения были сняты 3,5 млн взрослых, 500 тыс. карточек ликвидировались за счет «упорядочения» карточной системы. Всего же расход хлеба по пайковому снабжению был сокращен на 30%¹³.

Положение в сельском хозяйстве требовало серьезной программы его преобразования, реформирования многих производственных отношений, существовавших на селе. Однако государство не стремилось к серьезным изменениям, по-прежнему рассматривая сельскохозяйственную отрасль как источник для выкачивания средств, поступающих в промышленность. Не дал ответа на многие вопросы функционирования сельской экономики специальный пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в феврале 1947 года. Более того, серьезнейшие проблемы села, в том числе голод, замалчивались и официально не признавались.

Снижение эксплуатации сельской экономики, предлагаемое частью высшего руководства страны, не находило поддержки, оставаясь на бумаге. Так, на несостоявшейся в 1948 г. XIX Всесоюзной партийной конференции в качестве основной темы планировалось рассмотреть вопрос «О мерах подъема животноводства». О нем продолжался разговор, начатый на февральском (1947 г.) пленуме ЦК, о проблемах сельского хозяйства — применительно к животноводству. Проект резолюции начинался откровенным признанием об отсталости и кризисе этой отрасли. Затем формулировались конкретные меры решения данной острой проблемы. В частности, в целях развития кормовой базы для животноводческих ферм, допускалось их полное освобождение от государственных заготовок зерна, сена и другой продукции полеводства. Была обещана государственная поддержка кредитом, кормами, пастбищами поголовья, содержащегося в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих. При этом оговаривались специальные условия для ряда районов страны (Молдавия, Литва, Латвия, Эстония, Западная Украина), где много скота находилось в хозяйствах индивидуальных и т. д.¹⁴. Многие наброски резолюции несостоявшейся конференции затем были использованы в «Трехлетнем плане развития общественного и совхозного продуктивного животноводства (1949—1951 гг.)».

Эта программа, оформленная постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б), во многом повторяя проект упомянутой резолюции, тем не менее имела некоторые отличия. Здесь уже не говорилось о послаблениях в поставках государству зерна и кормов, не предусматривались особые условия для районов, вошедших в СССР после войны, делался больший акцент на моральном стимулировании сельского труда (подробно прописывались правила награждения орденами, медалями, почетными званиями заслуженных работников). Таким образом, «Трехлетний план» оставался на уровне представлений февральского (1947 г.) пленума ЦК. Предлагаемые механизмы функционирования сельского хозяйства не давали эффективности. В результате «сталинский план развития животноводства», оказавшись фактически проваленным, был предан забвению в ходе следующей массовой кампании начала 1950-х годов — по укрупнению колхозов.

Парадоксально, но наиболее жесткую позицию в отношении деревни занимал в эти годы Хрущев. Его политическое лицо во многом не совпадало тогда с имиджем будущего архитектора «оттепели». Именно так можно охарактеризовать его инициативу о выселении крестьян из Украинской ССР. В письме к Сталину в январе 1948 г. будущий реформатор излагал наблевшие: «Отдельные паразитические и преступные элементы присосались к колхозам, пользуются льготами, предоставленными колхозникам, но никакого участия в работе колхозов не принимают. Подобные элементы, используя колхозы как ширму, занимаются спекуляцией, воровством, самогоноварением и совершают другие преступления». К письму прилагался проект постановления (вскоре принятого), где предлагалось предоставить собраниям колхозников право высылки «нежелательных элементов» на срок до 8 лет. (Что из этого вышло на практике, хорошо видно из сообщения Генерального прокурора СССР Г. Сафонова секретарю ЦК

А. А. Кузнецову.) В письме Хрущева приводились факты многочисленных нарушений в применении постановления: выселение лиц пенсионного возраста, семей, в которых были неработающие¹⁵.

Но эти «мелочи» нисколько не смущали Хрущева. На пленуме ЦК КП(б) Украины (25 мая 1948 г.) он с энтузиазмом заявлял: «Борьба за укрепление трудовой дисциплины в колхозах, за образцовую организацию труда должна все время находиться в центре внимания парторганизаций. Борясь с лодырями, со злостными нарушителями дисциплины, с паразитическими элементами, сельские коммунисты... расчищают путь для еще более успешного продвижения вперед по пути к коммунизму». Начинание Хрущева по выселению крестьянства, приобрело и всеозоный размах. Украинский опыт решено было использовать для укрепления трудовой дисциплины повсеместно: 2 июня 1948 г. президиум Верховного Совета СССР принял указ, предусматривающий аналогичные действия в масштабах всей страны¹⁶.

В поступках Хрущева в те годы просматриваются черты и качества, ставшие в послесталинскую эпоху весьма характерными для его политической натуры: поспешность в выдвижении всевозможных инициатив, скоропалительность в решении крупных хозяйственных дел, требующих тщательной проработки. Еще находясь на Украине, он организовал «почин трудящихся» Шполянского района Киевской области по выполнению «трехлетнего плана развития животноводства 1949—1951 гг.» за один год под девизом «шполянцы подчиняют себе время». Комментарии здесь излишни. А работая уже в Москве, Хрущев выдвинул глобальную идею укрупнения колхозов и создания «агрогородов», корни которой уходили еще в период его работы на Украине, где в Киевской области была принята одна из первых попыток создания колхозного города¹⁷.

В Москве же он сформулировал еще одну инициативу по реформированию сельского хозяйства. Свои идеи он изложил в статье, опубликованной в «Правде» 4 марта 1951 года. Его предложения сводились к мысли о нецелесообразности существования мелких колхозов, необходимости их резкого укрупнения с перспективой создания новых структур — «агрогородов». На практике такие действия означали бы насильственное переселение огромного количества людей в новые искусственно созданные образования, разрушение всей ткани деревенской жизни, и, в конечном счете, фактическое уничтожение крестьянства как класса. Непродуманность последствий и очевидная авантюристичность этих мер была осознана сразу. Уже 2 апреля 1951 г. появилось закрытое письмо ЦК ВКП(б), осуждающее хрущевское новаторство, а сам автор направил покаянное письмо Сталину, где полностью признавал ошибочность своих взглядов¹⁸.

Приведенные факты со всей определенностью показывают, что реформирование сельского хозяйства страны давно уже ощущалось как назревшая и неотложная задача. Понимание этого при всей ортодоксальности аграрной политики Кремля существовало еще при жизни Сталина. Осенью 1952 г. журнал «Новый мир» приступил к публикации серии очерков журналиста В. В. Овечкина «Районные будни». В их обсуждении приняла участие «Правда», что было возможно лишь с санкции кого-то из высшего партийно-государственного руководства. Сам факт открытых публицистических выступлений указывал на готовность партийной верхушки к внесению определенных корректив в губительную политику предыдущих лет. Именно эта готовность стала тем фундаментом, на базе которого началось развертывание аграрных реформ после смерти Сталина.

Главный дефект экономики того периода (и это следует подчеркнуть!) была ориентация на оборонные нужды. Советское правительство постоянно готовилось к войне за выживание и ожидало «империалистической агрессии». После Великой Отечественной войны атмосфера напряженности в отношении возможного вооруженного конфликта со странами Запада не только не уменьшилась, а напротив приобрела еще более устойчивый характер. Об этом свидетельствуют материалы выборов Верховного Совета СССР 1946 года. В своих избирательных выступлениях практически все

высшие руководители партии и правительства неизменно подчеркивали угрозу полномасштабного военного конфликта. И это мироощущение неизбежно сказывалось на формировании подходов к развитию экономики, ее ярко выраженной милитаристской направленности. Наиболее четко и ясно формат экономического развития советского государства сформулировал Сталин в программной речи перед избирателями 9 февраля 1946 года. Он выделил четыре основополагающие позиции: металл — для производства вооружений и оборудования для предприятий, топливо — для поддержания работы заводов, фабрик и транспорта, хлопок — для производства обмундирования, хлеб — для снабжения армии¹⁹. Нетрудно видеть, что перед нами модель экономики, нацеленная, прежде всего, на обеспечение функционирования вооруженных сил и военно-промышленного комплекса. Для руководства страны одним из уроков победы стали меры по дальнейшему укреплению оборонной мощи за счет других отраслей народного хозяйства, в первую очередь тех, что влияли на рост благосостояния и уровень жизни населения. Очевидно, все это и программировало определенный ход экономического развития советского общества в 1950—1960-е годы.

Война оказала воздействие не только на приоритеты экономического развития, но и внесла коррективы в идеологический курс государственной власти. Послевоенный период характерен усилением диктата над различными областями научной и культурной жизни. Хорошо известна целая серия идеологических постановлений ЦК ВКП(б) второй половины 1940-х годов: «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по их улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь», «Об опере Мурадели «Великая дружба» и др. Они дали сигнал к публичной травле многих выдающихся деятелей культуры: А. А. Ахматовой, М. М. Зощенко, Э. Г. Казакевича, Ю. П. Германа, С. С. Прокофьева, А. И. Хачатуряна, Д. Д. Шостаковича, С. М. Эйзенштейна, В. И. Пудовкина и др.

Усиление идеологического контроля коснулось не только интеллигенции, но и всего советского общества в целом. Одной из его причин стало участие большого количества простых граждан в освободительном походе против фашизма по многим странам Европы. Впервые оказавшись в другом мире, советские люди получили возможность сопоставить жизненные реалии двух систем. Сравнение, как правило, оказывалось не в пользу Советского Союза. Власти понимали, что это может послужить основой для формирования протестных тенденций. На торжественном заседании по случаю 30-летия Октябрьской революции В. М. Молотов говорил: «Наемные буржуазные писак за рубежом предсказывали во время войны, что советские люди, познакомясь в своих боевых походах с порядками и культурой на западе и побывав во многих городах и столицах Европы, вернуться домой с желанием установить такие же порядки на Родине. А что вышло? Демобилизованные солдаты и офицеры, вернувшись на Родину, взялись с еще большим жаром укреплять, развивать социалистическое соревнование на фабриках и заводах, встав в передовых рядах советских патриотов»²⁰.

На деле, конечно, все обстояло не так. Недовольство жизненными тяготами накапливалось. В ЦК постоянно поступали сигналы с мест о негативных высказываниях и настроениях. К примеру, в г. Струнино (Владимирская обл.) на одном из партсобраний прозвучала следующая мысль: «Мы видим собственными глазами, что в нашей стране построено много заводов и фабрик. Все это верно, но мы, старики, что от этого получили? Что нам дала Конституция? 250 граммов хлеба и больше ничего». В Молдавской ССР агитаторов спрашивали: «Когда у нас будет много хлеба, жиров, сахара и других продуктов?», «Когда народ будете кормить досыта?» и т. д. Развивать эти темы, отвечать на заданные вопросы, советским пропагандистам было непросто. Поэтому полемика большей частью ограничивалась штампами типа: «Жить еще нелегко. Но советские люди знают, что наши трудности носят временный характер, что они безусловно преодолимы, и что высокие большевистские темпы

хозяйственного строительства являются залогом быстрого преодоления трудностей»²¹.

Вместо анализа ситуации пропагандистская машина выдумывала новые методы идейного контроля, пытаясь обновить идеологический инструментарий советской власти. Новой и существенной чертой в идеологической жизни послевоенных лет стал акцент на борьбе с преклонением и низкопоклонством перед Западом. Подобные тенденции начали прослеживаться еще в конце 1930-х годов. После войны эти мотивы стали ярко выраженными, превратившись в официальную идеологию. «У нас еще не все освободились от низкопоклонства и рабологии перед Западом, — заключал в упомянутом выше выступлении Молотов, — не освободившись от этих позорных пережитков, нельзя быть настоящим советским гражданином».

Идеологические новации послевоенного периода с упором на борьбу против «пережитков капитализма» стали основой для аналогичных действий и в конце 1950-х — начале 1960-х годов. В период «оттепели» воспроизводился и использовался весь набор послевоенных средств идеологической борьбы. Вот конкретный пример: «Что касается борьбы против пережитков капитализма внутри страны, то она направлена на преодоление традиций и привычек прошлого, связанных с отставанием сознания людей от общественного бытия. Это есть борьба против «родимых пятен капитализма» и их носителей, мешающих делу социалистического строительства. В то же время борьба против пережитков капитализма связана в значительной степени с борьбой против враждебного капиталистического мира, ибо империалисты изо всех сил стараются разжечь эти пережитки капитализма, особенно такие, как низкопоклонство перед буржуазной культурой, а также частнособственнические и рваческие тенденции, националистические предрассудки, религиозные суеверия, аполитичность, обывательщина»²². Впрочем данные мысли можно с полной уверенностью отнести, например, и к 1958 году. Это сравнение наглядно демонстрирует общность базовых идеологических принципов, как при господстве сталинского культа, так и после него. Архитектоника идеологии осталась практически неизменной.

Об этом же свидетельствует и провозглашение курса на строительство коммунизма, оформление которого связывают сегодня с именем Хрущева. Однако знакомство с политической практикой послевоенного периода не дает оснований приписывать именно Хрущеву авторство идеи о развернутом строительстве коммунизма. Курс этот практически во всей своей полноте и завершенности был сформулирован и провозглашен еще при жизни Сталина. Фактически сразу же по окончании Великой Отечественной войны тема коммунистического строительства получила распространение во многих официальных выступлениях и публикациях. Еще в 1945 г. в редакционной статье журнала «Большевик» утверждалось, что «после победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ продолжает осуществлять величественную задачу завершения строительства бесклассового общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму». В марте 1946 г. на сессии Верховного Совета в докладе председателя Госплана Вознесенского о четырехлетнем плане это положение объявлено руководящей партийной установкой²³.

В последующие годы тема строительства коммунизма прочно утвердилась в повседневной идеологической практике²⁴. Центральной звучала следующая мысль — Советский Союз еще в период принятия «сталинской конституции», накануне XVIII съезда партии, вступил в новую полосу развития, связанную с завершением строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. Именно в этом контексте формулировалась и основная экономическая задача развития страны — догнать и перегнать главные капиталистические державы в размерах промышленного производства на душу населения. Эти пропагандистские новеллы последних сталинских лет через десятилетие обретут «второе дыхание».

Завершение формирования курса на коммунистическое строительство можно отнести к периоду подготовки и проведения XIX съезда КПСС.

В «Большевике» прямо подчеркивалось: «обеспечить построение коммунизма в нашей стране — такова главная задача партии по пятому пятилетнему плану развития СССР»²⁵. Выдвижение этой задачи потребовало серьезной научно-теоретической разработки путей строительства коммунизма, проблемы, слабо освещенной в трудах классиков марксизма-ленинизма. Разъяснение не заставило себя долго ждать. В октябре 1952 г. была опубликована работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней «великий вождь и учитель» доказывал возможность построения коммунизма в СССР даже в случае сохранения капиталистического окружения. Он сформулировал три основных предварительных условия выполнения этой масштабной задачи. Необходимо обеспечить не только рациональную организацию производительных сил, а непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным развитием производства средств производства, что дает возможность осуществить расширенное воспроизводство. Необходимо путем постепенных переходов поднять колхозную собственность до уровня общенародной, а товарное обращение тоже постепенно заменить системой продуктообмена с целью охвата им всей продукции общественного производства. Необходимо добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей²⁶.

Теоретические выкладки Сталина незамедлительно были объявлены руководством к практическим действиям. В концентрированном виде это произошло на XIX съезде КПСС (1952 г.), прошедшем под знаком развертывания коммунистического строительства. В отчетном докладе ЦК, сделанном Маленковым, говорилось: «планы партии на будущее, определяющие перспективы и пути нашего движения вперед, опираются на знание экономических законов, опираются на науку о строительстве коммунистического общества, разработанную товарищем Сталиным»²⁷. Эта мысль воспроизводилась практически каждым выступавшим на этом съезде.

После смерти Сталина картина несколько изменилась, трансформировались и некоторые оценки. Так, А. Микоян на XXII съезде КПСС (1961 г.), говоря о планах коммунистического строительства, отмечал: «Партия должна была преодолеть ряд неверных представлений о переходе к коммунизму. Достаточно вспомнить, что накануне XIX съезда в ходу были взгляды, будто стоит только обеспечить непрерывный рост производства, превратить колхозную собственность в общенародную, заменить товарное обращение системой продуктообмена между городом и деревней, добиться удвоения зарплаты, повысить культурный уровень рабочих и крестьян, и тогда можно будет перейти к коммунизму»²⁸.

Но неизменным оставалось главное: хрущевское руководство партии практически полностью сохранило стратегию коммунистического строительства, сформулированную в послевоенный период. На XXI съезде КПСС (1959 г.) Хрущев повторил вывод о полной и окончательной победе социализма и уже второй раз (после XIX съезда) объявил о наступлении периода развернутого строительства коммунистического общества, а в Программе КПСС, принятой на XXII съезде, даже воспроизводились временные рамки этого строительства, названные еще при Сталине — 20 лет. (Конкретные сроки были названы А. Поскребышевым в его выступлении на XVIII съезде ВКП(б).)

В послевоенный период получили оформление многие идеи, впоследствии энергично внедрявшиеся в жизнь уже самим Хрущевым. Об этом дает представление проект программы ВКП(б), подготовленный в 1947 году. Особый акцент в нем сделан на социальных аспектах, поданных привлекательно, с размахом. Так, выдвигалась задача до конца ликвидировать жилищную нужду, развернуть в больших масштабах жилищное строительство с целью обеспечить каждому трудящемуся благоустроенную отдельную комнату, а каждой семье — отдельную квартиру, перейдя со временем к бесплатным коммунальным услугам. Любопытно и еще одна деталь: предлагалось уделить особенное значение массовому производству автомобилей для населения, имея в виду предоставить каждому гражданину

пользование легковым автомобильным транспортом. В этом же контексте звучали идеи бесплатного снабжения населения продуктами питания (хлебом, мясом и др.), а так же подготовка к бесплатному обслуживанию граждан «первоклассно поставленными по всем правилам техники и культуры столовыми, прачечными и другими культурно-бытовыми учреждениями», то есть в сфере услуг.

Одним из самых примечательных, содержательных моментов проекта программы являлись идеи о путях развития советского государства. Вот выдержка из этого документа: «Развитие социалистической демократии на основе завершения построения бесклассового социалистического общества будет все больше превращать пролетарскую диктатуру в диктатуру советского народа. По мере вовлечения в повседневное управление делами государства поголовно всего населения, роста его коммунистической сознательности и культурности, развития социалистической демократии будет вести к все большему отмиранию принудительных форм диктатуры советского народа, все большей замене мер принуждения воздействием общественного мнения, к все большему сужению политических функций государства, к превращению его по преимуществу в орган управления хозяйственной жизнью общества»²⁹.

Доктрина перерастания диктатуры пролетариата в общенародное государство, наряду с вопросом о ликвидации «культы личности», составит идеологическую основу «хрущевской оттепели». В исторической науке преобладает достаточно устойчивое мнение, приписывающее Хрущеву авторство модели «общенародного государства». Но, как показывают источники, он был всего лишь исполнителем идеологической доктрины, сформулированной еще в послевоенные годы. Однако в конце 1940-х годов это положение еще находилось в плотной оболочке традиционных сталинских постулатов — о дальнейшем усилении мощи государства пролетарской диктатуры, неустанном укреплении органов НКВД в деле разоблачения, раскрытия и пресечения подрывной работы классового врага и т. д.³⁰.

В проекте программы 1947 года формулировался и ряд других моментов принципиального характера, предложенных ленинградской группой. В частности, речь шла о развертывании демократизации советского строя. В этом плане признавалось необходимым поголовное вовлечение трудящихся в управление государством, в повседневную, активную государственную и общественную деятельность на основе неуклонного развития культурного уровня масс и максимального упрощения функций государственного управления. Предлагалось на практике приступить к соединению производственной работы с участием в управлении государственными делами, с переходом на поочередное выполнение всеми трудящимися функций управления. Высказывалась также идея о введении прямого народного законодательства, для чего считалось обязательным: а) проводить всенародное голосование и принятие решений по большинству важнейших вопросов государственной жизни как общеполитического, хозяйственного порядка, так и по вопросам быта и культурного строительства; б) широко развернуть законодательную инициативу снизу путем предоставления общественным организациям права вносить в Верховный Совет СССР предложения о новых законопроектах; в) утвердить право граждан, общественных организаций непосредственно вносить запросы в Верховный Совет по важнейшим вопросам международной и внутренней политики.

Не был обойден вниманием и принцип выборности руководителей. В проекте программы ВКП(б) ставилась задача по мере продвижения к коммунизму осуществлять принцип выборности всех должностных лиц государственного аппарата, изменения в функционировании ряда госорганов в сторону все большего превращения их в учреждения, занимающиеся учетом и контролем общенародного хозяйства. Представлялось важным максимальное развитие самостоятельных добровольных организаций. Обращалось внимание на усиление значимости общественного мнения в коммунистической переделке сознания людей, воспитания на основе социалистической демократии в широких народных массах начал социалистической

гражданственности, трудового героизма, красноармейской доблести, поднимая весь народ до уровня знатных людей советской страны³¹.

Все эти мысли не стали тогда достоянием широкой общественности, оставшись известными лишь узкому кругу правящей элиты. Поэтому многие идеологические проблемы, разработанные при жизни Сталина, стали ассоциироваться общественным сознанием с именем Хрущева. Надо признать, что новый лидер очень трепетно относился к проблеме собственного авторства по самым разнообразным вопросам, стремясь выступить в роли главного архитектора коммунистического строительства.

Примечания

1. Подробнее об этом см.: ОСОКИНА Е. За фасадом «сталинского изобилия». М. 1998.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М. 1968, с. 350—362, 362—368, 505—511, 549—560.
3. Плановое хозяйство, 1947, № 1, с. 35; 1948, № 1, с. 47.
4. Правда Украины, 8.IV.1948.
5. Плановое хозяйство, 1947, № 2, с. 9; 1948, № 1, с. 19.
6. Большевик, 1948, № 15, с. 40—41.
7. Правда, 28.XI.1946.
8. Постановление Правительства СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». — КПСС в резолюциях... Т. 8. М. 1985, с. 160.
9. См.: например, Отчет Вологодского областного комитета ВКП(б) за 1947 год. — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 122, д. 202, л. 43—44.
10. КПСС в резолюциях... Т. 8, с. 159.
11. Правда, 30.XII.1947.
12. ПИХОЯ Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991 гг. М. 1998, с. 62.
13. ПОПОВ В. П. Голод и государственная политика (1946—47 гг.). — Отечественные архивы, 1992, № 6, с. 46; История России. XX век. М. 1997 с. 488.
14. Проект резолюции XIX конференции см. РГАСПИ ф. 17, оп. 121, д. 633. л. 27—109.
15. РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 673, л. 3.
16. Правда Украины, 28.V.148; См. ПОПОВ В. П. Неизвестная инициатива Хрущева. — Отечественные архивы, 1993, № 2, с. 31—38.
17. Правда Украины, 5.X.1949; Правда, 11.IV.1950.
18. См. Отечественные архивы, 1994, № 1, с. 43—44. Маленков вспоминал об этом случае на XIX съезде. — XIX съезд КПСС. Бюллетень № 1, с. 60—61. На XXII съезде партии секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев оценивал этот эпизод уже иначе. Он характеризовал его как борьбу Хрущева с консерватизмом Сталина и коварством Маленкова, не понимавших тенденций развития советской деревни — XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 2, с. 446.
19. Правда, 10.II.1946.
20. Правда, 7.XI.1947.
21. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 494, л. 7; Правда, 5.V.1947.
22. ФЕДОСЕЕВ П. Марксистская теория классов и классовая борьба. — Большевик, 1948, № 14, с. 74—75.
23. Большевик, 1945, № 17, с. 3; Правда, 16.III.1946.
24. См., например: Правда, 9.II.1949; 17.II.1949; 10.III.1949; 2.I.1951 и др.
25. Большевик, 1952, № 18, с. 55.
26. СТАЛИН И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М. 1952, с. 66—67.
27. XIX съезд КПСС. Бюллетень № 1, с. 105.
28. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1, с. 450.
29. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 476, л. 45, 46, 39, 90, 144.
30. Там же, л. 89, 93.
31. Там же, л. 25—28.

Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX века

Н. С. Андреева

Преобразования в Прибалтике относились к числу сложных проблем внутренней политики, стоявших перед российским правительством в начале XX века. В публицистике эта проблема получила название «остзейского вопроса», под которым прежде всего понимались взаимоотношения центральной власти и национальной окраины, обладавшей особым статусом в составе государства.

Появление «остзейского», как и возникновение других «инородческих» вопросов — финляндского, польского, мусульманского — относилось ко второй половине XIX в., когда под влиянием польского восстания 1863 г. пристальное внимание общества, возбужденное консервативными публицистами, обратилось к процессам, протекавшим в национальных пограничных районах империи. Проведение реформ в России, рост национального движения среди прибалтийских народов выдвинули в центр общественного внимания вопрос о необходимости преобразований и в прибалтийских губерниях. Особую остроту этому вопросу придавала сложная внешнеполитическая обстановка, порожденная объединением Германии.

Юридическим обоснованием особого статуса Прибалтики служил Свод местных узаконений губерний Остзейских, закрепивший специфические черты административного устройства края. Они заключались в том, что функции местного управления принадлежали здесь органам дворянства наряду с правительственными учреждениями. Несмотря на неуклонное с конца XVIII в. расширение компетенции последних, губернатор, являвшийся представителем центральной власти, должен был считаться с привилегиями дворянства (вплоть до начала первой мировой войны) и строить свою служебную деятельность на основе уважения привилегий и прав дворянства. В целом до 1914 г. остзейские губернии управлялись в соответствии с положениями Свода местных узаконений и особо для этих губерний изданных законов (включавшихся в продолжение Свода). Однако в XIX в. наметилась тенденция (на нее указывал, в частности, правовед Б. Э. Нольде) замены местного права общеимперским¹, что указывало на процесс постепенного объединения Прибалтики с коренными российскими губерниями.

Социальной опорой особого статуса являлась немногочисленная², но наиболее влиятельная в крае национальная группа — прибалтийские немцы, точнее, их высший слой, дворянство, которому принадлежала определяю-

Андреева Наталия Сергеевна — кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский Институт истории РАН.

щая роль во внутренней жизни Остзейских губерний. Несмотря на то, что реформы конца 80-х годов XIX в. значительно урезали компетенцию рыцарств (дворянских организаций), изъяв из их ведения судебные дела, полицию, а также руководство сельскими школами, она все же оставалась довольно широкой. Рыцарства продолжали пользоваться важными, как они именовались в публицистике, «политическими правами» — участвовали в управлении лютеранской церковью губерний и империи (ряд ее высших должностей замещался представителями прибалтийского дворянства) и руководили земским делом.

Положение остзейского дворянства являлось для Европы начала XX в. уникальным, поскольку нигде более дворянство не обладало таким объемом сословных привилегий, как в Прибалтике. Уже в XIX в. оно представляло собой служилое дворянство; в Австрии же и Швеции дворянство как общественный слой не исполняло особых сословных или, тем более, государственных функций³.

Существенно различался объем сословных прав, принадлежавших прибалтийскому дворянству и дворянству внутренних губерний России. В отличие от последнего, оно пользовалось широким самоуправлением, в частности, не ограничивалась компетенция ландтага — собрания дворян губернии (основного звена самоуправления, за исключением Курляндии, где наиболее важная роль принадлежала приходским собраниям): предметом его совещаний могли быть все без исключения вопросы, касавшиеся дел корпорации и жизни края в целом. Согласно действовавшему законодательству, принятые ландтагом решения по сословным делам не подлежали утверждению со стороны губернских властей и сообщались им только для сведения.

Существование дворянской кассы, пополнявшейся посредством самообложения членов корпорации, и доходы, поступавшие от имений, пожалованных на содержание дворянских чиновников (т. н. имений рыцарства), гарантировали финансовую независимость дворянских организаций. Предоставленное им право непосредственного обращения к местному начальству (фактически законодательной инициативы), министру внутренних дел, а в наиболее важных случаях и к императору обеспечивало остзейскому дворянству широкую автономию в вопросах сословного самоуправления⁴.

По своему правовому положению в составе общества прибалтийское дворянство образовывало две группы: к одной, немногочисленной, относились представители т. н. имматрикулированных, или матрикулованных родов, то есть внесенных в матрикулу — дворянскую родословную книгу, каждое из четырех рыцарств — Эстляндское, Лифляндское, Курляндское и Эзельское — имело свою матрикулу, они именовались рыцарством, в отличие от нематрикулированных дворян — ландзассов (называвшихся также земством). В 1863 г. для этой категории были созданы особые родословные книги, отличные от матрикул⁵. Рыцарство обладало всей полнотой прав в составе корпорации — должности по дворянскому самоуправлению замещались только из числа его представителей (при условии, что они владели дворянскими вотчинами), за исключением некоторых малозначительных, таких, как должность казначая (ее могли занимать лица всякого состояния), светского члена Генеральной консистории и некоторых других. Матрикулованные дворяне, не владевшие вотчинами, не допускались до участия в самоуправлении — за исключением Курляндии, где в делах корпорации участвовали представители рыцарства, не являвшиеся собственниками вотчин, при условии соответствия их дохода установленному имущественному цензу⁶.

Рыцарское имение давало его владельцу, вне зависимости от его сословной принадлежности, право голоса в ландтаге, но только по вопросам о дворянских складках (то есть о взносах в порядке самообложения, часть которых шла на удовлетворение земских нужд). Решение же вопросов внутренней жизни корпорации (выборы дворянских чиновников, внесение в матрикулу, исключение из нее и т. д.) составляло прерогативу матрикулированного дворянства⁷.

Существование института матрикуляции дискриминировало представителей дворянства коренных губерний, проживавших в Прибалтике, так как внесение в матрикулу и, соответственно, обретение ими права участия в самоуправлении, зависело от решения ландтага, редко дававшего свое согласие на принятие в состав рыцарства новых членов, в связи с чем матрикулованных русских дворянских фамилий было немного. Полноправным членом корпорации становилось лицо, высочайше пожалованное дворянской вотчиной в одной из Прибалтийских губерний; в этом случае его род сразу же вносился в местную матрикулу и согласия ландтага для этого не требовалось⁸. Однако вотчины в Прибалтике жаловались крайне редко. Требование уравнивать в правах рыцарство и нематрикулованное дворянство неоднократно высказывалось в публицистике; его справедливость признавалась и правительственными кругами, видевшими в рыцарских привилегиях нарушение прав, законодательно предоставленных российскому дворянству⁹. К разработке соответствующих мер правительство приступило лишь в 1915 г., в связи с подготовкой реформы прибалтийских дворянских организаций.

В 1905 г. революция, сопровождавшаяся волной насилия в отношении прибалтийско-немецкого населения Остзейских губерний, стала главным фактором, вынуждавшим правительство ускорить разработку и проведение в крае ряда преобразований. Совет министров, рассмотрев ситуацию в Прибалтике в заседании 26 ноября 1905 г., признал основными причинами социального недовольства там наличие значительного количества безземельных крестьян, сосредоточение руководства земским делом в руках дворянских учреждений, устранение местного населения от участия в церковных делах, существование права патроната, несоответствие интересам народа чуждой ему по языку школы¹⁰.

Для скорейшего решения всех этих проблем, которое, как ожидало правительство, в сочетании с репрессивными мерами внесет успокоение в жизнь края, высочайшим указом 28 ноября 1905 г. учреждалась должность временного прибалтийского генерал-губернатора (упраздненная 15 апреля 1909 г.) и при нем совещание для разработки проектов реформ, идея создания которого принадлежала остзейскому дворянству¹¹. Генерал-губернатором, по рекомендации С. Ю. Витте, был назначен генерал-лейтенант В. У. Соллогуб, вскоре замененный А. Н. Меллер-Закомельским.

В состав особого совещания при временном прибалтийском генерал-губернаторе вошли представители дворянства, городских дум губернских городов и крестьянства. Более чем за год своей деятельности (12 июня 1906 г. — 29 сентября 1907 г.) совещание разработало проекты реформ земского самоуправления, школьной, крестьянского общественного управления, проект преобразования приходских учреждений евангелическо-лютеранской церкви и предположения по вопросу о земельных отношениях. Как показывают материалы центральных правительственных учреждений, законопроекты и материалы совещания легли в основу дальнейшей работы над реформами для Прибалтийского края, которую Министерство внутренних дел проводило вплоть до февраля 1917 года.

Крайнюю обеспокоенность правительства вызывало усиление интереса к Прибалтике со стороны германских политических кругов, наблюдавшееся в период революционных событий 1905—1907 гг. и после них, а также деятельность лидеров «Немецких обществ» (эти националистические организации, основанные в 1906—1907 гг., имели весьма массовый характер), особенно поиск ими контактов с организациями пангерманистов. Глава такого лифляндского общества ландрат М. фон Сиверс установил прямые контакты с германским Министерством иностранных дел; в 1905—1907 гг. Сиверс добивался германской интервенции в Прибалтику¹². Особенно же настораживало Министерство внутренних дел проводившееся лидерами обществ переселение в Прибалтийские губернии колонистов из Поволжья и Волыни, которые должны были, по мысли организаторов этой акции, восполнить практически полностью отсутствовавший здесь социальный слой — немецкое крестьянство.

В 1908 г. правительство предприняло радикальную попытку ослабить немецкое влияние в Прибалтике и усилить там влияние русское. Переписка П. А. Столыпина с А. Н. Меллер-Закомельским представляется интересным источником, характеризующим правительственную политику в отношении Прибалтийских губерний в этот период. В качестве ее главной задачи рассматривалось достижение полного слияния Остзейских губерний с Россией, под которым поднималась не «денационализация» (то есть ассимиляция) инородческого населения (Столыпин в письме Меллер-Закомельскому от 16 марта 1908 г. подчеркивал, что правительство никогда не стремилось к «денационализации» проживавших в государстве народов), а его «мирное приобщение» к государственной жизни и «возможное сближение с русской общественностью» при условии сохранения религиозных и национальных особенностей¹³.

С этой целью предполагалось увеличить численность русского населения путем его переселения из внутренних губерний на казенные земли и комплектовать местную администрацию по национальному принципу: циркуляром министра внутренних дел от 10 февраля 1908 г. предписывалось назначать на правительственные должности в Прибалтийских губерниях преимущественно русских. Необходимость такого кадрового подбора обуславливалась, по мнению правительства, задачей охраны на окраинах русских государственных интересов, возложенной на органы местной администрации. Все это предполагалось дополнить серией мероприятий, направленных на поддержку экономической деятельности местного русского населения, его политической инициативы, образования (находившегося в крайне неудовлетворительном состоянии). Рассматривалась возможность предоставления одного места в Государственном совете и в Думе для представителей русского населения Прибалтики¹⁴. Эти меры имели своей целью прежде всего поддержание русской государственной идеи, которая, как казалось, скрепляла государство¹⁵. Окраинная русская диаспора рассматривалась в данном случае лишь как средство для достижения общегосударственных целей; в ее лице правительство стремилось создать прочный фундамент, который обеспечил бы успешное слияние Прибалтики с центром¹⁶.

С критикой этих планов выступил Меллер-Закомельский, точка зрения которого отражена в его письме Столыпину от 14 февраля 1908 года. По его мнению, в действительности никакой угрозы государственным интересам в Прибалтике не существовало. Ее колонизация русскими переселенцами не принесла бы желаемых результатов, поскольку, по его словам, «русские не только ополячиваются и онемечиваются, то есть подчиняются лучшей в культурном отношении народности, но даже обурятияются и якутиваются в Сибири, то есть подпадают под влияние низшей по культуре расы», преимущественное же перед эстонским и латышским населением надделение их землей еще более обострило бы аграрный вопрос, что было чревато новыми социальными потрясениями и усилило бы прогерманские настроения среди прибалтийских немцев¹⁷.

Намеченную программу правительство не реализовало в полном объеме не столько из-за ее огласки¹⁸, сколько из-за трудноисполнимости. Это стало очевидным после получения министром внутренних дел затребованных от губернаторов сведений о русском населении края, показавших, что оно не могло оказывать не только определяющего, но какого-либо вообще заметного общественного влияния вследствие своей малочисленности и экономической слабости. Для масштабной колонизации отсутствовали какие-либо условия¹⁹. Все эти факторы, а также понимание того, что ни в экономической, ни в политической области русское население не могло конкурировать с немецким, вероятно, и предопределили отход правительства от первоначально намеченной линии. Из предусматривавшихся мероприятий проводилось только переселение крестьянства Прибалтики.

В 1907—1914 гг. правительство сосредоточило свое основное внимание на разрешении аграрного вопроса в Прибалтике и подготовке реформ сельского евангелическо-лютеранского прихода, которая рассматривалась

как начальный этап реорганизации всего строя лютеранской церкви края. Потребность этого преобразования ощущалась весьма остро: беспорядки в церквях, ставших в 1905—1907 г. ареной революционных демонстраций, убийства пасторов свидетельствовали о падении авторитета лютеранской церкви. Сокращение числа причащавшихся Святых Тайн (особенно серьезное в 1908 г.), отмечавшееся в донесениях местных консисторий, указывало на увеличение числа отпадавших от веры и было фактом несомненно тревожным для духовного ведомства и Министерства внутренних дел, видевших в этой тенденции усиление восприимчивости населения к анти-религиозной революционной пропаганде ²⁰.

Причины неблагополучной ситуации заключались в недостатках организации религиозной жизни лютеран Прибалтийских губерний; в первую очередь сказывалось несовершенство действовавшего законодательства — Устава евангелическо-лютеранской церкви от 28 декабря 1832 г., который к началу XX в. значительно устарел. В частности, отсутствие в нем строгой регламентации церковных повинностей приводило к недоразумениям и конфликтам между владельцами крестьянской и мызной недвижимости.

Наиболее же болезненной проблемой, вызывавшей со стороны эстонского и латышского населения в течение длительного времени не только глубокое недовольство, но и открытый протест, являлось право патроната. Оно появилось в Прибалтике в конце XII — начале XIII в. и представляло собой совокупность прав и обязанностей определенного лица (владельца вотчины или, в казенных патронатах — казны) по отношению к церкви, наиболее важным из которых являлось так называемое право представления, то есть право предлагать высшей духовной власти кандидата на замещение места проповедника ²¹. Поскольку консистории никогда не отказывали в утверждении предложенных таким образом кандидатур, то в общественном мнении право патроната воспринималось как право помещика-барона назначать пастора.

Уже к середине XIX в. существование патроната порождало множество проблем и питало межнациональную рознь. Основной протест прихожан был направлен против права представления, в котором они видели нарушение основополагающих догматов лютеранской церкви и умаление собственных прав. Прихожане содержали церковь и духовенство наряду с патронами и поэтому требовали равного участия в делах церкви. Иногда это недовольство проявлялось в утверждениях о том, что лютеранская церковь вообще и патронат в частности служат средством онемечивания латышей и эстонцев. Распространенным было также мнение о призвании патронами пасторов исключительно из немцев (или же сильно онемеченных), а потому представителю местных народностей получить место проповедника было якобы затруднительно.

Учитывая негативные результаты существования патроната, Министерство внутренних дел рассматривало вопрос об его упразднении уже в декабре 1881 года. Но в 1885 г. дело было оставлено без последствий в связи с несогласием Генеральной консистории на эту меру. В феврале 1905 г. министерство вновь подняло вопрос о праве патроната и началась секретная разработка его отмены, объединенная с разработкой реформы приходских учреждений. За ликвидацию патроната и передачу выбора проповедника приходу высказалось в декабре 1905 г. эстляндское и в апреле 1906 г. лифляндское дворянство, обусловив свое согласие на эту меру обеспечением гарантий действительной беспристрастности и свободы волеизъявления прихожан ²². Курляндское же дворянство, считавшее, что патронат в Курляндии существовал на иных условиях, заключавшихся в несении местными патронами больших расходов по содержанию церкви, чем несло остальное население, возражало против упразднения патроната.

Департамент духовных дел иностранных исповеданий по данному вопросу исходил из задачи ослабления влияния прибалтийского дворянства в церковных делах, как противоречившего государственными интересам. В записке вице-директора департамента Н. И. Павлова отмечалось, что

патронат делал духовенство материально зависимым от дворянства и тем самым превращал его в орудие для удовлетворения сепаратистских тенденций рыцарства: пасторы, назначенные патронами, нередко играли роль политических антиправительственных агитаторов, в частности, при проведении в крае различных реформ. Внимание департамента привлек и тот факт, что большинство частных патронатов существовало без юридического основания: согласно Уставу 1832 г., право патроната приобреталось только с высочайшего утверждения, но, по данным лифляндского губернатора, в конце 30-х годов XIX в. в Лифляндии существовал 41 казенный патронат, в 1887 г. их было уже 22, а остальные 19 стали частными, при этом он так и не смог найти ни одного указа с 1837 по 1887 г. о передаче этого права кому-либо. Материалы, имевшиеся в распоряжении департамента, в большинстве случаев свидетельствовали о незаконности присвоения владельцами права патроната. По данным Министерства внутренних дел на 1885 г., в трех прибалтийских консисториальных округах существовало 439 лютеранских приходов, из них лишь в 32 лифляндских и 15 эзельских приходах право избрания проповедника принадлежало прихожанам²³.

Первая редакция проекта реформы сельского лютеранского прихода была подготовлена Департаментом духовных дел иностранных исповеданий в течение зимы 1907—1908 годов. В отличие от проекта, разработанного особым совещанием при временном прибалтийском генерал-губернаторе, первая редакция департаментского проекта сохраняла право патроната, но ликвидировала право патронов избирать проповедников, чем, в сущности, весь смысл его дальнейшего существования для самих патронов сводился на нет. Избрание проповедника переходило к церковному совету, состоявшему из церковных старшин. В выборах последних участвовали представители различных категорий приходского населения, распределенные в основу новой организации прихода, по трем избирательным собраниям: крупные и средние землевладельцы, арендаторы и безземельные, уплачивавшие добровольные взносы (не менее одного рубля в год в течение шести лет)²⁴. От населения повинностей в пользу лютеранского духовенства освобождались казенные имущества (правом на пособие от казны обладала только православная церковь) и частные, принадлежавшие лицам иных исповеданий²⁵.

Одобренный Советом министров законопроект «Об упорядочении способов отбывания повинностей в пользу духовенства евангелическо-лютеранской церкви, о преобразовании церковно-приходских учреждений и об изменении порядка избрания пасторов в Лифляндской и Эстляндской губерниях» 7 декабря 1911 г. был внесен в Думу. Однако рассмотрение этого законопроекта затянулось: думская Комиссия по вероисповедным вопросам приступила к обсуждению законопроекта только 30 марта 1913 г., в ноябре его одобрила Финансовая комиссия. Представленный затем на рассмотрение общего собрания Думы, законопроект вскоре был снят с очереди, а в декабре 1915 г. отозван Министерством внутренних дел для переработки на новых основаниях, в связи с изменением ситуации в Прибалтике.

Пытаясь смягчить остроту аграрного вопроса в Прибалтийских губерниях, правительство в рассматриваемый период приняло ряд мер, затрагивавших дворянское землевладение, в частности, такие два его вида, как родовые фидеикомиссы и имения рыцарств.

К числу сложных проблем, требовавших разрешения, относился вопрос о поземельном устройстве крестьян, арендовавших участки из состава имений, которые принадлежали дворянским обществам. Законы 10 марта 1869 г. «Об административном и поземельном устройстве крестьян казенных имений в губерниях Лифляндской, Эстляндской и Курляндской» и 12 июня 1886 г. «О преобразовании оброчной подати бывших государственных крестьян в выкупные платежи» оставили ситуацию без изменений. Указом 3 марта 1886 г. министру земледелия и государственных

имущества предписывалось представить в Государственный совет сообщения о применении правил 10 марта 1869 г. к крестьянам рыцарских имений²⁶. Однако решению этой проблемы препятствовала позиция дворянства, расхвалившегося с правительством во взглядах на всю совокупность прав корпорации в отношении имений рыцарства. Оно считало, что предоставленное дворянским организациям право вечного владения имениями равнозначно полной собственности, в связи с чем, по мнению дворянства, к ним не могли быть применимы правила об устройстве быта государственных крестьян²⁷. Вопрос осложнялся еще и тем, что к концу 80-х годов XIX в. лифляндское дворянство уже продало часть крестьянских участков без всякого разрешения со стороны правительства, курляндское же дворянство, получив такое в 1867 г., с 1871 по 1882 г. продало все крестьянские земли²⁸.

Выяснением вопроса о правах рыцарств на эти имения при Государственном совете занималось особое совещание под председательством сенатора Н. Н. Герарда, действовавшее с 8 марта 1900 по 21 марта 1901 года. Оно пришло к заключению, что вопрос о поземельном устройстве крестьян следовало рассматривать вне зависимости от принадлежности имений, а основой для его разработки должны были стать правила 10 марта 1869 г. об устройстве государственных крестьян, причем оговаривалось предоставление участков в собственность крестьян на правах обязательного выкупа с установлением выкупной цены не по соглашению между вотчинником и дворохозяевами, а законодательным порядком²⁹.

В соответствии с этими принципами в 1904 г. Министерство внутренних дел разработало и представило в Государственный совет проект правил. Обязательному выкупу подлежали участки повинностной и арендной земли имений рыцарства, а также часть отрезных земель (называвшихся «квотными» в Лифляндской губернии и «шестидольными» в Эстляндской)³⁰; операция совершалась при участии казны³¹. Предусматривалась ликвидация вотчинных прав дворянских обществ на выкупленные участки (по местному законодательству, прежде собственники частных имений сохраняли за собой, при определенных условиях, право совозмездного, то есть с возмещением стоимости, отчуждения или присоединения проданных крестьянам земель и право охоты)³². Это должно было гарантировать сохранение участков в руках крестьян; той же цели служило ограничение круга возможных покупателей участков исключительно лицами крестьянского сословия. В проекте признавалось желательным также прекращение (по завершении землеустройства) всех обязательных отношений между дворянскими организациями и крестьянами³³.

После 1906 г., по новым Основным законам, законопроект должен был пройти через Государственную думу. Он был внесен в Думу в марте 1909 г. за подписью товарища министра внутренних дел А. И. Лыкошина и одобрен ею 2 мая 1912 г. с небольшими дополнениями. Закон «О выкупе крестьянской повинностной и арендной земли в имениях, высочайше пожалованных дворянским обществам Прибалтийских губерний», вступил в силу 6 июня 1912 года³⁴. Не менее важной проблемой, нуждавшейся в разрешении, являлось поземельное устройство крестьян — арендаторов участков дворянских фидеикомиссов³⁵, которому препятствовал законодательный запрет отчуждать части такого имения³⁶. Продажа крестьянских участков фидеикомиссов допускалась, но только с высочайшего соизволения. Несколько иная в этом отношении ситуация существовала в Курляндии, где действовали правила 27 мая 1870 г., допускавшие отчуждение крестьянских арендных земель с разрешения дворянского комитета (одного из высших органов дворянского самоуправления). Мотивом, побудившим правительство издать указанные правила, было отсутствие обязанности владельцев частных имений данной губернии предоставить при освобождении крестьян часть земли им в аренду.

Инициатором пересмотра действовавшего в этом отношении в Прибалтике законодательства выступил эстляндский дворянский комитет, который в 1905 г. представил в Министерство внутренних дел проект правил об

отчуждении и сдаче в долгосрочную аренду земельных участков фидеикомиссов Эстляндской губернии. После обнародования положений Совета министров 21 октября 1906 г. о разрешении владельцам заповедных, майоратных, ленных и подуховных имений отчуждать участки из их состава крестьянам эстляндский предводитель дворянства Э. Н. Деллингаузен обратился к министру юстиции с докладной запиской, настаивая на незамедлительном внесении проекта дворянского комитета в Совет министров³⁷. Вслед за этим правительство приступило к разработке законопроекта, представленного 13 октября 1910 г. на рассмотрение Думы, который был одобрен ею 28 апреля 1912 года. Его основу составили правила 27 мая 1870 г., допускавшие, с согласия местных дворянских учреждений, покупку не только крестьянских, но и квотных и шестидольных земель. Этот порядок предполагалось распространить, помимо родовых, еще и на другие формы фидеикомиссных имений, к которым принадлежали не только дворянские вотчины (в Прибалтике, например, существовали также и крестьянские фидеикомиссы). Покупать земельные участки из состава дворянских фидеикомиссов разрешалось только крестьянам и Крестьянскому поземельному банку. Суммы, вырученные от продажи земель из их состава, могли употребляться на покупку других земских имений, к которым переходило свойство родового фидеикомисса, на приобретение правительственных или гарантированных правительством ценных бумаг, закладных листов дворянских кредитных обществ, на погашение лежавшей на данных имениях вступной цены (налог, уплачиваемый при вступлении в права наследования) или обеспеченных ею долгов³⁸. Закон «О разрешении владельцам фидеикомиссных земских имений в губерниях прибалтийских отчуждать входящие в состав сих имений крестьянские земельные участки, а также земли квотные и шестидольные» вступил в силу 25 июня 1912 года.

В 1910—1916 гг. правительство также работало и над разрешением проблемы отрезных земель. Позицию Министерства внутренних дел отражала записка «По вопросу о квотных и шестидольных землях в губерниях Лифляндской и Эстляндской». Как отмечалось в ней, вопрос был поднят во второй половине 80-х годов XIX в. прибалтийскими губернаторами, встретившимися с серьезными затруднениями при разрешении дел по жалобам на неправильное присоединение отрезных земель к мызным землям³⁹. Во всеподданнейшем докладе министра внутренних дел И. Н. Дурново от 17 февраля 1893 г., завершившем предварительное рассмотрение вопроса, указывалось, что, по мысли законодателя, назначение отрезных земель состояло в устройстве быта батраков. В связи с этим отрезные земли предлагалось перевести в разряд крестьянских⁴⁰ и образовать на них мелкие участки для сдачи в аренду и продажи безземельным крестьянам⁴¹. По докладу министра внутренних дел последовал указ 18 февраля 1893 г. подготовить законопроект об обращении отрезных земель к их законному назначению (то есть о переводе их в разряд крестьянских). Кроме того, временно, до разрешения вопроса, прекращалось производство по делам о неправильных присоединениях и приостанавливалась продажа участков из состава отрезных земель, за исключением тех случаев, когда покупателями являлись лица крестьянского сословия, не являвшиеся ни собственниками, ни арендаторами крестьянских участков⁴².

Правительство и дворянство придерживались различных взглядов по вопросу о «назначении» отрезных земель. Хотя точка зрения Министерства внутренних дел на цель отрезки и основывалась на анализе законодательства и сопутствовавших ему актов, она была далеко не бесспорной: положения о крестьянах 1849, 1859 и 1860 гг. не содержали никаких конкретных указаний на назначение квотных и шестидольных земель; Положение о крестьянах Эстляндской губернии 1856 г. и Правила о поземельном устройстве крестьян острова Эзель 1865 г. определяли назначение этих земель крайне расплывчато. Для выяснения вопроса об «обращении» отрезных земель в 1910 г. при Министерстве внутренних дел было образовано межведомственное совещание под председательством Лыкошина. По мнению большинства его членов, о «назначении» этой категории земель свидетельствовало

утвержденное 13 ноября 1860 г. вместе с Положением о лифляндских крестьянах мнение Государственного совета. В нем содержалось указание прибалтийскому генерал-губернатору обратить внимание лифляндского дворянства на меры Министерства государственных имуществ по обеспечению сельскохозяйственных рабочих участками в имениях казны; при этом предлагалось употребить в течение пятилетнего срока отрезные земли для устройства батраков в помещичьих имениях. Дворянство на это возражало, что юридической силой обладал один только текст закона, а не мнения, сопровождавшие его принятие и в самом законодательстве не содержалось никаких конкретных указаний об обеспечении безземельного населения, наоборот, отрезные земли предоставлялись им в полное распоряжение помещиков⁴³.

Большинство членов Совецания присоединилось к точке зрения Министерства внутренних дел о необходимости перевести квотные и шестидольные земли, как находившиеся в аренде у крестьян (так называемая свободная квота), так и использовавшиеся помещиками (несвободная квота), в разряд крестьянской, причем первую ее категорию — безусловно, а вторую — с предоставлением права обмена на мызную землю. Это предложение членов Совецания поддержало Министерство юстиции.

Законопроект поступил на рассмотрение Совета министров 15 декабря 1912 г.; в главных своих положениях он основывался на заключении большинства членов Особого межведомственного совещания (перевод квотных и шестидольных земель в разряд крестьянских, допущение обмена на мызные земли той их части, которая эксплуатировалась помещиками в собственных экономических интересах, ограничение круга покупателей или арендаторов исключительно безземельными крестьянами)⁴⁴. Проведение такой реформы существенно расширило бы фонд крестьянских земель: согласно данным Министерства внутренних дел, «свободных» отрезных земель в Лифляндской, Эстляндской губерниях и на о. Эзель имелось 183 394 дес., «несвободных» — 61 325 дес. (из них слившихся с мызными землями — 24 772 дес.)⁴⁵.

Однако Совет министров в заседании 3 января 1913 г. отклонил законопроект, потребовав от Министерства внутренних дел согласовать его с министром юстиции и государственным секретарем, после чего представить на отзыв предводителю лифляндского дворянства. Все эти инстанции дали негативную оценку законопроекту. Предводители эстляндского (Деллинсгаузен) и лифлянского (А. А. Пилар фон Пильхау) дворянства усмотрели в обращении отрезных земель в разряд крестьянских нарушение принципа неприкосновенности частной собственности; министр юстиции в заключении от 26 марта 1913 г. указывал, что отделение «несвободных» отрезных земель подорвало бы хозяйство помещика, и предлагал изъять данную категорию земель из сферы применения закона⁴⁶. Той же точки зрения придерживались эстляндский и лифляндский губернаторы.

В итоге проект подвергся переработке: обращению в разряд крестьянских подлежали только участки квотных и шестидольных земель, сдававшиеся в аренду, причем исключались те из них, на которых находились различные промышленные и иные хозяйственные предприятия, принадлежавшие помещикам. 31 мая 1913 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков представил вторую редакцию законопроекта в Совет министров. Не удовлетворившись достигнутой уступкой, дворянство еще оттянуло слушание законопроекта, воспользовавшись разрешением, данным Пилар фон Пильхау, представить записку по рассматривавшемуся вопросу; он представил ее 30 июля 1913 года. Пилар высказался против обращения арендных квотных земель Лифляндской губернии в категорию крестьянских и настаивал на сохранении всех без исключения арендных земель в неограниченном распоряжении собственников. Квотный же вопрос, по его мнению, следовало решить отменой указа 18 февраля 1893 года⁴⁷. Однако основная цель записки, заключавшаяся в том, чтобы, не допустив одобрения законопроекта Советом министров, окончательно разрешить проблему в интересах прибалтийского дворянства, достигнута не была.

5 февраля 1914 г. Министерство внутренних дел представило в Совет министров третью редакцию проекта. Как указывалось в приложенной записке, министерство максимально учло интересы помещиков: чтобы не вносить расстройств в помещичье хозяйство, участки «несвободных» квотных и шестидольных земель изымались из сферы действия закона. Однако решение вопроса исключительно в интересах дворянства, как подчеркивало Министерство внутренних дел, противоречило бы взгляду правительства на назначение отрезных земель. Чтобы не осложнить проведение реформы, в новой редакции были опущены положения, касающиеся Эстляндии, где не вполне разграничивались крестьянские и мызные, а также крестьянские и шестидольные земли. В 1911 г. Эстляндский ландтаг высказался за упорядочение всего аграрного устройства губернии до разрешения вопроса об отрезных землях. Министерство внутренних дел присоединилось к этому мнению⁴⁸. Одобренный Советом министров, законопроект был внесен в Думу 20 марта 1914 года. Два года спустя министерство отозвало его, и проблема отрезных земель так и не получила разрешения⁴⁹.

Таким образом, результаты правительственной политики в отношении Прибалтики в 1907—1914 гг. оказались значительно скромнее первоначальных ее целей. Из всех разрабатывавшихся в этот период преобразований в силу вступили только два закона — 6 и 25 июня 1912 года. Хотя они и создавали некоторые условия для расширения фонда крестьянских земель, однако кардинально проблему крестьянского малоземелья не решали. В то же время остался нерешенным вопрос о церковных и отрезных землях; приходская реформа также не была реализована. К разработке земской реформы Министерство внутренних дел вовсе не приступило.

Начало первой мировой войны вынудило правительство ускорить подготовку реформ для Прибалтики, а также способствовало радикализации его подхода к разрешению «прибалтийско-немецкого» вопроса.

Несмотря на поддержку правительственного внешнеполитического курса, заявленную с думской трибуны представителями прибалтийских немцев⁵⁰, они с первых же дней войны стали объектом подозрений в нелояльности, симпатиях к врагу и шпионаже. Подобные настроения подогревались консервативной и правой прессой (прежде всего «Новым временем» и «Вечерним временем»), развернувшей широкую антинемецкую кампанию. Защита российских немцев как национальной группы со стороны кадетской прессы большого успеха не имела, а попытки петербургских немецких газет «Sankt-Petersburger Zeitung» и «Petrograder Herold» доказать ложность обвинения, отстоять их человеческое и национальное достоинство, вызывали новые яростные нападки со стороны националистической прессы. Ее поведение усилило рост шовинистических настроений в обществе. Отчасти под влиянием антинемецкой кампании, в Прибалтике крайне обострились межнациональные отношения.

В июле 1914 г. курляндский губернатор С. Д. Набоков (брат известного лидера кадетов В. Д. Набокова) сообщал министру внутренних дел о проводимой в крае антинемецкой агитации с призывами к латышам расправиться с немцами в отместку за карательные экспедиции 1905—1907 годов. На беспокойное настроение латышей лифляндскому губернатору указывал верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Для предотвращения возможных эксцессов Набоков 23 июля 1914 г. обнародовал уведомление о преступности действий, направленных против немецкой части населения губернии. Были приняты меры в отношении местных периодических изданий, публикации которых накаляли обстановку⁵¹. В результате своевременных шагов, предпринятых администрацией, насильственных действий в отношении прибалтийско-немецкого населения удалось избежать.

По фактам о якобы изменнической деятельности прибалтийских немцев, сообщавшимся в печати и депутатами Думы С. П. Мансыревым, Я. Ю. Гольдманом и И. Раамотом в докладных записках министру внутренних дел и председателю Совета министров, а также частными лицами, проводились расследования чинами Отдельного корпуса жандармов в августе

1914 года. Полученные результаты опровергли выдвинутые против остзейских немцев обвинения, и товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, предпринявший инспекционную поездку по Прибалтике 3—4 сентября 1914 г., подтвердил выводы расследования. По сообщениям местной администрации, компрометация немецкого населения носила характер организованной кампании. Возможность урегулирования ситуации в крае, как отмечал организованной кампании. Возможность урегулирования ситуации в крае, как отмечал в своем докладе министру внутренних дел Джунковский, заключалась в проведении земской и церковной реформ. На необходимость безотлагательной реализации этих и других мер, которые влекли за собой ограничение привилегий прибалтийского дворянства, указывал и П. Г. Курлов в отчете об исполнении им с 24 ноября 1914 г. по 3 августа 1915 г. обязанностей особоуполномоченного по гражданскому управлению Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерниями⁵².

Принятые правительством, по сути, дискриминационные меры, такие как воспрещение употребления немецкого языка в общественных местах и в качестве языка преподавания (начиная с 1916/1917 учебного года), закрытие немецких газет, обществ и учебных заведений при них, ликвидация всех организаций, объединявших лиц немецкой национальности (по подозрению в пропаганде ими идеи пангерманизма и в связях с «Всенемецким союзом»), сопровождалась попытками погасить антинемецкие настроения в обществе. Этот подход определялся позицией Министра внутренних дел Маклакова, считавшего травлю немцев безосновательной и недопустимой. Для ее пресечения Маклаков лично сделал замечания редакторам газет «Новое время» и «Вечернее время» по поводу нападок на прибалтийское дворянство; его циркуляром от 28 ноября 1914 г. губернаторам предписывалось принять все меры к пресечению доносов, которые в районах близких к театру боевых действий превратились в разновидность стихийного бедствия. Обвинения, содержащиеся в них, по большей части при проверке не подтверждались; Курлов, лично проводивший расследования, отмечал в своих воспоминаниях, что обыкновенно из ста подобных дел лишь одно давало основания к подозрению⁵³. В связи с этим 25 февраля 1915 г. он издал приказ, запрещающий местным властям рассматривать анонимные доносы; за сообщение ложных сведений устанавливалась уголовная ответственность⁵⁴.

Изменение правительственной линии, принесшее с собой новый виток антинемецкой кампании, произошло с назначением управляющим, а с октября 1915 г. — министром внутренних дел А. Н. Хвостова. Именно он стал главной фигурой и вдохновителем «борьбы с немецким засильем» в экономической и общественной жизни. Появившийся 2 февраля 1915 г. закон о ликвидации землевладения и землепользования австрийских и германских подданных был дополнен 13 декабря 1915 г. законом, аннулировавшим земельную собственность немецких колонистов. Основу политики в отношении Прибалтики составил курс на ликвидацию обособленности края. С этой целью предусматривалось проведение комплекса мероприятий законодательного характера, направленных на полную унификацию строя Остзейских губерний с внутренними, для чего предполагалось пересмотреть действовавшую систему административного управления ими (безуспешная попытка решить данную проблему была предпринята в январе — феврале 1916 г., а после отставки Хвостова этот вопрос больше не поднимался).

С вторжением германских войск в Курляндскую губернию обстановка в Прибалтике резко обострилась, начались высылки из района боевых действий этапным порядком в Сибирь или во внутренние губернии представителей дворянства и лютеранского духовенства, нередко даже без объяснения причин и весьма часто на основании ложных доносов⁵⁵.

Однако репрессивные действия военных властей в отношении прибалтийско-немецкого населения все же отчасти имели под собой реальные основания. Враждебную России политическую деятельность вел ряд находившихся в Германии эмигрантов-остзейцев — профессор истории Т. Шиманн, писатель и философ П. Рорбах, теолог А. фон Гарнак, медиевист

И. Галлер, теолог Р. Зееберг. Наиболее видной фигурой среди них был Шиманн — доверенное лицо и информатор Вильгельма II, являвшийся также консультантом Министерства иностранных дел Германии по российской политике: начиная с 1890-х годов он был посвящен в секретную дипломатическую переписку, имевшую отношение к России, а в 1909—1914 гг., по сути, был вовлечен в разведывательную деятельность как переводчик секретных документов, поступавших от другого остзейца — Б. Зиберта, второго секретаря Российского посольства в Лондоне, об измене которого тогда не было известно. Шиманн не раз выступал в качестве посредника между остзейскими политическими деятелями Прибалтики и германскими правящими кругами: через него непосредственно к Вильгельму II, а затем — в германское Министерство иностранных дел попадали записки политического характера, составленные в Прибалтийских губерниях. Личным доверием Вильгельма II пользовался и Гарнак. Из других прибалтийских политиков-эмигрантов следует выделить Рорбах — одного из самых авторитетных независимых публицистов, автора книги «Немецкая идея в мире» (1912 г.) о влиянии Германии на мировую политику ⁵⁶.

По своим взглядам прибалтийско-немецкая политическая эмиграция не являлась однородной средой: в ней были представлены различные направления от консервативного до умеренно либерального. Но в то же время, по верному наблюдению американского исследователя Д. М. Хаара, от других германских публицистов балтов отличала русофобия, не зависевшая от их политических взглядов, которая нередко соединялась с антисемитизмом ⁵⁷. К числу наиболее известных германских антисемитов принадлежал остзеец Р. Зееберг, той же тенденцией характеризовалась публицистика его земляка А. Фолька.

В целом, эта группа эмигрантов оказала большое воздействие на немецкое общественное мнение и сыграла значительную роль в идеологической подготовке первой мировой войны. Как отмечал в одном из своих писем в 1915 г. немецкий историк России О. Хетч, прибалтийские немцы на протяжении почти тридцати лет определяли взгляд германского общества на Россию: 9/10 всех изданных в Германии книг о России были написаны ими, они также являлись российскими корреспондентами германских газет ⁵⁸. Прибалтийско-немецкая политическая эмиграция привнесла в германскую публицистику и привила широким слоям немецкого общества основные элементы своей идеологии, характеризовавшейся ярко выраженной антирусской направленностью: ненавистью к русскому человеку, к русской культуре и государству. Шиманн и Рорбах в своих публицистических произведениях обосновали и развили теорию «декомпозиции» (расчленения, или разделения) России путем содействия национальным движениям на окраинах империи) ⁵⁹.

Как показывают документы Политического архива Министерства иностранных дел ФРГ, ряд представителей прибалтийско-немецкой диаспоры участвовал в секретной агентурной деятельности Министерства иностранных дел Германии периода первой мировой войны. Это бароны Ф. фон дер Ропш и Б. фон Икскуль. Рорбах возглавлял отдел прессы, существовавший при Центральном отделе зарубежной службы Министерства иностранных дел. С 1915 г. там же начал свою работу С. Бредрих (активный участник акции «Немецких обществ» по переселению немецких колонистов в Прибалтику). Российское Министерство внутренних дел и военное ведомство были осведомлены об этой деятельности эмиграции.

Разработка проектов преобразований для Прибалтики продолжалась и в период первой мировой войны. В июне 1916 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий установил окончательную редакцию проекта церковной реформы. Общая схема приходской организации сохранялась такой же, как в проекте 1911 г. (она включала общее собрание прихожан, церковный совет как распорядительный орган и церковное попечительство — как исполнительный), но в остальной первая и вторая редакции существенно различались. По новой редакции, действие реформы распространялось на все три Прибалтийские губернии, включая Курляндию;

ликвидировалось право патроната и курьяльная система выборов старшин, в качестве основного принципа реформы провозглашалось предоставление равных прав всем прихожанам, участвовавшим в материальном обеспечении церкви (однако батраков это уравнение не коснулось). В церковных советах допускалось употребление местных языков, что вызывалось отчасти практическими соображениями: знание русского языка в сельских местностях Прибалтийского края было крайне слабым. Но делался обязательным перевод протоколов заседаний на русский. Проектом также предусматривалась ликвидация всех церковных повинностей. По решению Совета министров 9 сентября 1916 г. законопроект был передан на заключение Министерства юстиции⁶⁰. При нем было образовано межведомственное совещание во главе с товарищем министра юстиции А. Н. Веревкиным для рассмотрения проекта, заседавшее лишь один раз — 18 февраля 1917 года.

Реформу сельского прихода предполагалось дополнить реформированием городских и смешанных (с городским и сельским населением) приходов, а так же реорганизацией управления евангелическо-лютеранской церкви. Основная задача намеченного преобразования высших учреждений лютеранской церкви состояла в ликвидации определяющего влияния немцев вообще и прибалтийского дворянства в частности, в духовных делах лютеран. Подготовка этих преобразований прервала Февральская революция⁶¹.

Цели «дегерманизации» духовной жизни лютеран Российской империи преследовал также и внесенный 29 марта 1916 г. в Думу законопроект «О языке переписки, делопроизводства, суждений и протоколов заседаний протестантских духовных учреждений и лиц и о пересмотре некоторых статей закона, связанных с этим вопросом» (данный вопрос уже поднимался правительством в 1911—1912 гг.). Проектом допускалось употребление родного для большинства населения языка в приходских учреждениях, а с разрешения министра внутренних дел оно могло быть допущено также в заседаниях синодов при чтении богословских рефератов и докладов; немецкая терминология из «Устава иностранных исповеданий», подлежала полному исключению, отменялась обязательность богослужения на немецком языке в сельских приходах Прибалтийских губерний — даже при значительном числе прихожан-немцев⁶². Однако этот законопроект остался не рассмотренным вероисповедной комиссией Думы.

Реформа сословных учреждений прибалтийско-немецкого дворянства (в глазах правительства — основной оплот оппозиции и сепаратизма), к подготовке которой Министерство внутренних дел приступило в марте 1915 г. (ей предшествовала разработка еще в 1902—1904 гг. преобразования рыцарств), должна была окончательно пресечь его политическое влияние. Разработанным проектом «Положения о дворянстве Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний» предусматривалось преобразование сословных органов прибалтийского дворянства по образцу дворянских организаций внутренних губерний⁶³. За деятельностью рыцарств устанавливался строгий надзор высшей губернской власти, а в их делопроизводство вводился русский язык. Сферу компетенции этих организаций предполагалось ограничить исключительно сословными делами. Все остальные вопросы, связанные с управлением делами лютеранской церкви, с руководством сельскими школами и земским делом, подлежали изъятию из ведения рыцарств; предусматривавшееся отчуждение в казну «имений рыцарств» подорвало бы и материальную базу сословных организаций⁶⁴. Подготовленные проекты представлений ни в Совет министров, ни в Думу внесены не были.

В то же время в порядке статьи 87 Основных законов были ликвидированы так называемые особые привилегии собственников дворянских вотчин. Содержание этих прав (статьи 883 и 892 Свода гражданских узаконений губерний Прибалтийских)⁶⁵ обычно трактуется в историографии как сословно-политические привилегии прибалтийского дворянства (во многом под влиянием публицистики того времени). Однако такая оценка представляется не вполне обоснованной. В самих ст. 883 и 892 указывалось, что особые права присваиваются владельцу дворянской вотчины вне зависимос-

ти от его сословия, то есть обладание ими было связано не с принадлежностью к дворянству, а с владением дворянской вотчиной. Ее владельцем могло быть лицо любого сословия (при этом название «дворянская вотчина» все равно сохранялось). Однако число недворян среди собственников данной формы недвижимости было крайне невелико, в связи с чем носителем особых прав оставалось в основном дворянство, и они расценивались общественным мнением как средство удержания его политического господства в крае.

Существование этих привилегий сковывало предпринимательскую инициативу местного населения и являлось постоянным источником межнациональной вражды. Учитывая негативные последствия существования исключительных прав, необходимость их отмены в 1907 г. признали все члены особого совещания при временном прибалтийском генерал-губернаторе. К этому же вопросу обращались и депутаты Думы. 1 августа 1915 г. в Думу был внесен законопроект за подписью 205 депутатов (помимо кадетов свои подписи под ним поставили представители правых) об отмене, без вознаграждения, особых привилегий собственников вотчин. После того как думская комиссия по борьбе с немецким засильем признала такой закон желательным, правительство взяло разработку законопроекта на себя ⁶⁶.

Выработанным проектом закона «Об отмене особых поземельных прав владельцев дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях» ликвидировались особые права собственников дворянских вотчин, которые присваивались всем землевладельцам вне зависимости от их сословной принадлежности ⁶⁷. Отменялись также права, присвоенные владельцам вотчин по отношению к участкам, отделенным из состава вотчины и перешедшим во владение других лиц (ст. 204 Положения о крестьянах Эстляндской и ст. 42 Положения о крестьянах Лифляндской губернии) ⁶⁸. За ликвидируемые права их бывшим собственникам не полагалось никакого вознаграждения ⁶⁹. Этот закон вступил в силу 10 июля 1916 года.

В порядке чрезвычайного законодательства 25 октября 1916 г. было ликвидировано право мызной полиции, которое также относилось к числу привилегий прибалтийского дворянства. Решение об упразднении этого института прежде всего определялось интересами государственной безопасности и тем серьезным политическим влиянием, которым, по мнению Департамента полиции, обладал данный институт, в то время как его практическое значение для охраны правопорядка было крайне невелико ⁷⁰.

В то же время без окончательного разрешения остался вопрос об отрезных землях. В феврале 1915 г. земский отдел Министерства внутренних дел приступил к разработке проекта об обязательном выкупе (при содействии казны) в Прибалтийских губерниях всех не проданных на тот момент крестьянских и отрезных земель. Основу намеченного преобразования должен был составить закон 28 декабря 1881 г. об обязательном выкупе, действовавший во внутренних губерниях. Этой реформе придавалось большое политическое значение, в частности, Маклаков в отношении от 8 апреля 1915 г. на имя министра юстиции И. Г. Щегловитова признавал, что одним из основных мотивов преобразования являлась необходимость ликвидировать экономическую зависимость арендаторов-эстонцев и латышей от представителей немецкого дворянства ⁷¹.

Для разработки проекта реформы в 1915 г. были созданы три совещания: при Министерстве внутренних дел под председательством товарища министра Н. В. Плеве и два межведомственных — во главе с Плеве и управляющим земским отделом А. Н. Неверовым. Несмотря на предпринятые усилия (к декабрю 1915 г. было выработано пять редакций проекта закона), проект товарища министра Н. В. Плеве и два межведомственных — во главе с Плеве и управляющим земским отделом А. Н. Неверовым. Несмотря на предпринятые усилия (к декабрю 1915 г. было выработано пять редакций проекта закона), проект представления «О завершении поземельного устройства крестьян в губерниях Прибалтийских», внесен в Совет министров так и не был ⁷².

Таким образом, ни одна из разрабатывавшихся в начале XX в. правительственных реформ, направленных на кардинальное преобразование

существовавших в крае отношений, реализована не была. Причина этого заключались прежде всего в двойственности позиции правительства в отношении ряда преобразований, настоятельная необходимость которых была признана, однако законодательное утверждение подготовленных, иногда в кратчайшие сроки, законопроектов крайне затягивалось. Влияли не столько бюрократические причины, сколько колебания правительства, связанные с возможными последствиями реформ. Умаление роли остзейского дворянства полностью соответствовало задачам правительственной политики в крае, но непосредственно связанное с этим усиление влияния прибалтийских народов вызывало опасения, поскольку оно расценивалось как основа для роста сепаратизма и возникновения автономистских тенденций. Решиться же окончательно изменить традиционное соотношение общественных сил в Прибалтике правительство так и не смогло.

Одна из причин того, что реформаторские намерения правительства остались нереализованными, заключалась также в неконструктивной позиции рыцарств, стремившихся своими протестами против намеченных преобразований и многочисленными контрпроектами обеспечить наиболее выгодный для себя исход дела. Отношение прибалтийского дворянства к реформам в крае свидетельствовало о недооценке им реальной ситуации⁷³; его недалёковидная и негибкая политика имела негативные последствия в целом для всех прибалтийских немцев, вскоре потерявших свое политическое влияние и вынужденных эмигрировать в 1939 году.

Основные цели прибалтийской правительственной политики начала XX в. заключались в стремлении заменить определяющее влияние немцев в крае русским и смягчить остроту социальных и межнациональных конфликтов путем ряда, по сути, антинемецких мероприятий. Усиление правительственного влияния в Прибалтике рассматривалось в качестве единственно возможного способа обеспечить государственную безопасность в условиях сложной внешнеполитической обстановки.

Основные цели правительственной политики не были достигнуты, а результаты избранной линии оказались обратными ожидавшемуся: они способствовали росту антирусских настроений; среди части прибалтийско-немецкого общества был замечен поворот к ориентации на Германию. Затягивание с реализацией преобразований способствовало еще большему обострению конфликтов в Прибалтике и радикализации требований национальной оппозиции. В целом, к началу первой мировой войны время для проведения реформ было упущено.

Примечания

1. НОЛЬДЕ Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб. 1911, с. 409.
2. По различным данным, численность прибалтийских немцев в начале XX в. составляла 6%—9% от общей численности населения края (БРОКГАУЗ Ф. А., ЕФРОН И. А. Энциклопедический словарь. Т. 25. СПб. 1898, с. 110—111; Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897. Stuttgart. 1991. Tab. 005).
3. SCHLINGENSIEPEN G. H. Der Strukturwandel des baltischen Adels in der Zeit vor dem Ersten Weltkrieg. Marburg/Lahn. 1959, S. 5.
4. Свод местных узаконений губерний Остзейских. Ч. 2. СПб. 1845, ст. 122, 254, 328, 34.
5. Полное собрание законов Российской империи 2-е (ПСЗ-2). Т. 38. СПб. 1866, № 39845.
6. Свод местных узаконений. Ч. 2, ст. 364, 380, 450, 501, 98, 211, 276.
7. ПСЗ-2. Т. 41. СПб. 1868, № 43031, 43817; т. 44. СПб. 1873, № 47152.
8. Свод местных узаконений. Ч. 2. Ст. 11.
9. ПОГОДИН М. П. Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену. М. 1869, с. 6; Из архива князя С. В. Шаховского. Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1885—1894). Т. 1. СПб. 1909, с. 180; БУЛАЦЕЛЬ П. Ф. Привилегии прибалтийского дворянства в силу закона и обычая. — Российский гражданин, 9.X.1916, № 36, с. 2; Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1282, оп. 2, д. 26, л. 138; БАШМАКОВ А. А. За смутные годы. СПб. 1906, с. 42, 129.
10. РГИА, ф. 821, оп. 5, д. 283, л. 39об.

11. Революция 1905—1907 гг. в Эстонии. Сб. док. и м-лов. Таллин. 1955, с. 437—438.
12. Politische Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA). Rußland 61. Bd. 21. S. 136об. (в делах Политического архива Министерства иностранных дел отсутствует пагинация; номера страниц проставлены автором настоящей статьи). См. также: RISTONLKORS G. v. Zielkonflikte deutschbaltischer Politik nach der revolutionären Kriese von 1905. In: Die baltischen Provinzen Rußlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917. Köln — Wien. 1982, S. 130—140; ПИСТОЛЬКОРС Г. фон. Прибалтийско-немецкие соображения после революционного кризиса 1905 г. относительно переориентации лояльности в сторону Германии. В кн.: Германия и Прибалтика. Рига. 1983; КРУПНИКОВ П. Я. Политика германского империализма в Прибалтике в начале XX в. В кн.: Исследования по истории германского империализма начала XX в. М. 1987, с. 218—239.
13. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 20, л. 40.
14. Там же, ф. 1282, оп. 1, д. 719, л. 135; ф. 1276, оп. 4, д. 70, л. 20, 55об.; д. 20, л. 14, 41.
15. ДЯКИН В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.). — Вопросы истории, 1995, № 9, с. 131.
16. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 70, л. 1об.
17. Там же, д. 20, л. 29об.
18. Огласка стала результатом действий А. Н. Меллер-Закомельского, переславшего копии циркуляра 10 февраля 1908 г. и своего письма главе Канцелярии по подаче прошений на высочайшее имя А. А. фон Будбергу, который передал их эстляндскому предводителю дворянства Э. Н. Деллинсгаузену. О циркуляре заговорили в газетах, хотя позднее существование этого документа отрицал и сам Меллер-Закомельский (DELLINGSHAUSEN E. v. Kodumaa teenistuses. Tallinn. 1994, Lk. 106).
19. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 20, л. 68.
20. Там же, ф. 821, оп. 150, д. 338, л. 14.
21. Там же, д. 309, л. 46.
22. Там же, л. 61об.; оп. 133, д. 1041, л. 10.
23. Там же, оп. 150, д. 309, л. 67, 26, 59.
24. Там же, оп. 5, д. 898, л. 273.
25. Государственная дума. Созыв IV. Сессия I (ГД IV/1). Законопроекты, внесенные министром внутренних дел. Т. 1. [Б.м. Б.г.], № 32, с. 73.
26. ПСЗ-2. Т. 44. Отд. 1. 1869. СПб. 1873, № 46833; ПСЗ-3. Т. 6. СПб. 1888. №№ 3807, 3552.
27. ГД III/5. Земельная комиссия. Представления министров и доклады по ним. [Б.м., Б.г.], с. 71об.
28. РГИА, ф. 1230, оп. т.16, д. 1, л. 30об.
29. ГД III/5. Земельная комиссия, с. 72—72об.
30. С XIV в. в Прибалтийском крае земли, находившиеся в собственности помещиков, дворянских организаций и церкви подразделялись на «мызные» и «крестьянские» (последние назывались также повинностными). Это разграничение земель, отмененное законом 1819 г., предоставившим помещикам неограниченное право распоряжаться всей землей имения, было восстановлено в 1840 г. лифляндским «Крестьянским положением». Согласно изданному для Лифляндской губернии крестьянскому закону 1849 г., помещик мог сдать крестьянскую землю в аренду или продать ее только крестьянину; присоединить эту категорию земель к мызной законодательство ему не позволяло. В то же время закон разрешал помещику отделить часть крестьянской земли (так называемая квотная или шестидольная земля), которая, по мнению составителей закона, предназначалась для сдачи в аренду батракам в качестве «вознаграждения» за их труд. Подробно об этом см. KIVIMÄE S. Der Zarismus und die Agrarfrage in Estland am Vorabend der Revolution von 1905—1907. In: The Baltic Countries 1900—1914. Proceedings from The 9th Conference on Baltic Studies in Scandinavia, Stockholm, June 3—6, 1987. S. 1., 1990.
31. РГИА, ф. 1291, оп. 62, д. 811, л. 30—31об.
32. Свод местных узаконений губерний Остзейских. Ч. 3. СПб. 1864, ст. 84.
33. РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1059, л. 26об.
34. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва 1907—1912. Ч. 2. Законодательная деятельность. СПб. 1912, с. 250.
35. В данном случае фидеикомисс (*лат.* fideicommissum, от *fides* — вера, доверие, добросовестность и *committo* — поручаю) — форма землевладения, при которой имение (фидеикомисс) переходило по наследству к старшему из наследников целиком (то есть дробить, отчуждать части из его состава запрещалось). Создание фидеикомисса преследовало цель сохранения имения в роду.

36. Свод местных узаконений губерний Остзейских. Ч. 3, ст. 2321, 2342; ГД. III/5. Земельная комиссия, с. 265; ПСЗ-2. Т. 45. Отд. 1, 1870. СПб. 1874, № 48423.
37. ГД. III/5. Земельная комиссия, с. 266—266об.
38. ГД. III/5. Стенограф. отчеты. Ч. 3. СПб. 1912, стб. 3674.
39. РГИА, ф. 1405, оп. 543, д. 885, л. 83.
40. По местному законодательству, вотчинник мог распоряжаться крестьянскими землями только посредством сдачи их в аренду или продажи членам крестьянского общества; на остров Эзель данное ограничение прав помещика не распространялось.
41. РГИА, ф. 1291, оп. 65, д. 218, л. 83, 123; Свод местных узаконений губерний Остзейских. Ч. 3, ст. 600.
42. РГИА, ф. 1405, оп. 543, д. 885, л. 60.
43. Там же, л. 72, 134, 180б.
44. Там же, л. 108об., 19, 132—132об.
45. Там же, ф. 1291, оп. 64, д. 502, л. 9.
46. Там же, ф. 1405, оп. 543, д. 885, л. 382, 282, 133об., 244.
47. Там же, л. 308об., 406.
48. Там же, ф. 1276, оп. 5 д. 405, л. 141, 144.
49. ГД IV/4. Стенограф. отчеты. Ч. 3. Пг. 1916, стб. 3269.
50. Стенографический отчет заседания Государственной думы, созванной на основании Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. СПб. 1914, стб. 20—21.
51. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 270, оп. 1, ед. хр. № 91, л. 13, 5, 14об.
52. Там же, л. 17об.; д. 93, л. 17об. —18; ф. 435, оп. 1, д. 19, л. 17.
53. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. СПб. 1999, с. 110; ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 143, л. 680б.; КУРЛОВ П. Г. Гибель императорской России. М. 1991, с. 209.
54. Цит. по: МЕЙЕНДОРФ А. Ф. Разбор обвинений, заключающихся в книгах «Прибалтийский край и война» Ар. Тупина и «В стране чудес» А. Ренникова. Пг. 1915, с. 24.
55. Подробно об этом см. Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. Сб. ст. памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб. 1999, с. 461—473.
56. NAAR J. M. «The Russian Menace». Athens (Georgia). 1977, p. 35; TAUBE A., THOMSON E., GARIEFF M. Die Deutschbalten — Schicksal und Erbe einer eigenständigen Gemeinschaft. In: SCHLAU W. Die Deutschbalten. München. 1995, S. 76.
57. NAAR J. M. Op. cit., p. 53.
58. LENZ W. Baltische Propaganda im Ersten Weltkrieg. In: Die baltischen Provinzen Rußlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917. Köln — Wien. 1982, S. 189.
59. По данному вопросу имеется следующая литература: FISCHER F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf. 1961; MARKERT W. Die deutsch-russischen Beziehungen am Vorabend des ersten Weltkrieges. In: Deutsch-russischen Beziehungen von Bismark bis zur Gegenwart. Stuttgart. 1964, S. 55—64; HILLGRUBER A. Deutsche Rußlandpolitik 1871—1918. In: HILLGRUBER A. Deutsche Großmacht- und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Düsseldorf. 1977, S. 70—90; MANN B. Die Baltischen Länder in der deutschen Kriegszielpublizistik 1914—1918. Tübingen. 1965. Ср. RISTOHLKORS G. v. Die Deutschbalten. Probleme einer Oberschicht vor dem Ersten Weltkrieg. In: PISTOHLKORS G. v. Vom Geist der Autonomie. Aufsätze zur baltischen Geschichte. Köln. 1995, S. 69—71.
60. РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1090, л. 180—181, 63об.; д. 1089, л. 5об.; ф. 1248, оп. 190, д. 107, л. 52.
61. Там же, ф. 821, оп. 133, д. 1119, л. 137, 203.
62. Там же, д. 958, л. 25; ф. 1022, оп. 1, д. 16, л. 389; ф. 1022, оп. 1, д. 1091, л. 16—170б.
63. Там же, ф. 1282, оп. 2, д. 26; д. 1396, л. 32—34, 277.
64. Там же. 71об.
65. Ст. 883: «Особые права, присваиваемые собственнику дворянской вотчины в Лифляндии, Эстляндии и на острове Эзеле, независимо от его звания, суть: 1. Право винокурения, пивоварения и продажи пива и съестных припасов, а также право заводить и содержать корчмы и шинки, согласно с действующими о том постановлениями; 2. Право учреждать в пределах имения местечки и открывать, установленным для сего порядком, рынки и ярмарки; 3. Право именоваться и подписываться владельцем того имения. Все эти права, принадлежащие исключительно дворянским вотчинам, не могут быть переносимы на продаваемые из них отдельные участки, даже если бы покупатель был дворянин, кроме тех случаев, когда из такого участка будет учреждена новая дворянская вотчина.

Ст. 892: «Права, принадлежащие собственнику дворянской вотчины в Курляндии, независимо от его звания, суть: 1. Право рыбной ловли, охоты и вообще звериной ловли на землях, и в лесах и водах имения; 2. Право винокурения и пивоварения, а так же право заводить и содержать корчмы и шинки для продажи пива и других напитков и съестных припасов, соответственно действующим о том постановлениям; 3. Право заводить в пределах имения фабрики и учреждать ярмарки, установленным на то порядком». Цит. по: Свод гражданских узаконений губерний прибалтийских. Продолжение 1912 г. СПб. Б.г., с. 21—22.

66. РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1243, л. 25; ГД IV/4. Обзор деятельности комиссий и отделов. Пг. 1916, с. 216.
67. РГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 1028, л. 111.
68. Эти статьи предоставляли помещику, в собственности которого ранее находился проданный участок, права его совозмездного отчуждения или присоединения в необходимых случаях: для нужд мелиорации, прокладки путей сообщения и т. д. (см. ГД III/4. Приложения к стенограф. отчетам. Т. 5. Пг. 1916, № 603; Положение о крестьянах Эстляндской губернии 1856 г. (ПСЗ-2. № 30693); Положение о крестьянах Лифляндской губернии 1860 г. (ПСЗ-2, № 36312).
69. РГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 1028, л. 112.
70. Там же, ф. 1284, оп. 190, д. 107, л. 49об.
71. Там же, ф. 1405, оп. 543, д. 887, л. 1об.
72. КАРЬЯХЯРМ Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905—1917 гг. Таллин., 1987, с. 182; РГИА, ф. 1291, оп. 65, д. 218, л. 129.
73. PISTONLKORS G. v. Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Göttingen, Frankfurt [a. M.] — Zürich. 1978, S. 122.

Никола Пашич

А. Л. Шемякин

На белградском Новом кладбище, справа, по аллее Великанов, высится памятник работы ученика знаменитого Родена, хорватского скульптора Ивана Мештровича — широкая мраморная плита, стела с бюстом пожилого человека с окладистой бородой. На плите надпись: Никола П. Пашич (1844—1926). Камень спас могилу от заброшенности. Полувекое табу было наложено на имя Пашича, которого все эти годы именовали «самым выдающимся представителем консервативной сербской буржуазии»¹, что, уже само по себе, звучало как приговор. Запрет этот в эпоху «Братства и единства» был тотальным. Еще лет двадцать назад публичное возложение цветов на могилу старца могло закончиться арестом. Так, по крайней мере, говорили автору этих строк белградские коллеги. Редкие прохожие посещали аллею Великанов. Но наступили новые времена, со dna забвения выступили многие, казалось бы, навечно погребенные имена. Одним из первых, кого востребовала «проснувшаяся» историческая память народа, был Никола Пашич.

Пашич, жизнь которого протекала в переломную для Сербии и всей Европы эпоху, занимает в истории сербского народа исключительное место. Он родился в 1844 г. в Заечаре, на восточной окраине вассального Сербского княжества, формально подданным Турецкой империи, а умер в 1926 г. в Белграде — столице Королевства сербов, хорватов и словенцев.

В промежутке между этими датами произошло множество событий, сыгравших огромную роль в судьбах как сербского, так и других южнославянских народов: Восточный кризис 1875—1878 гг. и завершивший его Берлинский конгресс; сербско-болгарская война 1885—1886 гг. и переворот 29 мая 1903 г., вернувший на сербский престол династию потомков Карагеоргия; Боснийский кризис 1908—1909 гг. и Балканские войны 1912—1913 гг.; первая мировая война, из пламени которой родилось объединенное югославянское государство, и Парижская мирная конференция 1919—1920 гг., юридически закрепившая появление на карте мира этой новой геополитической реальности.

Пашич принимал во всех этих событиях самое непосредственное участие: сначала как лидер оппозиции и «бунтовщик», приговоренный королем из династии Обреновичей к смерти, затем как влиятельный, но в основном теневой персонаж, и, наконец, как многолетний глава сербского правительства.

Шемякин Андрей Леонидович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Он активно участвовал в политике, и не на задворках, а на самой что ни на есть авансцене: 48 лет являлся депутатом Народной скупщины; 45 (со дня основания в январе 1881 г. и до собственной смерти в декабре 1926 г.) был лидером Народной радикальной партии — крупнейшей и наиболее влиятельной национальной политической организации; 25 раз занимал пост председателя совета министров, причем в самые драматичные, военные годы (1912—1918) — бессменно. Несть числа и другим должностям в государственной иерархии, на которых он «побывал» за свою долгую карьеру. Спикер парламента, мэр Белграда, сербский посланник в Петербурге, глава делегации на Парижской мирной конференции, и т. д. и т. п.

Как заметил проф. Белградского университета Дж. Станкович, «по тому, что он внес в исторический процесс, какой след оставил после себя и сколь велик объем сохранившейся о нем информации, Никола Пашич больше походит на целую общественную институцию, чем на отдельно взятое явление». И о том же, еще более концентрировано: «Как историческая личность он представляет собой научный вызов, которому трудно найти аналог в историографии развитых стран»².

Пашичу не слишком повезло с историографией. Она не сбалансирована, в ней наблюдаются три тематических крена. Во-первых, большинство историков и публицистов сосредоточивались «на известных событиях, в которых Пашич принимал непосредственное участие», пытаясь «показать его подлинную роль в них»³. Богатейшая политическая практика полностью затмила все остальные грани личности вождя радикалов, и в первую очередь — его взгляды. Весьма распространено даже мнение, что говорить о наличии у него хоть какого-нибудь идейного багажа вообще не приходится. «Идеи стесняют действие, — на полном серьезе утверждает современный автор, — а Пашич мог добиваться успехов только тогда, когда имел неограниченный простор для маневра». И, следовательно, «идейную основу сербского радикализма создавали другие»⁴. И это о человеке, который бессменно возглавлял партию, почти монопольно влиявшую на развитие сербского общества, следы чего ощущаются и поныне. Во-вторых, специфика хронологии. То место, которое человек этот занимал в истории Сербии после прихода к власти и до первой мировой войны, а также его роль в процессе образования Югославии и ее государственной консолидации, привели к тому, что «поздний» Пашич по сути вытеснил из историографии «раннего». И, в-третьих, политик заслонил собой человека, личность — его характер, воспитание, частную жизнь.

Небольшой провинциальный городок Заечар расположен на берегах реки Тимок в Восточной Сербии. Вплоть до начала 1960-х годов в центре его (напротив импозантного здания местной гимназии) стоял типичный одноэтажный сербский дом, в котором и появился на свет первенец Петра и Петрии Пашич. Произошло это в день Святого Николая — 6 (18) декабря. Именно в честь епископа Мирликийского, особо почитаемого в православном мире, родители нарекли младенца Николой. Кроме будущего политика, у них было еще двое детей: в 1848 г. родился его младший брат Найдан, а в 1859-ом сестра Ристосия.

Отец большую часть времени проводил вне дома, в постоянных трудах и заботах. Воспитание детей оказалось полностью в руках матери. Неграмотная, как и большинство сербских женщин середины XIX в., Петрия тем не менее обладала острым умом и немалой житейской мудростью. Ее влияние позитивно сказалось на развитии всех детей, но особенно благотворную роль она сыграла в становлении старшего сына. Рассудительность, терпеливость, поистине культовое отношение к семье и близким — все эти качества он воспринял от матери. Петрия умерла в 1870 г., когда ее первенцу было двадцать шесть лет. Дочь Николы Пашича Дара вспоминала, что «отец всегда с величайшим пиететом относился к памяти своей матери»⁵.

Пронизанная вниманием и уважением друг к другу атмосфера семьи, здоровая и консервативная обстановка глубинки, в которой прошли детство и отрочество Пашича, способствовали гармоничному развитию — он рос физически и психически крепким человеком. Жизнь семейства протекала как

бы на стыке города и села. Его глава, кроме ремесла и торговли, занимался еще земледелием, владея нивами и виноградниками в окрестностях Заечара. Город этот в середине XIX в. насчитывал всего 321 домовладение, отличаясь от соседних сел лишь более внушительными размерами да присутствием окружных властей. Патриархальная деревенская среда, таким образом, и являлась тем социальным фоном, на котором шло формирование личности Пашича. Сообщество свободных и равных сограждан, со своим устоявшимся укладом жизни и традиционной этикой, придавало ему уверенность и устойчивость. С ранних лет перед ним раскрывался отлаженный веками механизм общинного самоуправления, опираясь на который шумадийский крестьянин только и смог освободиться от турок в начале XIX века. Оставались еще в живых непосредственные участники эпопеи Карагеоргия и Милоша Обреновича. По словам одного из самых проникательных современников — графа К. Сфорца, «Никола Пашич имел великое счастье провести свое детство в прямом контакте с миром, который уже через одно-два поколения стал для многих принадлежностью легенды»⁶. Из этого контакта он вынес верность традиции и достоинство свободного человека.

Вместе с тем, город (каким бы малым он ни был) сконцентрировал в себе сразу все элементы присущей ему культурной инфраструктуры — церковь, школу, рынок. Грамотный священник, учитель и приехавший издалека купец расширяли кругозор юноши.

Петар Пашич, человек по тем временам достаточно просвещенный (он одним из первых в Заечаре начал покупать и даже выписывать из Белграда книги для своих сыновей) и к тому же обладавший известным материальным достатком, понимал все значение образования, направив старшего Николу по этой стезе. Младшему же Найдану был уготован иной путь — он был отдан в ученики к своему дяде Йовану, чтобы затем продолжить семейное дело.

В сентябре 1853 г. Никола пошел в начальную школу, по окончании которой, в 1858 г., отправился в располагавшийся по соседству городок Неготин для поступления в полугимназию. И в школе, и в младших классах гимназии он был одним из лучших учеников, чем весьма радовал своего отца. Для завершения полного гимназического курса пришлось поехать в старую сербскую столицу — Крагуевац. И вот тут-то настали трудные дни: в 1862 г. отец неожиданно умер, а мать, оставшись с двумя детьми на руках, не могла содержать Николу. Но тяга к знаниям была столь велика, что победила свалившиеся на него материальные невзгоды. Подрабатывая уроками, он успешно окончил гимназию. Именно тогда проявилась важнейшая черта его характера — устремленность к цели и достижение ее во что бы то ни стало.

Набираясь знаний, Пашич уже в школьные годы соприкоснулся и с некоторыми социально-политическими идеями, естественно, в самой упрощенной их форме. В Большом белградском календаре 1852 г., служившем учебником современной истории, он, к примеру, читал: «У нас нет чрезмерного богатства, как в других странах, но нет и той ужасающей бедности, когда люди умирают от голода»⁷. Эта мысль, синтетически отразившая всю специфику тогдашнего сербского социума — эгалитарного и свободного, лишенного аристократической и буржуазной надстроек и пронизанного патриархальным демократизмом, — со временем станет краеугольным камнем всей общественной философии Пашича.

В гимназии же, во время дискуссий с однокашниками, он не раз затрагивал вопросы, связанные с особенностями возрожденной сербской государственности. Сербское государство нового времени, полагал он, «было создано революционным путем», поскольку «народ сам освободил себя в результате жестокой борьбы», следствием чего стало восстановление в Сербии «старых славянских институтов»⁸. Вряд ли до столь зрелых оценок двадцатилетний Пашич мог дойти собственным умом; по всей вероятности, он черпал из прочитанных книг — известно, что еще в 1860 г. отец подписал его на сочинение Вука Караджича «Правительствующий

Совет Сербский», во многом повлиявшее на автора знаменитой «Сербской революции» Л. Ранке⁹.

Формирование взглядов Пашича продолжилось в единственном в Сербии вузе — в Белградской Великой школе в 1865—1867 годах. Он прилежно учился на техническом факультете, несмотря на все те же материальные проблемы. Студент Пашич был уже житейски зрелым, точно знающим, чего он хочет. Трудно определить, когда закончилась его юность. По словам Л. Перович, «Пашич принадлежал к категории закрытых и хладнокровных людей, которые очень быстро выбиваются из своей среды и становятся ее лидерами. Они рано фиксируют личные и общие цели, как правило, отождествляя их. Это люди одной-единственной идеи и исключительно высокой концентрации»¹⁰.

В ноябре 1867 г. Никола Пашич обратился к сербскому министру просвещения К. Цукичу с «покорнейшей просьбой» включить его в число государственных стипендиатов и направить в Европу. «Успех, достигнутый на этом факультете, несмотря на самые неблагоприятные для меня обстоятельства, — писал он, — ясно свидетельствует, как велика моя тяга к науке. Он также показывает мою готовность приложить сколько угодно усилий для получения максимума знаний с тем, чтобы нашему дорогому отечеству быть как можно полезнее»¹¹. В феврале 1868 г. министерство удовлетворило просьбу Пашича и определило ему для завершения образования Высшую политехническую школу в Цюрихе — знаменитый Политехникум. Уже в начале марта он выехал в Швейцарию.

Цюрихский период жизни Пашича, по точной оценке С. Шкорич, «оказался важнейшим с точки зрения его идейного формирования»¹². И действительно, именно тогда были заложены основы его народнической доктрины — на рубеже 60—70-х годов XIX в. город на Лиммате был одним из центров европейского социалистического движения, где к тому же «свила гнездо» десятки эмигрировавших из России «нигилистов». Социалистическое окружение, и прежде всего русское, особо близкое по языку и менталитету, в огромной степени повлияло на становление Пашича и других молодых сербов.

Но вначале, став студентом факультета строительных инженеров и поселившись в городском предместье, он полностью сконцентрировался на учебе (даже позднее, когда под руководством Св. Марковича ему пришлось окупиться в политику, он занимался ею «без отрыва от производства», в отличие от большинства земляков). Маркович прибыл в Цюрих в апреле 1869 г. из Петербурга, где до того учился в Институте инженеров путей сообщения и участвовал в российском революционном движении. Он намеревался продолжить свое образование в Политехникуме, но так и не пришлось. Политика стала делом его жизни. Очень скоро он стал идейным центром небольшой сербской колонии в Цюрихе, объединявшей как однокашников Пашича, так и студентов местного университета. Своему кружку цюрихские сербы дали имя «Задруга», как бы продолжив тем самым традицию сербов петербургских, называвших аналогичное объединение «Общиной».

Никола Пашич играл в новом кружке роль весьма заметную, выполняя функции организационного секретаря. Его записные книжки свидетельствуют, с каким тщанием он относился к своим обязанностям. В Швейцарии он обнаружил тот организаторский талант, который с таким блеском проявил десяток лет спустя — в момент основания Народной радикальной партии. Для нужд «Задруги» ее будущий лидер приобрел в Женеве типографию, перевез в Цюрих и организовал печатание переводной социалистической литературы, в первую очередь русской.

В немалой степени на такой выбор повлияло тесное общение и идейная близость с Марковичем, который, обратившись к сюжетам общественной борьбы на Западе, чтению трудов К. Маркса и Ф. Энгельса и опыту I-го Интернационала, еще более укрепился в своих народнических убеждениях. А. Валицкий считал, что «народничество — это реакция на западный капитализм и западный социализм интеллигенции из отсталой крестьянской страны, находящейся на начальном этапе капиталистического развития»¹³.

После отъезда Марковича из Швейцарии в июле 1870 г. Никола Пашич возглавил кружок цюрихских сербов. Именно под его руководством «Задруга» достигла апогея своей деятельности. И связано это было с наплывом в Цюрих в начале 1870-х годов русской молодежи. В бумагах Пашича упоминаются три русских имени: В. Александров, В. Любатович и В. Крюкова. (Немало, если учесть, что самих сербов в кружке, даже в его лучшие дни, было не более четырнадцати человек.)

В. М. Александров, с которым Пашич близко сошелся в Цюрихе, — в русском революционном движении фигура заметная. Один из основателей (совместно с М. А. Натансоном) кружка «чайковцев» и организатор знаменитого «книжного дела», он был послан соратниками в Цюрих для издания нелегальной литературы, наладить которое и помогли ему сербы. Типография, купленная ими в Женеве, стала совместным сербско-русским издательским предприятием по выпуску социалистической литературы. Она так и называлась: «Славянская типография». В июле 1872 г. в «Задруге» произошел раскол и «Славянскую типографию» ждала иная судьба.

Пашич стоял у истоков кооперации с русскими. И Маркович не оказался от нее в стороне. По словам Й. Скерлича, «в своих письмах он часто упоминал Александрова, которого хорошо знал»¹⁴. Таким образом, положение о тесных связях между сербскими и русскими социалистами и об идейной ориентации одних на других в начале 1870-х годов, приобретает как бы новое качественное измерение — теперь можно говорить и о наличии на определенном этапе (первая половина 1872 г.) их единой организационной структуры.

Александров и другие «нигилисты» (а Пашич знал также М. П. Сажина, Н. И. Жуковского, З. К. Ралли, А. Л. Эльсница) вряд ли были для него представителями какой-то определенной доктрины (внутри русской эмиграции постоянно происходила «грызня»), но скорее выступили как носители широко понимаемого народного стереотипа, квинтэссенция того специфически «восточного» взгляда на прогресс, характерного для левой интеллигенции стран «догоняющего развития», осознавшей пороки либерального капитализма и потому обращавшейся в поисках «трамплина» для прыжка в будущее к собственным социокультурным традициям. Естественно, что и их революционный ореол воздействовал на сербского коллегу. Этика служения народу, просветительская миссия, жертвенность стали неотъемлемыми слагаемыми формирующегося этоса молодого Пашича. «Живой пример русских социалистов, — вспоминал много лет спустя бывший его близкий друг П. Тодорович, — повлиял на нас больше всего»¹⁵.

Незадолго до возвращения на родину Пашич обратился к министру просвещения с письмом, в котором просил разрешить ему практику на строительстве железных дорог в Европе¹⁶. Он четко отдавал себе отчет в необходимости модернизации страны. «Задача каждого нашего правительства, — особо подчеркивалось в этом письме, — состоит в том, чтобы привести прогресс индустрии в соответствие с интересами народа, т. е. не допустить, чтобы предприятия, от которых зависит его благосостояние, оказались в руках предпринимателей, чьи интересы диаметрально противоположны народным». И далее: «Будет Сербия сама строить железную дорогу, или передаст ее сооружение какой-либо фирме, в любом случае необходимо добиваться выполнения главного условия — обеспечить, чтобы железная дорога не нанесла ни малейшего ущерба как народной свободе, так и народному благосостоянию, которым более всего угрожают именно иностранные компании». Пашич полагал, что «капиталистическое общество редко когда бывает гуманным по отношению к своим гражданам, но еще реже к жителям других стран. Обеспечить прибыль иностранному капиталу и при этом охранить народные интересы крайне сложно». По сути дела Пашич сформулировал фундаментальный вопрос — как воспользоваться научно-техническими достижениями западной цивилизации и не потерять в то же самое время своей сербской самобытности. Признавая необходимость экономической модернизации страны в условиях, когда «волны европейского рынка уже бьются о границы Сербии», автор письма предо-

стерегает правительство от «передачи сербских предприятий» в руки зарубежных фирм», поскольку в этом случае «Сербия навсегда будет покорена иностранным капиталом», со всеми вытекающими последствиями.

Итак, к концу пребывания в Цюрихе у Пашича сложилось вполне определенное — двойственное отношение к Европе. Ее достижения он воспринимал утилитарно, к избранному же ею пути относился эсхатологически. Инстинкт балканского жителя и личные наблюдения подсказывали, что путь Европы чреват для сербов опасностью всеобщей нивелировки и отчуждением от национального бытия и не должен быть слепо повторен. Технические достижения европейской цивилизации, напротив, привлекали Пашича. Мало того, без овладения ими, как он полагал, трудно было рассчитывать в перспективе на успешное сопротивление ее духу, агрессивному по самой своей сути¹⁷. У Пашича сложился альтернативный западному взгляд на прогресс, который он понимал «не как что-то противоположное традиционным формам жизни, но как силу, которая позволяет как раз именно эти формы сохранять и совершенствовать»¹⁸.

Совсем «не сербские» черты характера Пашича, унаследованные в богатом полиэтническом окружении Тимоцкого пограничья, — хладнокровие и рассудочность, вкуче с фанатичной целеустремленностью и предельной концентрацией — создавали ему в глазах окружающих тот авторитет, который впоследствии признавался даже тогда, когда, случалось, превращался в авторитарность. Как заметил Сл. Йованович, «его успех, возможно, объясняется именно тем, что он заметно отличался от своей среды»¹⁹. Статус лидера был характерен не только для «позднего» Пашича — непререкаемого и харизматического вождя основанной им же Радикальной партии. Он начал проявляться уже в Швейцарии.

О месте, которое занимал Пашич в кругу соотечественников, находясь в Европе, поведал в своих мемуарах русский народник С. Л. Чудновский. «Как раз вскоре после моего приезда в Вену, — писал он, — оттуда возвращался на родину учившийся за границей инженер Пашич, пользовавшийся большой популярностью в среде сербской колонии в Вене (значит, не только в Цюрихе. — *А. Ш.*). Его чествовали пирушкой», во время которой следовал «тост за тостом со всевозможными пожеланиями Пашичу на предстоящем ему служении родине», поскольку «сербская молодежь возлагала на него очень большие надежды»²⁰. Как видим, в июне 1873 г. Пашич возвращался из Европы личностью достаточно авторитетной для своего поколения. Фундамент будущего политического лидерства был заложен.

По прибытии в Сербию он сразу же включился в деятельность движения С. Марковича, который, продолжая заниматься теоретическими проблемами социализма, в то же время активно поддерживал антиправительственную деятельность крестьянской «фракции» в скупщине во главе с А. Богосавлевицем. При жизни Марковича, пользовавшегося в кругах социалистически настроенной интеллигенции славой непогрешимого учителя, Пашич — всего лишь верный его последователь, после же его смерти (в феврале 1875 г.) он постепенно выходит на ведущие позиции в сербской левой оппозиции с тем, чтобы после войн за независимость (1876, 1878) по сути единолично возглавить ее.

Содержательные письма Пашича середины 1870-х годов дают яркое представление об этом важнейшем периоде ранней истории Радикальной партии. Показательно, что уже в 1875 г., то есть задолго до формального ее конституирования, он использует в переписке термин «радикальная партия», что означало окончательное формирование самостоятельной политической ниши соратников Марковича и их новых союзников — «народных трибунов» из скупщины. Пашич разрабатывает организационные принципы и идеологическую программу, выдержанную уже не в духе голой теории (доктрины), но адаптированную к реалиям практической борьбы²¹.

Никола Пашич был неважным стилистом. В длинных и нередко сумбурных строках его писем трудно сразу же уловить содержащийся смысл. Но иногда пробивались подлинные шедевры. Письмо брату Марковича

Еврему, с критикой его не согласованного с фракцией выступления в скупшине, по богатству идей принадлежит к их числу²². В нем автор впервые определяет главную задачу «радикальной партии» как борьбу за власть. Причем, «ее приход к власти» означал бы «победу всего народа». Такая взаимосвязь для него есть *conditio sine qua non*, поскольку «самостоятельно наш народ не в состоянии выйти из кризиса». Уже в этих немногих фразах проявилась мессианская природа сербского радикализма — интересы партии отождествлены здесь с интересами всего народа, а радикальное, «критически мыслящее» меньшинство объявлено его единственным поводом.

Отсюда вытекает все остальное. И в первую очередь — жесткая конфронтационность сознания, когда власть воспринимается не как политический оппонент, но как откровенный неприятель и враг, которого надо уничтожить: «Нынешней бюрократической машине, если ее невозможно сломать сразу, следует вбивать клин за клином, подталкивать ее, раскачивать, вставлять палки в колеса, чинить всяческие препятствия и вообще делать все, чтобы способствовать ее краху... Никогда не стоит забывать, что народная свобода не может быть завоевана исключительно легальным путем». Ну а дальше — четкое понимание значения организации для достижения цели и, соответственно, акцент на строгой дисциплине и единомыслии, как непременных условиях эффективности действий, то есть неприятия всякого диссидентства: «Мы надеялись, что твое избрание в скупшину усилит радикальную партию и поможет ее более разумной, синхронной и энергичной деятельности», но «ты своим поведением нанес ущерб и себе, и партии, к которой принадлежишь». Этот набор организационно-политических установок и составит с начала 1880-х годов универсальный инструментарий Радикальной партии, который не потеряет своей актуальности на протяжении всего правления двух последних Обреновичей.

Идейный арсенал последователей Марковича накануне войн за независимость Пашич затронул в «программе радикалов» — послании одному из деятелей сербского национального движения Воеводины М. Димитриевичу. Обращает на себя внимание стойкий антилиберальный пафос автора: «Экономической свободы, т. е. независимости, можно добиться только объединением труда, когда средства на развитие промышленности и сельского хозяйства получает не индивидуум, но задруга, показавшая себя способной в управлении капиталом и развитии производства». Соответственно, «мы хотим... охранить народ от ошибок западного индустриального общества, где образуется пролетариат и прослойка богатеев, хотим поднять уровень производства на общинной основе»²³.

Пашич в своей программе четко разграничил и противопоставил принцип индивидуализма, как основу капиталистического способа производства и либерального мироощущения вообще, и коллективизм — этот стержень народнического представления о прогрессе и традиционалистского видении мира в целом. Наметившаяся дихотомия «либеральная идея и традиция» станет, в различных проявлениях, доминантой деятельности сербских радикалов во все последующие годы.

Политически Пашич сформировался как-то слишком быстро. Бросаются в глаза его мессианизм и предельная бескомпромиссность, проявившиеся в жестко заявленных оппозициях. Мы — они, свои — чужие. Осознание того, что крепкая организация — это главное средство борьбы и важнейшее условие победы. Предпочтение идти путем возможного, не срываясь в авантюру, но и готовность без колебаний прибегнуть к нелегалитету, если максимум из этого возможного уже «выжат». Перспективное мышление, то есть умение не дать себя увлечь первому же политическому успеху²⁴, что подразумевает наличие весьма редкого для темпераментных балканских политиков таланта — ждать сколь угодно долго и, в конце концов, дожидаться своего часа. Эти формирующиеся качества Пашича-политика накладывались на уже упоминавшиеся специфические свойства его характера, нередко просто продолжая и развивая их.

После обретения в 1878 г. Сербским княжеством независимости Пашич был избран депутатом Народной скупщины от родного Заечара. Здесь,

примерно за два года, ему удалось собрать довольно разношерстную левую оппозицию, сплотить ее под едиными лозунгами, внести элементы дисциплины и порядка, словом, создать в виде радикального парламентского клуба необходимый задел для дальнейшей быстрой и успешной организации партии. Возможность превращения организации в мощного спрута зависела от того, сколь долго еще суждено было «творцу сербской независимости» Й. Ристичу диктаторски управлять Сербией. Отдавая себе в этом отчет, Пашич ожидал изменений в стране и готовился к ним. Прежде всего — идеологически.

Лишенный возможности выпускать политический печатный орган своей фракции, он начинает издавать страничные газеты «Видело» («Свет»), издававшейся группой младоконсерваторов — в недалеком будущем самых жестоких оппонентов Пашича, а пока что его союзников в борьбе против Ристича. В письмах в редакцию лидер левых уже открыто говорит о «радикальной партии» и ее программе²⁵. Главными ее целями провозглашаются политические свободы и борьба «против преимущества капитала над трудом». Пашич выступает также за развитие «отечественной промышленности», но, «насколько это возможно, без пролетариата». Все эти задачи представляются ему крайне актуальными в условиях, сложившихся после Берлинского конгресса, когда «место прогнившей Турции на Балканах заняла Австро-Венгрия», чьи владения полукольцом охватили территорию княжества. Наставная на проведении реформ, Пашич особо подчеркивает, что Радикальная партия стремится к тому, чтобы они осуществлялись «в духе народных традиций».

Без учета этой активной работы Пашича по организации левой оппозиции в скупшине и идеологическому обеспечению ее деятельности, трудно до конца понять ту быстроту, с которой конституировалась Радикальная партия после падения кабинета Ристича. Всесильный либеральный премьер подал в отставку 19 октября 1880 г., а уже в начале января следующего года в свет вышел первый номер партийной газеты «Самоуправа» («Самоуправление») с официальной программой партии.

С самого начала Радикальная партия замышлялась организаторами как партия народная (следовательно, массовая). Ее цели отождествлялись с целями всего народа. Еще одной особенностью партии была жесткая внутренняя структура и соподчиненность. Местные, срезские (уездные), окружные отделения и венчающий эту пирамиду Главный комитет радикалов действовали как хорошо отлаженный механизм. Такая система напоминала армию, вождем которой объективно и естественно стал Пашич. Сначала как первый среди равных в ряду других членов Главного комитета, а затем — как единственный и непререкаемый авторитет.

А события тем временем развивались быстро. Дарованная в Берлине независимость пришпорила Сербию, подняв ее на дыбы. За первые десять лет самостоятельного развития страна пережила острейший внутренний кризис, Тимокское восстание, проигранную войну с Болгарией, принятие новой конституции и отречение монарха.

Решения Берлинского конгресса коренным образом изменили геополитическую конфигурацию Балкан. Они способствовали усилению влияния Европы в «новых» государствах региона, значительная часть которого еще недавно составляла западную периферию оттоманской цивилизации. Сербское княжество, оказавшись в сфере интересов Австро-Венгрии, сразу же ощутило на себе ее мощное давление, что ускорило процесс идейного размежевания в среде немногочисленной местной элиты.

В 1880 г. прежде русофил князь Милан Обренович открыто перешел на австрофильские позиции, связав судьбу страны и династии с империей Габсбургов. Столь резкий поворот монарха означал не только кардинальную смену его внешнеполитических ориентиров. Это событие отразило качественный сдвиг в сознании элиты: само обретение государственного суверенитета поставило перед ней новую проблему — выбора перспективного пути социокультурного развития²⁶.

Последствия не заставили себя ждать — осенью того же года «старых» либералов-националистов Й. Ристича сменили у руля правления члены

младоконсервативной группы, вобравшей в себя цвет европейски образованной, а главное, ориентированной, сербской интеллигенции (М. Пирочанец, М. Гарашанин, (Ст. Новакович, Ч. Миятович, М. Кунджич, М. Милчевич). Родоначальники нового и более агрессивного направления в сербском либеральном движении составили мозговой центр сформированной вскоре Напредняцкой (прогрессивной) партии. Предводимые Пирочанцем, будущие напредняки видели свою цель в скорейшей модернизации патриархальной Сербии, а потому поддержали проавстрийский курс князя, полагая, что именно Вена должна стать для Белграда «окном» в Европу.

Оказавшись у власти, члены кабинета активно взялись за выполнение программы «европеизации Сербии»²⁷, но при этом сделали ставку не на приспособление (как ранее Ристич), а на прямое заимствование, то есть «пересадку» результатов западного опыта в местную почву, без учета адаптивных возможностей последней. Объясняя российской публике эту политику, ученый-славист П. А. Кулаковский подчеркивал, что «они хотят сейчас же втиснуть естественный строй сербского государств в нормы чисто европейские»²⁸. Подлинность этого «частного» вердикта подтвердили и аналитики российского министерства иностранных дел, заметив в своем отчете за 1880 г., что новый кабинет в Сербии образовали деятели «самых либеральных убеждений, поставившие себе задачей изменить весь государственный строй своего отечества»²⁹.

Характеристику напреднякам и их новациям дал видный бельгийский экономист Эмиль де Лавелэ, побывавший на Балканах в начале 1880-х годов. «Партия прогрессистов, — писал он в путевых заметках, — соответствует либералам Запада. Она мало уважает старинные учреждения, на которые смотрит как на остаток варварства... Эта партия желает наделить свою страну как можно скорее всем тем, что составляет так называемую западную цивилизацию: крупное производство, железные дороги, финансовые предприятия, банки и кредит, все степени образования, красивые монументальные постройки, хорошо вымощенные и освещенные газом города, обеспеченную буржуазию, ведущую жизнь на широкую ногу, развитие богатства, а для осуществления этой программы: усиление власти и денежности правительства и централизацию в управлении страной. Король (22 февраля 1882 г. Сербия была провозглашена королевством, а Милан Обренович — королем. — А. Ш.), который желает видеть свою страну быстро идущей по пути прогресса, склоняется по преимуществу к этой группе «либералов»»³⁰. Можно согласиться с американским историком М. Б. Петровичем, заметившим, что напредняки («сербские виги», как он их называет) «смотрели на все западными глазами»³¹.

Брошенный столь откровенно вызов не мог остаться без ответа, и это вносило в развитие независимой Сербии черты не известной ей прежде биполярности. Стремление властей «европеизировать» страну скорым кавалерийским наскоком — буквально «насадить в ней европейскую культуру»³² — порождало резкое неприятие со стороны радикальной оппозиции во главе с Пашичем, отрицавшей универсальный характер «пути Европы» и провозгласившей главную задачу — защиту сербской самобытности, отождествляемой с только что завоеванной независимостью.

Перипетии внутреннего противостояния в Сербии достаточно хорошо известны³³. В своем стремлении «преодолеть пространство истории в самые сжатые сроки»³⁴ реформаторы-напредняки так и остались в меньшинстве. «Негативную позицию по отношению к модернизации государства на европейский манер, — указывает В. Дворникович, — занял сам его основатель и главный столп — шумадийский крестьянин. Суть этой позиции заключалась в требовании забирать у народа как можно меньше на нужды государства»³⁵, что коренным образом отличалось от намерения властей «усиливать денежность правительства». Министрам приходилось все чаще оглядываться на королевский двор, превращаясь постепенно в его заложников.

С другой стороны, радикалы, с ходу отвергавшие все модернизационные проекты кабинета, заручились поддержкой огромного большинства

крестьянства — около 90% населения Сербии. Строя свою идеологию на базе прочно укорененной в народном сознании патриархальности и идентифицируясь с массой, партия Пашича политически выражала спонтанное и резко негативное отношение сербского селянина к структурным изменениям (модернизации) общества и государства, которые могли нарушить самодостаточное равновесие традиционного бытия в системе статичного аграрного мира. «В противоположность напредняцкому модернизму, — иллюстрирует данное положение Б. Миятович, — радикалы воспевали сельскую идиллию, задругу и общинное самоуправление»³⁶.

Сама по себе, такая патриархальная модель не была для соратников Пашича самоцелью. В условиях незавершенности процесса сербского освобождения и объединения она становилась средством и формой национальной консолидации сербов Королевства, ибо общность интересов внутри общества позволяла сохранять единство народного духа и высокую степень мобилизационной готовности, как важнейшие внутренние предпосылки будущего освобождения. Социальное равенство отождествлялось в глазах радикалов с национальным единством³⁷.

Итак, население Сербии разделялось на два противоположных лагеря: малочисленную, но экстремистски настроенную прогрессистскую элиту и огромную крестьянскую массу с мощным потенциалом протеста, уловленным, аккумулярованным и преобразованным в широкое народное движение охранителями-радикалами. Промежуточной — третьей — силы, могущей смягчить конфликт, направив его на поиск компромисса, в сербском обществе не было. «Постепеновцы», то есть умеренные сторонники модернизации, уважающие традиции своего народа (к которым в первую очередь следует отнести Ристича), окончательно утрачивали значение.

В условиях же давления сверху и настойчивого навязывания чуждых ориентиров сторонники Пашича начинают все более ощущать себя единственными защитниками подлинных ценностей. Эсхатологическое напряжение, одномерность их мысли явно усиливаются. Происходит повальная фанатизация масс: радикализм превращается в подобие особой «православной радикальной веры», а сами радикалы — в нечто похожее на «религиозную секту или даже отдельную этническую группу». В ответ на действия кабинета и монарха в их среде складывается «убеждение, что именно в нас, радикалах, есть спасение Сербии и ее счастье»³⁸. Напряжение на обоих полюсах неуклонно растет. «Желание остановить историю столкнулось со стремлением принудить ее к прыжку», — описывает типологически схожую ситуацию Ю. М. Лотман³⁹. При этом каждый лагерь, свято веря в свою правоту, превращал оппонента в смертельного врага. Борьба с ним осознавалась как миссия, направленная на благо Сербии. В действительности же страну разрывали на части. Осенью 1883 г. конфликт достиг апогея — население четырех округов Восточной Сербии взялось за оружие. Тимокское восстание явилось открытым столкновением двух различных подходов к перспективам развития Сербии и сербского общества.

На вооруженное выступление крестьянства король Милан ответил карательными мерами, военно-полевым судом, тюрьмами и расстрелами. Главный комитет радикалов в полном составе был арестован. Никола Пашич, чью голову жернова королевской мести смололи бы в первую очередь, бежал за границу. Начинались его шестилетние скитания по Болгарии, Румынии, России.

В эмиграции Пашич сразу же начал готовить новое восстание против режима. С этой целью он вступил в контакт с болгарскими юнионистами и жившими на Балканах русскими деятелями, предводителем московских славянофилов И. С. Аксаковым и всегда готовыми воевать черногорцами. Обращался он за помощью и к официальной России, но в Петербурге отнеслись к его планам свержения Милана Обреновича с плохо скрытой холодностью, опасаясь реакции Вены. В конечном итоге, все попытки Пашича организовать заговор (а их, по нашим подсчетам, было не менее четырех) сорвались, но, несмотря на это, активность и фанатичная целеустремленность беглеца поражает — все годы изгнания он оставался для

сербского монарха каким-то слепым наваждением, вызывавшим страх. Так, во время решающей битвы с болгарами под Сливницей в ноябре 1885 г., когда маятник военного успеха еще колебался, у того случился нервный срыв: коронованному гонителю радикалов вдруг привиделось, что в первых рядах штурмующего сербские позиции противника идет сам Пашич со своими боевиками. Король бежал, а за ним потянулась в отступление вся его армия. «Я не хотел, чтобы Пашич и его люди провели меня связанного по Софии», — оправдывался он позднее. А Пашич, ничего не подозревая, скрывался тогда от румынской полиции в городке Тульча, у русского эмигранта (бывшего члена кружка «чайковцев»), шурина писателя В. Г. Короленко, В. Ивановского.

Вторым важнейшим направлением деятельности Николы Пашича в эмиграции была идеология. Именно на чужбине система его взглядов окончательно сложилась, превратившись в набор чеканных формул и приобретя насыщенную славянофильскую окраску. В письме директору Азиатского департамента российского МИД И. А. Зиновьеву от 21 марта 1887 г. идея противостояния чуждому по духу Западу выразилась в полной мере. «Главное стремление в нашей борьбе, — объяснял Пашич, — состояло в том, чтобы сохранить хорошие и соответствующие сербскому духу учреждения и воспрепятствовать введению новых западных учреждений, которые могли бы разрушить самобытность жизни нашего народа и внести смуту в народное сознание и жизнь». Отсюда жесткое сопротивление радикалов австрофильскому курсу белградских властей, которые «желали бы сразу обратить Сербию в маленькую западную державу, не обращая внимания ни на что сербское и славянское». И далее: «Наша партия полагает, что у сербского народа есть столько хороших и здравых учреждений и обычаев, что их оставалось бы только беречь и дополнять теми прекрасными установлениями, которые имеются у русского народа и остальных славянских племен, а с Запада брать только технические знания и науку и пользоваться ими в славяно-сербском духе»⁴⁰.

Под «хорошими и здоровыми учреждениями» Пашич подразумевал православную церковь, крестьянскую общину (с присущей ей коллективистской ментальностью) и древнюю традицию народного самоуправления, на которой базировалась вся политическая теория радикалов. Их он считал главными элементами восточной — «славянской и православной» — цивилизации, принадлежность к которой помогла сербам выстоять и сохранить себя под турками. Она же должна помочь им успешно противостоять наступлению «германизма» на Балканы, резко усилившемуся после Берлинского конгресса.

Однако перед Пашичем не мог не встать вопрос: а была ли Сербия в состоянии в одиночку бороться с этим мощным вторжением «опасной заразы»?⁴¹ Негативный ответ напрашивался сам собой — силы были слишком неравны. «Распространение влияния Западной Европы, — писал он в декабре 1884 г. — невозможно остановить на сербской границе»⁴². Данная констатация подталкивала его к поиску надежных союзников, активным попыткам вступить в прямой контакт с российскими официальными и славянофильскими кругами, которые впервые были предприняты им еще в начале 1880-х годов. Именно в России видел Никола Пашич основу славянской православной цивилизации, с которой связывал судьбу своего народа.

Здесь истоки прочного пророссийского определения сербских радикалов и их вождя. «Наша партия, — подчеркивал он в упомянутом выше письме Зиновьеву, — во внешней политике держалась славянской православной России, а во внутренней политике — сербских обычаев и духа. Вот откуда происходит для многих непонятное явление, что почти весь народ тотчас же встал на нашу сторону»⁴³. Пашич и его соратники не были, подобно Ст. Новаковичу и напреднякам в 1890-е годы, «рациональными русофилами»⁴⁴. Их русофильство носило органический характер. В поисках союза с Петербургом, как предводителем Востока и славянства в целом, и противовесом Вене на Балканах, в частности, они располагали широкой поддержкой огромного большинства сербов⁴⁵.

В письме графу Н. П. Игнатьеву Пашич четко провел грань между двумя концепциями русофильства. Оценивая поворот кабинета Новаковича в сторону России в 1895 г., он писал: «Для России будет лестно, что все партии в Сербии теперь сторонники русского влияния, но надо бы различать сторонников по нужде от сторонников по убеждениям и чувству долга»⁴⁶.

В последние годы своего изгнания, когда рухнули все его заговорщические планы, вождь сербских радикалов нередко жил в России (в основном, в Петербурге и Одессе). Здесь он завязал серьезные связи с русскими, в частности — с руководством Петербургского славянского благотворительного общества: генералами П. П. Дурново, М. А. Домотовичем, А. А. Киреевым, М. Г. Черняевым; профессорами П. А. Кулаковским, В. И. Ламанским, А. Л. Петровым, князем П. А. Васильчиковым, графом Н. П. Игнатьевым. Неплохо знал Пашич и покойных И. С. Аксакова и М. Н. Каткова. К этому времени относится также и его знакомство с секретарем Славянского общества В. И. Аристовым, петербургским инженером И. П. Табурно (уроженцем Боки Которской) и полковником Генерального штаба Ф. Ф. Таубе, которые навсегда станут ближайшими конфидентами и друзьями. В Белграде же, тем временем, появлялись предвестники нового — летом 1887 г. напредняккое правительство ушло в отставку, и к власти был призван коалиционный либерально-радикальный кабинет во главе с Ристичем. Развязки и возвращения оставалось ждать совсем недолго.

В ожидании их Пашич, не умевший сидеть без дела, занялся самообразованием. Особое внимание он обратил, что видно из его писем давнему другу В. Летичу, писанных в 1888 г. в Одессе, на книги «по славянской истории, филологии и праву, то есть вообще по славистике». Научную и политическую литературу Пашич штудировал усердно и основательно. «Дорогой друг, — писал он Летичу, — спасибо тебе, что ты ответил мне сразу же... А я с ответом задержался. Сначала искал квартиру, а потом, найдя ее и устроившись, набросился на книги, которые тут купил, и только сегодня от них оторвался»⁴⁷.

Что же конкретно читал Пашич? «О заселении славянами Балканского полуострова» М. Дринова, «О Македонии» Офейкова, «Историю Боснии» В. Клаича, «Славян» И. Первольфа, статьи С. С. Татищева в «Новом времени» и «Гражданине» о Сан-Стефанском договоре и Берлинском конгрессе. Кроме того, исторические труды С. М. Соловьева («История падения Польши», «Учебная книга русской истории»), Н. И. Костомарова («Домашняя жизнь и нравы великорусского народа»), а также сочинения Л. Н. Толстого. Но особенно углубленно во время своих частных наездов в Россию он изучал произведения авторов славянофильского и «почвеннического» направления — «Об историческом изучении греко-славянского мира» В. И. Ламанского, «Россию и Европу» Н. Я. Данилевского, «Византизм и славянство» К. Н. Леонтьева, «Борьбу с Западом в нашей литературе» Н. Н. Страхова, «Национальный вопрос в России» В. С. Соловьева, работы ранних славянофилов. Излюбленным чтением для Пашича стал и журнал «Славянские известия», редактировавшийся его хорошим знакомым — В. И. Ламанским.

Петербургские штудии Пашича оказали влияние и на развитие его собственной мысли, что отчетливо проявилось в рукописи «О сербско-хорватском согласии», подготовленной на рубеже 1888—1889 годов. Этот обширный манускрипт («литературная попытка», как определил ее сам Пашич), увидевший свет лишь век спустя после написания, в год столетия со дня рождения автора, имеет особое значение, поскольку содержит позитивную часть его общественной философии, в центре которой все та же идея славянской православной цивилизации⁴⁸. В 1888 г., «сидя без дела» в Бухаресте, Пашич переводил работу Данилевского, повлиявшую на него, пожалуй, более всего. К сожалению, следы этого первого перевода «России и Европы» на сербский язык там же и затерялись...

А развязка стремительно приближалась. Положение короля Милана Обреновича, пошатнувшееся в связи с поражением в войне с Болгарией,

становилось все более непрочным. По словам российских дипломатов, «он видел перед собой расстроенную и недовольную армию, разоренное государство и негодующий и оскорбленный в своем самолюбии народ. Мысль об отречении от престола не покидала его, и мнительность его дошла до крайних пределов»⁴⁹. К прежним неприятностям добавлялись неурядицы в собственном семействе, чему причиной были как неумный темперамент самого монарха, так и политические амбиции его супруги — королевы Натальи. Нервы короля не выдержали, и он решил отступить, по сути дела спасая династию. В 1888 г. он созвал Великую народную скупщину, на которой была принята новая конституция Сербии, установившая было отрезка от престола в пользу своего малолетнего сына Александра и покинул страну. Ну а в марте, сразу же после отречения своего заклятого противника, на родину вернулся и Никола Пашич.

Его «путь домой» напоминал былые триумфы римских героев. Близкий друг А. Петрович записал в дневнике: «Когда Пашич приехал в Белград, множество народа поспешило туда, чтобы его встретить и поприветствовать как мученика и победителя»⁵⁰. Впрочем до полной победы было еще далеко.

Принятие конституции 1888 г., по мысли Пашича, открыло «новую эру» в истории Сербии. К власти пришла недавно еще гонимая Радикальная партия. Причем положения парламентского Устава, как это не парадоксально, обеспечивали ей по сути вечную власть. Ведь присущая сербскому социуму однородность, при запуске «чистого» парламентского механизма (свободные выборы, ответственность кабинета перед народным представительством), не могла не «конвертироваться» в политическую монополию «народной партии», выражавшей интересы подавляющего большинства населения. Новый порядок, таким образом, обеспечивал радикалам полную гегемонию в скупщине, что превращало ее в партийный парламент. Суверенная же власть такой скупщины и самому государству придавала партийный характер. В 1889—1892 гг. Сербия представляла собой типичное «радикальное царство», как высказался по поводу установившегося режима сам в прошлом активный радикал П. Тодорович⁵¹.

В 1891 г. Никола Пашич впервые занял кресло сербского премьера. Но все же, думается, значение этого года для него заключалось не только в этом. В мае, в возрасте 46 лет, он, наконец, женился. «Пока борьба за изменение конституции не завершилась, — объяснял позднее сам Пашич, — я избегал жениться, полагая, что в той борьбе меня могут подстергать разные опасности, и совсем не желая, чтобы, наряду со мной, лишиться терпела моя семья. Когда же я решил, что борьба завершена, я и вступил в брак, с намерением посвятить себя основанию семьи и заботе о ней»⁵². Все у него было разложено по полочкам. Воля неизменно превалировала над чувствами.

Его избранница — Джурджина — была на 22 года моложе и происходила из семьи богатого сербского торговца из Триеста Александра Дуковича, имевшего активные связи с южно-русскими регионами. Она родилась в России, в Бердянске в 1866 году. Их знакомство и помолвка произошли на удивление быстро, но в этом, пожалуй, было больше патриархальности, чем романтики.

Решив на 47-ом году жизни создать семью, Пашич посвятил в свои личные планы ближайших друзей. Один из них, житель Триеста Л. Аничич, вспомнил, что по соседству с ним проживает красивая сербка-триестинка с богатым приданым. Через настоятеля местной сербской церкви была добыта ее фотография и послана в Белград. Пашичу избранница понравилась, и, не долго думая, он отправился во Флоренцию, к ее брату, известному скульптору С. Дуковичу. Здесь, в ресторане на берегу реки Арно и состоялась их встреча. На первый взгляд, между ними было мало общего: она родилась в Европе, здесь же и воспитывалась, он — сербский self-made man; она — богата, он — нет; она — склонна к искусству, он, посвятивший жизнь единственно политике, и в театр-то не выбирался, а на придворных балах

и церемониях присутствовал только тогда, когда к этому обязывал протокол. И все же их связывало самое важное для брака — обоюдное стремление к домашнему теплу и приверженность семье...

Они венчались в русской церкви во Флоренции, где Пашич молил Бога, чтобы супруга его «была счастлива»⁵³. Свадьбу сыграли тут же, на Piazza Indipendenza, 22. В середине июня, не завершив свадебного путешествия по Европе, молодые вернулись в Белград. «Государственные дела позвали меня назад», — оправдывался новоиспеченный супруг в письме к теще⁵⁴.

Семейная жизнь Пашича сложилась безоблачно. Жена смогла создать ему все условия для отдыха от политических баталий. Семья с годами росла. В 1892 г. у Пашичей родился сын Радомир, год спустя на свет появилась Даринка, а в 1894 г. — младшая Пава. В 1900 г. родилась третья дочь — Даница, умершая младенцем.

К детям отец относился любовно, но без особой сентиментальности. Дочери, по стародавнему обычаю, целовали ему руку и обращались на «Вы». Значительно большую снисходительность он проявлял к своему первенцу, причем к концу жизни черта эта усилилась. Сам, всегда щепетильный в денежных вопросах, старый Пашич, казалось, закрывал глаза на сомнительные операции сына.

Вращенный в патриархальной среде сербской глубинки, он впитал в себя, как уже говорилось, поистине культовое отношение к семье, родственникам, друзьям и весь был пропитан духом задруги. Он и Сербию воспринимал как одну большую задругу, а всех сербов — как единый род. Когда в 1898 г. скончался младший брат Найдан, старший Никола взял на себя заботу о его детях (их мать умерла еще раньше). Он устроил одну племянницу в женский пансион в Киеве, а старшим племянникам — Петру и Николе выхлопотал возможность учиться в Киевском кадетском корпусе. Впоследствии, закончив корпус и выйдя в Константиновское артиллерийское училище, Петр писал ему: «Да, милый дядя, не легко сознавать, что мы — птенцы, сиротинки, покинутые отцом и матерью, разбросаны по всему миру, сознавать, что все мы живем, благодаря Вам»⁵⁵. Кстати, к этому племяннику — будущему полковнику царской армии, отбывшему после Октябрьского переворота почти два года в большевистской тюрьме и освобожденному в 1920 г. после личного обращения премьера к Г. В. Чичерину, Никола Пашич относился с особой теплотой.

Пашич любил Россию, всегда чувствуя себя здесь своим — к нему и обращались там не иначе, как «Николай Петрович». Любил общаться с русскими. Во время официальных приемов он нередко здоровался за руку даже с лакеями. Любил говорить по-русски, что иногда приводило

к казусам. Как вспоминал посланник Сербии в России Д. Попович, однажды Пашич разговаривал без переводчика с каким-то русским господином, который по окончании беседы с удивлением заметил: «А я и не знал, что сербский язык так похож на русский»⁵⁶. В бытность же Пашича сербским представителем в Петербурге (1893—1894 гг.), он, расписываясь в книгах посещения важных особ, всегда старательно выводил: «Николай Петрович Пашич». И даже позднее, во время официальных визитов данная практика не менялась. 28 апреля 1916 г., к примеру, подтверждая получение от Московской городской думы ста тысяч рублей для сербской армии, гость начертал: «Николай Петрович Пашич. Министр Председатель Сербский»⁵⁷. И в церкви он обычно крестился, отбивая поклоны в пояс, что также было совсем нетипично для серба.

В июле 1918 г. он выдавал замуж свою младшую дочь Паву. Венчание происходило в русской церкви в Ницце. Год спустя, в августе, сообщая ему о рождении внучки Катарины, Джурджина Пашич писала из Лондона: «Пава чувствует себя хорошо, так же как и девочка. Крестить ее будет русский священник, поскольку сербского здесь нет. Я пишу тебе об этом, так как знаю, что тебе будет приятно». Есть, наверное, какая-то связь между самим фактом «русского крещения» и всей последующей судьбой Катарины Рачич — в 1940 г. она вышла замуж за князя Теймураза Багратион-Мухранского. Венчали молодых в Топчидерской церкви русские священники. Присутствовала при сем и старая Джурджина. Стоя сзади, она, должно быть, вспоминала своего Николу. Ведь только она знала этого молчаливого и закрытого балканца до конца. А потому совсем не случайно, что, когда в декабре 1926 г. Пашича хоронили, на груди у него лежала серебряная русская икона, к которой и прикладывались все пришедшие проститься, а «в отпевании и погребении покойного приняло участие русское духовенство и русский хор». Все это — «по желанию супруги», как сообщало эмигрантское «Новое время»⁵⁸.

Познавший нужду и привыкший преодолевать лишения, Пашич был экономным хозяином (иногда даже слишком) и умел считать деньги. Получив за супругой изрядное приданое, он не изменил ни образа жизни, ни привычек — его стол, как всегда, был традиционным и скромным, он никогда не курил, пил мало, разбавляя любимое неготинское вино водой. Мог по десять лет носить один и тот же редингот, но на приемы одевал фрак, обрамленный орденовыми звездами. С длинной седой бородой он был столь элегантен и вел себя с таким достоинством, что на это обращали внимание европейские аристократы. Всегда скрупулезно следил за своим здоровьем, регулярно посещая европейские курорты — Карлсбад, Мариенбад, Эвиан, а также бывая на Адриатике (обычно в Опатии и Цавтате) или в сербских «банях» с их горным воздухом. Эта ревнивая забота о здоровье, в совокупности с крайне умеренным образом жизни и умением полностью отключаться от политических и иных баталий, способствовали тому, что до глубокой старости он сохранил свежесть тела и мысли и потрясающую работоспособность. А отключаться Пашич умел. После ужина любил уйти к себе и сидеть в темноте, закрыв глаза. Или разглядывать географические карты Балкан, которые собирал с упоением и умел читать лучше любого генштабиста, часто удивляя этим военных. Или смотреть на звезды — астрономия была его страстью со студенческих лет. А когда, бывало, семья собиралась перед камином, ее глава пел песни своей восточной Сербии. Легендарный молчун, оказывается, имел красивый голос⁵⁹.

Оказавшись в связи со смертью брата в значительных финансовых затруднениях, Никола Пашич был вынужден обратиться к приданому жены. Но как! «Если бы это имущество было моим, — писал он, — я бы и не волновался особо: сам получил, сам и растратил. Но это имущество моей супруги, на которое я не имею прав до той меры, чтоб поставить его под вопрос. Конечно, она меня не укорила и словом, но эти ее внимание и сдержанность были для меня еще горше, поскольку я ощущал себя униженным уже тем, что попал в положение, когда она меня не только кормит и содержит, но и тратит то имущество, которое отец оставил в наследство ей и ее детям»⁶⁰.

В конечном итоге, ситуация разрешилась. Недвижимое имущество семьи на рубеже XIX—XX веков состояло в собственном двухэтажном особнячке на Театральной (ныне Французской) улице, еще одном доме на Терезиях и небольшой гостинице «Националь», которые сдавались в аренду. Арендные платежи вкупе с премьерским жалованьем и составляли основу семейного бюджета. В письмах жене, которая часто проводила время с детьми на море, в Опатии (там находилась дача — часть наследства покойного А. Дуковича), постоянно звучит мотив: «Хватает ли вам денег и не послать ли еще?». Самому же Пашичу, весьма умеренному в личных потребностях, нужно было очень немного. В доме Пашича на Терезиях (как у каждого уважающего себя серба), был солидный винный погреб ⁶¹.

Никола Пашич «очень редко менял однажды приобретенные убеждения и привычки», — заметил хорошо его знавший современник. И навсегда (а главное, во всем) остался человеком XIX века. Показательный пример — до самой кончины наш герой сохранял язык и стиль 70-х годов XIX века. Он говорил на архаичном «наречии», пересылая сербские выражения русизмами и галлицизмами, давно уже вышедшими из употребления. И, когда года за три до смерти, в одной из речей, Пашич использовал русское слово «равенство», и его поправили, указав, что в сербском языке давно уже есть свой эквивалент такому понятию, он только махнул рукой и сказал: «Оставьте так, как я сказал, я не знаток всех этих тонкостей» ⁶². Время внутри него как будто остановилось...

Эпоха «первого радикального царства» длилась в Сербии недолго. А иначе и быть не могло, поскольку придававшая ему легитимность конституция 1888 г., объективно низведя все нерадикальные политические структуры, включая корону, до положения придатков новой «абсолютной» власти, была обречена ⁶³. Очередной раунд острейшей внутренней борьбы, сопровождавшейся целой серией государственных переворотов, наглядно подтверждает эту мысль: стремление «оперившегося» к середине 90-х годов короля Александра Обреновича к личному правлению с трудом уживалось с доктриной «партийного государства» радикалов. Тем более, что за делами молодого венценосца, пока еще в тени, стоял его отец — злейший и опаснейший враг Пашича. В мае 1894 г. конституция была отменена. И в том же году в Белград из-за границы прибыл экс-монарх. Пока ненадолго, но прецедент был создан. Страну опять залихорадило...

Используя ставший вновь актуальным конституционный вопрос и делая вид, что готов к его разрешению, король искусно манипулировал, стремясь «приручить» лидеров партий и сохраняя за собой свободу рук. В условиях министерской чехарды и откровенного шантажа закладывался фундамент личного режима, символом которого, в конечном итоге, стала так называемая «владановщина» — по имени главы «внепартийного» правительства Владана Джорджевича (1897—1900 гг.). В 1897 г. в Сербию окончательно вернулся и Милан Обренович, заняв должность командующего армией. Любопытно, что титуловать новоиспеченного армейского генерала было приказано «Его Величеством королем Миланом», что, конечно, было юридически некорректно, но вполне отвечало реалиям. Ведь де факто речь шла о соправлении сына и отца, причем последний пользовался гораздо большим реальным влиянием. Над радикалами Пашича снова нависла угроза.

Венцом правления Александра Обреновича стала его женитьба на Драге Машин — бывшей фрейлине королевы Натальи. Своим выбором Обренович-младший оттолкнул от себя и тех немногих, кто продолжал его поддерживать, включая собственного отца (прокламация о помолвке была обнародована, когда тот находился за границей, где вел переговоры о женитьбе сына на принцессе из мелкой немецкой династии Шаумбург-Липе). Несмотря на то, что молодому монарху удалось избавиться от опеки родителя, его брак с Д. Машин был крайне непопулярен. Особенно в армии, где командующий сумел завоевать немалые симпатии. Последовавшие за тем скандалы, вроде ложной беременности королевы и слухов об объявлении наследником ее брата, лишь ускорили развязку. 29 мая

1903 г. королевская семья была уничтожена и династия Обреновичей навсегда сошла с исторической сцены. Живых ее представителей более не осталось. Провидение хранило Милана Обреновича от участи свидетеля трагедии собственного сына; он умер в январе 1901 г. в Вене.

Рубеж веков был не лучшим временем и для Пашича. Когда в 1899 г. было совершено покушение на все того же М. Обреновича (так называемый Иванданский атентат), мстительный экс-монарх нашел, что пришла пора окончательно свести счеты с ненавистными радикалами. Лидеры партии, включая председателя, были немедленно арестованы. Несмотря на полную абсурдность предъявленных обвинений, были все шансы, что Пашич живым из тюрьмы не выйдет. Положение его было отчаянным. Тем более, он и не предполагал, что с определенного момента его жизнь будет вне опасности — Россия решительно высказалась против смертных приговоров радикальным вождям. А тогда ее слово значило немало.

На суде Пашич «признал», якобы радикальная партия действительно вынашивала тайные замыслы против династии Обреновичей, взяв на себя ответственность за психологическую подготовку покушения. Мало того, он обвинил в этом не только себя, но и соратников, сидевших вместе с ним на скамье подсудимых. По сути дела, это был самооговор, и Обренович-старший не мог им не удовлетворяться, полагая, что публичное покаяние Пашича и «сдача» им своих товарищей означают его моральную гибель в глазах как однопартийцев, так и общественного мнения. Получив пять лет каторги, он был немедленно помилован. Его репутация, действительно, была серьезно «подмочена». Однако Пашич не собирался складывать оружия, хотя не стремился и торопить события. Казалось, он просто плыл по течению, проводя время с семьей в Опатии и занимаясь «литературным» трудом. Пока не подоспела «майская революция»...

Новый сербский король — русофил Петр Карагеоргиевич, по-иному, чем Обреновичи, смотревший на сербские национальные приоритеты, был готов ради обеспечения последних связать судьбу страны с Радикальной партией, за которой шло огромное большинство народа. Внутренний консенсус был достигнут. В июне 1903 г. Народная скупщина приняла очередную конституцию, повторявшую основные положения «радикального» Устава 1888 года. Монарх обязался уважать конституционный порядок и правил в согласии с парламентом на протяжении всех отпущенных Сербии мирных лет. Теперь предстояло «переложить руль» и вплотную заняться проблемами национальными — реанимировалась «прадедовская задача сербского освобождения и объединения». На первое место выходила задача внешнеполитического, психологического и технического обеспечения сербских национальных амбиций; подготовки страны к маячившим в отдалении решающим событиям. В том же, что они грядут, у Пашича никогда сомнений не возникало. Начиналась новая эпоха в истории Сербии, новая фаза в развитии Радикальной партии, новый этап в жизни Николы Пашича...

Очень скоро Пашичу удалось вернуть утраченные было позиции в партии и снова стать ее неформальным лидером. После прихода радикалов к власти в 1904 г., он почти бессменно занимал пост премьер-министра и министра иностранных дел. Внутреннюю политику он доверил ведущему радикальному идеологу Ст. Протичу, а финансы — знаменитому «сербскому Витге» — Л. Пачу. Все трое, будучи в своей области отнюдь не дилетантами, многие годы прекрасно дополняли друг друга.

Для того, чтобы определить подлинное место Пашича на властном Олимпе Сербии, следует сначала разобраться, как вообще воспринималась власть в условиях традиционного общества, и что нового вносил в это восприятие процесс модернизации. Характерной чертой истории новой Сербии являлось опережающее развитие государства и его институтов по сравнению с темпами изменения общества. Патриархальные крестьянские представления о собственной государственности как органичном «продолжении» общинных традиций, когда государство воспринимается в виде «многократно увеличенной копии своего микромира», очень скоро стол-

кнулись с жесткой логикой реально формирующегося Княжества, проявившейся в его централизации и институционализации. И действительно, объективная потребность внутренней консолидации государства стягивала всю его территорию единой волей центра, что имело последствием постепенное выдавливание избираемых населением и отвечающих перед ним местных старейшин («своих») назначаемыми сверху чиновниками — проводниками этой самой воли («чужими») ⁶⁴. Собрание и договор, как основа прежнего порядка, все более заменялись прямыми указаниями из столицы. На смену традиционной авторитарности «семейного» типа, когда крестьянин лично выбирал старейшину, которому верил, а потому и подчинялся ему, пришла безликая тирания государственного аппарата. Процесс политической модернизации, таким образом, рвал узы привычной интимности в отношениях верхов и низов, возводя между ними непроницаемую бюрократическую стену, что вызывало в народе открытое недовольство. Его патриархальное сознание не успевало за переменами, пытаясь их затормозить. Восстания, на что был так богат сербский XIX век, прекрасное тому подтверждение.

Впрочем, говоря о негативном отношении сербского крестьянства к своему государству, изжитом лишь после смены династий в мае 1903 г., следует подчеркнуть, что оно во многом было спровоцировано самой властью: вольно или невольно, но модернизирующаяся элита усугубляла раскол. И если Милош Обренович — этот неграмотный и деспотичный правитель, но вместе с тем прирожденный политик и «популист», всегда умевший с тем же крестьянством обходиться, ладить и даже идти навстречу в ущерб собственной бюрократии, — имел право патетически воскликнуть: «О народ, ты моя сила!», то его наследники, принадлежавшие к категории «просвещенных» монархов, были людьми другого склада. В своей политике они мало прислушивались к бившемуся в сербской глубинке пульсу общественного бытия, полагаясь в основном на силу государства и рационалистических доктрин, что в традиционном обществе отнюдь не гарантировало успешного и гармоничного правления. Им не хватало, как когда-то выразился Н. Н. Страхов, «признания за жизнью большего смысла, чем тот, который способен уловить наш разум» ⁶⁵. Трагическая судьба, постигшая каждого из них не представляется случайной.

По словам С. Н. Трубецкого, «сила государства — в его жизненных принципах, во внутреннем единстве духа, которое обуславливает его политический и культурный строй». В независимой Сербии при последних Обреновичах такого «внутреннего единства» не было, ибо не было порождавшей его сбалансированности отношений между государством и обществом, то есть «политическим и культурным строем». И в результате, когда король Милан выражал неудовольствие своим (как он называл его) «безумным народом», непонимающим и саботирующим его государственнические устремления, последний через своих представителей в скупщине отвечал ему тем же, кляня за то, что он вел страну «путем чуждым и глубоко противным сербским традициям» ⁶⁶. При столь взаимоисключающих посылках надеяться на компромисс не приходилось. Тимокское восстание, несмотря на его подавление, и последовавшие события прозвучали для Обреновичей похоронным звоном. Переворот 29 мая 1903 г. покончил с ними.

Короля Александра не спасли ни акцент на том, что Драга Машин — первая «королева-сербка»; ни отказ от европейского стиля и придание своему двору «национального» колорита ⁶⁷; ни попытка использовать традиционную манеру общения с народом в духе родоначальника династии, то есть возвращение к патриархально-привычным представлениям о власти.

Впрочем, и не могли спасти, поскольку «возвращение» это было чисто внешним, продиктованным одним лишь стремлением восстановить сошедшую на нет популярность. Подлинное же отношение молодого и амбициозного монарха к своим подданным мало чем отличалось от позиции родителя. «Я огорчен и разочарован: с этими чертовыми крестьянами ничего нельзя сделать», — говорил король-сын педагогу, французскому историку А. Мале. Видимо поэтому он и предполагал создать, в качестве опоры

трона, некое подобие дворянства. Не удивительно, что народ возненавидел его столь же единодушно, как и предшественника. По свидетельству англичанки М. Дэрам, побывавшей на Балканах в 1902 г., «во всей Сербии я не слышала о короле ни одного доброго слова. Он скорее безумен, нежели порочен — это лучшее из того, что о нем говорилось. По отношению к нему я не видела ничего, кроме презрения»⁶⁸. Его конец был по-балкански жесток...

Петр Карагеоргиевич был человеком иного склада. 60-летний, умудренный опытом и многолетней эмиграцией вдовец, он старался править строго в рамках законов и конституции, хотя и не был полностью свободен в своих действиях — группа военных участников майского заговора, «освободивших» для него трон, стремилась сохранить свой привилегированный статус при новом режиме. Естественно они не ладили с гражданскими властями. И, бывало, чтобы избежать толков, монарх приглашал главу правительства Пашича на аудиенцию, но только... с черного хода. Давний соратник и близкий друг Петра Карагеоргиевича еще со времен эмиграции, священник М. Джурич объяснял подзабывшему сербские обычаи суверену всю бесперспективность таких приглашений: «Если Пашич не сможет войти во дворец с парадного входа, тогда он вообще не придет». И далее, еще более жестко: «Если ты, государь, думаешь, что, в случае выбора народа между тобой и Николой, народ выберет тебя, то ты глубоко ошибаешься»⁶⁹.

Эти весьма фамильярные, содержащие в себе скрытую угрозу, предостережения с предельной ясностью выражали патриархально-семейное отношение сербов к власти. Очевидно, что оно характеризовалось полным отсутствием какой бы то ни было сакрализации монарха, который, согласно традиционному взгляду на вещи, как глава большой семьи (или отец), должен быть всего лишь «первым среди равных», а не возноситься на недостижимую высоту, изолируясь от общества. Поэтому и отношение к нему всегда было слишком «приземленным» — ведь все мы родом из одного корня. Авторитет и доверие, в случае отсутствия их у правителя, могли переноситься и на популярного политика, который вписывался в патриархальные представления низов о власти. Явление вполне типичное: на протяжении XIX в. в Сербии было немало харизматических народных вождей. Наибольший авторитет принадлежал не положению или функции, а конкретной личности. Таким человеком и оказался Пашич, вполне соответствовавший народному восприятию власти.

Бессменный лидер Радикальной партии он никогда не стремился встать над партией, но всегда оставался с нею и в ней. По словам старого соратника и земляка, крестьянина из Зачара Д. Лазаревича, «на наших съездах Пашич обычно молчал, а солировал Пера Тодорович. Он умел так воодушевлять и зажигать словами, как никто другой, и вообще был таким оратором, каких уже давно нет. Но когда дело доходило до выборов председателя, мы все дружно голосовали за Пашича»⁷⁰. Отношения доверительной авторитарности лежали в основе патриархальных представлений о всякой иерархии. Пашич всегда оставался для партии своим; она же была для него «первой и единственной политической любовью»⁷¹.

Мало того, по мере того, как из партийного руководства уходили «отцы-основатели» и приходили представители новых радикальных генераций, для кого борьба первопроходцев в бурные 1880-е годы была уже овеяна легендой, «вечный Байя» сам превращался в легенду, становясь персонализацией сербского радикализма — этой, по выражению Й. Жуйовича, «новой религии, в которую народ фанатично верил». Именно здесь истоки мощной харизмы Н. Пашича. «Пашич принадлежит нам, мы принадлежим Пашичу» — как заклинание твердили радикалы после его смерти. «Радикальная партия — это Никола Пашич, Никола Пашич — это радикальная партия»⁷² — тогда же признавал политический оппонент.

И как следствие сам образ вождя радикалов постепенно трансформировался в сознании многих в некий миф, своего рода талисман, без которого правильно не решаются никакие дела. Эту иррациональность в отношении сербов к Пашичу чутко уловил Мале: «Пашич... создал вокруг

себя ореол легенды, став в народе олицетворением какой-то страшной силы. Если что-то не в порядке, отовсюду слышится — «Ах, если бы Пашич был здесь. Когда же, наконец, он будет здесь? К счастью, остается Пашич!». Эту легенду следует развеять, и тогда Радикальная партия развалится»⁷³. Во всем был прав наблюдательный француз, кроме одного — подлинных легенд сами о себе люди не создают...

После насильственной смены династий Радикальная партия пришла к власти в Сербии «всерьез и надолго». В демократическом государстве с парламентским правлением сложилась по сути однопартийная система (точнее «политорапартийная»: с одной стороны, радикалы, с другой — все остальное, то есть не-радикалы⁷⁴), и такая власть одной партии была добровольно принята и поддержана сербским крестьянством. Вершителями судеб страны стали Пашич — этот, по точному определению Л. Д. Троцкого, «некоронованный король Сербии»⁷⁵ — и его соратники.

Кстати, страной он руководил так же, как и собственной партией, всегда оставаясь с ней, а не над ней. Российский посланник при сербском королевском дворе князь Г. Н., Трубецкой, имевший возможность наблюдать премьера в годы первой мировой войны, вспоминал: «С раннего утра Пашич отпраплялся в министерство и с небольшим перерывом сидел там целый день. Фактически он был распорядителем судеб Сербии и решал все крупные и мелкие дела. Он достигал этого не только благодаря своему официальному положению, но и громадному личному авторитету». И далее: «Члены кабинета были много моложе Пашича. Он смотрел на них как на молодых людей, говорил им «ты» и звал по уменьшительному имени. Это было вполне в нравах патриархальной Сербии. В Нише (временной сербской столице в 1914—1915 гг. — *А. III.*) все министры занимались в одной большой зале. Пашич сидел в другом углу комнаты за общим столом. Получалось впечатление профессора и учеников». И наконец: «Он правил Сербией наподобие сельского старосты в большом, но малоустроенном селе. Зная всех и каждого, он ловко умел устранить политическое соперничество... Всего более напоминал он мне сельского старосту в своих отношениях с богатой помещицей — Россией. Он знал, что помещица может наехать, рассердиться и накричать, а он молча потрет себе бороду, а потом еще выхлопочет своему селу и деньжонок, и леску на хозяйство»⁷⁶.

Такая власть вполне устраивала сербского селяка («Байя знает, что делает»). Ему прощались и грехи (малодушие на суде), ведь и после возвращения из политической тени он оставался своим. Этот источник мощи Пашича-политика признавали все. Даже лидер республиканцев Я. Проданович называл его «народным Николой»⁷⁷.

Российский посланник в Белграде Н. В. Чарыков делился своими впечатлениями о поездке в глубь страны в начале июня 1901 г.: «Теперешний политический идеал сербов Королевства прост. Извне — желание спастись от «швабов» и объединить всех сербов, при неискоренимом убеждении, что и то, и другое возможно только при содействии России. Внутри — «едан децениум мира», то есть желание приостановить хоть на десять лет партийную борьбу и правительственные и административные кризисы, дабы люди могли спокойно заниматься своими домашними делами»⁷⁸. Не то же ли самое имел в виду Никола Пашич, когда год спустя формулировал один из алгоритмов истории независимой Сербии: «У нас, т. е. в сербской политике, можно считать непреложным правилом следующий расклад: определение во внутренней политике в пользу парламентских методов и конституционной власти, пользующейся доверием большинства народа, непременно ведет во внешней политике к ориентации на славянскую, православную Россию. И наоборот: опора во внешней политике на Австро-Венгрию обязательно приводит к реакции, власти меньшинства, столкновению ее с народной волей, к мерам строгим и чрезвычайным»⁷⁹. «Отец и сын своего народа», — очень точно и емко охарактеризовал Пашича блестящий знаток той эпохи М. Йованович-Стоимирович.

Главной задачей Пашича в первые годы правления короля Петра было противодействие откровенно враждебной Вене. Пашич осознавал растущую

австро-венгерскую угрозу и стремился найти ей серьезный противояз. В стремлении нейтрализовать опасность со стороны северной соседки он сделал ставку на Петербург.

Тем самым Пашич сумел подтянуть «маленький сербский плот» к «эскадре» Антанты. Когда в 1906 г. Австро-Венгрия оказывала на Сербию сильнейшее давление с целью обеспечить размещение заказа на поставку артиллерийских орудий на собственных заводах, угрожая при негативном ответе закрытием венгеро-сербской границы, Пашич — глава кабинета, инициировавшего вопрос о закупке пушек, — без колебаний ответил отказом. Отдать заказ на орудия Вене значило стать ее заложником. И заказ был передан французской фирме Шнейдер-Крезю. Австро-Венгрия закрыла границу с Сербией. Началась таможенная («Свиная») война, длившаяся вплоть до 1911 года. Вене не удалось заставить Белград капитулировать. С помощью Франции была модернизирована пищевая промышленность, являвшаяся основой экономики страны. Строились бойни, холодильники, консервные заводы.

Таможенная война была тяжелым испытанием, но еще более тяжким стал Боснийский кризис, связанный с аннексией Австро-Венгрией в 1908 г. Боснии и Герцеговины. Пашич, тогда в качестве «частного» лица, требовал решительного отпора аннексии, говорил о возможной защите сербских национальных интересов с оружием в руках. Будучи с чрезвычайной миссией в Петербурге, он, однако, понял, что Россия, сама явно уязвленная акцией венского министра иностранных дел А. Эренталя, еще не готова поддержать Сербию.

В период Боснийского кризиса Пашич проявил себя как незаурядный психолог. Его решительная «частная» позиция импонировала общественному мнению Сербии. Когда же министр иностранных дел М. Милованович, с подачи дипломатов стран Антанты, задумывался о территориальных компенсациях за аннексию, на что Вена, возможно, и пошла бы, Пашич резко выступил против любых сделок. «Пусть на теле сербского народа останется живая рана», — подчеркнул Пашич.

Спустя считанные годы, Сербия добилась сатисфакции с другой стороны. В 1912 г. она, Греция, Болгария и Черногория, заключив военный союз, объявили войну Турции, под властью которой все еще находились обширные территории, населенные славянами и греками. Многие политические противники Пашича злорадствовали: «Ну, на этот раз Байя сломает себе шею». Однако, чего уж точно не было в нем, так это банального авантюризма. К 1912 г., Сербия имела сильную, хорошо и вовремя (с помощью России и Франции) вооруженную армию, а моральный дух народа был как никогда высок. Многолетний заместитель Пашича-премьера по финансам и близкий его друг еще из 70-х годов XIX в., Пачу говорил Троцкому, обозревавшему в качестве военного корреспондента балканские коллизии тех лет: «Наши финансы в прекрасном состоянии. Мобилизация обходится нам в миллион динаров ежедневно. Мы сделали значительные запасы золота и спокойно смотрим навстречу завтрашнему дню. На шесть месяцев нас хватит»⁸⁰.

Сербские войска выиграли ряд решающих сражений I-ой Балканской войны. Особо в них отличились артиллеристы, вооруженные теми самыми орудиями, за которые в свое время «на смерть» бился Пашич. А во II-ой Балканской (Межсоюзнической) войне Сербия, Греция, Румыния и примкнувшая к ним Турция воевали против болгар, которые, стремясь к переделу освобожденных территорий, напали на сербов и греков у местечка Брегалница. Боевые действия закончились быстро. София потеряла почти все, что недавно приобрела. Бухарестский мирный договор 1913 г., юридически закрепивший результаты обеих войн, признал за Сербией Вардарскую Македонию и Старую Сербию (нынешние Косово и Метохию). Таким образом, южный «аспект» сербского национального вопроса, в том виде, как его понимало руководство страны, был решен.

Конфликт Вены с Белградом установился неизбежен. Австро-Венгрия не желала терпеть на своих границах усилившееся Сербское королевство, само существование которого будило у ее югославянских подданных центробеж-

ные настроения. Целостность двуединой монархии теперь во многом зависела от того, сможет ли она сломить резко возросшую сербскую силу, нейтрализовать ее влияние.

Но в Вене отдавали себе отчет в рискованности войны с Сербией, в которую могла бы вступить Россия, что превратило бы австро-сербское столкновение в войну европейских коалиций (что и произошло!). Вместе с тем, полагая, что, Россия, нуждавшаяся еще по крайней мере в нескольких мирных годах для завершения своих оборонных мероприятий, не рискнет пока вмешаться в конфликт на Балканах, австро-венгерские политики хотели успеть «наказать» Белград «один на один». Время работало против Габсбургской монархии, и в расчет ее правящих кругов не входило откладывать войну надолго.

Пашич, считая столкновение с Австрией неизбежным, стремился тем не менее всячески оттянуть его. «В наших интересах, — говорил он своим сотрудникам, — чтобы Австро-Венгрия просуществовала еще лет 25—30, дабы мы смогли так «переварить» наши новые территории на юге, что вопрос об их принадлежности уже никем и никогда не мог бы быть поставлен заново»⁸¹. Кроме того после двух войн страна явно нуждалась в мирной передышке. Но таковой она не получила. Сараевское убийство эрц-герцога Франца-Фердинанда в Вене сочли слишком соблазнительным поводом, чтобы его не использовать. Мировая война стала реальностью...

С началом войны в повестку дня был поставлен югославянский вопрос. В Нишской декларации, принятой Народной скупщиной 7 декабря 1914 г., депутаты определили в качестве главной задачи страны освобождение и объединение в едином государстве всех сербов, хорватов и словенцев. Сербские национальные амбиции, таким образом, достигли крайней степени выражения.

В конце XIX — начале XX в. представления о «народном единстве» сербов, хорватов и словенцев получили достаточно широкое распространение среди югославянской интеллигенции. «Три племени одного народа» — это выражение надолго стало крылатым.

Деятели собственно Сербии считали центром югославянского объединения свою страну. Представители же хорватской и словенской интеллигенции, напротив, считали возможным сплочение югославян под скипетром династии Габсбургов, но при условии дарования им таких же политических прав, какие имели немцы и мадьяры. Нередко они требовали замены дуализма австро-венгеро-югославянским триализмом. Немалое их число приветствовало оккупацию, а затем и аннексию Боснии и Герцеговины, видя в этом усиление славянского фактора в монархии и пролог ее внутренней перестройки. Что же касается австрийских и венгерских сербов, то они с нескрываемой симпатией смотрели в сторону Белграда.

Пашич также не остался в стороне от попыток хотя бы теоретического осмысления данной проблемы. В уже упомянутой рукописи «О сербско-хорватском согласии», поставив вопрос: «кто объединит сербо-хорватов?», он рассуждает о шансах каждого «племени» стать лидером в этом процессе. Полагая, что «развитие современной европейской культуры, с ее индустриальным производством и железнодорожным проникновением, грозит малым народам крахом», Пашич делает вывод о необходимости, дабы избежать этого, «собрания родственных племен в одно сильное государство». А раз, «между языком сербского и хорватского племен не имеется никакой разницы», что для автора манускрипта наряду с общностью происхождения было главным критерием их потенциального национального единства, то их объединение было бы делом совершенно естественным, органично вписывающимся и в современную европейскую тенденцию «собрания народов».

Проанализировав основные вехи истории сербов и хорватов, Пашич приходит к выводу: «Совершенно очевидно, что для сербо-хорватского народа в любом случае предпочтительнее группироваться вокруг демократической Сербии». И далее: «Так как сербский народ лучше сохранил свои славянские особенности, то именно он должен держать знамя славяно-

сербско-хорватской идеи». Вполне очевидна антизападническая направленность рукописи Пашича, что не удивительно, поскольку, как уже говорилось, во время ее написания он находился под влиянием идей Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах. Русский мыслитель также считал сербов, хорватов и словенцев «сербскими племенами», предполагая вхождение когда-нибудь во Всеславянский союз «Королевства Сербо-Хорвато-Словенского»⁸².

Таким образом, в теории Пашич полагал возможным создание объединенного югославянского государства, — вокруг Сербии. Если это югославизм, то явно сербцентристского толка. Об этом говорят и параллели, которые проводит Пашич. Вот одна из них: «В России малороссы и белорусы не являются более какими-то особыми народностями, но представляют собой только варианты единой русской народности»⁸³. Аналогия с сербами, хорватами и словенцами совершенно очевидна.

Такой подход Пашича к решению югославянского вопроса (чисто теоретический, подчеркнем особо), страдал явной облегченностью, что вообще было свойственно тогда многим сербским политикам. Мало учитывались объективно разделяющие факторы: прежде всего — принадлежность к различным культурным ареалам. Кроме того, этот подход во многом определялся и диктовался политической конъюнктурой. И только отдельные интеллектуалы замечали потенциальные «мины замедленного действия». Так, Ст. Новакович, занимавшийся кроме политики еще и наукой, будучи крупнейшим сербским историком и филологом, писал в мае 1912 г. Ф. И. Успенскому: «Все умные и хорошо к нам относящиеся люди советуют нам югославянское сообщество. Вы, русские, требуете от нас сохранения верности светлым традициям православия. Но, когда мы опираемся только на них, мы теряем весь запад до Альп и Адриатики, где пропаганда нашей единой народности имеет более всего шансов на успех и где католические племена идут за нами. Потому я и кричу от отчаяния»⁸⁴. Маститый ученый вовремя заметил в потенциальных межконфессиональных осложнениях источник немалой опасности для идеи «единого народа».

Важно, однако, подчеркнуть, что дискуссии о «югославянском единстве» велись накануне первой мировой войны в основном в интеллигентской и студенческой среде. В белградских же коридорах власти о нем не было принято говорить вслух. Приоритет отдавался более насущным и жизненным задачам — освоению и обустройству новых территорий на юге и гармонизации отношений с Черногорией в условиях, когда оба независимых сербских королевства наконец-то соприкоснулись своими границами. О том, насколько более важными были для Пашича переговоры о реальном сближении Сербии и Черногории по сравнению с абстрактными лозунгами единства югославян, свидетельствует и российский посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг. Сообщая 7 апреля 1914 г. в МИД о начавшемся диалоге, дипломат подчеркивал, что «Пашич находил желательным оставить ныне в стороне все заботы о «неосвобожденных еще сербских братьях и целом югославянстве», а подумать о мерах, которые на деле скрепили бы узы единокровных народов (сербов и черногорцев. — *А. Ш.*)»⁸⁵.

Итак, очевидно, даже при наличии определенного югославянского «крена» в общественном мнении (явно усилившегося после побед в Балканских войнах), Пашич в своей реальной политике отдавал предпочтение решению внутрисербских (назовем это так) проблем. Югославянская же перспектива лежала для него далеко за сербским горизонтом...

С началом войны югославянский вопрос был прямо поставлен сербским правительством. Однако в условиях вооруженного противостояния он в еще большей степени оказался в зависимости от военно-политической конъюнктуры. Можно даже говорить о его использовании в чисто политических целях. Не секрет, что в противоборстве с Австро-Венгрией Пашич рассчитывал на югославян империи Габсбургов, как на своих потенциальных союзников. По свидетельству секретаря сербского лидера, декларация о военных целях Белграда приобрела югославянскую «упаковку» лишь после того, как Пашича убедили в том, что «это поможет Сербии в войне,

ибо вызовет выступление югославянских и иных славянских народов Австро-Венгрии»⁸⁶.

Представители самих этих народов не остались в стороне от заявленной позиции сербского руководства. В мае 1915 г. в Лондоне был основан Югославянский комитет, который возглавил А. Трумбич — хорват из Далмации. Опираясь на идею «народного единства» сербов, хорватов и словенцев, члены Комитета высказались за поражение Австро-Венгрии в войне, объединение всех ее югославянских областей с Сербией и образование единого государства.

Агитация Югославянского комитета за будущее государственного-политическое единство югославян была поставлена на широкую ногу. Но что лежало в ее основе, какова, по мнению «комитетчиков», была конечная цель единения? Об этом они предпочитали не распространяться в переговорах с сербами, но активно рассуждали в обществе дипломатов Антанты. Так, в разговоре с чинами российского МИД видный деятель Комитета Ф. Супило особо отметил, что слияние хорватов с сербами «должно принять форму, обеспечивающую перевес культурного мирозерцания хорватов над нынешними стремлениями сербов», подчеркнув «европейский оттенок цивилизации хорватов в противоположность культуре сербской»⁸⁷. В рамках единого югославянского государства предполагалось обеспечить преобладание «европейского» менталитета хорватов и словенцев.

Это соперничество, имевшее весьма глубокие корни, выплеснулось наружу в начале 1916 г., когда Сербия была оккупирована австро-германскими и болгарскими войсками, а ее правительство и король находились в изгнании на острове Корфу. О возросших амбициях хорватской и словенской эмиграции можно судить хотя бы по «Дополнительному меморандуму Югославянского комитета» от 13 марта 1916 года. Лидеры Комитета стремились добиться признания его Антантой в качестве политического органа, равного по значению и весу сербскому правительству. С другой стороны, имела место их попытка лишить Сербию функции единственного объединителя всех югославянских земель.

Подобные «новации» хорватских и словенских деятелей не радовали Пашича, который трактовал роль Югославянского комитета совсем по-иному и отнюдь не желал воспринимать эту эмигрантскую организацию, как единственного представителя австро-венгерских югославян. Полагая «попечительство» над сербами, хорватами и словенцами прерогативой исключительно сербского королевского правительства, он пытался низвести Комитет до роли всего лишь одной из его внешнеполитических структур, а потому длительное время воздерживался от каких бы то ни было официальных шагов в сторону Трумбича и компании. Только в мае 1917 г. на Корфу представителями сербского руководства и Югославянского комитета была подписана известная Корфская декларация, в которой стороны однозначно высказались за создание единого государства сербов, хорватов и словенцев. Почему же Пашич пошел на сближение с Комитетом и установил с ним официальные контакты?

Все дело, как представляется, в том, что коренным образом изменились внешние обстоятельства. Потерпела крах императорская Россия — главный союзник Сербии и Пашича. Когда Петроград фактически вышел из игры и «его голос потерял свой вес и значение в решении международных проблем, — как писал премьер-министру-регенту Александру Карагеоргиевичу в августе 1917 г., — стало очевидно, что остальных наших союзников: Францию, Англию, а тем более Италию меньше всего заботят сербские интересы». Что же сербам оставалось делать в такой ситуации? Только одно — последовать рекомендации генерала М. Рашича тому же регенту от 20 марта: «Не следует себя обманывать, Ваше Высочество. Сейчас, когда мы лишились опоры в лице русского императора Николая, нам надо действовать самим»⁸⁸. Пашичу пришлось перестраиваться на ходу — в лице Югославянского комитета был найден новый союзник, а совместная Корфская декларация была призвана поставить перед правительствами стран Антанты австро-венгерский вопрос от имени нового

же политического тандема. Кроме того, не явилось ли ее принятие и неким превентивным шагом? Ведь в начале 1917 г. ходили упорные слухи о предстоящей в Сараево коронации молодого императора Карла Габсбурга югославянским королем.

Как бы там ни было, совместное заявление на Корфу стало для Пашича не более, чем следствием изменившейся политической конъюнктуры. Далее дело не пошло. Пашич продолжал маневрировать. А потому не кажется чем-то удивительным его резкий вираж в сторону от «согласованной» югославянской позиции в начале 1918 г., когда США и Великобритания сочли вдруг целесообразным сохранение Австро-Венгрии (речь Д. Ллойд-Джорджа в Палате общин 5 января и знаменитые «14 пунктов» В. Вильсона). Реагируя на этот поворот, Пашич срочно поручил сербским дипломатам в Лондоне и Вашингтоне поднять вопрос о Боснии и Герцеговине, чтобы обеспечить Сербии хоть что-нибудь в той ситуации.

Югославянские же деятели, полагавшие, что отделение Боснии и Герцеговины от Австро-Венгрии привело бы лишь к ослаблению в ней славянского элемента и, следовательно, к уменьшению шансов на благоприятный исход в их борьбе за автономию югославянских областей в рамках монархии, упрекали Пашича в том, что, уклонившись в сторону «Великой Сербии», он нарушил югославянскую солидарность. Но для Пашича подобная постановка вопроса являлась чистой абстракцией. Отнюдь не «Великая Сербия» или Югославия была главной дилеммой, стоявшей тогда перед ним; сохранится (а если да, то в какой форме) или распадется Австро-Венгрия в результате войны — так ее можно озвучить. Причем в глубине души Пашич вряд ли был абсолютно уверен, что она обязательно развалится. Отсюда и его мгновенная реакция на ход англо-американской дипломатии. Когда же союзники, наконец, утвердились в своем решении «разменять» Австро-Венгрию на несколько национальных государств, Пашич вернулся к своему «югославизму». Как видим, его политика была очень гибкой. Стремясь при любом раскладе обеспечить интересы Сербии и сербского народа, он, в зависимости от изменений международной обстановки, допускал большие колебания.

Финал известен. После крушения монархии Габсбургов ее югославянские области 1 декабря 1918 г. объединились с Сербией и Черногорией в единое государство — Королевство сербов, хорватов и словенцев...

С политической точки зрения результаты войны для Сербии были триумфальными. Роль ее премьера огромна и бесспорна. В самые трагические минуты Пашич делил с народом и армией все тяготы: они были вместе и во время тяжелейшего отступления конца 1915 г. через Албанию и Черногорию на побережье (народ прозвал его «Сербской Голгофой»), и в корфском изгнании. Именно в военное время его упорство и крепость духа достигли невиданных высот. Фактически потеряв собственную страну, он сумел сохранить все атрибуты государственности — на Корфу пополнялась и реформировалась армия, работало правительство, заседала Народная скупщина. Легитимная государственная машина двигалась. Сохранялись крепкие связи с союзниками. С интересами Сербии считались. Что говорить, если побежденные немцы признавали потом, что «из одного Пашича можно вытесать трех Бетман-Гольвегов»⁸⁹.

В 1919 г. в качестве главы югославянской делегации Пашич присутствовал на Парижской мирной конференции. Интересы нового отечества он отстаивал решительно и талантливо. По словам Ллойд-Джорджа, «Пашич был одной из наиболее красочных фигур конференции, и ни одна страна не могла похвастать более талантливым, более проникательным, более упорным защитником своих притязаний»⁹⁰. В конце концов ему удалось отстоять большинство тех самых притязаний и добиться международного признания объединенного королевства югославян.

Это был его звездный час — сербский народ смог, наконец, собраться под одной крышей. Задача всей жизни была выполнена. Ему казалось, навсегда... Но трудности подстерегали с другой стороны. Образование единого югославянского государства, увы, не означало достижения ожида-

емой гармонии в отношениях между вошедшими в его состав «тремя племенами одного народа». Будущее устройство только что обретенной общей родины виделось из Белграда, Загреба и Любляны по-разному. В борьбе за конституцию Королевства СХС столкнулись унитаристские устремления одних и федералистский настрой других.

Пашич, до конца жизни остававшийся убежденным государственнымником, увидел в требовании федерализации Югославии, что для него являлось синонимом сепаратизма (который, кстати, также имел место), открытую угрозу государственному единству. В таких условиях, по словам его биографа, «он стал консервативным, а иногда, как в 1921 г., и самым консервативным его охранителем»⁹¹.

28 июня того года Учредительное собрание приняло Видовданскую конституцию, юридически закрепившую централизованное устройство Королевства СХС с сербской династией Карагеоргиевичей во главе. Принятие Основного закона, несмотря на то, что хорватские и словенские депутаты проголосовали против, Пашич мог считать своей политической победой. Однако главная его ошибка заключалась в том, что он воспринимал хорватскую оппозицию — наиболее мощную и активную — как обычную парламентскую, которую можно победить фракционными комбинациями и рутинной голосований. Оппозиция же хорватских политиков унитаризму (хотя и прибегавших нередко к сепаратизму и открыто антигосударственным призывам) отражала движение целого народа. Сама жизнь наносила удар по «трехименной» теории.

По мнению Йовановича, «Королевству СХС был необходим или пророк югославизма, который мог бы зажечь своим воодушевлением и верой как сербов, так и хорватов, или конструктивный политик, который смог бы примирить сербохорватские противоречия в рамках какого-то государственно-правового компромисса. Пашич же не был ни тем, ни другим»⁹².

Парадокс Николы Пашича заключался в том, что он — унитарист и жесткий защитник государственного единства — по-прежнему оставался заядлым конституционалистом. И это не могло не привести к столкновению с королем Александром Карагеоргиевичем, чьи авторитарные замашки становились все более откровенными. В год своей кончины Пашич, которому уже перевалило за восемьдесят, говорил о необходимости создания широкой коалиции различных партий для отпора надвигающемуся режиму личной власти. Как и в свои ранние годы, он был готов бороться против самовластия монарха, отстаивая конституцию и прерогативы представительной власти.

Но борьбе этой так и не суждено было начаться. 10 декабря 1926 г., в возрасте 82 лет, Никола Пашич скончался. По словам Й. Дучича, «когда разнесся слух, что Пашич умер, вся страна почувствовала, что после него все пойдет наперекосяк. И она не обманулась. Приближался хаос»⁹³. Отбросив некоторые преувеличения, свойственные натурам творческим, заметим, что автор данной сентенции знал, о чем говорил.

Примечания

1. См.: ЧУБРИЛОВИЋ В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд. 1958, с. 463.
2. СТАНКОВИЋ Ћ. Искушења југославенске историографије. Београд. 1988, с. 245; *ibid.* Никола Пашић и парламентаризам у Србији и Југославији. — Историја 20 века. Београд. 1996. Бр. 2, с. 11.
3. ДРАГНИЋ А. Србија, Никола Пашић и Југославија. Београд. 1994, с. 13.
4. ПРОТИЋ М. Идеологија Народне радикалне странке и Никола Пашић. — Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова). Београд. 1997, с. 154; *ibid.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881—1903). Београд. 1990, с. 155.
5. СВЕТОВСКИ М. Пашић у интимном животу. По прићању своје кћери. — Пашић.

- Илустровани радикални алманах. Граѓа на педесетогодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Београд. 1927. Књ. 4, с. 63.
6. СФОРЦА К. Никола Пашић и уједињење Југословена. Дипломатске и ратне успомене. Београд. 1937, с. 27.
 7. Цит. по: МИЛОШЕВИЋ Ж. Млади Пашић. Београд. 1994, с. 34.
 8. СТАНКОВИЋ Ђ. Предговор — Пашић Н. Слога Србо-Хрвата. Београд. 1995, с. 11.
 9. МИЛОШЕВИЋ Ж. Млади Пашић. с. 39.
 10. ПЕРОВИЋ Л. Млади Никола Пашић. — Развитак. Зајечар. 1993, бр. 3—4, с. 54.
 11. ВУЧИЋЕВИЋ А. Никола Пашићко царишки студент. — Политика. 1927, бр. 6720.
 12. SKORIC S. The Populism of Nikola Pasic: the Zurich Period. — East European Quarterly. Winter 1980. Vol. XIV. № 4, p. 469—470.
 13. WALICKI A. The Controversy over Capitalism. Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. Oxford. 1969. P. 26.
 14. СКЕРЛИЋ Ј. Светозар Марковић. Његов живот, рад и идеје. Београд. 1922, с. 34.
 15. ЈОВАНОВИЋ Сл. Портрети из историје и књижевности. Нови Сад — Београд. 1963, с. 287.
 16. ПАШИЋ Н. Писма, чланци и говори (1872—1891). Београд. 1995, с. 27—29.
 17. См. ТОЈНБИ А. Цивилизација пред судом историје. М. 1995, с. 106.
 18. ШАЦКИЈ Е. Утопија и традиција. М. 1990, с. 265.
 19. ЈОВАНОВИЋ Сл. Никола Пашић. — Србија и коментари. Београд. 1989, с. 248.
 20. ЧУДНОВСКИЈ С. Л. Из давних лет. Воспоминанија. М. 1934, с. 64.
 21. См.: Писмо. Зборник радова. Београд. 2001, с. 200—202.
 22. ПАШИЋ Н. Писма, чланци и говори, с. 41—45.
 23. ПАШИЋ Н. Писма, чланци и говори, с. 51.
 24. 15 фебруара 1875 г. у Крагуевацу состоялась знаменитая демонстрација «Црвени барјак» («Красное знамя»). Ее провели социјалисти и сторонници групе А. Богосавлевича по случају победе на местних изборима. Манифестација с учешћем стотина људи сопровождалась пением «Марсельезы» и требованием самоуправления в масштабах всей страны. В итоге она была разогнана... Как вспоминал позднее Р. Милошевич, Пашић «осудил демонстрацију с красным знаменем. Это было, по его мнению, несерьезным поступком, который омрачил нашу победу на выборах в общинную управу». МИЛОШЕВИЋ Р. Први почеци радикалне странке. — Пашић. Књ. 4, с. 91.
 25. ПАШИЋ Н. Писма, чланци и говори, с. 57, 58—62.
 26. Подробнее см.: Славјанские народы: общность истории и культуры М. 2000, с. 228—255.
 27. НОВАКОВИЋ Ст. Двадесет година уставне политике у Србији. 1883—1903. Београд. 1912, с. 13.
 28. КУЛАКОВСКИЈ П. А. Србија в последние годы. — Русский вестник, 1883, № 4, с. 762.
 29. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), ф. Отчеты (1880), л. 136 об.; (1881), л. 11 об.
 30. ЛАВЕЛЭ Э. де Балканский полуостров. Ч. 1. М. 1889, с. 201.
 31. PETROVIČ M. V. A History of Modern Serbia. 1804—1918. Vol. 2. N.Y. & Lnd. 1976, p. 416.
 32. ОВСЯНЫЙ Н. Р. Србија и сербы. СПб. 1898, с. 90.
 33. См.: КУЛАКОВСКИЈ П. А. Ук. соч. — Русский вестник, 1883, № 3, 4; ДАНЧЕНКО С. И. Развитие сербской государственности и Россия (1878—1903). М. 1996 и др.
 34. ЛОТМАН Ю. М. Культура и взрыв. М. 1992, с. 270.
 35. ДВОРНИКОВИЋ В. Карактерологија Југословена. Београд. 1939, с. 862.
 36. МИЈАТОВИЋ Б. Основни погледи напредњака и радикала током 80-тих година XIX века. — Српска политичка мисао. Београд. 1996, бр. 1—4, с. 256.
 37. Подробнее об идеологији сербског радикализма см.: ПЕРОВИЋ Л. Српски социјалисти XIX века. Београд. 1995, књ. 3; МИШКОВА Д. Србският радикализъм през XIX в.: страници от историјата на балканскиот популизъм. — Токови историје. Београд. 1999, бр. 1—4, с. 36—68 и др.

38. ТОДОРОВИЋ П. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. Београд. 1997, с. 193, 275.
39. ЛОТМАН Ю. М. Ук. соч., с. 261.
40. Исторически архив, 1994, № 5, с. 112—114.
41. Архив Српске Академије Наука и Уметности (далеко — АСАНУ). Пашићеве хартије. Бр. 14615—1—32.
42. ПАШИЋ Н. Писма, чланци и говори, с. 172.
43. Исторически архив, 1994, № 5, с. 113.
44. ТРГОВЧЕВИЋ Љ. Српска интелигенција у XIX веку — западни и источни утицаји. — Европа и Срби (Зборник радова). Београд. 1996, с. 271.
45. Подробнее см.: Живот и дело Светозара Марковића (Зборник радова). Београд. 1997, с. 439—444; Славјановедение, 2000, № 3, с. 63—70.
46. АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр. 11746.
47. ПАШИЋ. Београд. 1926. Књ. 3, с. 47.
48. См.: ПАШИЋ Н. Слога Србо-Хрвата. Београд. 1995.
49. АВПРИ. Ф. Генерално консулство у Белграде, оп. 825, д. 70, л. 34.
50. ПЕТРОВИЋ А. Успомене. Горњи Милановац. 1988, с. 128.
51. ТОДОРОВИЋ П. Огледало. Зраке из прошлости. Београд. 1997, с. 206.
52. ПАШИЋ Н. Моја политичка исповест. — Србија и коментари. Београд. 1989, с. 140.
53. СФОРЦА К. Ук. соч., с. 284.
54. АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр. 11868/5.
55. Архив Југославије (далеко — АЈ), ф. 143 (Заоставштина Николе Пашића), фасцикла 3.
56. ПОПОВИЋ Д. Никола Пашић и Русија. Из мојих личних сећања. — Годишњица Николе Чушића. Београд. 1937. Књ. XLVI, с. 144.
57. Централни исторически архив Москве, ф. 179, оп. 21, д. 3453, л. 10.
58. АЈ, ф. 143 (Заоставштина Николе Пашића), фасцикла 3; АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр. 11571/14; Новое время (Белград). 14 децембра 1926 г., № 1689.
59. СВЕТОВСКИ М. Ук. соч., с. 62.
60. ПАШИЋ Н. Моја политичка исповест, с. 140.
61. АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр. 11623/5; 11623/15; 11623/22; 11623/23; АЈ, ф. 143 (Заоставштина Николе Пашића), фасцикла 3.
62. ЈОВАНОВИЋ-СТОЈИМИРОВИЋ М. Предговор. — Никола П. Пашић (10 децембар 1926—10 децембар 1936). Београд. 1937, с. 21—22.
63. См.: Годишњак за друштвену историју. Београд. 2000, свеска 2—3, с. 164—189.
64. Ђорђевић Д. Огледи из новије балканске историје. Београд, 1989, с. 198; Наш народни живот. Београд. 1923, с. 37—43; ДАНИЛОВА Л. В., ДАНИЛОВ В. П. Крестьянская ментальность и община. — Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) М. 1996, с. 23.
65. СТРАХОВ Н. Н. Критически статје об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом. СПб. 1885, с. 215—216.
66. ТРУБЕЦКОЈ С. Н. О природе човеческог сознания. — Вопросы философии и психологии, 1891, № 2, с. 152; Архив Србије (далеко — АС). Фонд Милутина Гарашанина. Бр. 1058, л. 18; Никола Пашић у Народној скупштини. Београд. 1997, књ. 2, с. 543 (док. 114, прим. 20).
67. СТОЛИЋ А. Краљица Драга. Београд. 2000, с. 99—102, *ibid.* Двор у Београду (1880—1903). Између традиционалног и модерног. — Србија у модернизацијским процесима XIX и XX века. Београд. 1998, Књ. 2, с. 111—112.
68. МАЛЕ А. Дневник са српског двора. 1892—1894. Београд. 1999, с. 186—187; АСАНУ. Бр. 9327/XVI. Дневник Милана Миличићевића. Свеска XVI, л. 2820; ДАРАМ М. Кроз српске земље. Београд. 1997, с. 201.

69. Цит. по ИГЊИЋ С. Народни трибун прота Милан Ђурић. Београд. 1992, с. 168—169. См. такође: ЈОВАНОВИЋ-СТОЈИМИРОВИЋ М. Силуете старог Београда. Београд. 1987, Књ. 2, с. 151—152.
70. ЛАЗАРЕВИЋ Ђ. Сећања на Николу Пашића. — Политика, 12.XII.1926, бр. 6694.
71. КАЗИМИРОВИЋ В. Никола Пашић. — Развитак. Зајечар, 1996, бр. 196—197, с. 26.
72. ЖУЈОВИЋ Ј. «Српска радикална странка». Говор Ј. Жујовића на збору самосталних радикала у Јагодини 10 августа 1903 г. Београд. 1903, с. 9. Самоуправа, 17.XII.1936 г.; SIMPLEX. Личност Николе Пашића. — Нова Европа. Загреб. 1926, Књ.XIII, бр. 2, с. 415.
73. МАЛЕ А. Ук. соч., с. 199.
74. СТОЈАНОВИЋ Д. Партијске елите у Србији 1903—1914. — Југословенски историјски часопис, 1997, бр. 2, с. 47.
75. См.: ТРОЦКИЙ Л. Д. Сочинения. Т. 6, М.-Л. 1926, — Балканы и Балканская война.
76. ТРУБЕЦКОЙ Г. Н. Русская дипломатия 1914—1917 гг. и война на Балканах. Монреаль. 1983, с. 88—90.
77. ПРОДАНОВИЋ Ј. Никола П. Пашић. — Српски књижевни гласник. Београд, 1927, књ. XX, с. 126.
78. АВПРИ, Ф. Политархив, оп. 482, д. 492, ч. 2 (1901), л. 64, об.-65.
79. ПАШИЋ Н. Моја политичка исповест, с. 175.
80. ТРОЦКИЙ Л. Д. Ук. соч., с. 81.
81. Никола П. Пашић (10 децембар 1926—10 децембар 1936), с. 246.
82. ДАНИЛЕВСКИЙ Н. Я. Россия и Европа. М. 1991, с. 91, 360, 368.
83. ПАШИЋ Н. Слога Србо-Хрвата, с. 51.
84. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 116, оп. 2, д. 245, л. 4 об.
85. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. (Далее — МОЭИ). Серия III. Т. 2. М.-Л. 1933, Т. 2, с. 220.
86. МИЛОЈЕВИЋ П. О људима и чудима. Београд. 1982, с. 42.
87. МОЭИ. Серия III. М.-Л. 1935. Т. 7. Ч. 1, с. 479.
88. Дипломатска преписка српске Владе. 1917. Збирка докумената. Крагујевац. б/г, с. 193, 128.
89. Никола П. Пашић (10 децембар 1926—10 децембар 1936), с. 235.
90. ЛЛОЈД-ДЖОРДЖ Д. Правда о мирных договорах. М. 1957. Т. 2, с. 44.
91. КАЗИМИРОВИЋ В. Никола Пашић и његово доба. 1845—1926. Т. I. Београд. 1990, с. 10.
92. ЈОВАНОВИЋ Сл. Никола Пашић, с. 281.
93. ДУЧИЋ Ј. Собрана дела. Сарајево, 1969, Књ. 6, с. 198.

Л. Б. Красин. Письма жене и детям. 1917—1926

№ 8.

8 декабря [1917 г.]

Родной мой, милый, любимый Любченышек! Пишу тебе коротенько, очень занят все последнее время, но думаю о тебе и детках постоянно. Очень тебя люблю, крепко и нежно и очень по тебе скучаю. Дорого бы дал поцеловать твои ласковые глазки, приголубить тебя и приласкать. О времени, проведенном вместе в Норвегии и в Стокгольме, вспоминаю как о лучших днях и мечтаю к вам приехать, но не знаю, удастся ли это скоро. Сомнительно, так как дела становятся опять много и отлынивать от него никак не приходится, тем более, что после отдыха я чувствую себя очень бодрым и работоспособным. Жизнь кое-как входит опять в колею, и безделье первых недель после переворота уступает место работе: надо то и другое сообразить, примениться к новым условиям, отсюда разные совещания, конференции и т. д. С рабочими стало значительно легче: несмотря на неаккуратные полочки (из-за безденежья), они стали как-то менее нервны и нам удастся более или менее договориться. Зато наше финансовое положение совсем плохо, и как мы выкрутимся из этого хронического недостатка денег, одному Аллаху известно. Вероятно, придется просить ссуду у казны. Сильно ухудшает дело всеобщий почти саботаж. Вся интеллигенция, включая меньшевиков, обозлившись на большевиков за переворот и все их озорства (а, надо отдать им справедливость, они делают все, чтобы восстановить против себя всех), занялись столь любезным российскому сердцу ничегонеделаньем и полагают, что ведут геройскую борьбу, страна же вся катится в пропасть голода, обнищания и анархии. Б[ольшевик]и, вероятно, погибнут, но вместе с ними будут расплачиваться как премудрые инициаторы саботажа, так и вся беднейшая часть населения. Газеты исключительно полны руганью против б[ольшевик]ов, как будто кроме этого перед Россией вообще не было и нет других задач. А б[ольшевик]и, закусив удила, жарят всюю напролом.

Опасения твои, милый мой друг, что я так с бухты-барахты присоединяюсь к б[ольшевик]ам, совершенно неосновательны. Я с самого начала заявил им, что во многом не разделяю их принципиальной точки зрения, тактику считаю самоубийственной, и даже за чисто организационную работу, напр[имер], по м[инистерст]ву промышл[енности] и торг[овли] или по демобилизации не могу взяться, пока изменение внутреннеполитической обстановки не создаст базы для более или менее дружной работы всех

демократических элементов. Ты знаешь, что я всю революцию сидел спокойно в стороне, ибо от моего участия в том периоде не много прибавилось бы и у меня не было сознания обязательности лично для меня этой работы. Сейчас, если, например, Учредительное собрание образует общесоциалистический кабинет и мне будет предложено войти туда в качестве м[инист]ра торг[овли] и промышл[енности], отказ будет почти невозможен прежде всего потому, что я сам чувствовал бы себя в положении дезертира. Кроме того, в этом деле, в организации промышленности, демобилизации и проч., я из всей левой публики являюсь наиболее, м[ожет] быть, подготовленным и в то же время имею неплохую связь в рабочей среде, хорошие среди техников, и столь же благоприятно отнеслись бы к моему назначению и промышленники. При таких условиях, родной мой миланчик, очень трудно отбодриваться, хотя бы и от ответственной роли (ты, впрочем, должна была бы быть за эту комбинацию, ибо она меня одним ударом освобождает и от Сименса и от Барановского, а оба эти предприятия нелегки уже в силу переживаемого ими денежного кризиса) и 2) при современных условиях ни один кабинет не может быть долговечным, а стало быть, и мое министерство не может особенно затянуться и в смысле ухода от всяких дел на покой или инвалидное положение эта комбинация, пожалуй, скорее всего приведет к желанной для тебя и составляющей также и мою мечту цели (разница у нас ведь лишь та, что я еще не считаю себя настолько дряхлым, чтобы быть вправе осуществлять мечту о длительном отдыхе, ты же уже давно меня перевела на соответственное сему положение). Ну, мой Красотанчик, пока кончаю: надо спать и завтра вовремя встать. Целую тебя и девочек крепко-крепко. Вчера уехал Сол[омон]¹, и от него в воскресенье вы будете иметь обо мне свежие новости. Еще раз крепко, горячо и нежненько вас целую, мои миленькие, дорогие, неоцененные. Ваш Красин и папа.

№ 9.

11 декабря 1917 г.

Милый мой, родной Любанчик!

Виделся я сегодня с Володей, передал ему 50 р. от Д[митрия] Н[иколаевича] и еще 150 руб. и говорил с ним по поводу поездки за границу. Для него сейчас это проект неисполнимый, так как до конца войны он, хотя и имеет отсрочку по болезни, но за границу отпущен быть не может. Сабурова он собирается бросать и не прочь был бы взять какую-нибудь работу, но сейчас как раз приближаются времена безработицы на фабриках и заводах (у нас увольняются для начала 1500 рабочих) и в связи с этим и служилый персонал потерпит сокращение. Надо будет думать, к чему бы ему приспособиться. Как-то он вял, непредприимчив и не знаешь, на какую работу можно бы его поставить. Вот если будем открывать тут банк, тогда можно будет дать и ему какую-нибудь должность. Есть такой проект учреждения здесь «демократического банка» для финансирования всяких муниципальных, кооперативных и прочих начинаний².

С Ниной я неоднократно говорил о переезде ее в Швецию и брался устроить дело с разрешением и проч. Она категорически и окончательно не желает бросать школу и Питер, а так как, употребляя выражение покойной бабушки, она поперек лавки уже не ложится и сечь ее, стало быть, нельзя, то придется с ее решением считаться как с фактом. Вообще, милый мой Любан, навыводила ты утят и теперь не можешь ничего поделывать с их намерениями и желаниями плавать самостоятельно как и где им хочется. Андрея я не интервьюировал, но полагаю, и с ним разговоры о перемене мест и т. п. планах тоже не будут совсем просты. Вот и наши родные малые утятки, глядишь, через каких-нибудь 5 лет тоже начнут проявлять самостоятельность, и хочешь не хочешь, придется с нею мириться. Я уже заранее готовлюсь к этому, чтобы потом не очень огорчаться и разочаровываться.

Впрочем, относительно переезда больших ребят за границу (кроме, разве, Нины), пожалуй, резоннее их решение. Как бы ни была трудна жизнь здесь, вряд ли им стоит бросать Россию в годы, когда складываются и мирозерцание, и личные связи, и отношения. Эмигрировать из-за одного утеснения в продовольствии, винных погромов или случайной улич-

ной стрельбы вряд ли стоит. Уезжать на 2-3 года стоило бы еще, если бы была уверенность, что за это время произойдет существенное улучшение, но скорее всего, этого не будет и вместо того, чтобы постепенно приспособиться к обстановке, в которой им суждено жить и завоевывать себе свое место в жизни, они на 2-3 года выйдут из здешних условий, проведут их в относительно тепличных условиях, и тем больше будет разочарование, когда придется возвратиться на родину, найдя здесь условия м[ожет] б[ыть] еще более непривычные и в некоторых отношениях более тяжелые, чем теперь. Каков бы ни был дальнейший ход событий, возврата к прошлому не будет, и для их поколения приспособиться к новым условиям — вопрос жизни и смерти. Поэтому бежать от российской действительности людям, которым надо еще только начинать строить свою жизнь, но в то же время которым уже пора это делать — иначе можно опоздать, едва ли правильная тактика. Или уже тогда надо идти на то, чтобы оторваться от русской почвы, а к этому наши девушки, как более интернациональные существа, еще м[ожет] быть и способны, большие же ребята — нет. Я считаю, что до более или менее сносных спокойных времен остается никак не менее 3, а м[ожет] б[ыть] и 5 лет. Такого периода из жизни больших детей нельзя взять без риска порвать связи с Россией и затруднения их будущей здесь деятельности. Девчат же наших еще можно будет пересадить обратно на родную почву, и совсем обьевропеиться они не успеют.

И Володе, и Андрею (да частью и Нине) в заграничной среде сейчас едва ли бы хорошо чувствовалось, а главное, все заграничное время было бы потеряно в смысле работы и привыкания к работе в известной среде. В смысле непосредственных неудобств мы здесь все еще сравнительно сносно живем и тут царит всецело случай. Многие очень богатые люди, пережив здесь в окт[ябре] большевистское восстание и бои под Пулковом и Гатчиной, выехали «для спокойствия» в Москву, где очутились прямо как в аду («Метрополь» и Национальная гост[иница] обстреливались артиллерией) и прожили 3 дня в нетопленном подвале, без воды и без малейших удобств. Выбравшись кое-как из Москвы, некоторые неудачники поехали в «спокойные места» на родину, в Ростов-на-Дону, и, очевидно, тоже попали там на жесточайшие битвы!! Очень многие уехавшие из Питера в провинцию вынуждены были возвратиться: во многих имениях крестьяне заставили выехать всех «господ» даже невзирая на передачу им всей земли и инвентаря и несмотря на прежние прекрасные добрососедские отношения. Мы же тут пока что живем как у Христа за пазухой, и Андрей тоже находится в еще более спокойном месте. Так что ты, миленький мой, за него не беспокойся и не тревожься.

13 декабря. Сегодня получил я твое письмо насчет цепей автомобильных. Попробую их предложить в Автомобильный отдел главного военно-технического управления, и если что будет выходить, то pošлю тебе телеграмму. Цена 34 кр[оны] кажется очень дорога. Эти дни я опять изрядно занят разными совещаниями и разговорами, а так все идет по-прежнему. Очень я по вас соскучился, миланчики мои золотые! А все же трудно было бы тут вам теперь жить при этой разрухе. Одному все легче. Сахарешку достанешь фунт-другой — глядишь, и жив 1/2 месяца. Большой же компанией прокармливать очень трудно. Везде грязь, мерзость и запустение улиц, вокзалов, вагонов не поддается никакому описанию. Поезда нетопленные, окна выбиты, обивка со скамеек срезана мародерами-солдатами; вообще, не смотрели бы глаза. И так положительно все и везде. Нет, еще долгонько русскому народу до культуры. Это проклятое самодержавие до того озлобило и развратило народную массу во всю ее толщу, что, пожалуй, пара поколений нужна в более здоровой обстановке, чтобы мы вообще стали походить на людей.

№ 10.

28 декабря [1917 г.]

Милый мой Любанчик и родные детки!

Пишу вам несколько строк перед своим отъездом в Брест-Литовск³, о чем вы, может быть, будете знать до получения этого письма из газет.

Дело вышло так. Переговоры с немцами дошли до такой стадии, на которой необходимо формулировать если не самый торговый и таможенный договор, то, по крайней мере предварительные условия его. У народных комиссаров, разумеется, нет людей, понимающих что-либо в этой области, и вот они обратились ко мне, прося помочь им при этой части переговоров в качестве эксперта-консультанта. Мне, уже отклонявшему многократно предложения войти к ним в работу, трудно было отклонить в данном случае, когда требовались лишь мои специальные знания и когда оставлять этих политиков и литературоведов одних, значило бы, может быть, допустить ошибки и промахи, могущие больно отразиться и на русской промышленности, и на русских рабочих и крестьянах. Еду я сегодня в десять вечера экстренным поездом на Двинск и далее на Брест. Ты, мой родной Любачик, пожалуйста, не тревожься за меня, поездка будет в хороших условиях, никакого утомления опасаться для меня нельзя, лично же я чувствовал бы себя беспокойно, отказавшись помочь не данным людям, не правительству, а всей стране в такой момент, когда худо ли, хорошо — решается ее будущее. Мой отказ был бы столь же недопустим, как отказ штабного или морского офицера принять участие в назначении военных условий мира или перемирия. И только в таком естестве я и рассматриваю свою задачу. Не медля по возвращении из Бреста я соберусь к вам в Стокгольм. Вероятно, к тому времени, через [...] ⁴ Нинетта к тому времени выправит себе паспорт.

Крепко вас всех целую и обнимаю.

Ваш Красин.

№ 11.

9 февраля 1918 года

Родной мой, незаменимый Любченышек, дорогие мои девочки! Сегодня получил ваши письма от 26—29 ноября вместе с письмом Леонидочки и спешу ответить, хотя я имел в Юрьеве и более поздние от вас известия. Письма все еще идут очень неправильно, но и то, что мы вообще начали ими обмениваться, уже многое значит.

Я радуюсь необыкновенно каждой о вас весточке и счастливым хожу по несколько дней по получении чего-либо от вас. Тем более, когда такие интересные письма, как эти. Девочки рассуждают совсем как взрослые, и мне приятно читать их думы и мысли и видеть, как они растут и развиваются в ту именно сторону, как надо. Ничего, не унывайте, мои любимые, если даже и скучно вам в одиночестве, наше дело правое и все идет хорошо.

Ну, буду вам отвечать по порядку на все вопросы в связи с вашими письмами. Леонидочки письмо очень характерно, конечно, он к вам не так скоро еще соберется, и отвага к его добродетелям никогда, вероятно, не принадлежала. Все же, думаю, чем можно он вам поможет, и контакт с ним надлежит держать. А равно урегулировать и вопрос насчет денег, оставив их, конечно, в первоначальной американской валюте. Чего он приехал в Берлин и какие он дела думает делать в умерщвленной наполовину Германии, трудно понять. В Берлине, конечно, положение, вероятно, еще очень неустойчивое и неопределенное, да и жизнь, верно, очень тяжела и скудна, так что с переездом туда придется подождать. Поездка его на Укр[аину] — это, вероятно, один разговор: не так-то просто теперь ездить, особенно [в] такую даль. Я постараюсь разыскать его сестру и мать и помочь им чем можно, хотя связь с Самарой сейчас почти отсутствует. Сообщи ему об этом, когда будешь писать.

Милая моя маманичка. Вы, очевидно, мне внушаете мысли на расстоянии: хотя не лисицу, но довольно хорошее котиковое пальто я Вам давно уже достал и только все жду okazji отправить, а вместе с ним и палантин, которым, надеюсь, останетесь довольны. Пытаюсь сделать это теперь через Исид[ора] Эммануиловича ⁵, который повезет это письмо в Ревель. На него-то еще можно понадеяться, а с разными курьерами и прочими вертопрахами хоть ничего не посылай. Посланное раньше теплое белье я получил, а вот той посылки, о которой ты 29 ноября пишешь, я еще не получил. Может быть, она еще придет. Не забудь меня известить, когда получишь шубу.

Сообщу теперь девочкам о всех, кем они интересовались. Володя где-то на востоке за Волгой на работе по продовольствию, писем от него у меня нет и подробнее я ничего не могу сообщить. Думаю, если бы ему было плохо или чего-либо недоставало, наверно, либо он, либо Люба мне что-нибудь да написали бы. От Андрея и Нины у меня никаких вестей, конечно, не могло быть, но надеюсь, скоро буду в состоянии от них иметь письма и тогда вам напишу. В тех краях люди живут, по слухам, вполне благополучно, и я за них мало беспокоюсь. Очень беспокоюсь за Сонечку, которая, бедняжка, осталась там одна-одинешенька без всякой поддержки от кого-либо, с большой девочкой на руках. Да и ее-то здоровье ведь неважное. Главная надежда тут на кондовую сибирскую красинскую породу, которая тем больше дюжит, чем туже ей приходится.

Ася⁶ и Алеша ребята здоровые и матери, наверно, помогают. Очень там свирепствовал тиф, и знакомый Сонечкин Павлов-Сильванский, правда⁷, врач, даже помер от сыпняка. У нас в Москве этой зимой лучше, чем в прошлом году, но на востоке и юге, в местах, очищенных от неприятеля, эпидемия изрядная, в Сибири же люди мрут страшно. Здесь мы живем по теперешним тяжелым временам еще ничего. Гермаша вчера поехал в Питер, он сюда раз-два в месяц обычно наезжал, но теперь, кажется, совсем перебирается в Москву и будет здесь работать. Катя с Аней живет в 100 верстах от Москвы на Шатурском болоте, где строится электрическая станция⁸, там же Митя работает в качестве чертежника и монтера. Ему, как дяде и отцу, приходится начинать инженерную карьеру с выкладки печек и земляных работ. Мальчик очень способный и, вероятно, в этой области далеко пойдет. Катя очень постарела, живется ведь очень трудно, приходится делать все самой, и питание самое скудное, особенно для пожилых людей сказывается недостача жиров и сахара. Тут блокада сделала свое злое дело, и очень много людей нашего возраста, пожалуй, уже не вернут себе прежнего вида. Молодежь же как ни в чем не бывало. Наташа живет в Москве и изредка, обычно со мной, ездит на Шатуру. Боря работает очень много и успешно по организации музыкального просвещения, в частности, сорганизовал в Москве десятки хоров из рабочих и работниц. Его очень ценят и любят и, когда тут было представилась ему возможность ехать в Туркестан заведовать там в республике всем музыкальным делом, здешняя комиссия его не отпустила. Маруся все такая же, она как-то меньше всех изменилась. Возится все время с Таней, превратившейся уже в очень маленькую девочку. Живут они с Казиньми. Казин работает у меня в качестве заведующего дор[ожно]-матер[альной] частью. Танечка очень сметливая девочка, всегда ластится ко мне, когда я у них бываю. Была бы, вероятно, очень рада иметь своих сестриц здесь и доставила бы вам немало забавы. Авель⁹ процветает даже больше, чем надо, и от сидячей жизни начал даже толстеть. Часто вспоминает всех вас. Семен¹⁰ тоже здесь и заведует ни больше, ни меньше, как всей Экспедицией заготовления государственных бумаг. При угрозе Петрограду вывез всю эту машину из Питера, перенес все машины в Москву и тут печатал. Выработался из него директор и администратор хоть куда. От Веры Марковны недавно имел письмо из ее [...] ¹¹. Она там «сидит на земле» и благодаря этому справляется — теперь иметь свой участок, огород, корову значит жить лучше и богаче, чем с миллионом в кармане. Семейным людям в городах, в сущности, жить нельзя, особенно такой зимой, как эта, без отопления. Ну, зато В[ера] М[арковна], верно, натерпелась всяких страхов при нашествии на Питер и отражении оного.

Из других знакомых — Классон¹² живет по-прежнему, ребята уже почти все большие, самому младшему 15½ лет, а моя крестница Катя выглядит совсем взрослой барышней. Очень хорошая из нее выходит девушка. Как-то был у них и видел всех в сборе, включая Сонечку, которая тоже стала как-то ровнее и симпатичнее. Работает где-то в отделе металла и скоро перейдет, вероятно, в Комиссариат внешней торговли, где в качестве заместителя орудует Жоржик¹³, окончательно уже облезший и что-то постоянно прихварывающий. Вашков переходит работать в электротех-

нический] отд[ел] и мне придется с ним видаться почаще. Всех своих он оставил на заводе, ибо семьей жить в Москве нет никакой возможности: никаких денег не хватит, да и просто нельзя обеспечить еду и дрова.

15 февраля.

Дописываю этот листок, получивши следующее ваше письмо от 30 декабря с карточками. Очень им рад, хотя они и прошлогодние. Выросли ребята очень, Катя начинает сильно походить на маму, когда она была совсем молоденькая, но и Людмила тоже походит на одну из прежних маманиных карточек. Любана же трудно рассмотреть: он все либо спиной сидит, либо боком. Жду с нетерпением новых ваших фотографий. Письмо это посылаю через Гуковского, который будет жить в Ревеле. Он же повезет и шубу маманину. Надеюсь установить через него с вами более правильную и частую переписку. Крепко всех вас, родные мои, целую и обнимаю. Будьте здоровы, не беспокойтесь за меня. Привет Ляле и Я. П. Пишите.

Любящий вас Красин и папаня.

№ 12.

21 мая 1918 года

Родные мои миланчики!

Пишу Вам эти несколько строк около 12 дня на пароходе. Еду я, пока что, отлично: хорошо выпался в каюте, утром закусил яблоками и пирожками. В 9 ч. утра приехали в Треллеборг. Поверхностный осмотр багажа в таможене и сейчас же на пароход-паром; он ходит теперь, впрочем, без вагонов, как обыкновенный пароход. Пароход новый, огромный, с великолепными каютами, роскошно оборудованные салоны etc.

Тут я основательно позавтракал (Ereecost)¹⁴, а в 1 час дня «буду еще завтракать, чтобы въехать в Германию с полным брюхом. Погода чудесная, солнце, полная тишина, и мы идем по морю, как по озеру. В Сассниц (на немецкой стороне) приезжаем в 1/2 второго или около, скорее, чем я думал. Вечером уже в Берлине — скоро. Ну вот пока мои путевые впечатления! Крепко вас всех целую и благословляю. Будьте здоровы, не скучайте, не тревожьтесь за меня. Особенно ты, милая моя маманя, не впадай в грусть, пока ведь не от чего. Бог даст и в будущем все будет хорошо. Обнимаю вас всех еще раз и целую крепко-крепко. Кланяйтесь всем.

Ваш Красин и папа.

№ 13.

25 мая 1918 года

Родной мой, милый Любинышек, дорогие мои ребятки! Всего несколько дней, а точно уже прошло полгода и вечерами или утром, пока дневная сутолока еще не завертела, я уже тоскую по вас, мои милые. Но ничего, надо крепиться и держать себя в руках: не такое сейчас время, чтобы распускаться.

Буду описывать по порядку.

Во вторник вечером подъезжал я к Берлину. На границе в Сасснице был в тот день в 2 ч[аса] дня. Вещей моих не осматривали вовсе, самого меня и подавно, хотя всех других пассажиров водили в кабинки и заставляли раздеваться. Предупредительность была, кажется, результатом не столько дипломатического моего звания, сколько герцовской бумажки¹⁵. По дороге — ничего особенного: все зеленеет, деревья в цвету, рожь начинает колоситься. Печальную картину представляют вокзалы на узловых пунктах: садятся в поезд возвращающиеся из отпуска на фронт солдаты и офицеры — загорелые закопченные лица, изношенная одежда, крепятся, а видно по глазам, сосет на сердце тоска, печаль, страх за будущее. Возвратится ли, увидит ли своих? А эти свои там, за загородкой, с детьми на руках и около (на платформу публику не пускают), с заплаканными глазами, машут платками и при отходе поезда сияются в последний раз разглядеть знакомые черты.

Трижды проклятая война!

Приближаясь к Берлину, обратил внимание на пустынный характер всех местечек и городов. Ни одно окно не освещено, улицы точно вымерли:

экономят газ и электричество, сидят по домам. На Штетинцбангоф¹⁶ при-
были в 10 ч[асов] 30 м[инут] вечера. Ни автомобиля, ни дрожек: все разобра-
но и заказано раньше. Кое-как нашел какого-то ободранного длинноногого
парня с тачкой, сторговался с ним за 5 марок, вещи мои взвалили на тачку,
и пошли мы по едва освещенным улицам по направлению к Фридрихбан-
хоф, мимо Werth[s]trasse и дома, где жил Гриша Таубман¹⁷. Берлин на меня
произвел ошеломляющее впечатление в смысле упадка, мерзости и запусте-
ния! Невероятно, чтобы такой блестящий чистотой, светом, порядком
город мог до такой степени упасть. На улицах темень, мостовые избиты,
местами провалились. Лошадиный помет не убирается неделями, пыль
покрывает карнизы, витрины окон сплошь и рядом пустуют, много магази-
нов заколочено с наклейками на окнах «сдача внаем». Выбитые стекла не
вставлены, двери без ручек, головки звонков оторваны. А сами лошади!
Более жалких кляч, буквально скелетов, обтянутых кожей, я не видал.
Привезены лошади, награбленные в Польше и Белоруссии, ростом с зайца,
но в такой степени истощения, что едва передвигают ноги. Езда шагом!
Автомобили имеются, но ободраны и запущены до невозможности. Шины
вместо резиновых пружинные: эластичности почти никакой, зато грохот по
улице, точно пустую жестянку катят. Трамвай поминутно восстанавливаются
из-за той или иной неисправности вагона, а то так и вовсе объявляют:
выходите, трамвай сломался. Кондуктора и вожатые женщины одеты хуже
наших. Все люди выглядят какими-то нищими, брошенными¹⁸, с унылыми
лицами, много в трауре. Улицы опустели на две трети против довоенного
времени. Вообще, мое впечатление такое, что Берлин больше пал и опустил-
ся, чем Петербург и Москва. Остановился я в Elit Hotel (где жила Вит. Фед.).
Боже мой, как загадили этот когда-то с иголочки чистый и новый отель!
Мебель избита, поцарапана, обои оборваны, в ванной все время валится
с потолка, как чешуя рыбы, отмокшая побелка штукатурки. В коридоре
уныло дремлет лакей, бедный иссохший детина лет 15, и только швейцар
еще сохранил остатки прежнего великолетия. Не могу, впрочем, сказать,
чтобы на людях замечен был очень недостаток питания. Нет, общий
«пейзаж» не хуже стокгольмского, хотя, конечно, наедаются не досыта. По
приезде взял ванну и завалился спать. Утром звонил Герцу, но не дозвонил-
ся и пошел к Иоффе¹⁹. Тут меня, оказывается, давно ждали и были
удивлены, что я не приехал прямо с вокзала в посольство. Познакомился
с общим положением. Иоффе делает, что может, сышлет нотами и протес-
тами, но успех, конечно, средний: Мин[истерство] иностр[анных] дел любез-
но расшаркивается, а войска занимают Ростов, идут на Новороссийск
и грозят Баку²⁰.

Мне пришлось сразу же впрячься тут в работу и уже на другой
день, когда меня Герц повел по разным знатным немцам, я открыл
словесную с ними драку и в очень определенной форме доказывал им
всю глупость политики их военщины. Но об этом дальше. Так, я всю
среду проговорил с Иоффе, а к вечеру переехал в посольство, где и еда
лучше, да и в силу экстерриториальности нет возни с полицией. Герц
этот переезд потом тоже одобрил.

В четверг в 9 утра встретился с Герцем, и мы где пешком, где по
Untergrund[bahn]²¹, где на трамвае, словом, весьма демократическим об-
разом, пошлелись за город, в Сименсштадт, где очень любезно, даже
с помпой были приняты стариком Сименсом²² и сонмом директоров,
большой частью старых знакомых (некоторые толстяки превратились
в стройных людей). С русским Сименсом было решено окончательно в том
смысле, что они от него отказываются, предпочитая получить рубли за свои
акции, чем брать дело при таком развале. Утомление войной сказывается
даже в разговорах этих архисытых людей, но конца войны не видно:
военщина загнипотизировала всех, верят в свою конечную победу и напря-
гают до последней крайности все свои силы. В тот же день, в 7 час[ов],
я должен был поехать к Герцу в Груневальд обедать. Хороший человек,
обставлен дорого и с большим вкусом, небольшой садик при доме. Frau
Geheimrat²³ уже с седыми волосами, некрасивое, но для немки очень

интеллигентное лицо. Три дочери, старшая барышня лет 17, очень похожа на отца, хотя хорошенькая. Две других — бакфиши ²⁴ малого калибра.

Сын где-то на стороне живет. Обед состоял из супа, спаржи с семгой, жареного мяса (баранины, кажется) и неизменного рабарбера. Зато хорошее вино из собственного виноградника. После обеда в саду пили кофе и пиво и разговаривали о политике (кроме меня был еще один немец, директор петербургского Общества Т[...] ²⁵. Несколько конфузятся, но оправдывают наглый поход своих войск безвыходным положением: вынуждены, мол, грабить, ибо иначе пропадем.

На другой день, т. е. вчера, повел меня Герц знакомить с разными влиятельными их политиками, а сегодня два часа имел разговор с очень влиятельным же депутатом центра Эрцбергером ²⁶. Я им всем очень обстоятельно доказывал, что даже с точки зрения их интересов они делают глупость, натягивая так струну и продолжая свое наступление. Толку из их побед на Украине не вышло, это они теперь и сами не отрицают. Так же мало даст им и дальнейшее продвижение, тогда как, прекратив всякое наступление и угрозы Питеру и Москве, они, может быть, путем торговли скорее кое-что получили бы из России.

Видимо, такая аргументация несколько действует, так как круг моих визитов все расширяется. На днях придется мне выступать перед военным министром, и уже поднят вопрос о поездке в ставку для переговоров с самим Лудендорфом ²⁷, у которого, видимо, все нити в руках. Это пока большой секрет, и ты никому (кроме Воровского) об этом не рассказывай. Я буду настаивать на точном соблюдении границ, установленных мирным договором, прекращении всякого дальнейшего наступления и в особенности наступления турок на Баку, потеря кого была бы смертельным ударом для всей промышленности и транспорта.

Положение сейчас поистине отчаянное, и надо во что бы то ни стало добиться хотя бы прекращения этого четвертования России, угрожающего остановкой всей жизни.

Совершенно очевидно, что ни о какой работе у Сименса или Барановского теперь не может быть и речи. Сидеть сложа руки, когда Россия будет умирать от холода и голода, я тоже не могу и не вправе, сознавая, что кое-что могу сделать и кое-чем помочь, как это мне показывают уже эти несколько дней в Берл[ине]. Иоффе упрощает меня остаться здесь еще на неделю для участия в нескольких комиссиях, а потом я поеду в Москву и, по всей вероятности, мне придется взяться за организацию заграничного обмена и торговли. Это сейчас одна из настоятельнейших задач, и более подходящего человека у б[ольшеви]ков едва ли найдется. Тогда мне по необходимости придется бывать в Берл[ине] и в Сток[гольме], и мы время от времени будем с вами видеться. Может быть, после некоторой работы и налаженья машины в Москве, Берлине и Скандинавии окажется целесообразным уехать в Америку, но, думаю, не сразу.

№ 14.

31 мая 1918 года

Родной мой, любимый Любченышек! Очень я обрадовался твоему письму, спасибо тебе, мой ласковый. Мне так тоскливо и скучно бывает временами, что я плохо представляю себе, как это я без вас там буду жить. Старость это, что ли, приходит, но иногда самочувствие бывает хуже не знаю чего. А надо крепиться и не поддаваться таким настроениям: легче не будет, а только еще хуже растрavляются душевные раны.

События все мрачнее и мрачнее, война тянется, и конца-краю ей не видно. У нас дома не мир и не война, а надвигается что-то еще более ужасное с этой разрухой, расстройством всех сторон хозяйственной жизни, с этой нелепой усобицей и головотяпским изживанием революции. Газеты тут были от 24 мая последние. Как будто кое в чем как бы замечается улучшение, но только что прочтешь известие, за которым будто бы брезжит какой-то свет, как сейчас же ошарашит тебя чем-нибудь так, что следа не останется от той ложки меда в бочке дегтя. Некоторое просветление в некоторой части верхов (притом весьма относительное) упирается в анар-

хическую развращенность масс, которые, кроме чисто потребительских и стяжательских лозунгов, ничего не усвоили. Похоже, что подлинное оздоровление начнется только после каких-то еще грядущих жесточайших испытаний, голода и холода, безработицы безнадежной и для многих категорий городских рабочих окончательной. Близкая, казалось, мечта из раба подневольного стать хозяином жизни вышибла рабочего из колеи, работа нейдет, железнодорожный и производительный аппарат все более разваливаются. В то же время есть какие-то потуги организации, и саботаж честно, видимо, в самом деле слабеет. Многие старые деятели и профессора начинают входить в работу. Ленин то высказывает здравые мысли, то ляпнет что-нибудь вроде нелепого проекта замены старых денег новыми ²⁸, проекта, из которого практически, кроме падения курса и предоставления немцам дешевых рублей, ничего не выйдет.

Пробуду здесь, чего доброго, еще с неделю. Ежедневно выдаюсь со всякого рода людьми, от самых левых до весьма правых, и держу всем им речи, убеждая в необходимости немедленной приостановки всякого наступления в России. Той же политики держится Иоффе, но у него нет тех знаний страны и промышленности, и потому мне приходится выступать всюду в неофициальной роли, вместо него, по-видимому, не без результата, если судить по все новым и новым приглашениям познакомиться с тем-то или побывать в таком-то учреждении. На завтра, например, приглашают на заседание дирекции здешней Всеобщ[ей] комп[ании] электричества ²⁹ советаться по поводу электрических дел.

Вообще рекламу мне Герц устроил на пол-Германии. Два раза был у старика Сименса, выразившего на прощанье желанье в конце лета повидаться и предложившего, в случае каких-либо затруднений с выездом, свое содействие. Видался также с Ульмановскими директорами. Все эти немцы, жившие в России, плачут или делают вид, что плачут, по поводу войны, проклиная ее наступленье и ждут не дождутся конца. Я им на это возражал, что если, мол, вы поставили себе целью ограбить весь мир, то конца этого долго не будет или он будет не такой, каким вы его себе представляете.

Особого военного энтузиазма не заметно, и вообще немец стал много скромнее, чем раньше; может быть, это только временно, под влиянием непосредственных тягот войны, а может быть, это и нечто более глубокое, остающееся. Сейчас газеты опять полны победных известий с Энны и Марны ³⁰, но особенного восторга на улицах пока не заметно. Полууспех прошлого наступления, вероятно, заставляет более сдержанно относиться ко всем известиям. Я все еще не могу привыкнуть к необычайно унылому и запущенному виду города. Есть улицы, напр[имер] Potsdamerstrasse, где на протяжении нескольких кварталов подряд все магазин[ные] окна нижнего этажа заклеены бумагой о сдаче в наем: точно вымерла вся улица. Публика на улицах стала вовсе серая, особенно в воскресенье, когда вся фабричная молодежь, вырядившись в изрядно, впрочем, помятые, но шелковые (искусственного шелка) костюмы, наводняет Unter den Linden ³¹ и Friedrichstrasse. Ужинал раз у Кемнинского ³²: публика почти как в известном трактуре «Классный якорь» в Москве, только с поправкой на покрой одежды.

Ну, иду спать, пока кончаю письмо. Крепко тебя и родных девчыншей целую.

2 июня 1918 года.

Получил твое второе письмо, родной мой Любиньшек, т. е., видимо, третье, а второе не дошло. Бедненький ты мой, что же это ты, вопреки уговору, хворать-то вздумала. Умоляю тебя, голубеныш мой, не волнуйся и не расстраивайся. Я обещаю тебе принять все меры к тому, чтобы вызволить из Питера Володдю и Нину, и думаю, что это удастся. Обо мне ты тоже не беспокойся. Если я увижу, что там уж совсем плохо, то либо я переберусь в Москву, либо вообще развяжусь с Россией, либо возьму какую-либо работу вроде организации загр[аничной] торговли или консульской части, или общее руководство переговорами в разных комиссиях по Брестскому договору, что мне даст возможность бывать или даже жить в Берлине, а стало быть, и к вам наезжать время от времени.

На будущий год, мне думается, можно будет уже думать о возвращении в Россию. Даже сейчас в Питере и особенно в Москве будто бы уже больший порядок, и только вопрос продовольствия стоит плохо. Через год, может быть, в этом отношении станет уже лучше.

5 июня.

Это письмо никак не может уехать. Курьер по ошибке не взял его, а оказии здесь очень редки в Скандинавию. Я уже давно не имею от вас никаких известий и начинаю беспокоиться. Послал вчера телеграмму, утешаюсь тем, что письма посылаю с едущими в Данию. Ручаются за переотправку, но народ все вертоголовый, ни на кого нельзя положиться.

Я все по-прежнему не могу выбраться из Берлина. Ожидая по крайней мере начала работ политической комиссии³³, без чего нельзя начать работу в России. Тут же хоть 1/2 года сиди, без дела не останешься, ибо каждый день выплывают все новые дела. Ты уж не хнычь, милый Любанаша, и не причитай надо мной: вся эта работа и перед Богом не пропадет, да и мне самому с семьей не повредит. Складывать руки еще рано: и совестно, да и нельзя, просто потому, что по-старому жизнь скоро едва ли наладится, а жить надо, и надо, стало быть, отвоевывать себе позицию и в этой всей неопределенности и сумятице. Я себя чувствую очень хорошо, очевидно хорошо отъелся и отдохнул у вас в Швеции. Здесь жаловаться тоже нельзя, хотя и не очень вкусно, но достаточно сытно кормят. По рассказам курьеров (из Москвы они являются 2 раза в неделю), в Москве с продовольствием вполне сносно и за деньги всего можно достать. В Питере хуже, но и там положение все-таки не таково, чтоб уж нечего было есть. Писал ли я тебе по поводу письма дунаевского³⁴ знакомого. Дело с патентами еще не известно как-то пойдет, ехать же на ура в Америку слуга покорный. Да и вообще туда поехать сейчас удовольствие малое, ввиду опасности подводных лодок³⁵. Придется уж на этом берегу большой лужи переживать непогоду. Пока прощай, мой родной, любимый, дорогой мой Любан. Целую деток и тебя.

6 июня.

Пишу урывками, так как все время очень занят посещениями немцев и переговорами [то] в разных их министерствах, то дома, в посольстве, где ко мне как-то само собой начали обращаться по всяким делам. Составил им устав будущей консульской службы, набросал схему организации консульства, прозкзаменовал нескольких кандидатов на должности и пр. и пр. Вчера был у Тарцманов. Они тебе усиленно кланяются. Маялись все это время на положении цивильно пленных и лишь с осени 1917 ему разрешили опять поступить к Сименсу, и теперь он имеет сносное место марок на 600—700 в связи с организацией новых отделений в Литве и прибалтийских губерниях.

Сегодня вечером я уезжаю с одним из директоров Сименса в Бельгию, в главную квартиру, для свидания с Людендорфом. Цель поездки, как и всех моих разговоров здесь, доказать необходимость приостановления всех враждебных действий против России, как со стороны немцев, так и со стороны украинцев, финнов, турок и всей этой сволочи, которую послала на Русь Германия. Доказать, что терпенье русского народа приходит конец, что дальнейшее продвигенье вызовет уже народную войну против немцев, и пусть при этом погибнут миллионы людей и пол-России попадет в немецкую оккупацию, — мы будем бороться 5 и 10 лет, пока не утомится и немецкий народ и пока не будет заключен мир сколько-нибудь сносный и справедливый. В конце концов, оставив Россию сейчас в покое, немцы скорее выигрывают, так как путем торговли и обмена они могли бы кое-что получить от нас из сырья и товаров, между тем ведение войны отнимает у них силы и не очень-то много дает, как показывает уже опыт Украины, откуда они и при новом правительстве не очень-то много получают³⁶. Конечно, я не обольщаюсь никакими особыми надеждами, но если Л[юдендорф] даст мне аудиенцию в такое время, как сейчас, когда он на днях отказался за недосугом принять помощника Кюльмана³⁷, то это значит, что развитая мною точка зрения представляется ему достаточно интересной (на днях я имел беседу со специально присланным полковником

Генер[ального] штаба, и когда он содержание ее передал по телефону в главную квартиру, последовало приглашение туда приехать). Возвратить-ся думаю к понедельнику или вторнику и числа 15 выеду уже в Москву.

NB. Об этой поездке пока никому не говори. Затянулось мое здесь пребывание, но ничего не поделаешь. Не знаю, когда попадет к тебе это письмо. Курьеров из М[осквы] в Стокгольм сейчас нет, а из Берлина в Сток[гольм] посылать специально не принято (от посла к послу это не в обычае, а лишь от посла к его правительству и обратно). Получили ли дети мою открытку? Крепко всех вас целую, родные мои, золотые, ненаглядные. Соскучился очень, вспоминаю вас постоянно. Будьте здоровы, не тоскуйте и не беспокойтесь за меня. Кланяйтесь Ляле и пишите в Берлин, на посольство.

№ 15.

10 июня 1918 года

Родной мой, милый, ласковый Любанчичек!

Пишу тебе коротенько, возвратившись из далекой поездки. В сопровождении одного из небольших директоров Сименса в прошлый четверг вечером выехал я из Берлина через Кельн в главную квартиру, и в пятницу в 12 дня мы прибыли в Спа³⁸, нечто вроде бельгийского Боржома или Виши³⁹ — маленький городок с большим количеством минеральных источников, обилием отелей и шпизбургерских домиков, владельцы которых кормились приезжими больными. Сейчас все занято германской солдатчиной. Эта часть Бельгии пощажена войной и совершенно не пострадала. В Спа пробыли весь день, обедали, катались в автомобиле по живописным окрестностям, ужинали: пока что Людендорфа в Спа нет, и поезд отходил в 11 1/2 ночи. Была ли это конспирация или его заставил уехать на фронт одно время не очень удачный ход боев на западе, но, словом, нам пришлось вечером ехать дальше, на этот раз уже во Францию. В 7 ч[асов] утра в субботу поезд, наполненный исключит[ельно] военными, прибыл во французскую крепость Манбенде. Тут уже больше разрушений, отдельные дома и даже деревни уничтожены, но самая крепость и город мало пострадали: наступление было слишком внезапно, а поля, луга и пр. за 4 года войны успели принять мирный вид. Население тоже далеко не все бежало и странно видеть на фоне одного и того же пейзажа немецких солдат в их полурестантской — полувоенной одежде и типичных французских рабочих или крестьянок с корзинками, в соломенных шляпах за обычной работой.

Завтракали в офицерском казино, предварительно переодевшись в длиннохвостые костюмы. В 9 ч[асов] подали автомобиль, и мы в сопровождении прикомандированного лейтенанта покатали по прекрасному французскому шоссе к неведомому месту свидания. Ехали с час, меняя направление, лейтенант все время заглядывал в карту, чтобы не сбиться с пути. Наконец, прибыли в парк, типичный французский парк, вроде Никольского под Быковом, где мы раз были; в глубине небольшой франц[узский] замок со старинной мебелью, семейными портретами, маленькой капеллой. Абсолютно никого, кроме немецкого фельдфебеля, коменданта этого пустого необитаемого замка. Около 1/2 часу пришлось ждать, гуляя по парку, осматривая замок. Около 11 слышен автомобиль, выезжает в парк: шофер и два генерала. На портретах Людендорф мало похож. У него нет придаваемого ему демонического вида, просто жирное немецкое лицо со стальным, не мрачным, а скорее злым взглядом, кричащий голос, несколько более высокий, чем должно было бы быть по объему тела. Краткий церемониал представления, и мы, четверо (лейтенанту руки не подал, и он остался при дверях зала скучать 2 часа), входим в гостиную, где и происходил разговор. Моя речь обличительного характера длилась 1 1/2 часа, причем я лишь время от времени заглядывал в конспект, заранее составленный. Был в ударе и, как потом говорил мой провожатый, выступление в чисто ораторском смысле сделало бы честь любому природному немцу. Выслушал меня не прерывая, лишь время от времени мимикой, покачиванием головы, легкой усмешкой, выражая свое отношение к содержанию той или иной части речи. По окончании моей речи, главный смысл

к[ото]рой состоял в указании на нарушение Брест-Лит[овского] договора, предупреждение, что такая политика для нас хуже открытой войны и в конце концов заставит нас эту войну принять, хотя бы ценой разрушения половины России, наконец, в ссылке на то, что установление настоящих мирных отношений было бы выгодно и для самой Германии, генерал начал свой ответ любезным обращением по моему лично адресу («благодарю за откровенность и сам выскажусь столь же прямо и без обиняков»), затем сменил тон на более официальный и резкий и начал чесать уже по адресу большевистского правительства, которое своими нарушениями договора, организ[ацией] нападений и проч. будто бы и вызвало переходы всех границ и проч. и проч. Мы, говорит, не имеем ни малейшей охоты наступать и мне жаль каждого солдата, павшего на восточном фронте, но нас вынудили агрессивные поступки б[ольшевик]ов. И т. д. в этом роде. Вкратце резюмируя речь его, надо ожидать, что если в России наладится кое-какой порядок и Германия сможет получать оттуда нужное ей сырье, то, вероятно, дальнейшего наступления не последует, если же товарообмен не наладится вовсе или будет совсем незначительным, то можно ждать дальнейших нападений. Совершенный щедринский волк: «А может быть и помилую!»⁴⁰. Питер и Москву брать у нас никакого желанья нет, иначе мы, может быть, это уже сделали бы. В Крым мы пошли лишь после того, когда ваши суда начали делать набег из Севастополя и поубивали наших людей. Конечно, мы на каждый удар отвечаем двумя ударами и не потерпим положения, при котором нам грозит какая-либо опасность. Внутренние ваши дела нам безразличны, лишь бы был от вас толк (в смысле сырья etc.) и не нарушались разными социалист[ическими] мерами интересы немецких подданных или по крайней мере производилось бы возмещение убытков⁴¹. Все это мне было известно из других разговоров здесь, начиная с Герца, и самое интересное во всем происшествии это самый факт свидания. Если в самый разгар боев он нашел нужным потратить несколько часов на эту поездку и разговор, то, очевидно, у них все-таки есть большой интерес прийти с Россией к более или менее удовлетворительному соглашению, тем более [что] с Украиной дела у них все еще неважны. Рассказывают, что в Польше в Лодиче на мешках с хлебом рабочие при посредстве транспарантов малюют масляной краской «Ukraina» и польский хлеб имеет въехать в Берлин⁴² с этой заманчивой надписью. Хотя ручаться сейчас ни за что нельзя, но похоже на то, что, если бы удалось наладить товарообмен хоть кое-какой, то, несомненно, немецкое наступление приостановилось бы и даже, может быть, кое-что они согласились бы теперь же очистить. Промышленники и банкиры утомлены этой политикой и со своей стороны усиленно настаивают на необходимости улучшения отношений с Россией. Меня уговаривают со всех сторон взяться за эту работу и, может быть, это так и будет. Тогда я и с вами, мои милые, могу еще даже, вероятно, в июле повидаться. Работаю я тут очень много и, могу сказать, не без толку. Если бы не сознание, что, не наладив дело в России хоть кое-как, здесь совсем ничего не сделать, то хоть и вовсе не уезжай отсюда: дела хватит на 1/2 года. Приехали Натансоны, проездом в Швейцарию. В Москве он болел, и Ушок там ему чем-то помогал, а потом долг оказался платежом красн: какие-то прохвосты б[ольшевик]и задумали отнять у Красиных квартиру, и только вмешательством Натансона удалось квартиру отстоять. Вообще же, говорят, порядку стало много больше, за деньги можно все достать, и особенно в Москве даже будто бы продовольственный вопрос стоит сравнительно удовлетворительно. Видал и людей, приехавших непосредственно из Питера, никаких особых ужасов не рассказывают. Гермаша все время в Питере. О Володе и Нине пока ни от кого ничего не слыхал, но не думаю, чтобы с ними могло что-либо особое приключиться, судя по общему тону всех рассказчиков. Воровский сейчас уже, вероятно, в Москве, моя же душа еще не отпускается на покаяние, дай Бог числа 17-го выехать. Почти месяц проболтаюсь в Берлине! Ну, зато и нашумел тут порядочно.

Пока прощаюсь, роднуша моя: иду спать. Крепко тебя целую, ровно и детенышей моих великодушных. Кажется, вы сейчас едете на пароходе в Бостод. Храни вас Бог, други мои незаменимые.

12 июня.

Про себя лично могу сообщить, что я питаюсь хорошо и чувствую себя так же. Очень бодр и, несмотря на изрядную трепку, почти не устаю. В Берлине мне уже надоело, хотелось бы поскорее в Москву и Питер, посмотреть, что там делается, и определить дальнейшую свою линию. Всеми способами постараюсь уклониться от участия в министерстве и ограничиться организацией внешней торговли и участием в берлинских комиссиях. Совсем уйти от всякой работы сейчас вряд ли допустимо: ведь только от работы всех и каждого, от поденщика до министра, и зависит сейчас спасенье и дальнейшая участь России. Герц и другие немцы (а знакомых у меня теперь 1/2 Берлина во всяких сферах) уговаривают меня тоже не отказываться от работы и взять если не весь комиссариат, то по кр[айней] мере вывозную торговлю. Кстати, Герц очень просил тебе кланяться. Любезен он необыкновенно. Сегодня я опять у него был на званом обеде с 2-3 тремя превосходительствами. Frau Geheimrat на прощанье преподнесла мне пакет с какими-то воротничками и платочками для девочек. Не знаю уж, будут ли они особенно тронуты этим выраженьем немецкой дружбы, мне же во всяком случае пришлось кланяться и благодарить. Вообще, пока что выхода у нас нет, и придется с немцами кое-какое дело делать, иначе они придут и бесплатно возьмут все то, что сейчас мы еще, может быть, могли бы продать либо им, либо, еще лучше, в Скандинавию. Пока прощай, мой родимый. Как твое здоровье и как ты себя чувствуешь? Очень тебя прошу, мой любимый, крепись как-нибудь, не мучь себя зря разными страхами. Целую тебя крепко-крепко и девочек родимых.
Твой Красин.

№ 16.

Воскресенье 16 июня 1918 года

Родной мой Любан и дорогие девочки!

Курьер все еще не едет, и написанные мною письма копятя одно к другому. Моя поездка в Москву тоже день за днем откладывается: очень уж много корней и связей завязалось в Германии, и я не могу вдруг уехать и порвать ряд переговоров. Все же в конце недели думаю уехать. Очень занят, каждый день по несколько визитов, приемов etc. Вчера нам был устроен всем завтрак у помощника Кюльмана, совсем официально, с участием пары министров и других чиновных людей. Между прочим, я познакомился с датским их послом, т. е. послом Германии в Дании, неким графом Ранцау⁴³, довольно культурный немец, его кандидатура одно время выставлялась в канцлеры, но была провалена консерваторами. Мы с ним о многом разговаривали и, между прочим, он предложил, если нужно, свое содействие по исхлопотанию вам разрешения переехать и жить в Дании. Таким образом, я теперь спокоен: если уж очень голодно будет в Швеции, то не через Воровского, так через Ranzaу я вас всегда сумею перетащить в Данию, климат которой, впрочем, и Ranzaу не очень хвалит. Приехавшие недавно б[ольшевик]и уверяют, что саботаж интеллигенции сильно сокращается с каждым днем и что, в частности, в инженерских кругах многие ждут моего приезда и примкнут к делу, лишь только их позовут. Даже будто бы Германша, кажется, уж на то anti-большевик, высказался в этом же смысле. Предложат мне, вероятно всего, председательство в Высшем сов[ете] нар[одного] хозяйства⁴⁴, что сведется к своего рода диктатуре в экономич[еской], промышл[енной] и торговой области, в том числе и заграничные все сношения будут в моем ведении, и я не только не буду от вас отрезан, но даже по должности должен буду бывать, может быть, и в Скандинавии. Ну это все видно будет там на месте: возможно, что я и откажусь от такой универсальной должности, ограничившись лишь загранич[ьими] снош[ениями], хотя тут есть опасность, что все твои благие намерения будут разбиваться о непонимание или неумение вышестоящих инстанций. Похоже, что там так изголодались все [по] делу, что в самом деле есть возможность работы, невзирая на отчаянный развал. Главное дело в ближайшем будущем — это, конечно, установление мира с Германией, т. е. прекращение нападений со стороны немцев. Тут б[ольшевик]и, по-видимому, тоже не

вполне выдерживают линию и время от времени на местах бьют немецкие войска, а затем за каждый удар получают сторицей. Истерика или даже простое и само по себе естественное негодование — плохие помощники в войне и в дипломатии. Сейчас мы воевать не можем, это надо сознать и восстановлением внутренних сил как можно скорее создать положение, когда можно будет думать и об отпоре. До той поры придется терпеть, может быть, даже и унижения. Плетью обуха не перешибешь.

Пишите подробно, как устроились и как проводите время? Как твое здоровье, большой мой Любан? Как с едой, довольны ли новой учительницей или ее нет с вами? Крепко всех вас целую. Привет Ляле.

Ваш Красин.

№ 17.

21 июня 1918 года

Родной мой Любан!

Получил твое первое письмо из Бостода от 18 с[его] м[есяца]. Мои письма к тебе запоздали из-за отсутствия курьера, к[отор]ый только на днях уехал, посылать же по почте я не хотел. Теперь с прошлой недели почта начала принимать русские письма, и вы можете начать посылать письма в Россию через Германию. Другой вопрос, насколько исправно они будут доходить. Послал вам термометры, аспирин и бумагу от моли; еще не получила, справься через Штоля у Циммермана⁴⁵. Пошехонцы курьеры веда и затерять посылку не дорого возьмут⁴⁶.

С Воровским о Вол[оде] и Нине я перед его отъездом говорил. Кроме того он едва ли уедет из Москвы, не дождавшись меня. Я все не могу закончить дела. Как раз вчера у нас была комиссия в мин[истерстве] иностр[анных] дел с утра до самого вечера, лишь с перерывом на еду. Уехать никак нельзя, дело в общем налаживается, и я, не преувеличивая своих заслуг, могу сказать, что сейчас помог делу. Немцы видят, что и у б[ольшевиков] есть деловые люди, и, может быть, удасться приостановить дальнейшее наступление. Есть даже надежда на возврат Ростова и части Донецкого района. Тем не менее я решил не дожидаться конца переговоров и уеду, как только будет обеспечен известный минимум. Самому уже хочется поехать в Россию, посмотреть, что можно ли что сделать. Скорее всего возьмусь, м[ожет] б[ыть], за восстан[овление] сов[ета] народн[ого] хоз[яйства], чтобы иметь под собой более или менее всю экономику и в первую очередь загранич[ую] торговлю. Если положение совсем безнадежно, то либо вовсе удалюсь, либо, м[ожет] б[ыть], возьму посольство в Вене или что-нибудь в этом роде, хотя чисто дипломатич[еская] работа меня меньше привлекает, чем организаторская.

На твой вопрос по поводу Капл[ана]⁴⁷, я бы не советовал тебе путаться в это дело. Оно и неудобно с общей точки зрения, да и в конце концов вряд ли интересно. Я не верю в успех такого рода торговых начинаний в ближайшее время; во всяком случае риск очень велик, и нам вкладывать свои деньги в такое дело вряд ли стоит, а при таких условиях, как ты пишешь, и подавно! Можешь успокоить Капл[ана] в том смысле, что я окажу ему всякое возможное содействие и без непосредственного участия в делах.

Ну вот, мой хорошанчик, пока и все. Надо кончать письмо. Я здоров, чувствую себя очень хорошо, только вот тоскливо, что вас нет поблизости. Не знаешь ли ты адрес Соломона?⁴⁸ Он был бы здесь очень нужен, а я не знаю, как с ним снестись. Если до 26—27 узнаешь, то телеграфируй, вероятно, еще телегр[амма] меня застанет. Хочу его устроить в здешнем Генеральном консульстве. Тогда и с Вол[одей] мы бы не зависели от Скандинавии, ибо на худой конец можно бы здесь устроиться.

Детеньшей моих родных крепко целую и благодарю за их милые письма. Напишу им, как только будет хоть чуточка свободного времени. Надеюсь, погода у вас улучшится, и вы все, в том числе и ты, мой родной, любимый Любан, будете купаться. Очень вам кланяется Герц. Он и его семья со мною любезны и предупредительны свыше всякой меры.

Крепко вас обнимаю и целую. Ваш папа.

Пишите сюда: Russische Botschaft⁴⁹, мне.

Хорошие мои, родные детки!

Как-то вы поживаете, золотые мои? Соскучился я по всем вам, очень много бы дал, чтобы взглянуть, как вам там живется. Спасибо вам за ваши письма. Пишите еще, пришлите также снимки, если сделали их за это время. Я сижу так долго в Берлине из-за того, что помогаю здешнему нашему послу⁵⁰ в его переговорах с Германией. Немецкое правительство, ограбив целый ряд русских городов и деревень, хочет теперь еще заставить Россию платить по всяким старым и новым долгам, хочет дешево купить разные товары у нас, русских. И вот против всего этого нам надо бороться и по возможности выговорить лучшие условия, чтобы хоть как-нибудь облегчить положение. Этим я и занимаюсь, каждый день приходится разговаривать со многими людьми, и немецкий язык мне за тот месяц пришлось основательно припомнить. Живу я в самом русском посольстве, недалеко от Tiergarten'a⁵¹, но гулять в нем много не приходится: все некогда. Еды здесь вообще-то мало, но русскому посольству дают даже масло и мясо, и в общем мы питаемся хорошо, хотя немец-повар и не особенно вкусно готовит. Сами же немцы едят мало и плохо, но народ они терпеливый и понимают, что в этой несчастной войне можно только терпением и выносливостью выжить. Почти все здесь войну ругают и говорят, пора заключать мир, но все-таки все слушаются своего правительства, а оно грабит весь мир и посылает на убой все большие массы людей. Так, должно быть, будет до тех пор, пока даже и немцы не взбунтуются и не сбросят своих правителей, как мы сбросили Николая.

Вы меня спрашиваете, скоро ли в Россию можно вернуться. Думаю, что еще не очень-то скоро, и зиму во всяком случае придется вам пробить в Швеции. Сегодня я получил телеграмму о приезде Нины. Как эта выдра умудрилась к вам проскочить? Опять на пароходе, что ли? Вы от нее, значит, теперь лучше моего знаете, что делается в России и как там теперь трудно жить. Когда я попаду в Москву, еще неизвестно.

Пожалуй, пробуду тут еще с неделю.

Был я два раза в Целендорфе⁵². Послал вам оттуда три открытки, получили ли их? Zelendorf сравнительно меньше изменился, чем Берлин: там меньше грязи и разрушений, чем в Берлине. Из-за войны у немцев мало рабочих людей, и некому наводить чистоту, вставлять разбитые стекла или заново красить то, что потрескалось или развалилось. Только все сады разрослись гуще, и многих домов из-за густых деревьев вовсе не видно. Пишите мне, как вы проводите день, а также сделайте снимки, как вы живете, ну, например, как наша милая маманя, золотая моя, пьет утренний чай или раскладывает пасьянс, как вы все обедаете или на прогулке, купании и т. п. Мне очень интересно было бы получить такие снимки. И отдельные морды тоже.

Еще прошу вас очень, детеньши мои, смотрите хорошенько за мамой, не давайте ей особенно беспокоиться или тосковать, не причиняйте ей неприятностей никаких, а напротив, повинуйтесь ей и ублажайте ее всячески. Чтобы к моему приезду она у вас была гладкая и бодрая. Купайте этого Любана, когда вода будет теплая, малому же Любанчишке сделайте в море всенародно вселенскую смазь и жменю всеобщую от моего имени. Учитесь непременно плавать, пользуйтесь случаем. Я здесь заказал для вас довольно много немецких книг, только теперь здесь книг стало мало и пройдет с недельку пока-то их подберут по разным магазинам.

Пришлют книги Штолю, а уж он перешлет их вам. Ну вот, пока прощайте, мои милые. Целую вас каждую крепко, крепко.

Поцелуйте маму и Нину. Кланяйтесь Ляле. Пишите мне еще пока сюда.

Если я даже уеду (о чем вам пошлю телеграмму), то письма мне все равно перешлют в Россию.

Пока вы не получите моей телеграммы об отъезде в Россию, до тех пор адресуйте мне письма и телеграммы просто «Берлин. Русское посольство. Красин», а д-ру Ляндау⁵³ только уже после моего отъезда.

Целую вас всех. Ваш папа.

Родной мой, ласковый Любанчик!

Написал тебе несколько писем, но не могу до сих пор отправить за неимением курьера. Неделю назад должен был поехать наш кассир с деньгами, но заболел. Это письмо посылаю через Донна, но так как народ едет не очень надежный, то главную массу писем своих я решил задержать и пошлю их через Стокгольм несколько позже, но вернее будет. Таким же образом пошлю Нинины чулки и юбку, которые ты сунула мне в чемодан при отъезде.

Очень я по тебе соскучился, родимый, любимый мой! Много бы дал поцеловать твою пятнистую морду, приласкать тебя, моего хорошего. Что-то я по старости очень стал приживаться к своему семейству и вот, как останешься один, делается тоскливо. А положение повсюду чем дальше, тем неопределеннее, войне конца краю не видно, и от этого никто не может сказать, куда все мы, собственно, идем и чем это все кончится. Мало вероятия, чтобы этот год принес какое-либо решение, и вообще война все больше и больше превращается в какое-то идиотское соревнование в деле взаимоистребления и самоистощения. В Германии люди уже начинают ходить без белья, а в России скоро позабудут, что такое хлеб. Наши переговоры подвигаются медленно: большая часть немцев склонна оставить нас в покое, меньшая, но более влиятельная — кажется, еще не рассталась с мыслью о походе на Питер и Москву. Которое течение возьмет верх, сказать трудно. Многое зависит от успеха или неуспеха попыток наладить торговлю, но не мало также от действий entente⁵⁴, политика которой сейчас направляется главным образом на то, чтобы втянуть Россию в новую войну. Переговоры в финансовой комиссии мы закончили настолько, что я мог бы недель на 5—6 съездить в Россию, но Иоффе и Москва настаивают, чтобы я остался еще на 1—2 заседания Кюльмановской комиссии, решающей главные спорные политические вопросы. Таким образом, раньше числа 10 июля я едва ли отсюда уеду.

Ну, как же вы живете, мои милые? Как мои обезьяны мордоны в Бостоне подвизаются? Здесь пошли сплошные дожди, и я за вас уж печалился. В каком виде приехала Нинетта? Где я найду ее вещи? Жива ли Ньюша, и что с нашей квартирой? Предполагаю, что ты мне об этом давно написала, но писем нет, очевидно, часть их все же пропадает или запаздывает. Если бы Любан мог писать письма копир[овальным] карандашом с прокладкой синей бумаги, т. е. в 2-х экзempl[ярах], посылая один экз[емпляр] через Циммермана: так хоть медл[енно], но верно, а подлинник по почте, на ура, дойдет или нет. А то я месяцами буду без известий о вас.

Пока прощай. Целую и обнимаю вас всех крепко-крепко, Людмилону, Катабашного, Любанчика.

Hotel Kongen af Denmark Kobenhavn⁵⁵

Родной мой милый Любан!

Вот мы и опять в разлуке, мой хороший любимый дружочек. Я не знаю, вероятно, во мне есть какой-нибудь конструктивный недостаток, мешающий мне выразить, как я тебя сильно крепко и горячо люблю, или, может быть, я в самом деле неспособен любить так, как это ты себе представляешь и как должен был бы любить тебя тот воображаемый старичишка, за которого ты собираешься выходить «вжамуж». Но, пока его еще нет, тебе все-таки придется удовольствоваться мною, а я по-своему тебя очень люблю, родной мой Любченышек, и ты окончательно слепой, если не замечаешь, что я тебя люблю больше, чем когда-либо кого-либо другого любил. За последние годы наших мытарств, переселений, переездов и проч. к этому присоединяется благодарность и уважение к тебе за работу и тяготу, которую ты так мужественно несешь, и если я тебя иногда жучу за нытье, то это происходит лишь потому, что на основании долголетнего опыта я смотрю на более бодрое и менее требовательное отношение к окружающей действительности как на средство наилегче выкручиваться из всяких испытаний судьбы. Вот и сейчас я тебя очень прошу не впадать в уныние, а напротив — помнить, что наше положение в общем еще очень

благоприятное и, если не случится чего непредвиденного, есть шансы на дальнейшее улучшение и, в частности, возможность совместной жизни или более частых свиданий не отодвигается, а приближается. Будь уверена, я сделаю все возможное, чтобы иметь вас как можно ближе, так как для меня личное счастье без тебя и без детей не мыслимо, а я от него никогда не отказывался и думаю, что смогу его совместить и с общественной работой. Прости, что это письмо пишу кое-как: вагон сильно качает. Я еду в Берл[ин] один: Наде надо сегодня идти в нем[ецкое] консульство для визы, и она выедет завтра с Дорой Моис[евной]⁵⁶ и с Мееровичем, а мне ждать в Копенгагене было уже невозможно.

Я постараюсь навести справки насчет квартиры, и Яков Захарович Суриц⁵⁷ обещал написать прямо тебе, если будет что подходящее. Его мнение — квартиры 4—5 комн[атные] с удобствами можно иметь за 3—4 тысячи, и он почти уверен, что-ниб[удь] найдется. Я попрошу Воровск[ого] написать в Стокг[ольм], чтобы тебе был курьерск[ий] паспорт в Данию и обратно на случай, если ты захочешь посмотреть квартиру. Квартира на Kaffongat, 13 кому-то уже сдана или обещана. Воровская говорит, что новая снятая для них квартира имеет 8 комнат и что они могли $\frac{1}{2}$ уступить вам — но я не думаю, чтобы тебе такая комбинация улыбалась. Суриц сам легочный и говорит, что климат Копенгагена для него оказался очень благоприятен. Гарин климат ругает гл[авным] образом из-за дождей. Зато в смысле продовольствия и всего прочего здесь сравнит[ельно] со Швецией раздолье, и жизнь на 20—30% дешевле. А главное, близость к Берлину. Людей здесь найдешь не меньше, и будут они наверно не хуже тамошних. Вероятно, и в смысле обучения тут будет не хуже, кажется, даже есть французская школа.

Словом, мне думается, было бы хорошо тебе около 15—20 авг[уста] съездить в Копенгаген на несколько дней, ты бы присмотрелась к городу и, м[ожет] б[ыть], решилась бы поселиться в Дании. Возможно, если я задержусь в Берл[ине], — ты сначала приедешь туда, а затем на обратном пути остановишься в Копенгагене. В Берлин тебе лучше ехать, я думаю, через Треллеборг-Сассниц: посмотри по расписанию. Впрочем, это я еще выясню в Берл[ине]: заезд в Копенг[аген], м[ожет] б[ыть], сэкономит тебе поездку в Стокгольм, т. е. ты получишь немецкую визу не в Стокгольме, а в Копенгагене. Если удастся найти место в Гутафорсе, то на 1—2 мес[яца] стоит поехать туда, чтобы вопрос о зиме выяснить не спеша, кстати и мои дела за это время более определятся.

Ну пока, до свидания, мой родной. Крепко тебя целую в милые глазки. Ложись раньше спать и попробуй обтираться на ночь, а еще лучше посоветуйся с врачом.

Девочек крепко целую. Черешни мы ели до самого Константинополя. Качает, так что нельзя писать. Нине и Ляле привет. Твой Красин.

№ 21.

[До 9 августа 1918 года]

Милый мой Любанчик!

Составь исподволь список всякой посуды и утвари, которая вам понадобится для зимнего житья в Стокгольме. Хотя все цены здесь страшно возросли, все же в Берлине это будет дешевле купить, чем в Швеции. Я полагаю, что мне в конце лета придется, вероятно, быть в Берлине, и я все мог бы закупить и даже, может быть, привезти, так как я надеюсь вырваться на несколько дней к вам в Бостод.

Иоффе очень настаивает на моих периодических приездах, ибо я ему тут сильно помог. И, возможно, если я возьмусь за организацию внешней торговли, то я возьму себе и всю консульскую часть и, следовательно, время от времени должен буду и сюда, и в Скандинавию предпринимать инспекторские поездки.

№ 22.

14 августа 1918 года

Милый мой родной Любан!

Пишу тебе пару строк в среду, 14 августа, только приехав в Москву.

Выехал я в ночь с воскресенья на понедельник. Доехал отлично, и в 2 часа дня сегодня мы были в Москве. Общее впечатление — недурное. Москва выглядит чище, чем обыкновенно. Людей меньше, магазины пустоваты, но город имеет совершенно нормальный вид. Был вчера у Красиных, видал Борю. Все они в добром здоровье, питаются с трудом, но все же пока живут ладно. Гермаша был третьего дня здесь и вообще наезжает нередко из Питера. Я, конечно, еще совершенно не осмотрелся и пока больше ничего о Москве не могу написать. Пробыду здесь, вероятно, дней пять-шесть, потом съезжу в Питер. Квартира наша в Царском в порядке, и Нюша, по словам Ге⁵⁸ (и Володи), далеко не в таком ужасном положении, как это выходило по словам Нины.

Письмо это посылаю с Иоффе, который сегодня же возвращается в Берлин.

Пора кончать. Крепко вас всех обнимаю и целую. Я здоров, за меня не беспокойтесь, милых детей целую.

Ваш Красин.

№ 23.

25 августа 1918 года

Родной мой, любимый Любанаша и милые мои девочки!

Третьего дня я приехал в Питер и через родственников Циммермана посылаю вам это письмо.

В Москве я пробыл ровно неделю, сделал за это время много, но зато не имел возможности вам написать больше двух-трех строк. Как уже писал, впечатление у меня неблагоприятное. Город выглядит даже хорошо, и с едой трудно, но люди как-то кормятся, что же касается лично меня, то, благодаря особым условиям, я имел возможность обедать по два раза в день в разных столовых с простой, но домашней едой, не говоря уже о «Праге», где за 50 руб. можно есть, как и за сто марок не поешь в Берлине. В результате все удивляются моей толстой морде и еще не сошедшему Бостодскому загару. (Здоровое место Бостод — я за 3 дня поправился на кило.) Как уже писал, я пока что не беру никаких громких официальных мест и должностей, а вхожу лишь в Президиум Высшего совета народного хозяйства и беру на себя фактическое руководство заграничной торговлей, не делаясь, однако, еще комиссаром промышленности и торговли. Дела непочатый край и сотрудничества для меня и у меня найдется, вероятно, немало. Самое скверное — это война в чехословаками⁵⁹ и разрыв с Антантой⁶⁰: Чичерин⁶¹ соперничал в глупости своей политики с глупостями Троцкого, который сперва разогнал, расстроил и оттолкнул от себя офицерство, а затем задумал вести на внутреннем фронте войну. Так как из его генштаба, вероятно, три четверти — предатели, то никто не может предвидеть, чем все это кончится. Хуже всего то, что по мере успехов чехословаков становится труднее сдерживать захватнические стремления немцев и теоретически мыслим такой оборот, что при занятии чехословаками Нижнего немцы ответят на это занятием Питера и Москвы, хотя бы под видом военной помощи, а это, в свою очередь, через два-три месяца приведет к тому, что от всего большевистского правительства оставлен на своем месте будет разве один товарищ Никитич⁶², так как на иные специальности спрос сразу сильно упадет. Будет очень жаль, ибо не только я, но даже Гермаша и многие еще больше правонастроенные люди признают, что путь наиболее здорового и безболезненного развития лежит сейчас для России только через большевизм, точнее, через советскую власть, и победа чехословаков или Антанты будет означать как новую гражданскую войну, так и образование нового германо-антантского фронта на живом теле России. Много в этом виноваты глупость политики Ленина и Троцкого, но я немало виню и себя, так как определенно вижу — войди я раньше в работу, много ошибок можно было бы предупредить. Того же мнения Горький, тоже проповедующий сейчас поддержку большевиков⁶³, несмотря на закрытие «Новой жизни»⁶⁴ и недавно у него из озорства произведенный обыск⁶⁵. Питер выглядит тоже очень недурно, на улицах полный порядок, даже по случаю бывшей карьеры заведена опрятность и чистота⁶⁶. Правда,

улицы пустынные и весь город имеет вид выздоравливающего больного. Несомненно, худшие времена позади, и если бы не эта чертова война под Казанью, Вяткой⁶⁷ и проч., можно было бы спокойно, уверенно рассчитывать на дальнейшее и прочное улучшение. Был я сегодня с Ге в Царском, но неудачно — Нюша уехала, должно быть, в Петергоф, и мы, поцеловав замок, вернулись в город ни с чем. Во всяком случае, квартира в порядке... и я (да и Ге) могу только подивиться тем ужасам, которые нарасказала Нина из Бостода. Вообще очень прошу не верить никаким ерундовым паническим рассказам. Не будь войны на Волге и обусловленной ею продовольственной неурядицы, я не задумался бы вас выписать сюда: настолько велико вообще успокоение и упорядочение всей жизни. В частности, за мое питание не беспокойся, я прекрасно ем и не экономлю в деньгах. Надеюсь в конце сентября или в начале октября с вами хоть ненадолго увидаться и взять тебя с собой на неделю-другую в Берлин. Старый сундук привезу сам: на пароходе его не удалось отправить из-за этого неожиданного отсутствия Нюши. Тороплюсь кончать. Пока прощайте, мои милые. Крепко вас всех целую. Будьте здоровы и благополучны. Пишите через Солом[она] и не беспокойтесь за меня. Дядя Гера крепко Вас целует. От Андрея недавно были хорошие вести. Он ведет трудовую жизнь и намерен вообще осесть на земле, в чем ему можно только завидовать. Крепко целую.

Твой Красин.

М. И. Каплан здравствует, он получил место в комиссариате] торг[овли] и пром[ышленности] пока на тысячу руб., скоро получит прибавку до двух тысяч, будет работать со мной. Привет знакомым.

№ 24.

[Ранее 7] сентября 1918 года

Ну, вот уже 3 недели, как я в России. Я успел за это время 9 дней пробыть в Питере, перевидал много людей и сделал порядочно дел.

Пароход с углем, мною законтрактованный, уже выгружается, и в близком будущем предвидятся еще пароходы⁶⁸. Возможно, что мы спасем Питер от замерзания. Созвал совещание по топливу, налаживаем добычу Боровичевского угля и горючих сланцев близ Ямбурга⁶⁹. Вообще дела много, и крайне интересного. Публика буржуазная и инженерская изменила свою позицию, и не только Гермаша, но и Тихвинские⁷⁰, и Названовы⁷¹ и даже Умлины идут в работу, особенно со мной. В общем, картина крайне сумбурная. В низах все еще бродит и бушует революционная тревога; верхи уже пришли к сознанию необходимости созидательной работы, но все это тормозится отсутствием людей, а главное, вновь народившимся бюрократизмом. На местах много людей и людишек, иногда жуликов, еще чаще людей шумных, занятых тем, чтобы придумать себе видимость дела и тем оправдать необходимость своего существования. А как только к такому чиновнику попадает вопрос, требующий какой-либо ответственности, он стремится спихнуть его соседу и отделаться от назойливого просителя. Получается некий автосаботаж, не менее ужасный, чем прошлогодний саботаж специалистов и интеллигенции.

Осложнение и громадный ущерб положительной работе составляет настроение в низах рабочих и местных Совдепов, созданное убийством Урицкого и покушением на Ленина, который, впрочем, поправляется, изумляя врачей живучестью и силой своего организма. Поднялась была волна красного террора, и, хотя большинство Совнаркома против массового террора, тем не менее огульные облавы и расстрелы имели место и, в частности, мне, как особенно заинтересованному в целостности технического аппарата, пришлось уже кое за кого вступить и настоять на освобождении или ускорении расследования. Имеется, видимо, план правых эсеров, направленный против отдельных лиц: Ленина, Троцкого и др., и, конечно, каждый факт белого террора будет вызывать реакцию в виде взятия заложников etc.

Квартиру в Царском разорять жалко, и хранить вещи стоило бы очень дорого. Случайно я встретил в Царском Глазберга (адвокат, имевший дачу

в... ⁷²), ищущего комнату, и мы быстро с ним закончили: он берет квартиру с Ньюшей до 1 апреля и платит кварт[ирную] плату и жалование Ньюше. Все вещи остаются на своих местах, даже письменный стол не надо освобождать. С этой стороны дело вышло удачно. Серого сундука я не мог вывезти, ибо у меня было мало времени (жил я в городе), и такую тяжелую чертовщину некому стащить вниз, погрузить на тачку и свезти на вокзал. Да я и не знаю, стоит ли весь этот сундук вывозить за границу. Если с чехословаками дела поправятся, то я не считаю невозможным ваш возврат в Россию весной или летом, а тогда вам столько белья и платья чего доброго не позволят вывезти, здесь же через год уж и вовсе ничего купить будет нельзя. Цены на все стоят прямо смехотворные, и рубль упал не то до гривенника, не то до пятака. Вчера я постригся и побрился — 7 рублей. Сегодня купил себе кожаный картуз — 80 рублей, обед в «Праге» 40 рублей и т. д. Проезд в трамвае 60 копеек, фунт телятины 30 руб. и т. д. в том же духе. Жить вам здесь в данное время было бы, по-моему, абсолютно невозможно. Еще один я в казенных столовых могу прокормиться даже очень хорошо, но вести свое хозяйство — вещь почти невозможная. Красины живут лишь тем, что удастся всякими правдами и неправдами покупать или привозить из провинции.

7 сентября 1918 года.

Родной мой Любченышек и малые девчушки! Скучно мне без вас, мои золотые! Как-то вы там живете-поживаете без своего папани? Получил телеграмму вашу о том, что до 1 октября остаетесь в Бостоде ждать виллы, снятой в Stoksund'e. Почему же расстроилась комбинация с Гутельфорсом? Впрочем, очевидно, вы решили, что на один месяц уже не стоило переезжать и раз явилась возможность устроиться близ Стокгольма, то, конечно, ее надо использовать. Как удалось еще найти квартиру? Или помог тут Линдбром?

Что касается меня, то я живу в «Метрополе» ⁷³, пока во временном номере — одна комната и спальня с ванной. Но это мне мало, сейчас подыскивают большее помещение. Гуковский предлагает поселиться в частной квартире у его знакомых, но я еще не видел и не знаю, как решу. «Метрополь» удобен своими телефонами, центр[альным] отопл[ением] и центральным положением. Возможно, что я возьму и то и другое, чтобы на частной квартире быть абсолютно свободным от каких-то посещений. Во всяком случае, будьте спокойны за меня: по части еды и всего прочего я устроился недурно и в моем исключительном положении смогу доставать необходимое. Отношение ко мне со стороны всех властей сейчас самое предупредительное, все предложения проходят с легкостью, и, видимо, есть стремление создать условия, удерживающие меня при работе. Ленина после выстрелов я еще не видел. Одно время боялись за его жизнь, но сейчас он поправляется с быстротой, изумляющей врачей. Многих эти выстрелы перевели на его сторону, и даже публика далекая от б[ольшевик]ов высказывала часто: была бы беда, если бы Ленина убили. Так оно и есть при современном положении, ибо он все же становой хребет во всем этом хаосе. Ну, да эти все новости вы узнаете от Гуковского, с которым шлю это письмо.

Пока до свидания. Родной мой Любан, напиши мне, как твое здоровье и, Христа ради, берегись, посоветуйся с доктором и делай все, что он велит. А вам, Людмила, Катя и Люба, поручаю маму беречь и не позволять ей себя утомлять или тосковать. Крепко вас, родных, целую, также Нину и Володю. Привет Ляле.

Ваш Красин.

№ 25.

Москва, 23 сентября 1918 года

Милый мой родной Любченышек! Я был сегодня очень обрадован получить твое письмо от 30 августа. Хотя и с большим опозданием, но все-таки подлинное твое письмо, а не коротенькая телеграмма через С[...] ⁷⁴. Я стараюсь чаще телеграфировать, и во всяком случае Берзин ⁷⁵ почти ежедневно знает о моем существовании.

Пишу, конечно, мало, так как занят, разумеется, очень. Чувствую себя великолепно: кровавые шарики в движении. Работы много, разнообразной и широкой, и, когда она спорится, получается ощущение, точно стоишь около большого горна и молотком куешь кусок стали, искры так и летят во все стороны. Если чертовы чехословаки или наши — хуже всяких врагов — друзья-немцы не испортят нам обедни каким-либо неожиданным условием, то натворим немало заметных дел и, пожалуй, возврат к старому ни при каких условиях уже не будет возможен.

Успокою тебя прежде всего насчет нынешних условий моего существования. Живу я в Метрополе в хорошей комнате, а на днях переезжаю в целые апартаменты: 3 комнаты, ванная и передняя, тут же в «Метрополе» совершенно министерское помещение. Обедаю 2 раза в день, около половины первого и в 5-6 часов, утром в ВСНХ и потом в Кремле, куда попадаю к 5 часам. Обеды приготовлены просто, но из совершенно свежей провизии и достаточно вкусно. Жалко лишь, что дают сравнительно много мяса, но этого здесь избежать сейчас вообще невозможно. Имею автомобиль, очень хороший, жалко лишь, что с бензином день ото дня становится труднее и скоро мы, вероятно, встанем, как шведы в Стокгольме. Впрочем моя вся ходьба из «Метрополя» до Больш[ого] Златоустинского пер[еулк]а (близ Любянки) и затем обратно и до Кремля.

Выезжать в другие места приходится редко, ибо тут все сконцентрировано.

Дела конечно очень много, но как-то легко работается, нет этой вечной заботы о сведении концов с концами, которая за последние годы так отягощала сименсовских и барановских директоров. Конечно, у большевиков (или, как теперь все более привыкают говорить, коммунистов) бюджет в смысле дефицита даст сколько угодно очков вперед всем обанкротившимся предприятиям, но в конце концов все воевавшие и воюющие государства в своих бюджетах катятся в какую-то пропасть и, конечно, не нашему поколению придется распутывать эту путаницу. Отсюда несомненная легкость духа и некоторая беззаботность насчет равновесия бюджетов, свойственная сейчас, впрочем, даже таким аккуратным финансистам, как немцы.

Там тоже в сущности печатают бумажные деньги сколько влезет, и при посредстве их машина как-то приходит в движение. После убийства Урицкого и покушения на Ленина пережили и еще переживаем полосу так называемого Террора, одного из бессмысленнейших противоречий необо-льшевизма.

Расстреляно в Москве и Питере, вероятно, около 600-700 человек, на 9/10 случайно агрессивных или заподозренных в принадлежности к правому [э]с[е]рству или контрреволюции.

В среде рабочих и в провинциальных совдепиях эта волна прокатилась целым рядом безобразных явлений, как выселение буржуазных или просто интеллигентских элементов из квартир, вселением чужих, «уплотнением», беспричинными арестами и пр. и пр. Мне лично пришлось за это время не менее 30 разных инженеров вывозить из кутузки и полностью посеячас еще не всех выпустили. Работе это конечно страшно мешает, но поделаться против стихий ничего невозможно, и эту полосу тоже надо изжить.

Нет, миланчик мой, я все думаю, как хорошо, что тебя здесь нет: тебе такие переживания были бы особенно тяжелы, да и ребятам это ни к чему. Пожалуйста, не делай из этого вывода, что я хочу вас там на веки вечные оставить. Напротив. Во-первых, я уверен, что не за горами время, когда в Европе начнется собственная совдепия, а это будет куда похуже нашего. Во-вторых, надо детям привыкать к тому новому укладу жизни, в котором им придется жить. Поэтому, как только «военное» положение у нас хоть несколько окрепнет, а главное, паек хлебный фактически дойдет хотя бы до трех четвертей фунта, я сейчас же вас выпишу. Пока что, други милые, сидите там и не беспокойтесь за меня, я живу в хороших условиях, и ничего со мной случиться не может. Работаю тоже с расчетом не надрываться и не чувствую ни малейшего утомления. В октябре собираюсь за границу, конечно, ненадолго, так что ты уж, Любан, на меня не ворчи.

Ну пока, прощайте мои родные, милые. Крепко вас всех целую. Как то вы устроитесь на новых местах. Пишите мне почаще и телеграфируйте через С[...]. Должен кончать письмо, так как приходят разные люди разговаривать.

Крепко-крепко всех целую.

№ 26.

24 октября 1918 года

Родной мой золотой Любченьшек и милые мои дети! Если бы вы знали и видели, как я по вас по всех скучаю, истосковался. Писем от вас почти не имею, да и вы мои едва ли исправно получаете: при этой неразберихе и окольных путях многое в пути теряется. Гуковского по пути в Ревель немцы обыскали из-за какой-то перебранки по поводу ехавших на одном пароходе с ним русских беглых пленных и при этом отобрали письма. Так я от вас ничего и не получил. Последняя телеграмма была от 12-го.

Ну, я живу тут по-прежнему, и самое, конечно, главное в моей жизни — работа, еда и сон. Больше почти ничего: за день так устанешь, что мыслит голова мало, да и к лучшему, иначе я еще больше бы по вас тосковал. Питаюсь я хорошо, как и раньше, и на этот счет ты, родной мой Любан, не беспокойся. Единственный дефект в том, что относительно много мяса приходится есть, но, в России живя, это уже неизбежно. Живу в «Метрополе», квартира отличная, если будут топить достаточно, то и с этой стороны я устроен. Чувствую себя очень хорошо, не устаю и никаких вообще дефектов в себе не замечаю. Неправильностей с сердцем уже несколько месяцев вовсе не было, и я склонен думать, что вся эта история была у меня не органической, а явилась результатом той стрептококковой ангины, которой я заболел в Москве в 1914 году, когда хоронили бабушку. Очевидно, продолжительный отдых в Стокгольме и жизнь у вас под крылышком тоже сыграли свою роль.

Ну, а как быстро меняются события и какой величины мировую катастрофу мы переживаем?! Прямо невероятно быстрота, с которой полетела Германия в пропасть. Воображаю, как горд и доволен мышшонок!

Рушится целый мир, и к старому возврата нет, даже если бы старым силам мира и удалось еще на время победить Великую Революцию. Все сведения из Германии подтверждают, что там начался развал совершенно того же характера, как у нас в пору развала армии в 1917 году. Таким образом, в этом пункте пророчества Ленина, хотя и с опозданием на несколько месяцев, оправдаются. Сейчас пришло известие, что Либкнехт ⁷⁶ освобожден. Прямо невероятно для Германии. Теперь вопрос, когда оправдается такое же предсказание и в отношении Антанты. Будет ли ему предшествовать «победа до конца» и в связи с нею подавление революции в России или «передышка» дотянет до капитуляции не только Вильгельма [II] и Карла ⁷⁷, но и Вильсона, Ллойд Джорджа и Клемансо. Предсказывать трудно, но мне все-таки думается, едва ли все так гладко во Франции, и в Англии, и особенно в Италии. Как ни велик соблазн «победы до конца», все так истощены и так безбожно устали, что и победители, чего доброго, так же лопнут во время победы, как и побежденные.

Да! Трудные, трудные еще предстоят нам времена. Ты вот, Любан, в претензии на меня, что я сюда поехал, а мне думается, я поступил правильно, и помимо субъективного сознания обязательности принять участие в этой работе, это надо сделать уже хотя бы потому, что в этом слагающемся новом надо завоевать себе определенное место, и не только себе, но и вам всем, а для этого приходится работать. Ты не бойся, я меру знаю и буду ее соблюдать, тяжелее всего разлука с вами, мне так хорошо жилось вместе, но это надо преодолеть. Как дальше пойдут события, трудно предвидеть, одно ясно, вам сюда возвращаться еще не время, слишком не устоялась жизнь, и существовать здесь семьей было бы прямо-таки невозможно. Сдвинулось с петель все наше старое устройство и жилье, самые неоспоримые понятия, права, привычки опрокинуты, и множество людей как раз из нашего круга стоят в недоумении перед обломками своего вчерашнего благосостояния, зажиточности, комфорта, удобств, элементар-

ных благ. Те, кто переживают эту бурю за рубежом, едва ли правы, так как тем труднее им потом будет привыкнуть к новым условиям. Конечно, жены и дети, кто могут, лучше должны быть избавлены от этих трудных переходных переживаний, но нам надо работать и бороться не только за общие цели, но и за свою личную судьбу. У меня была мысль при ближайшей поездке за границу взять тебя сюда с собой на побывку, чтобы ты посмотрела, как сложна и какая иная стала тут жизнь, но я не знаю, следует ли даже это делать, и, пожалуй, спокойнее будет тебе, милый мой, посидеть в Стокгольме. Ну, да об этом мы еще поговорим. Когда я поеду в Берлин, еще не знаю. У меня очень много всякого дела, не отпускающего отсюда, кроме того, есть разные причины, по которым лучше не слишком торопиться, и как ни хотелось бы мне вас скорее всех обнять, придется потерпеть до конца ноября, а может быть, и до декабря.

Теперь о делах. Квартиру в Царском я передал до апреля Глазбергу по своей цене с Ньюшей, что надо считать, по нынешним временам, Божьей благодатью. Все у нас цело пока и благополучно. Как дальше будет, конечно, трудно сказать. Посылаю тебе, миланчик, бумагу комиссара финансов о выплате тебе денег с 15 августа по 3 тысячи р[ублей] в месяц. Значит, за август — 1500, за сентябрь — 3 тысячи и за октябрь — 3 тысячи. Должны, судя по тексту письма, выплатить по казенному курсу, то есть около $7500 \times 2 = 15.000$ крон. Это было бы неплохо. Только в скором времени хотят Воровского и всех заграничников сократить, и не будут считать крону по 52 коп., тогда и твои 3000 рублей сморщатся соответственно, вероятно, до 3000 крон.

Поэтому не зевай и хоть за эти-то месяцы получи с них по хорошему курсу. Я здесь оставляю себе по 1000 р[ублей] в месяц, этого мне хватит вполне, принимая во внимание сравнительно льготные цены на квартиры и в наших столовых. Четыре тысячи в месяц — это в советской республике почти что невиданная сумма. Но все же, миланчик, с деньгами будь поосторожнее, неизвестно еще, что всех нас ждет впереди. Письмо это тебе передаст товарищ Шейнман ⁷⁸. К нему относись с полным доверием, хотя, как коммунист, он, вероятно, не особенно подойдет к окрестностям. В частности, он довольно отрицательно относится к Циммерману, считая его никаким консулом, но и Воровского он считает тоже никаким послом, и в этом, конечно, имеется своя доля правды. Пока, родные мои, прощайте. Как вы, детки мои милые,живаете? Милый мой Людмилан, я очень был тронут твоим письмом Авелю, что ты писал, что Россия — самая большая, самая хорошая, самая добрая страна в мире. Оно хоть и не совсем так, но должна быть и будет такой. Как ты, мой котик, поживаешь? Много ли у тебя работы, играешь ли на рояле? Про Любана малого тут прошел слух, будто он не всегда слушается наставников. Могу ли я этому поверить, такая ведь скромная, смиренная и тихая всегда была милая моя дочка! Крепко-крепко вас целую. Ваш Красин.

№ 27.

16 декабря 1918 года

Пишу, пользуясь свободным временем, в приемной в ожидании открытия заседания. Сегодня посылаю вам телеграмму относительно хлопот по поводу разрешения моего въезда в Стокгольм. Я еще не знаю наверное, удастся ли мне отсюда вырваться на Рожд[ество], но имею некоторую надежду и во всяком случае при малейшей возможности к вам приеду, так как, понятно, страшно соскучился.

Прошение в Шведское консульство я уже подал, и они-то мне и посоветовали просить содействия Ашберга ⁷⁹ и Линдброма для вящего ускорения дела.

У нас здесь все идет по-старому. Б[ольшевик]ки твердо держат власть в своих руках, проводят энергично множество важных и иногда нужных реформ, а в результате получают одни черепки. Совершенно как обезьяна в посудной лавке. И грех, и смех. Греха, впрочем, больше, так как разрушаются последние остатки экономического и производственного аппарата, и возможности бороться с разрухой суживаются до минимума. Ну да надеюсь, обо всем этом поговорим при свидании подробно.

Целую вас крепко, крепко, мои родные, миленькие.
Будьте здоровы и веселы. До скорого м[ожет] б[ыть] свиданья.
Ваш Красин и папа.

№ 28.

[Конец ноября 1918 года]

Ну, родные мои, как же вы-то там живете? Сегодня из Берлина есть телеграмма, будто немцы согласны на восстановление дипломатических отношений⁸⁰. Я еще не хочу верить такому счастью, потому что это дало бы нам возможность опять более или менее регулярно получать письма и если железнодорожное движение не будет нарушено, то, может быть, в декабре мне удалось бы съездить к вам на побывку. К этому сейчас сводятся все мои мечтания, и наибольшее мое счастье заключается в том, чтобы быть с вами, родные вы мои морды! Напишите мне ваш точный адрес, а то я и письмо не знаю, куда вам адресовать. Пошлю его через Ашберга. Он, верно, знает ваш адрес и, как европеец, не захалатит письма, как это может случиться в посольстве. Адрес посольства тоже мне неизвестен, и через Володю письмо направить тоже нельзя.

А Жоржик-то наш остался в революционном Гамбурге, и немецкое правительство не могло его выставить. Еще чего доброго окажется там губернатором или президентом⁸¹.

Ну, пора кончать! Пишите мне, мои милые. Здоровы ли вы, все ли у вас есть, не будет ли вам холодно в этой прекрасной вилле? Думаю, что американцы скоро должны будут подвезти вам хлеба, и жизнь, может быть, немного полегчает. Целую вас всех крепко, милые мои Любушка, Людмила, Катя и Люба. Поклон Володе, Любе и Ляле. Пишите мне, ведь оттуда через шведов всегда есть оказии: они ездят в Россию постоянно и на пароходах, и через Финляндию. Еще раз вас обнимаю. Храни вас господь.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Соломон Георгий Александрович (1868—1934) — меньшевик. В первые годы большевистской власти был на дипломатической службе (первый секретарь полпредства РСФСР в Берлине, консул в Гамбурге. В 1919—1920 гг. работал в Наркомвнешторге. В 1920—1921 гг. торгпред в Эстонии, в 1921—1923 гг. работал в Лондоне в АРКОСе. В 1923 г. эмигрировал. Жил в Брюсселе. Автор мемуаров «Среди красных вождей» (2 тт., 1930; российское издание: М. 1995).
2. Имеется в виду проект шведского банкира Ашберга, «зарезанный» В. И. Лениным.
3. Красин участвовал в переговорах о заключении мирного договора с Германией в Брест-Литовске в качестве советника экономической и финансовой комиссии. Это был его первый опыт официального сотрудничества с большевистскими властями России.
4. Два слова затерты и не поддаются прочтению.
5. Речь идет о Гуковском Исидоре Эммануиловиче (1871—1921) — социал-демократе с 1898 года. В 1917 г. Гуковский был казначеем ЦК большевистской партии. В 1918 г. заместитель наркома, а затем нарком финансов. Был обвинен в неразборчивых связях и денежных растратах и снят с поста наркома. После этого был назначен полпредом РСФСР в Эстонии. После смерти Гуковского выяснилось, что он депонировал на свое имя крупные денежные суммы в эстонских банках. Попытка М. И. Литвинова получить эти деньги окончилась безрезультатно.
6. Ася — дочь С. Б. Лушниковой, сестры Л. Б. Красина.
7. Видимо, идет речь о потомке, возможно, сыне известного русского историка Н. П. Павлова-Сильванскоо (1869—1908).
8. Шатурская государственная районная электростанция (ГРЭС) была построена в соответствии с планом ГОЭЛРО в полном объеме лишь в 1933 году. Работала на мазуте. Эта первая очередь ГРЭС была демонтирована в начале 60-х годов, и были сооружены 2-я и 3-я очереди.
9. Речь идет о Енукидзе Авеле Сафроновиче (1877—1937) — социал-демократе с 1898 года. С 1918 г. Енукидзе был секретарем Президиума ВЦИК, в 1923—1935 гг. секретарем Президиума ЦИК СССР. В 1935 г. был обвинен в моральном разложении и причастности

- к так называемому «кремлевскому заговору». В марте — мае 1935 г. был председателем ЦИК Закавказской СФСР. В том же году исключен из партии. В 1936 г. был недолгое время директором Харьковского областного транспортного треста. Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.
10. Речь идет о Либермане Семене — лесопромышленнике, сотрудничавшем с советскими властями. Либерман был директором Пермолеса, треста Северолес. В начале 20-х годов работал в советском торговом представительстве в Лондоне. В 1926 г. эмигрировал. Выпустил книгу «Building Lenin's Russia» (Chicago. 1945), частично посвященную деятельности Красина.
 11. Название неразборчиво.
 12. Классон Роберт Эдуардович (1868—1926) — ученый-электроэнергетик. В 1914 г. предложил гидравлический способ добычи торфа. Строитель ряда электростанций, в том числе первой электростанции на торфе близ Ногинска. Красин поддерживал с Классоном дружеские связи со студенческих лет.
 13. Речь идет о Г. А. Соломоне (см. примеч. 1).
 14. Freecost (*англ.*) — бесплатно.
 15. Герц — немецкий знакомый Красина, тайный государственный советник. Видимо, незадолго до поездки Красина в Германию Герц снабдил его неким документом, удостоверявшим деловой характер визита и лояльное отношение советского деятеля к Германии.
 16. Штетгинбангоф — вокзал в Берлине.
 17. Григорий Таубман — друг и врач семьи Красиных.
 18. Так в письме.
 19. Иоффе Адольф Абрамович (1883—1927) — социал-демократ с конца XIX века. Член большевистской партии с 1917 года. В 1918 г. был председателем, а затем членом советской делегации на переговорах о мире в Брест-Литовске, затем полпред в Берлине. В 1922—1924 гг. полпред в Китае, в 1924—1925 гг. в Австрии. Участник «новой оппозиции» 1925 г. и объединенной оппозиции 1926—1927 гг. Покончил жизнь самоубийством, оставив предсмертное письмо, разоблачавшее сталинское руководство.
 20. После подписания Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. германские войска заняли территорию Украины, получившей формальную независимость. 28 апреля в Новочеркасске открылся «Круг спасения Дона» в составе представителей станиц и казачьих ополчений. Было провозглашено создание Всевеликого войска Донского, его атаманом был избран генерал-лейтенант П. Н. Краснов. Краснов тесно сотрудничал с командованием германских войск, которые в конце апреля 1918 г. вступили в Ростов. Фактически немецкое командование контролировало политику новочеркасских властей, официально признав Донскую республику, как стали называть область Всевеликого войска Донского. Что же касается угрозы Баку, то имеется в виду угроза со стороны союзника Германии — Турции и находившихся на ее территории германских вооруженных сил. Германские войска были выведены с территории России после окончания мировой войны.
 21. Untergrundbahn (*нем.*) — метрополитен.
 22. Сименс Вильгельм (1855—1919) — германский инженер и промышленник, сын и наследник основателя фирмы «Сименс и Шуккерт» Эрнста Вернера Сименса.
 23. Frau Geheimrat (*нем.*) — госпожа тайная советница.
 24. Бакфиш (backfisch) — *нем., англ.* девочка-подросток.
 25. Название острова не поддается прочтению.
 26. Эрцбергер Матиас (1875—1921) — германский политический деятель, член правительства в апреле — ноябре 1918 года. Подписал от имени Германии Компьенское перемирие 1918 г. со странами Антанты. В 1919—1920 гг. министр финансов. Убит членами германской террористической правой организации.
 27. Людендорф Эрих (1865—1937) — германский генерал, фактически руководивший военными действиями на Восточном фронте в 1914—1916 гг. и всеми вооруженными силами Германии в 1916—1918 годах. Вместе с А. Гитлером был руководителем «пивного путча» в ноябре 1923 г. в Мюнхене.
 28. Выпущенные в обращение в 1918 г. «совзнаки» в связи с сокращением товарооборота и инфляцией упали в ценности к 1921 г. более чем в 80 раз.
 29. Всеобщая компания электричества (АЭГ) — германский электротехнический концерн. Основан в 1882 г. в Берлине Эмилем Ратенау. Один из крупнейших мировых концернов в области радиоэлектротехники. В настоящее время существует группа АЭГ — Телефункен.
 30. Весной и летом 1918 г. германское командование предприняло четыре наступления на территории Франции. Немецким войскам удалось продвинуться вперед, но стратегического

- успеха они не достигли. Германские вооруженные силы были измотаны, что позволило войскам стран Антанты перейти в решительное контрнаступление, приведшее к поражению Германии в войне.
31. Unter den Linden — одна из центральных улиц Берлина.
 32. Имеется в виду ресторан в Берлине.
 33. Имеется в виду германо-российская комиссия, создание которой было предусмотрено Брестским миром. Летом 1918 г. взамен этой комиссии были образованы две — финансово-экономическая и политическая. Красин участвовал в работе обеих комиссий и возглавлял советскую часть в финансово-экономической комиссии.
 34. Речь идет о Дунаеве, жившем в Нью-Йорке.
 35. 1 февраля 1917 г. Германия вторично (первый раз это было сделано в феврале 1915 г. и приостановлено через несколько месяцев) объявила Великобритании «неограниченную подводную войну». В течение февраля — апреля 1917 г. германские подводные лодки уничтожили свыше 1000 торговых судов союзников и нейтральных стран. Однако «неограниченная подводная война» не достигла ожидаемого результата. Антанте удалось снизить потери судов, а блокада Германии вызвала голод в стране. Объявление «неограниченной подводной войны» ускорило вступление в войну США 6 апреля 1917 года. См. ШАЦИЛЛО К. Ф. США и подводная война Германии в 1914—1918 годах. — Вопросы истории, 1996, № 7.
 36. Имеется в виду правительство Скоропадского на Украине. Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) — генерал-лейтенант российской армии. В 1918 г. гетман Украинской державы, созданной при опоре на германские вооруженные силы. В 1919 г. эмигрировал в Германию. Погиб во время авиационного налета. См. ПАПАКИН Г. В. Павел Петрович Скоропадский. — Вопросы истории, 1997, № 9.
 37. Кюльман Рихард (1873—1948) — германский дипломат. В 1904—1909 гг. поверенный в делах в Танжере, в 1909—1914 гг. советник посольства в Лондоне, в начале первой мировой войны служил в Стамбуле. В 1915—1916 гг. посланник в Гааге, в 1916—1917 гг. посол в Стамбуле. В августе 1917 — июле 1918 г. статс-секретарь Министерства иностранных дел (заместитель министра).
 38. Спа — бальнеологический курорт в Бельгии, в северных предгорьях Арденн.
 39. Боржоми — город в Грузии, на реке Кура. Бальнеологический и климатический курорт. Виши — бальнеологический курорт в Центральной Франции. В 1905 г. Красин встретился в Виши с миллионером С. Т. Морозовым, финансировавшим ранее большевиков, который к этому времени был лишен родными права распоряжаться капиталами семьи. Почти сразу после встречи был обнаружен труп Морозова, покончившего самоубийством или убитого. Есть серьезные подозрения, что Красин был убийцей Морозова.
 40. Имеется в виду персонаж сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Бедный волк».
 41. Выше речь идет о намерениях Германии, сформулированных Людендорфом.
 42. Так в тексте. Очевиден иронический смысл.
 43. Ранцау (Брокдорф-Ранцау) Ульрих (1869—1928) — германский дипломат, граф. В 1897—1901 гг. секретарь германского посольства в Петербурге, затем в Вене. В 1909—1912 гг. генеральный консул в Будапеште, в 1912—1918 гг. посол в Копенгагене. С декабря 1918 по июнь 1919 г. министр иностранных дел. Руководитель германской делегации на Парижской мирной конференции 1919—1920 годов. Выступил против подписания мирного договора 1919 года. В 1922—1928 гг. посол Германии в СССР.
 44. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) — центральный орган по управлению народным хозяйством, главным образом промышленностью, в Советской России, а затем СССР в 1917—1932 годах. В январе 1918 г. по предложению Красина при ВСНХ был образован Совет экспертов, в который вошли представители технической интеллигенции. В августе 1918 г. Красин стал членом президиума ВСНХ.
 45. Цаммерман — киноактер, советский торговый агент в Швеции в 1917—1918 гг., затем советский консул в Берлине.
 46. Имеются в виду бюрократы и безответственные лица. От названия и содержания произведения Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина».
 47. Каплан М. И. — сотрудник Наркомата торговли и промышленности.
 48. Я получил уже Соломонов адрес. — *Примеч. Красина.* Имеется в виду адрес Г. А. Соломона.
 49. Russische Botschaft (*нем.*) — российское посольство.
 50. Речь идет о А. А. Иоффе.
 51. Tiergarten (Тиргартен) — парк в Берлине.

52. Целендорф — пригород Берлина, где жил Красин до отъезда в Россию в 1912 году.
53. Ляндау Л. Г. — сотрудник ВСНХ. В 1918 г. вел переговоры о сотрудничестве с германской химической фирмой ИГ Фарбениндурии. В начале 20-х годов член Главного концессионного комитета ВСНХ.
54. Entente (*фр.*) — Антанта.
55. Название гостиницы в Копенгагене (*дат.*).
56. Дора Михайловна — жена В. В. Воровского.
57. Суриц Яков Захарович (1882—1952) — участник социал-демократического движения в России. Член Бунда в 1902—1903 гг., затем меньшевик. После Октябрьского переворота стал большевиком. Был на дипломатической службе (полпред в Дании, Афганистане, Норвегии, Турции, Германии, Франции). Во время второй мировой войны консультант Наркоминдела. В 1946—1947 гг. посол СССР в Бразилии.
58. Ге — Г. Б. Красин.
59. Речь идет о вооруженном выступлении Чехословацкого корпуса (около 45 тыс. человек).
60. После высадки британских войск в Архангельске и Мурманске в начале августа 1918 г. ВЧК 4 августа арестовала в Москве около 200 британских и французских граждан. Британское представительство в Москве во главе с Р. Б. Локкартом было закрыто. После убийства Урицкого и покушения на Ленина 30 августа был совершен налет на британское посольство в Петрограде. Военно-морской атташе капитан Ф. Н. А. Кроми пытался оказать сопротивление и был убит, документация посольства захвачена. 3 сентября в Москве был арестован Локкарт. Вскоре состоялся суд над Локкартом и другими британскими представителями, которые были приговорены к расстрелу. В начале октября состоялся фактический обмен приговоренных на большевистского деятеля М. М. Литвинова, которого задерживали в Великобритании.
61. Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936) — социал-демократ с 1905 г., меньшевик. С 1918 г. большевик. В 1918—1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР, затем СССР.
62. Никитич — подпольный псевдоним Красина с 1890 г., со времени его участия в социал-демократическом рабочем союзе (группе Бруснева).
63. Горький начал поворот от резкой критики большевиков к их поддержке летом 1918 года. В конце июня его сын Максим писал Ленину: «Папа начинает исправляться — „левеет“» (ВАКСБЕРГ А. Гибель Буревестника. М. 1999, с. 49). Переход завершился после покушения на Ленина 30 августа, когда Горький (он жил тогда в Петрограде) послал Ленину телеграмму сочувствия, а затем, посетив Москву, навестил его. Ваксберг с полным основанием полагает, что в основе этого перехода лежал тот факт, что Горький, «жесткий прагматик по самой своей сути... не мог не считаться с тем, что стало уже для всех очевидным: большевистская власть устояла... надо к ней приспособиться» (там же, с. 48).
64. «Новая жизнь» — ежедневная газета меньшевиков-интернационалистов и группы писателей. Издавалась и финансировалась Горьким. Газета выходила с апреля 1917 г., в июле 1918 г. была закрыта большевистскими властями.
65. Обыски в квартире Горького на Кронверкском проспекте по распоряжению петроградского диктатора Зиновьева проводились два раза. В первый раз искали склад оружия, но обнаружили лишь коллекцию старинного оружия. Именно об этом обыске идет речь в письме. В 1920 г. особое внимание при обыске было уделено комнате М. И. Закревской, секретаря и любовницы писателя. По поводу первого обыска Горький рассказывал позже американцу А. Кауну: «За нашим столом в Петрограде всегда было 25—30 человек. Однажды вечером появился взвод красноармейцев, искавших бомбы. Солдаты были голодны. Мы тоже, таково было время. Но случилось так, что как раз в 8 вечера этого дня приятель принес нам великолепный картофель, свеклу, три озерных белорыбицы и хороший ломоть сала... Мы поспорили с солдатами по поводу глупого поиска бомб в моем жилье, но при виде сковородки они потеряли речь. «Садитесь, ребята!» Они сели, даже их руководитель. Маленький водевиль. Это время было все смесью трагедии с водевилем» (KAUN A. Maxim Gorky and His Russia. N.Y. 1931, p. 495).
66. Смысл неясен.
67. Имеются в виду военные действия против Чехословацкого корпуса.
68. Летом 1918 г. Красин подписал соглашение с Министерством торговли и промышленности Германии о поставке в Россию 100 тыс. тонн немецкого угля и кокса в обмен на лен, пеньку и другие товары.
69. Речь идет о небольших залежах угля в районе г. Боровичи Новгородской области, добыча которого была сочтена нецелесообразной, и месторождении фосфоритов под Петроградом в районе г. Ямбурга (с 1922 г. Кингисепп). Разработки начались только в 1963 г. открытым способом.

70. Тихвинский Михаил Михайлович (псевдоним «Альфа») — профессор, химик. Во время революции 1905—1907 гг. сочувствовал большевикам, участвовал в их Боевой технической группе, руководимой Красиным, выполнял задания по изготовлению взрывчатых веществ. Позже отошел от революционной деятельности. После Октябрьского переворота большевики пытались привлечь его к сотрудничеству, но без успеха. Тихвинский был арестован в Петрограде в связи с провокационным «делом Таганцева» в 1921 г. и расстрелян.
71. Названов Михаил — инженер, школьный товарищ Ленина. Сотрудник Наркомата внешней торговли. По свидетельству А. Д. Нагловского, он был обвинен в участии в так называемом «заговоре Таганцева» в 1921 г. и арестован. Названову грозил расстрел. Вслед за ним были арестованы несколько десятков инженеров, техников и служащих Наркомата внешней торговли. Красин вступился за многих из них. Названова и еще несколько человек удалось спасти (А. Н. Леонид Краси́н. — Новый журнал, 1966, № 82, с. 217—218).
72. Слово написано неразборчиво.
73. «Метрополь» — фешенебельная гостиница в Москве. В 1919—1920 гг. в этой гостинице находилась резиденция Красина в качестве наркома торговли и промышленности, председателя Чрезвычайной комиссии по снабжению армии и наркома путей сообщения. В этой же гостинице в 1918—1921 гг. размещался Наркомат иностранных дел.
74. Слово не читается. Видимо, имеется в виду Соломон.
75. Берзин (Зиемелас) Ян Антонович (1881—1938) — социал-демократ с 1902 года. В 1919 г. был наркомом просвещения Латвийской Советской Республики. В 1919—1920 гг. секретарь Исполкома Коминтерна. Затем на дипломатической работе (полпред в Финляндии и Австрии). Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.
76. Либкнехт Карл (1871—1919) — социал-демократ с 1900 года, в 1912—1916 гг. депутат Рейхстага. Один из руководителей леворадикального течения в Социал-демократической партии; вместе с Р. Люксембург был организатором «Союза Спартака». Один из основателей Коммунистической партии Германии на рубеже 1918—1919 годов. В январе 1919 г. убит правыми офицерами.
77. Карл I (1887—1922) — император Австрии и король Венгрии (под именем Карла I) — в 1916—1918 годах. Отрекся от престола в ходе революции (в Австрии 11 ноября, в Венгрии 13 ноября 1918 года.)
78. Шейнман Арон Львович — в первой половине 20-х годов заместитель наркома внешней торговли, а затем заместитель наркома финансов. Был членом советской делегации на переговорах с Великобританией и Францией по вопросу о долгах и кредитах. Позже возглавлял Госбанк СССР.
79. Ашберг — директор Стокгольмского банка. В конце 1917 г. выдвинул идею создания Кооперативного банка в Петрограде, отвергнутую Лениным.
80. Советско-германские дипломатические отношения были установлены после подписания Брестского мирного договора. Полпредом в Берлин с официальным статусом был назначен Иоффе. Перед началом германской революции — 4 ноября 1918 г. произошел инцидент. В багаже советских представителей якобы случайно были обнаружены листовки революционного содержания на немецком языке. 5 ноября германская сторона разорвала дипломатические отношения, а 6 ноября советские дипломаты были отконвоированы на железнодорожный вокзал и высланы. Переговоры о восстановлении отношений велись в последующие годы. В 1920 г. правительство РСФСР через своего представителя в Берлине В. Л. Коппа в очередной раз предложило начать переговоры. Но намеченная конференция не состоялась, и нормализация отношений не произошла. Телеграммы о готовности Германии восстановить прерванные дипломатические отношения среди опубликованных документов обнаружить не удалось. Лишь 6 мая 1921 г. путем обмена письмами между германским МИДом, с одной стороны, и представителем РСФСР Шейнманом, с другой, было заключено советско-германское соглашение о курьерской службе, согласно которому каждая сторона получила право назначать по 6 дипломатических курьеров. 15 ноября 1921 г. полпред РСФСР Н. Н. Крестинский вручил свою верительную грамоту рейхсканцлеру И. Вирту, однако был признан германской стороной лишь дипломатическим агентом. В полном объеме советско-германские отношения были восстановлены подписанием Рапальского договора в апреле 1922 года. Ссылка Красина на «революционный Гамбург» и на возможность увидеться в декабре свидетельствует, что письмо было написано в конце ноября 1918 года.
81. Речь идет о Г. А. Соломоне, являвшемся до ноября 1918 г. советским консулом в Гамбурге.

Александр I и проблема европейского согласия после Венского конгресса

В. В. Дегоев

«Поныне спорят вновь» о внешней политике Александра I, явно несущей в себе черты его противоречивого характера. Но очевидно одно: именно при нем западные границы России продвинулись на огромное расстояние (Польша, Финляндия, Бессарабия) и достигли своего максимума. А страна превратилась в некое подобие «сверхдержавы». Что касается неординарного внешнеполитического мышления Александра I, то оно всегда было и будет предметом для дискуссии.

После победы над Наполеоном I измотанные войнами европейцы жаждали покоя. Воспоминания о французской гегемонии — источнике непрерывного кровопролития конца XVIII — начала XIX в. — заставляли политиков искать такую форму организации Европы, которая обеспечила бы равновесие сил, приоритет общих интересов над частными, коллективное решение острых проблем. К убежденным сторонникам «теории» новой Европы принадлежал Александр I.

Еще в 1804 г. он выдвинул проект, согласно которому великие державы (после победы над Наполеоном I, тогда еще очень далекой) должны будут гарантировать друг другу сохранение новых государственных границ в Европе. Это означало, что любая попытка кого бы то ни было пересмотреть установленный порядок в свою пользу обязывала членов тетрархии («тетрархия» — власть четырех, в данном случае имеются в виду Англия, Австрия, Пруссия и Россия) объединиться против нарушителя, используя сначала моральное принуждение, а при необходимости — оружие.

Но и в 1815 г. путь к миру и согласно пролегал через дебри больших вопросов, в том числе — о судьбе Франции и дележе добычи, отнятой у нее.

Хотя все великие державы неустанно твердили о своем «бескорыстном» желании дать Европе длительный покой и благоденствие на основе справедливого распределения территорий и принципа равновесия, каждое правительство думало прежде всего о собственных интересах, выказывая мало желания поступаться этой конкретностью ради более абстрактных идей. Слишком велик был соблазн: тетрархам-победителям представился редкий случай крупно обогатиться за счет побежденной империи обширными землями, выгодными стратегическими позициями, материальными и людскими ресурсами. И тем самым заметно упрочить свое влияние в Европе и за ее пределами. Для того или иного государства лучшим казался тот способ устройства европейских дел, который максимально отвечал бы его

запросам. Лишь после их удовлетворения можно было перейти к обсуждению высоких международно-политических идеалов. Традиционной доктриной равновесия сил каждая сторона прикрывала свое, возможно непроизвольное, стремление к преимуществу над другими, ибо зачастую, как известно, государство склонно считать, что существующий баланс, даже когда он относительно устойчив, сложился не в его пользу, и оно, пытаясь это исправить, в действительности не восстанавливает, а нарушает его, возбуждая соответствующую реакцию у противника.

Каждая из великих держав имела свою, приспособленную к собственным интересам, программу решения европейских проблем¹. Эти четыре программы (России, Англии, Австрии и Пруссии), разумеется, отличались друг от друга: кое в чем они расходились совершенно, кое в чем — не столь безнадежно и кое в чем совпадали. Тетрархи были едины в признании необходимости лишить Францию возможности вновь угрожать миру и социально-политической стабильности в Европе. Условились отторгнуть от нее территории, завоеванные при Наполеоне, и вернуть её к границам 1791 года. На случай реванша предполагалось окружить Францию полукольцом буферных государств, которые бы сдерживали её. Одно из средств оградить континент от революционной и военной опасности, могущей в будущем исходить от этой страны, союзники видели в установлении в ней охранительного политического режима — монархии, желательно в лице Людовика XVIII. Этим, пожалуй, исчерпывались точки соприкосновения в программах победителей. Найти их в других вопросах, в частности связанных с разделом наполеоновских владений и сфер влияния, было гораздо труднее, а подчас, казалось, невозможно.

Александр I хотел создать цельную систему, способную обеспечить Европе «долгие годы мира и благоденствия». Главную предпосылку для этого он видел в материальном вознаграждении каждой из великих держав, пропорционально принесенным ею жертвам. Однако приращения должны соответствовать нуждам обороны государства и не достигать размеров, представляющих угрозу соседям. Победители поручались бы друг перед другом за неприкосновенность новых границ. Только на таких принципах, по мнению царя, можно было установить в Европе прочное равновесие и безопасные взаимоотношения. Для России, вынесшей основную тяжесть войны, Александр I требовал Польшу (откуда Наполеон совершил вторжение) в качестве компенсации и защитного барьера от потенциального нападения (возможность использования этой территории как плацдарма для собственной агрессии он исключал)². Там он собирался ввести либерально-конституционные учреждения, приспособленные к национальным особенностям поляков, чтобы тем самым оградить их от иностранного революционного влияния и «содействовать общему спокойствию». Пруссии, по плану Александра I, причиталась Саксония и часть земель на левом берегу Рейна. Он был заинтересован в известном укреплении этой державы, надеясь через неё контролировать ситуацию в Центральной Европе, где основу стабильности царь видел в восстановлении Германской конфедерации³. В этом образовании трем ключевым элементам — Австрии, Пруссии и малым немецким государствам — предстояло сдерживать друг друга. Александр I намеревался установить и сохранить такое равновесие, опираясь на дружбу с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом, родственные связи с южногерманскими дворами и преимущества, вытекавшие из геостратегического положения своих польских владений.

Ввиду огромных претензий Венского кабинета политика русского императора в отношении Германии в ближайшей перспективе негласно предполагала сдерживание именно Австрии, которую он готов был ограничивать и в других районах Европы: в частности в Италии — с помощью Франции, а в Турции — с помощью кого угодно. По отношению к Франции Александр I был самым умеренным и великодушным из союзников. Категорически возражая против унижения этой страны, он добивался смягчения предъявленных ей условий. Чтобы Европа могла чувствовать себя защищенной от французской революционной инфекции, Людовик XVIII, как

полагал русский император, должен обладать сильной властью в качестве гаранта спокойствия. Посему необходимо поддерживать, а не подрывать его авторитет извне. Вместе с тем Александр I настаивал на социально-политических уступках народу Франции в виде конституционной хартии, которую Людовик XVIII был вынужден вскоре дать своим подданным. И дело тут не только в либеральных фантазиях царя, как думал К. Меттерних, но и в весьма прагматическом желании со временем видеть Францию лояльным партнером России в её внешней политике.

Что касается восточного вопроса, то в российской программе он практически не значился, поскольку, во-первых, Александр I рассматривал его как отдельный предмет русско-турецких отношений, во-вторых, император не имел по поводу Турции иных планов, кроме сохранения статус-кво, и не предполагал активных действий, требовавших согласования с союзниками или, по крайней мере, уведомления их.

9 июня 1815 г. был подписан Заключительный акт Венского конгресса. После многолетней войны, упорных трудов политиков и дипломатов, распутывавших в течение долгих месяцев сложнейшие узлы европейских противоречий, был наконец установлен новый международный порядок. В его основе лежал принцип целесообразности в том виде, в каком он мыслился государственным деятелям того времени. Их задача состояла в достижении мира через максимально возможный компромисс между интересами великих держав, предполагавший относительно устойчивое силовое равновесие.

Идея легитимизма, но никак не идеи национального суверенитета и либерализма, представлялась тогда наиболее рациональным идеологическим средством для достижения этой трудной цели. Исходя из тех же прагматических соображений и реального соотношения сил на континенте союзники постановили не допускать второстепенные державы к обсуждению дел общеевропейского значения: их участие уже само по себе вносило дополнительные конфликтные элементы и усложняло процедуру принятия решения. Если бы Венский конгресс попытался поставить во главу угла не утилитарные принципы равновесия и легитимизма, принадлежавшие XVIII веку, не систему международных соглашений, объединивших Европу против Наполеона, а тогда ещё аморфные идеи национального суверенитета и демократии, плохо понимаемые и народами и политиками, то результаты такого эксперимента, как предполагают некоторые исследователи, были бы плачевными. Поэтому нет ничего удивительного, что государственные деятели 1815 года предпочли принести в жертву политической целесообразности то, что в общественном сознании ассоциировалось с Французской революцией, Наполеоном и его войнами ⁴.

Постановления Венского конгресса подверглись резкой критике многих современников и историков. Первые предъявляли целый перечень того, что, с их точки зрения, было сделано не так, как нужно или не сделано вовсе. Зачастую одна и та же проблема одним представлялась решенной хорошо или удовлетворительно, другим — плохо. Все зависело от политических взглядов, социального положения и национальной принадлежности того, кто давал оценку. Как правило, Венской системе прочили недолгую жизнь. Что касается историков, то над их критическим мнением довлела ещё и современность, из которой они смотрели на Венский конгресс, — с её уже состоявшимся прошлым, с её опытом и знанием о том, «чем все это закончилось», с её новыми реалиями и ценностями, и скептически судили о мыслях и поступках политиков начала XIX в. с точки зрения современного менталитета, а не тех условий, в которых им приходилось действовать.

Александр I, воспитанный в либеральном духе, исполненный веры в свою богоизбранность и не чуждый благих порывов, хотел прослыть не только освободителем, но и реформатором Европы. Ему не терпелось даровать континенту новый миропорядок, способный уберечь от катаклизмов. Так под рукой царя родился Акт о Священном союзе — странное произведение, вызвавшее у современников и историков недоумение (своей совершенно неуместной для политического документа поэтикой в стиле Евангелия) и осуждение (своим последующим практическим применением).

Однако реальное воплощение Акта, каким бы одиозным оно ни было, вовсе не исключает, что за этой смесью пафоса, мистики и вычурности скрывался грандиозный честолюбивый замысел царя: объединить европейские страны в цельную структуру, подчинить отношения между ними нравственным принципам, почерпнутым из христианской религии («высокие истины», «заповеди любви, правды и мира»), включая братскую взаимопомощь государей в защите Европы от последствий человеческих «несовершенств» — войн, смут, революций — «для счастья колеблемых долгое время царств» и «блага судеб человеческих» ⁵.

Поскольку Акт о Священном союзе был составлен в форме мало к чему обязывающей моральной декларации, а не в строгих выражениях международно-правового трактата, к нему присоединились почти все европейские правительства. Одни — из уважения к этой невинной причуде русского императора, другие — из стремления использовать витиеватые положения этого манифеста в собственных целях. Отказались от подписания лишь Англия и Ватикан. (Англия усмотрела в словах о «едином народе христианском» тайный призыв к войне против турок, а римский папа — покушение на свою духовную власть над католиками.) Но даже державы, признавшие Акт о Священном союзе, сохранили подозрения по поводу тайных замыслов России. Александр с пророческой страстностью разъяснял свои мотивы европейским правителям — чтобы «рассеять ложные слухи и толкования», «порождаемые нашим испорченным веком». «Злой гений, — писал он, — ...видимо, снова пытается приписать этому соглашению некие политические виды, столь же мало совместимые с продиктовавшими его чистыми намерениями, сколь и противные той благотворной цели, к достижению коей оно предназначено». Император заявлял, что его высшая цель состоит в том, чтобы сделать такие «охранительные заповеди», как «принципы мира, согласия и любви» фундаментом международного права ⁶.

Идеологию Священного союза он считал беспрецедентным политическим «учением», проникнутым духом религии и морали. Если благодаря постановлениям Венского конгресса «в цивилизованном мире вновь вступил в силу кодекс публичного права, необходимого для сосуществования наций», то Акт от 14(26) сентября 1815 г. дал этим постановлениям нравственную опору и «гарантию их нерушимости». Александр I стремился «придать этому Акту большее реальное значение и эффективность, переведя его из сферы совести и мысли в область государственных интересов и сделав его активной силой» ⁷.

Он призывал «постепенно покончить с создавшимся в политике пагубным заблуждением о том, что между народами существует естественная и неизбежная вражда». Александр I особо подчеркивал, что Священный союз никому не угрожает; это добровольное объединение «всех без различия христианских правительств», ощутивших «благотворное воздействие» идей мира и согласия, но они «никого не порицают и не обязывают отчитываться по поводу тех государственных соображений, которые могли бы побудить кого-либо не присоединиться к Акту официально». Император постоянно повторял мысль о том, что Священный союз «выше всяких случайных интересов», «делает бесполезным разного рода обособленные, сепаратные соглашения», создает гарантию «душевного спокойствия и братства государей и народов». Александр I отвергал и подозрения о наличии антимульманской (антитурецкой) подоплеки в этом документе. Он просил европейские кабинеты принять участие в дружеских демаршах перед Портой с целью успокоить ее ⁸.

Осознавая растущее влияние общественного мнения в Европе, Александр I стремился донести свои идеи не только до монархов, но и до народов. Русские дипломаты получили указание: воздействуя в соответствующем духе на английские, французские, германские, бельгийские и итальянские периодические издания, следить за тем, чтобы цели и принципы российской внешней политики не подвергались злонамеренному искажению и своевременно становились известными повсюду. Они, как говорилось в инструкциях, неизменны и свободны от всякой двусмысленности, а посему и пропагандировать их надо «искренне и чистосердечно» ⁹.

Акт о Священном союзе — возможно, самый необычный документ в анналах дипломатии — вызвал нескончаемые споры среди историков. Они стремились расшифровать его не только как политический текст, но и как образ мыслей Александра I. Серьезных исследователей давно уже не удовлетворяют оценки, данные Акту современниками — К. Меттернихом («звонкое ничто»), Р. Каслри («смесь мистицизма с высокой риторикой»), Ф. Энгельсом («союз монархов против народов») и другими¹⁰. Эти с виду эффективные афоризмы по сути предлагают чересчур простые объяснения. Необоснованными представляются и адресованные Александру I обвинения в лицемерии и обмане: за благочестивой риторикой царя якобы скрывались широкие планы установления русского господства в Европе, в частности, намерение захватить Константинополь, занять место Наполеона на европейской арене, сокрушить Британскую империю. Едва ли более убедительно выглядят предположения о том, что Акт о Священном союзе был лишь побочным продуктом случившегося у царя очередного приступа мистицизма, хотя нельзя отрицать подобных психологических мотивов в действиях Александра I. Страдают явным упрощенчеством традиционные попытки поставить во главу угла проблему выяснения точного соотношения между либерализмом и консерватизмом (реакционностью) в Александре I, попытки, которые обычно приводят к однозначному выводу о безнадежном поправении «слабого» русского императора под влиянием «сильного» Меттерниха.

Быть может, в каждом из этих подходов есть своя целесообразность и своя доля истины. В конце концов из совокупности разных точек зрения, в том числе взаимоисключающих, складывается научное знание о предмете. Однако приведенным суждениям об Александре I, как нам кажется, свойственны два общих порока. Во-первых, все они в той или иной степени идеологизированы, ибо принадлежат людям, которые по многим причинам не могли освободиться от идеологических штампов своего времени, своего государства, своего класса, партии и т. д. Во-вторых, в этих оценках сквозит стремление свести личность Александра I к ясному и чуть ли не одномерному образу, то есть претензия на полное понимание того, чего до конца понять невозможно — феномена человека у власти. В случае с Александром I этот феномен усложняется непростыми условиями формирования его личности и трагическими обстоятельствами восшествия на престол.

Не рискнув официально признать Акт о Священном союзе, возможно, таивший антитурецкий подтекст, британский государственный секретарь Каслри сочувствовал его общей идее о необходимости согласованной политики европейских держав в целях предотвращения войн и верил в искренность Александра I¹¹. Такое настроение было характерно и для других участников Венского конгресса, но они предпочитали выразить его в более общепринятой и понятной форме международно-правового документа. Этим документом стал Парижский договор 20 ноября 1815 г. (так называемый второй Парижский договор), констатировавший образование новой европейской системы, фундамент которой составил союз между Россией, Англией, Австрией и Пруссией, взявший на себя контроль над делами Европы во имя сохранения мира.

Видную роль в разработке указанного соглашения сыграл Каслри. Ему, в частности, принадлежит авторство статьи 6-й, предусматривавшей периодический созыв совещаний представителей великих держав на высшем уровне для обсуждения «общих интересов» и мер по обеспечению «покоя и процветания наций». Это дало некоторым историкам основание считать Каслри творцом «системы конгрессов»¹². Он отстаивал эту систему в убеждении, что она упростит решение сложных дипломатических задач, ибо высокий уровень представительства открывал возможности выяснять отношения лицом к лицу, в откровенной обстановке, и быстро приходиться к соглашению. Александр I также предпочитал нотам, меморандумам и переписке дипломатию личного общения, как более эффективную.

Но не только поэтому он воспринял содержавшиеся в договоре 20 ноября идеи с удовлетворением: по-видимому, в глубине души он

осознавал, что его творение — Акт о Священном союзе — нуждается в переводе на доступный политикам язык. Похоже, царь считал эти два документа дополняющими друг друга. Неслучайно он говорил о необходимости придать Акту «большее реальное значение и эффективность», для чего и нужна была иная стилистика и иные формулировки. В каком-то смысле, дух Акта передавался буквой Парижского договора 20 ноября. Александр I готов был не только выполнять конкретные обязательства Парижского соглашения, но и превратить их в широкую основу для чего-то такого, что напоминало бы европейскую конфедерацию или сверхгосударство.

Длительное умиротворение Европы в рамках тех реальностей, которые сложились в результате победы над Наполеоном, в целом отвечало интересам практически всех великих держав континента. Но они хотели обеспечить его с помощью официальных дипломатических договоров, имевших характер взаимных обязательств и юридически закреплявших новую расстановку сил¹³.

Общий базис для подобного соглашения — необходимость коллективного надзора над Францией для пресечения попыток реванша — нашли без особого труда: страх перед этой державой был весьма живуч. Союз между Россией, Австрией, Пруссией и Англией, заключенный 20 ноября 1815 г., сплачивала идея сдерживания Франции, пока ещё считавшейся наиболее вероятным источником потрясений. И все же их альянс не мог быть прочным и долговечным. В нем помимо сил притяжения действовали силы отталкивания, во многом порожденные самим фактом существования России — могущественной с военной точки зрения, и влиятельной — с моральной. Статс-секретарь по иностранным делам И. А. Каподистрия писал в феврале 1817 г., что самые видные государственные деятели (Европы. — В. Д.) одержимы идеей возведения внушительных барьеров против России».

Однако Александр I, все это понимая, вел себя так, будто не замечает этой политики. Русским дипломатам за границей разъяснялось, что император по-прежнему намерен отвечать на планы, направленные против России, тщательным соблюдением существующих договоров и, главным образом, Акта о Священном союзе, который он рассматривал как «краеугольный камень восстановления Европы». Пусть Австрия интригует против России в германском вопросе, стремясь изолировать её. Пусть Англия поощряет австрийские аппетиты в Италии и Иллирийских провинциях. Пусть она ищет сближения с Персией, чтобы преградить русским дорогу на Восток. Все это — малоприятные явления, но император не собирается делать из них трагедию и воспринимает с пониманием позицию противоположной стороны. Он «не усматривает в этом никаких оснований для беспокойства, поскольку... твердо решил ни в коем случае не нарушать по собственному почину мир с соседними державами»¹⁴.

Разъясняя российским дипломатам за границей сущность политики Александра I, Каподистрия отмечал, что в истории человечества не было эпохи, сравнимой с той, которая наступила после Венского конгресса. Впервые мирный договор, подводящий черту под 25-летней войной, преследовал единую для всех держав цель и ознаменовал торжество общих интересов над частными. Не следует ли из этого, что и последствия этой войны — в виде Заключительного Акта и других соглашений — также окажутся уникальными и обеспечат беспрецедентное долголетие принципу всеобщего союза на основе «лучшей побудительной причины» — сохранения мира, выгодного для всех? Взаимный страх и честолюбивые виды отдельных государств уступят место доверию, подкрепленному обязательствами правителей строго соблюдать международное право и моральными обязательствами перед Всевышним. Это, как надеялся Каподистрия, послужит и гарантией защиты второстепенных государств от произвола великих держав. Злоупотребить подобной ролью они не смогут, ибо влияние их проявляется не иначе как коллективно и с опорой на существующие договоры, что и послужит порукой безопасности слабого перед лицом сильного¹⁵.

Впрочем, Александр I советовал своим представителям в Европе не предаваться иллюзиям; общее миролюбивое направление российской внешней политики не должно склонять их к бездеятельности. Напротив, нужна «бдительность и постоянное внимание ко всему вплоть до малейших деталей», чтобы вовремя распознать признаки перемен, указывающих на активизацию агрессивного начала в антирусских альянсах¹⁶. Тем не менее тенденция к согласию и компромиссам преобладала над недоверием.

Отстаивая мир в Европе не только по моральным, но и по рациональным соображениям, как наименее дорогостоящий способ ведения политики, Александр I, выступил со смелой и необычной инициативой. В марте 1816 г. он в конфиденциальном порядке обратился к Каслри с идеей об одновременном пропорциональном разоружении европейских держав. Прежде чем выносить проблему на обсуждение других государств, царь хотел знать мнение Англии¹⁷. Не Австрии и Пруссии, более близких России по политико-социальному строю, идеологии, географическому положению и династическим связям, а именно Англии. Англию Александр I рассматривал как единственного равного России по могуществу партнера-соперника, с которым можно и должно было решать глобальные проблемы. Остальные державы, как предполагалось, уже нетрудно будет склонить к тому, о чем договорятся эти два гиганта.

Лондонский кабинет, формально не возражая против предложения о разоружении, фактически отклонил его как нереалистичное. Было указано, что европейские страны находятся в совершенно разных естественно-географических условиях, ввиду чего возникали непреодолимые трудности для сокращения армий, сопряженные с установлением уровня их достаточности. Обойдя вопрос о собственных морских силах, Англия поставила другой — об одностороннем разоружении России. Александр I готов был пойти и на такой шаг, но тревожно складывавшиеся внешнеполитические обстоятельства заставили его воздержаться¹⁸.

В отказе Англии нет ничего удивительного и неожиданного. Удивительным и неожиданным было само предложение Александра I, хозяина огромной империи, способной держать в боевой готовности миллионную армию. Не сомневаясь в искренности царя, Каслри был озадачен столь дерзкой и беспрецедентной инициативой и, казалось, не знал, как реагировать.

Судя по документам, российские дипломаты весьма скептически относились к миротворческим установкам императора и его «философическим взглядам» на международные проблемы. Посол в Вене Г. А. Штакельберг в личном письме Каподистрии отмечал, что человечество могло бы жить спокойно, если бы все государи, подобно Александру I, руководствовались идеями Священного союза. На практике, к сожалению, дело обстоит иначе, чем в теории: своими военными ресурсами и статусом, приобретенным после 1815 г., Россия возбуждает зависть и беспокойство великих держав, которым трудно поверить, что рано или поздно это могущество не будет использовано против них. Никакая религиозно-просветительская риторика не успокоит их. Поэтому в Европе, вместо братского согласия правителей, царят страх и подозрения, грозящие ей расколом на противоборствующие союзы. Польша — постоянный источник тревоги для Австрии и Пруссии. Вена занимается подстрекательством против России в восточном вопросе, причем в Лондоне — с полным успехом. Англия опасается русского покушения на Индию и Средиземное море (через приобретение Менорки). По мнению Штакельберга, конца этой «презренной» практики раскола «тенденция века, увы, не позволяет предвидеть»¹⁹.

Особую тревогу в Европе вызывали два главных источника потрясений: революции (социальные и национальные) и восточный вопрос. Готовые противодействовать таким опасностям, державы не могли внести равный вклад в общее дело. Одним не хватало для этого мощи, другие не вполне удовлетворялись итогами антинаполеоновских войн. Хотя пять (вместе с Францией) европейских держав и именовались великими, они вышли из эпохи борьбы против французского господства с разным материальным и моральным потенциалом.

Ни внутреннее состояние, ни внешняя политика Австрии, Пруссии и Франции не позволяли думать, что именно они определяют ситуацию на континенте, что именно за ними решающий выбор между войной и миром. Недостаточно сильные, чтобы сдерживать распространение революционных движений и, особенно, распад Турции, они, в сущности, не могли ни сохранить, ни нарушить мир. Конечно, объединившись, эти три государства стали бы мощным союзом. Но взаимные противоречия (австро-французские в Италии, Швейцарии, Турции, франко-пруссские на Рейне и австро-пруссские в Германии) исключали этот вариант.

Огромная заслуга в послевоенном устройстве Европы принадлежала России и Англии — двум подлинным «сверхдержавам» того времени²⁰. Близость их позиций в одних вопросах или взаимная уступчивость в других, наряду с их сильным влиянием на остальные страны, смягчали опасную напряженность, открывали конструктивные пути. Осознавая это, Александр I связывал перспективу предотвращения войн и революций с возможностью партнерства; Англию он был склонен признать вторым, после себя, реальным гарантом европейского мира и стабильности.

Царь предлагал тесное русско-английское сотрудничество в строительстве новой Европы без войн, революций, угнетения народов, где восторжествует дух просвещения, закона и справедливости, где общее благо никогда не будет принесено в жертву частным выгодам. Александр I полагал, что есть все предпосылки для такого альянса: Россию и Англию объединяют величие и слава, опыт политических и торговых связей, особые заслуги в освобождении континента от наполеоновского владычества. Почему бы сложившиеся во время войны союзнические отношения не продолжить в мирное время во имя великой цели? Он призывал Англию к сближению с Россией на основе «взаимных реальных выгод и оказываемых ими друг другу услуг», ибо этим странам «суждено быть вместе»²¹.

Император придавал большое значение «укреплению уз дружбы и доброго согласия» между Россией и Англией. Сложившийся в Европе «порядок вещей», по мнению Александра I, возлагал на петербургский и лондонский кабинеты ведущую роль в поддержании «равновесия и спокойствия». Он указывал на существование между Россией и Англией «самой широкой общности взглядов и единства мнений»²². Царь приглашал Каслри к сотрудничеству во имя мира и спокойствия в Европе, подверженной брожению умов и социальным волнениям, которые в свое время были спровоцированы общим подъемом национально-освободительных сил в борьбе против Наполеона. Русско-английское согласие, по мысли Александра I, нисколько не противопоставлялось Священному союзу, а напротив, усиливало его, независимо от того, захочет ли (или, скорее, сможет ли) Каслри формально присоединиться к нему или нет.

На конгрессах Священного союза Александр I мог бы без труда взять на себя руководящую роль в принятии принципиальных решений. Однако он, стремясь к единству и согласованности действий великих держав, избегал злоупотреблять положением самого могущественного государя Европы и подчинять других своей воле. Ощущение собственной силы и завоеванный им высокий авторитет миротворца и приверженца «концертной» дипломатии, которым он очень дорожил, побуждали его уступать и даже намеренно ступать там, где достаточно было лишь соответствующей интонации, чтобы добиться своего. Непоколебимым Александр I остался в одном пункте: Австрии надлежало от имени Священного союза наводить порядок в Италии, а французским войскам от имени Европы подавлять мятеж в Испании²³.

Император имел основания полагаться на готовность Англии к негласному сотрудничеству со Священным союзом. Хотя Каслри продолжал на словах порицать принцип вмешательства, в действительности он поддерживал жесткую контрреволюционную стратегию. Не случайно Меттерних писал, что политика Священного союза в Европе подкрепляло охранительное влияние Англии на континент²⁴.

Александр I был не только романтиком, но и прагматиком. Увлеченно, порой даже вдохновенно отдаваясь политике создания европейского «кон-

цера», он тем не менее видел противоречия внутри него, в частности, весьма устойчивое единение Англии и Австрии в восточном вопросе, направленное против России. Это вынуждало и царя искать союзников, и тут наиболее подходила на эту роль Франция, к которой Александр I испытывал симпатию. На Венском конгрессе он заставил членов антинаполеоновской коалиции ограничиться довольно сдержанными для той ситуации требованиями к французскому правительству, предупредив их о своей готовности «скорее довести дело до последней крайности», чем согласиться с чрезмерными претензиями, «подсказанными пристрастием или алчностью»²⁵.

Унижать Францию новыми территориальными претензиями и строить политику по отношению к ней на недоверии Александр I считал недопустимым; принять такую систему означало бы признать торжество силы над международным правом, моралью и справедливостью. Царь просил союзников понять, что перед ними уже не та Франция, которую нужно карать. Теперь это была истерзанная войнами, ослабевшая страна, оккупированная чужими армиями. Необходимо не наказывать её, а спасти, во имя того же европейского благополучия, путем восстановления и оказания поддержки законным институтам власти (Людовик XVIII), разумно ограниченным представительными учреждениями. Если больно задеть чувство национального достоинства французов, то возможна реакция «грозная и неотвратимая» в виде хаоса и анархии, грозящих перекинуться на другие страны. Общим следствием подобного развития событий стало бы разрушение европейского «концерта», призванного «благодарной... силой сплочения» сохранять мир и «направлять к единой цели ту беспокойную активность, которая так характерна для нашего века». Александр I предупреждал, что, стремясь к усилению своей безопасности за счёт отторжения от Франции новых территорий и превращения их в оборонительный барьер, её соседи в перспективе обрекают себя на противоположный результат, ибо над ними постоянно будет висеть дамоклов меч реванша. Царь не отказывался от идеи коллективного надзора Европы над Францией, прежде всего с помощью оккупационных войск, но лишь до тех пор, пока в стране не устоятся законность и порядок. Не отрицал Александр и нужды в пересмотре французских границ, в военной контрибуции, однако настаивал на умеренности, вовсе не собираясь потворствовать аппетитам Пруссии²⁶.

Своих представителей на конгрессе он инструктировал так: если Людовик XVIII, приняв общие принципы мирного соглашения, отвергнет какие-то частные требования, Россия воевать с ним не станет. Царь обещал «не допустить, чтобы была пролита кровь моих подданных за притязания, которые не оправданы ни справедливостью, ни интересами моей империи». Одним словом, главное ему виделось в том, «чтобы совместить высшие интересы безопасности Европы с условиями, необходимыми для будущего спокойствия Франции, поддержания достоинства её правительства и упорочения её конституционной хартии»²⁷.

Отнюдь не пренебрегая революционной опасностью, Александр в то же время советовал российским дипломатам в европейских странах не преувеличивать ее: «Было бы все же неуместно видеть целые концепции там, где всего лишь много шума, и усматривать опасности там, где есть одно лишь желание их создать»²⁸.

Отношение Александра I к Франции не было бескорыстным, но по крайней мере оно отличалось дальновидностью и реально учитывало тот факт, что долго держать Парижский кабинет в изоляции и невозможно и нежелательно. После Венского конгресса Александр I прилагал усилия к стабилизации внутреннего положения во Франции путем восстановления принципа легитимизма в качестве опоры общественного порядка. Процесс реставрации «не может не оказать могущественного влияния и на спокойствие других наций, только что возвращенных их прежним государям. Убежденный в этой истине, я не перестаю уделять самое пристальное внимание политике французского правительства», — писал царь²⁹.

Вместе с тем, не считая саму по себе реставрацию Бурбонов гарантией политической устойчивости, он требовал от Людовика XVIII уважения

к конституционной хартии и склонял его, во избежание новой революции, отмежевываясь от ультрароялистского большинства в Бесподобной палате и привлечь в органы власти умеренно-либеральные элементы. Александр I имел в виду «дать Франции воочию убедиться в единстве действий четырех правительств, в их твердой решимости следить за сохранностью европейской системы»³⁰.

Политические взгляды Александра I претерпели сложную эволюцию. На Венском конгрессе и сразу после него царь, к неудовольствию Каслри и ужасу Меттерниха, открыто поощрял либерализм во Франции, Италии, Германии³¹. Однако затем, испугавшись революционного брожения, он тяготел к консерватизму. На Аахенском конгрессе царь ставил вопрос об ограждении «благотворной системы» мира от всяких посягательств не только со стороны французской, но и любой другой революции. Для этого он предложил участникам европейского «концерта» укрепить свои узы взаимными гарантиями неприкосновенности «прав и владений в том виде, в каком эти права и владения признаны, определены и утверждены Заключительным актом Венского конгресса и Парижским договором 20 ноября 1815 года». При этом основу такого соглашения император видел «в духе и букве» Священного союза³².

Его идиллическая мечта о единой Европе, благоденствующей под отеческой опекой мудрых, просвещенных и либеральных монархов, постепенно разрушалась от соприкосновения с жестокой реальностью. Жизнь оказалась гораздо сложнее умозрительных представлений о способах её наилучшего устройства и слишком неподатливой для прекраснодушных намерений. Как говорил австрийский дипломат Ф. Генц, «невозможен совершенный порядок вещей... при вполне развращенном поколении»³³. Царь приходил к пониманию того, что мир сберегается не только чистыми помыслами, но и черной работой по искоренению смуты и анархии. Так идеалистическая концепция европейского «концерта» приобрела прагматическую, охранительную сущность. Опасаясь усугубить разногласия в Венской системе, он зачастую предпочитал попросту игнорировать их. Александр I знал, что в восточном вопросе шло направленное против России сближение между Англией и Австрией, но вел себя так, будто он не придавал этому значения, дабы не дать вылиться наружу противоречиям, способным расстроить европейский «концерт»³⁴.

Другой пример — традиционный спор о «святых местах» между греческой и католической церквами в Турции. Проблему, которая в начале 50-х годов XIX в. стала детонатором большой войны, Александр I решал в самом примирительном духе, и во многом поэтому она не выросла в реальную угрозу для мира. Высказав сожаление по поводу «неразумного рвения» одной стороны и «чрезмерных притязаний» другой, император предписал своему послу в Порте Строганову (декабрь 1818 г.) не допустить превращения религиозных распрей в политические. Приверженец христианского универсализма, он заявил, что «отнюдь не претендует на исключительные преимущества для лиц своего вероисповедания, совершенно несовместимые с духом миролюбия и кротости, которыми должны проникнуться все христиане». Как подчеркивалось в инструкции Строганову, Александр I руководствовался «строгой беспристрастностью» и высокой целью «заложить незабываемые основы системы истинно христианского равенства и братства между последователями обоих вероисповеданий»³⁵.

Серьезным испытанием для мира в Европе оказалось греческое освободительное движение, непосредственно угрожавшее целостности Османской империи. Нависшая над великими державами опасность вовлечения в греко-турецкую войну с перспективой перерастания её в общеевропейскую остро ставила перед ними проблему внешнеполитического выбора. Особенно трудным он был для Александра I. Принять идею Меттерниха и Каслри о том, что греки ничем не отличаются от итальянских или испанских бунтовщиков, поднявших руку на законную власть, означало слишком многое. За Турцией тем самым признавался статус неотъемлемой части европейской системы, гарантировавший ей целостность, защиту от внутрен-

них неурядиц силами Священного союза и, следовательно, полную свободу действий по отношению к немусульманскому населению. По сути это было ничто иное, как прикрытая охранительной фразеологией политика создания тепличных условий для османского деспотизма.

Потворство такой политике, не отвечавшей национальным интересам России, навлекло бы на Александра I обвинения в подчинении чужой воле и стоила бы ему, по меньшей мере, потери престижа внутри страны и во вне. В то же время открытая поддержка греков могла поссорить царя с Англией и Австрией и привести к европейской войне. Дело значительно осложнилось и его личным противоречивым восприятием греческого движения. С одной стороны, Александр I, напуганный революциями, испытывал чувство раздражения по отношению к людям, посмеявшимся посягнуть на легитимную власть монарха (султана) и поколебать устои мира в Европе. Коль скоро с формальной точки зрения вроде бы не было различия между греческими и другими смутьянами, всех их следовало наказать. Подобный подход не оставлял места для вмешательства в пользу инсургентов или употребления других форм противодействия османскому произволу. Вместе с тем император осознавал, что греки были не просто бунтовщиками, а христианами, борющимися за избавление от притеснений мусульман с верой в помощь великой православной державы. Он не мог не понимать, что применение к данному случаю принципов легитимизма и европейского «концерта» предполагало бы поощрение развязанного Портой геноцида греческого народа. Такого никогда не простило бы Александру I русское общество, да и он сам себе. Впрочем, все зависело от развития событий.

Казнь константинопольского патриарха и многих православных священнослужителей произвела на Александра I и всю Россию шоковый эффект. Демонстративно бросая вызов целому христианскому миру, Порта как будто испытывала пределы терпения царя. Своими действиями она ясно показывала, что воюет не с революционерами, а с греческим народом и его верой. Несмотря на крайнее возбуждение в политических кругах России и давление, оказываемое через влиятельных сановников, царь все же счел необходимым сделать ещё одну попытку урезонить Турцию, прежде чем прибегнуть к мерам, «которые подсказывает ему религия и чело-веклобие»³⁶.

Александр I не решался начинать против Турции дипломатически не подготовленную войну, зная, что таким шагом он резко противопоставит себя Англии и другим европейским державам и вызовет ответную реакцию. Невзирая на раздражение и ропот военной «партии» и высших сановных кругов, он продолжал придерживаться осторожной позиции. Переговорами с британским (и австрийским) правительством император готовил почву для более решительных действий. Император хотел знать, при каких обстоятельствах и на каких условиях державы Европы, и в частности Англия, будут готовы признать целесообразность выступления России против Турции.

Россия и Турция не доверяли друг другу и с подозрением относились к посредничающим государствам, которые отвечали им тем же. Александр I стремился снять недоверие по крайней мере между великими державами. Он не переставал убеждать Англию и Австрию, что в случае возникновения русско-турецкой войны будет соблюдать интересы европейского «концерта» и не преследовать таких целей, как расширение своих территорий или влияния³⁷.

Умелое противодействие России со стороны Англии и Австрии, сбалансированное давление на константинопольский и петербургский кабинеты, приведшее к взаимным уступкам, отодвигали (но не отменяли) перспективу войны на неопределенный срок. Александра I это вовсе не огорчило. Напротив, он старался показать свое невоинственное настроение. Уважая стремление союзников сохранить мир, он согласился доверить им посреднические функции в переговорах с Портой о восстановлении русско-турецких дипломатических отношений при условии, что не будет нанесен ущерб ни правам, ни достоинству России³⁸.

Продолжая терпеливую политику мирного, согласованного с союзниками урегулирования восточного кризиса, Александр I не настаивал на военном решении, но и не исключал его. К концу 1822 г. у императора, всегда сдержанного в применении силы, были особые причины предпочитать мирные средства. Даже если бы царь очень хотел объявить войну Турции, то канун Веронского конгресса с его трудным общеевропейскими проблемами был не самым подходящим для этого временем.

Поведение британского правительства и ряд других причин³⁹ все более истощали терпение Александра I. Не получая достаточной компенсации за свою уступчивость, наталкиваясь на жесткую и зачастую далеко не «концертную» политику Лондона, во многом поддерживаемого Веней, император был вынужден думать о мерах по защите национальных интересов России. Поскольку этим намерениям западные правительства противопоставили нечто вроде заговора, российские послы получили предписание заявить, что их император «полагает отныне бесполезным вступать в новые объяснения со своими союзниками по поводу турецких дел», в отношении которых ему остается руководствоваться «лишь правами и интересами своей империи в сочетании с принципами, которые всегда лежали в основе его политики в вопросах сохранения всеобщего мира и поддержания равновесия, установленного великими соглашениями 1814, 1815 и 1818 годов» Делая такое предостережение, Александр I все же сохранял готовность к компромиссам. Его дипломатам было велено пояснить, что царь никого не упрекает и не обвиняет, не желая смущать покой Европы — предмет, достойный «всяческих забот и осмотрительности»⁴⁰.

Заявление императора, обещавшее перестройку внешней политики России, ничего по сути не изменило. По его собственным словам, он был намерен по-прежнему придерживаться «выжидательной позиции». Однако стоила она даже Александру I, как известно, человеку невоинственному и гибкому, немалых усилий над собой. Сохранять сдержанность на его месте становилось невероятно трудно. У правителей Турции сложилась уверенность, что можно безнаказанно игнорировать требования Петербурга, поскольку он, имея против себя великие державы, будет избегать столкновения любой ценой. Поведение Порты вышло за рамки дипломатического приличия⁴¹, как будто умышленно закрывая все пути мирного разрешения конфликта.

Со своими континентальными союзниками Александр I продолжал говорить привычным языком, взывая к благодетельным идеалам европейского «концерта» и не теряя надежды на плодотворное сотрудничество. Хотя Александр I объявил союзникам о прекращении всяких дискуссий о восточных делах, полуофициальные беседы российских послов в Вене, Париже, Берлине и Лондоне продолжались. Это была вполне разумная тактика: Петербург нуждался в достоверной информации о планах великих держав, чтобы вовремя реагировать на них и по возможности видоизменять в свою пользу. По той же причине и европейские правительства были заинтересованы в поддержании дипломатического общения с Россией, от намерений которой зависело слишком много.

В таком состоянии находились европейские дела, когда в Петербург из Таганрога пришло сообщение о смерти Александра I. С этой загадочной личностью была связана целая эпоха в истории внешней политики России. Свидетель и в каком-то смысле жертва европейских потрясений времен Наполеона, он увидел свое высшее предназначение в искоренении зла, породившего трагедию; царь стремился обрести славу, равную наполеоновской, если не превосходящую. Его честолюбивый ум нашел блестящее решение задачи: коль уж нельзя повторить своего гениального противника, нужно стать великим антиподом ему. Войне, разрушению, беспорядку следовало противопоставить мир, созидание, гармонию; идее насильственного объединения Европы под эгидой революционной Франции — добровольный европейский союз, основанный на согласии и охранительных принципах. Там, где Наполеон говорил языком диктатора, Александр мягко убеждал. Один гордо провозглашал верховным законом свою волю, другой

нарочито демонстрировал смирение перед волей провидения. Александр, как и Наполеон, добивался власти над государями и народами, но иначе — внушением к себе любви, а не страха⁴².

Впрочем, при всей непохожести этих выдающихся политиков, обоих связывала постигшая их неудача, проистекавшая из одного источника: Европа была готова к александровским преобразованиям не больше, чем к наполеоновским. Постоянно раздвоенный между мечтой и действительностью, царь страстно желал примирить далеко не всегда примиримое — интересы собственной империи, требовавшие, зачастую, жесткого, самостоятельного курса, с идеей европейского «концерта», предполагавшей согласованные действия и взаимные жертвы его участников. Александр чувствовал себя лично ответственным за сохранение Венской системы, призванной обеспечить безопасность на континенте. Во имя этой идеи он, наперекор русскому «общественному» и сановному мнению, шел на крупные уступки, ожидая в нужный момент взаимности от союзников. Пентархия мыслилась императору как некий джентльменский клуб, где должны были царить особый дух, определенные правила поведения, взыскательный кодекс чести. Однако западноевропейские члены этой корпорации охотно принимали доктрину Александра в той степени, в какой она помогала им устраивать собственные дела. Но эту концепцию сразу же обращали против её автора, когда тот пытался отстаивать интересы собственного государства.

Если в вопросе о борьбе с революцией союзники находили общий язык, то в восточном вопросе между ними существовали серьезные противоречия, самые опасные из которых — русско-английские — потенциально грозили объединением великих держав против России. Александр усматривал верный способ предотвращения такой перспективы в том, чтобы сделать из главного соперника — Англии — главного партнера, заключив двустороннее взаимовыгодное соглашение с последующим присоединением к нему (или без такового) других кабинетов.

К концу царствования Александра признаки сближения между Петербургом и Лондоном были очевидны. Как было очевидно и крайнее обострение русско-турецких отношений, достигшее едва ли не точки разрыва. В том, что разрыв мог произойти в любой момент, вроде бы не оставалось сомнений. Ряд дипломатических документов вводит в соблазн принять почти как доказанный тот факт, что у Александра, накануне кончины, созрело решение воевать с Турцией. Однако историк не имеет права на такое утверждение, каким бы правдоподобным оно ни выглядело, поскольку царю так и не довелось начать войну. Судьба «милостиво» избавила его от мучительного выбора между ненавистной ему войной и желанным миром, сохранить который ему не давали.

При всех очевидных недостатках Венской системы, этим первым и не самым неудачным опытом создания механизма коллективной безопасности Европа во многом обязана великим иллюзиям Александра I. «Император-романтик» мечтал построить международные отношения не только на правовой, но и нравственной почве, облагородить моралью жесткую и циничную сферу внешней политики. В этом — и высокий гуманистический пафос и утопизм его доктрины Священного союза.

Примечания

1. См.: История внешней политики России. Первая половина XIX века. М. 1995, с. 120—132).
2. Даже весьма критически настроенные к России западные обозреватели того времени признавали за ней «законное» право иметь и контролировать некую буферную территорию, отделявшую ее от вовсе не безобидной Европы. Присоединение Польши они рассматривали как разумный ответ на насущные требования геополитической безопасности России (PRADT D. The Congress of Vienna. Philadelphia. 1816, p. 132).
3. См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1 (ВПП). Т. 8. М. 1972, с. 210—211, 511.
4. WEBSTER CH. K. The Congress of Vienna 1814—1815. Lnd. 1963, p. 164—165, 167.

5. ВПР. Т. 8, с. 518.
6. Там же, т. 1 (9), с. 155, 116.
7. Там же, с. 155.
8. Там же, с. 641, 116.
9. Там же, т. 2 (10), с. 241, 772.
10. В последнее время эти традиционные клише подверглись переосмыслению и в отечественной историографии, прежде весьма к ним склонной. См.: ДОДОЛЕВ М. А. Венский конгресс в современной зарубежной историографии. — Новая и новейшая история, 1994, № 3; Россия в XVIII—XX веках. Страницы истории. М. 2000; и др.
11. ВПР. Т. 1 (9), с. 688.
12. WEBSTER CH. K. Op. cit., p. 162—163.
13. ВПР. Т. 1 (9), с. 695.
14. Там же, с. 452, 453 (см. также: т. 2 (10), с. 110, 158); т. 1 (9), с. 453. В инструкции Александра I (от 12/24 января 1818 г.) вновь назначенному русскому посланнику в Вене Ю. А. Головкину говорится: «Принципы, составляющие основы политики моей империи, остаются неизменными в отношении всех европейских держав; цель, которую моим посланникам поручено достичь на занимаемых ими постах, равным образом остается единой и неизменной: поддерживать мир, установленный договорами, сохраняемый благодаря взаимному доверию и упроченный заинтересованностью во всеобщем процветании. ...Я не могу начертать Вам иной линии поведения» (ВПР. Т. 2 (10), с. 158).
15. Там же, т. 2 (10), с. 771—772.
16. Там же, с. 453.
17. Там же, т. 3 (11), с. 553.
18. Там же, с. 774.
19. Там же, т. 2 (10), с. 489.
20. Таково мнение непосредственных наблюдателей Венского конгресса и более поздних исследователей (см. например: PRADT D. Op. cit., p. 185; PIRENNE J.-H. La Sainte-Alliance. Vol. 1. Neuchatel. 1946, p. 209—213 and passim).
21. ВПР. Т. 8, с. 148.
22. Там же, т. 8, с. 378, 472. Русский посол в Лондоне граф Х. А. Ливен заметил и с английской стороны желание «пребывать с нами (Россией. — В. Д.) в полном согласии» по поводу проблем умиротворения Европы (там же, с. 522).
23. Там же, т. 5 (13), с. 57, 687.
24. Там же, т. 4 (12), с. 45—46, 626; т. 1 (9), с. 709.
25. Там же, т. 8, с. 472; ср.: ДЕБИДУР А. Дипломатическая история Европы. М. 1947, т. 1, с. 110—111.
26. ВПР. Т. 8, с. 486, 487. Российское Министерство иностранных дел убеждало Пруссию ограничить свои непомерные претензии, подчеркивая, что расчленение Франции нарушило бы европейское равновесие и «породило бы в душе каждого француза и самого короля желание воспользоваться первым же удобным моментом, чтобы вернуть отнятое» (там же, с. 467—468).
27. ВПР. Т. 8, с. 508, 521.
28. Там же, с. 512.
29. Там же, с. 156.
30. Там же, т. 3 (11), с. 689, 809.
31. Английский историк Ч. Уэбстер писал, что на Венском конгрессе Александр I был единственным, кто проявлял сочувствие либеральным идеям. Для остальных государственных деятелей они означали лишь анархию и революцию. В том числе и для британских министров из торийского кабинета, которые втайне поощряли ограничение конституционных свобод в своей стране (WEBSTER CH. K. Op. cit., p. 166).
32. ВПР. Т. 2 (10), с. 591.
33. Цит. по: ДЕБИДУР А. Ук. соч. Т. 1, с. 174.
34. ВПР. Т. 2 (10), с. 249.
35. Там же, с. 601.
36. Там же, т. 4 (12), с. 178.
37. Там же, с. 474, 494, 512, 369.
38. Там же, с. 709. В искренности Александра I не усомнился даже Меттерних, отметивший, что царь принес общественное мнение в жертву своему миролюбию (там же, с. 710).
39. Там же, т. 5 (13), с. 581—582.
40. Там же, т. 6 (14), с. 275, 269.
41. Там же, с. 274—275, 264.
42. См.: УЛЬЯНОВ Н. И. Северный Тальма. Вашингтон. 1964.

Религиозные брожения в Османской Боснии во второй половине XVI в.

С. Илич

В религиозной жизни балканских стран в период османского господства особое место занимала Босния, где ислам принял наиболее ортодоксальные формы, а потому отклонения от официальной суннитской догмы встречались там неблагоприятно. Босния дала Османской империи несколько имен, которые стоят в первых рядах представителей суннитской ханифитской теологической мысли, в первую очередь, — Хасана Кяфи Прущака.

Принято считать, что дервишские братства шиитской ориентации, такие как рифаиты или бекташизм, никогда не имели в Боснии легитимного статуса. Это верно в отношении рифаитов. Однако к бекташи относились толерантно и их деятельность не запрещалась, хотя они и не вызывали особой симпатии у ортодоксальных мусульманских богословов (улемов). Их вариант народного тасаввуфа (мистицизма) заполнял пустовавшее пространство между верой и суперстицией, создавая своего рода синтез исламских верований и неисламских традиций. Именно поэтому бекташизм органично вписывался в сложившуюся здесь религиозную систему, придав ей компактность и прочность.

По всей видимости, гораздо большую опасность османские власти видели в религиозных движениях, возникших в Боснии в конце XVI в. в результате распространения учений хамзавийского и хуруфитского братств. Это следует из той жестокости, с которой власти расправлялись с их сторонниками.

История этих двух учений в большей мере, чем история любых других исламских ересей, написана кровью их же создателей. Хамзавийское братство, получившее свое название после убийства шейха Хамзы Бали в 1573 г., в действительности представляло собой байрамийское ответвление маламийского дервишеского ряда. Маламатийа — возникшее в Тебризе суфитское учение, получившее широкое распространение среди тюркских народов. Название это происходит от арабского слова малами, что означало укор, порицание, посрамление. Суфии этого направления видели главную опасность «спасению души» в самодовольстве и гордости, а потому старались казаться хуже, чем они были на самом деле, пренебрегали правилами приличия, юродствовали и т. п. На основе этого учения суфизма возникло множество братств (орденов). В Османской империи особенно было распространено братство байрамийе. Все ордена базировались на общем вероучении, но организационно были обособлены и играли разную роль в общественной жизни тюркских обществ.

Гонения и жестокие преследования в отношении сторонников байрамийского ряда начались еще до убийства Хамзы. В 1527 г. был объявлен еретиком и убит байрамийский шейх Измаил Машуки (Оглан Шейх), считавшийся маламийским

кутбом (главным шейхом этого братства), а также двенадцать его мюридов. Шейх Хусамеддин Анкарави, халифом (заместителем, преемником, распространителем идей) которого был Хамза Бали, умер в 1557 г. в заточении в крепости Анкары.

Судьба хуруфитов была еще более трагичной. Фазлаллах Астерабади, основоположник секты, в 1393 г. был осужден как ложный пророк, подвергнут жестоким пыткам, а затем убит. Ахмад Лор, один из его халифов, скончался при сходных обстоятельствах в 1427 году. В Гебризе во времена владычества Каракоюнлу Джиханшаха (умер в 1467 г.), было убито около 500 хуруфитов, среди которых и дочь Фазлаллаха. Как и было принято в отношении еретиков, их тела сожгли. Одним из халифов Фазлаллаха был и азербайджанский поэт Имадуддин Несими, с которого из-за его хуруфитских убеждений заживо содрали кожу в Халебе в 1417 году. По всей вероятности, самая кровавая расправа над хуруфитами была учинена в Эдирне (Адрианополе) в период владычества Фатиха, когда было сожжено более 2000 человек.

На основании официальных судебных документов, свидетельств западных современников, рукописей, принадлежащих как сторонникам, так и противникам этих двух братств, можно говорить не только об их существовании, но и, возможно, о совместной деятельности в Боснии в конце XVI столетия. О сторонниках хамзавийского учения в Боснии написано довольно много, в то время как публикации о хуруфитах крайне редки.

Все исследователи, в той или иной мере занимавшиеся этой проблемой, сходятся в том, что центром деятельности хамзавийского учения был Зворницкий санджак, точнее говоря, Горня («Верхняя») Тузла. Незначительные расхождения существуют по вопросу определения точного года смерти Хамзы, как и точного места его погребения. Часть исследователей разделяет необоснованную точку зрения югославского ученого Башагича, рассматривая как одно лицо шейха Бали, имя которого, по всей видимости, было Хамза, и Хамзу Орловича, который, значительно раньше, завещал дервишской текке (обители) деревню Орловичи.

Важным свидетельством того времени о хамзавийской и хуруфитской ересья является послание конца XVI в., автор которого крайне негативно говорит о появившихся в Боснии «мюльхидах» и «зиндиках» (то есть разного рода еретиках), которые грозят отнять власть¹. Речь идет прежде всего о хамзавитах, но в некоторых местах автор вместе с ними упоминает и хуруфитов: «В это время появились хуруфиты, мюльхиды, безверцы, хамзавии и зиндики, и распространились по всему миру... Не было бы улемов, хуруфиты и хамзавии в течение лишь нескольких дней поглотили бы весь этот народ и вовлекли его в свои мезхабы (учения)... Из-за этого исламские улемы издали фетву и приняли решение, что таких раскольников можно казнить... Неграмотные массы не знают что такое хуруфиты и хамзавии... Они постепенно могут принимать учение хуруфитов. А хуруфиты тогда воспользуются случаем и найдут соответствующий путь и способ, чтобы перед всеми объявить и свой раскольнический мезхеб и свои книги, а это — Джавидани Кебир и Джавидани Сагир. И хамзавии, одновременно, а может быть и раньше, когда их будет сто тысяч, выступают открыто и тогда среди тех кто откажется вступить в их ряды, они устроят всеобщую резню, а их имущество и пропитание разграбят и сожгут». Подчеркнем, что в этом тексте упоминаются хамзавии (хамзавиты) и хуруфиты, как два отдельных, хотя и очень близких в глазах автора братства. Упоминается и самая главная хуруфитская обрядная книга, фазлаллахова «Джавидан-наме». Не без удовлетворения автор послания вспоминает и о адрианопольской трагедии.

Хамзавиев и хуруфитов упоминают рядом не только их противники. О их взаимосвязи свидетельствует и тот факт, что хуруфитские и хамзавийские тексты мы встречаем в одних и тех же рукописях. Так например, в рукописи библиотеки Сулеймание начала XVII в., которая содержит байрабийские рисале (очерки, трактаты, тексты) и поэзию, находится и одна хвалебная ода (касида) Вахдети, боснийского хуруфита. Также, в рукописи No. 3049 Библиотеки Гази-Хусреф-бея, которую можно считать своего рода антологией хуруфитской поэзии, рядом со стихами хуруфитских поэтов Арши, Несими, Мухити, Мисали, Исхака и упомянутого Вахдети находится почти целый диван (сборник стихотворений) боснийского хамзеви Ламекани вместе с его письмом неизвестному мюриду. Учитывая тот факт, что упомянутые поэты не были особо известными, и что их стихи встречаются не часто, случайный характер их одновременного пребывания в рукописи практически исключен.

По всей видимости, хуруфитские идеи (само название хуруфиты означает «буквенники») оказали влияние и на поэзию Ламекани. Одна его газель, которая, правда, в значительной степени отличается от прочей части дивана, откровенно защищает хуруфитское учение о словах, и о буквах как элементах, сотворяющих все сущее:

Всё, что есть, перешло путь из точки Единства в букву.

Из буквы попало в мир Множества, в слова и в речь.

Мир Множества состоит из речи и слов, буквы сотворяют 4 элемента.

Ты должен знать, что чистая душа родилась из точки, в которой всё-одно.

Оставь Множество слов, обернись и направь к букве.

Оставь и букву, и душой отправься к этой точке...²

Главным фактором, объединяющим хуруфитов и хамзавиев было наличие общего врага, которого, как они считали, необходимо разоблачить, то есть ортодоксальных улемов. Последние знали это и объясняли выступление против себя тем, что «эти заблудшие и заблуждающиеся группы людей считали сословие ученых своим самым большим врагом и больше всего презирали и ненавидели его... Каждый человек ненавидит тех, которые осуждают его за злые проступки и развратные дела... Это было причиной того, что указанные группы раскольников и аморальных людей ненавидели и презирали богословов»³.

А хуруфит Вахдети писал:

Те, которые себя улемами называют, они глупцы.

Это группа, которая поднялась со сволочью этого времени.

Как человек может обсуждать вещи, о которых он не знает,

Особенно если он с мелким умом и силой рассуждения⁴.

Что же сделало правоверную суннитскую Боснию в конце XVI столетия центром ереси? Одновременное появление хуруфитов и сторонников байраимийского учения свидетельствует о том, что причины их распространения в Боснии отчасти имеют общественно-историческое объяснение. Итак, почему именно тогда и почему именно там?

Время, о котором идет речь, является в силу ряда обстоятельств переломным для Османской империи. После периода позитивного развития, который известен как классический или «золотой», и пик которого приходится на правление Сулеймана I (1520—1566), Османская империя во второй половине XVI в. пережила кризис, после которого так и не смогла оправиться. Основными внешними признаками этого кризиса стали военные неудачи турок-османов, объяснявшиеся неспособностью традиционно преобладающей в османской армии конницы бороться с европейскими армиями. Деморализующе на Османскую империю повлияло и поражение, понесенное ее флотом у Лепанто от католических держав в 1571 году. Ведение войны одновременно на нескольких фронтах — в Европе против Австрии и Венгрии, на востоке против Ирана, на западе против Испании и Венеции — экономически истощило государство. Продолжение войны без новых завоеваний и без военной добычи и трофеев привело к тому, что по военным счетам платил крестьянин, который и так подвергался сильному экономическому гнету и произволу властей. Параллельно с этим шел распад тимарной системы, то есть рушилась система условного землевладения и базировавшиеся на ней армейские и военно-административные структуры. Наряду с безземельным крестьянством появлялись и безземельные воины. Все большей проблемой в Балканских владениях империи становились выступления гайдуков, разбойников, пользовавшихся поддержкой местного населения и отражавших его антиправительственные настроения.

В Боснии как периферийной части Османской империи, расположенной ближе других к границе даруль-харба (то есть «страны войны», где ислам вел борьбу с неверными), сильнее, чем в других районах ощущались последствия военных поражений; в результате отдаленности от центральной власти, здесь с особой силой проявились экономические аспекты кризиса — местные представители власти были склонны к непослушанию, а крестьянское сословие особенно сильно страдало из-за грабежа и беззакония. Положение крестьян, близкое к безнадежному, способствовало появлению исключительно плодотворной почвы для любого учения, провозглашавшего хотя бы минимум идеалов социальной справедливости.

Хамзавиты и хуруфиты провозглашали равенство всех от рождения, а работу

руками рассматривали как единственно справедливый источник заработка. Последователи обоих учений считали необходимым овладеть каким-либо ремеслом, а потому находили сочувствие горожан — среди ремесленников, членов цехов. Они осуждали, как профессиональное духовенство, так и суфиев-нищих. Презируя богатства, они рекомендовали жить, ограничивая потребности. В нескольких источниках утверждается, что Хамза Бали ел только ту пищу, которая бросается деревенским собакам и кошкам, что указывает, как на маламийскую традицию унижения собственного «я», так и на восприятие бедности как своего рода идеала.

Ислам никогда, даже на ранних этапах, не был религией бедных. Его первые инициаторы принадлежали к высшим слоям, а иногда даже — к аристократии предисламского арабского общества. Однако, бедность и довольство малым они с самого начала рассматривали как достоинство. Склонность к аскетизму исламская традиция приписывает халифу Омару, а самому пророку принадлежат слова «Al-faqr fahri», то есть «бедность моя гордость». Как реакцию на секуляризацию ислама и роскошную жизнь омеядской общественной элиты, можно рассматривать и аскетизм первых последователей суфизма. Кажется поэтому и шиизм в первую очередь импонировал бедным и униженным, всем тем, кто был лишен прав от рождения, и кто в трагедии потомков Мухаммеда видели свою собственную трагедию. Разочаровавшись в идеалах равенства и сознавая, что в мусульманском мире правят не самые набожные, а самые сильные, они искали убежища и находили его в мистицизме и в культуре бедности. Отдаленным во времени плодом этого первого разочарования являются и боснийские еретики.

Истоки хуруфитских учений можно найти в ильмуль-джефре (дословно — науке прорицания или гадания по буквам и цифрам), в кабале, в неоплатонической или даже в пифагорейской мистике цветов, а хамзевийских — в учении материнской маламатийской конгрегации. После жестоких гонений властей, стремившихся искоренить эту ересь, в ряды ее последователей влились новые люди, которые были готовы к жертвам. Кажется, что именно живая память о мучениках представляла собой тот костер, на котором подогревался фанатичный энтузиазм преемников Фазлаллаха и Хамзы. Несмотря на факт, что, в отличие от христианства, культ невинной жертвы не лежал в основе исламской религии, с течением времени он неотделимо соединился с исламским мировоззрением, сделав из кербельского мученика (имеется в виду почитаемый шиитами имам Хусейн, убитый и похороненный в Кербеле) своего рода шиитское приближение к христианской Голгофе. В этом смысле, более чем иллюстративно одно из высказываний Вахдети, в котором к ряду страданий шиитских имамов добавляется и мученичество Фазлаллаха ⁵.

В последнее время некоторые боснийские ученые выдвигают гипотезу о автохтонности боснийского хамзавизма, причем они стараются найти его корни в традиции богомилов средневековой Боснии ⁶. Неоспорима привлекательность этой гипотезы, но осторожность требует поиска аргументов для ее обоснования. В ходе ознакомления со всеми опубликованными хамзавийскими текстами, главным образом мистическими трактатами Абдуллаха Босневи, самого выдающегося последователя Хамзы, мы не обнаружили ничего, выделяющего их в значительной мере из корпуса байрамийских учений.

Следующее, еще более важное замечание состоит в том, что в этих текстах нет ничего, что оправдывало бы столь жесткую позицию в отношении этих учений представителей власти и мусульманских богословов. Причины гонений на хуруфитов следует искать, очевидно, в самом учении (достаточно уже того факта, что Фазлаллах присваивает еще титул Мухаммеда — «печать веровестника»). Но если исключить обвинения в употреблении алкоголя и свинины, а также в гомосексуализме, как обычное, которым пользовались улемы с целью компрометации еретиков, мы не находим в официальных обвинениях ничего, что объясняло такую жестокость. Утверждения западных современников, что хамзаи подчеркивали превосходство Иисуса над Мухаммедом, по всей вероятности, является попыткой выдать желаемое за действительное, или они, возможно, путали это учение с учением Муллы Кабиза, который был убит за 50 лет до рассматриваемых событий. По всей видимости, Джемал Чехайч был первым, кто пришел к правильному выводу, что «мотивы для ликвидации движения были в большей мере политической и в гораздо меньшей мере доктринальной природы, хотя в ходе судебных процессов и пыток подчеркивался элемент вероотступничества, то есть ереси ⁷».

Организуя свое параллельное духовенство, и даже параллельный государственный аппарат со своим сутаном, визирем, судьей, писарем и т. п., не желая участвовать в официальной государственной и религиозной системах, в которых институционализированный суфизм уже имел свое место, рассматриваемые ереси исключили себя из османской имперской структуры и тем бесповоротно решили свою судьбу.

Примечания

1. См. МЕХИНАГИЋ I. Četiri neobjavljena izvora o hamzevijama az sredine XVI vijeka. — Prilozi za orijentalnu filologiju. Sarajevo. 1973, XVIII—XIX, pp. 221—224.
2. Istanbul. Süleymaniye Ktp. Halet Ef. 800, ff. 139 a-b.
3. См. МЕХИНАГИЋ, p. 223.
4. Istanbul. Süleymaniye Ktp. Selim Ağa. Naşim Paşa 85/2, f. 30 a.
5. Istanbul Üniversitesi Ktp. T. 801.
6. См. HADŽIALIĆ S. Manihejska prošlost srednjevjekovne Bosne. — Islamska misao. Sarajevo. 1991, XII, p. 13.
7. ЇЕНАЛЇ ДЖ. Derviški redovi u jugoslovenskim zemljama. Sarajevo. 1986, p. 205.

К вопросу о Бургундских войнах (1473—1477)

М. К. Чиняков

Бургундские войны оставили заметный след в средневековой истории Западной Европы, сыграв значительную роль в становлении Французского государства (отчасти и Швейцарского союза). К сожалению, Бургундским войнам, в частности, проблеме взаимоотношений Французского королевства и Бургундского государства уделяется незаслуженно малое внимание. Специальных работ по данной тематике на русском языке не существует.

Термин «Бургундские войны» практически отсутствовал в отечественной научной и справочной литературе, например, в знаменитых энциклопедических изданиях Ф. Брокгауза и И. Ефрона, Гранат, Большой советской энциклопедии первых изданий и др. В отечественной литературе этот термин появляется в 30-е гг. прошлого века, а затем в Советской исторической энциклопедии, и с тех пор встречается значительно чаще.

Под Бургундскими войнами обычно подразумеваются войны бургундского герцога Карла Смелого, главным образом, против швейцарцев и их союзников в 70-е гг. XV века. Думается, данный термин неточен — он может быть применим вообще ко всем войнам бургундских герцогов, или, по крайней мере, к войнам Карла Смелого, которые он вел еще с 1465 г. в качестве графа Шароле. Даже если брать в расчет войны Карла Смелого после того, как он стал герцогом Бургундским (с июня 1468 г.), рамки термина «Бургундские войны» могут быть расширены.

Поэтому неудивительно, что определение «Бургундские войны» во французской научной литературе встречается редко, существуя наравне, например, с другим определением: «Швейцарская война», под которым подразумеваются сугубо военные действия Бургундии со Швейцарской конфедерацией.

К 70-м гг. XV в. Бургундское государство, основанное герцогом Филиппом Храбрым, представляло конгломерат из множества графств, герцогств, «вольных городов», объединенных под властью одного герцога, имевшего большую власть (к тому же территория Бургундского государства представляла несколько анклавов разной величины). Соответственно, все регионы, находившиеся под властью бургундских герцогов, являлись неоднородными в экономическом, политическом и культурном отношении. Тем не менее, к концу XV в. владения преемников Филиппа Храброго представляли из себя могущественное государственное образование в Западной Европе.

С июня 1467 г. Бургундское государство возглавлял Карл Смелый, которого иногда несправедливо изображают как безрассудного авантюриста и взбалмошного правителя. В действительности Карл Смелый являлся образованным человеком,

знал литературу, искусство, покровительствовал им, разговаривал на пяти языках, очень хорошо танцевал, был великолепным игроком в шахматы, сочинял интересные песни, поэмы. Герцог был человеком энергичным и решительным и вместе с тем упрямым, жестоким, самонадеянным.

Другим участником Бургундских войн была Швейцарская конфедерация, начавшая борьбу за политическую самостоятельность. Ее политический строй заметно отличался от политического строя владений бургундских герцогов. Каждый из кантонов представлял самостоятельную единицу внутри конфедерации и мог проводить собственную внутреннюю и внешнюю политику. В качестве связующего звена швейцарцы имели общий сейм, в который входили представители всех кантонов. Однако в конфедерации существовали противоречия между богатыми и развитыми торгово-промышленными кантонами (Берн, Цюрих) и так называемыми лесными (горными) кантонами (Швиц, Ури). Именно Берн быстрее всех кантонов склонился к антибургундской политике, поскольку имел свои виды на земли, входившие в сферу влияния бургундских герцогов.

Между Бургундией и Швейцарией были дружественные отношения, поскольку из владений Филиппа Доброго и Карла Смелого швейцарцы получали необходимое продовольствие, а для бургундских правителей земли швейцарцев не представляли интереса.

Кроме Бургундии и Швейцарии, главными действующими лицами являлись Французское королевство во главе с Людовиком XI Валуа и Священная Римская империя во главе с Фридрихом III Габсбургом. Франция находилась в процессе централизации, и поэтому с точки зрения ее короля, Бургундское государство представляло угрозу для владений Людовика — одного из самых мудрых правителей Франции, непревзойденного мастера политических интриг. Не случайно в 1475 г., после заключения мирного договора с англичанами, высадившимися во Франции и не успевшими даже достать меч из ножен, Людовик «говорил, посмеиваясь, что он гораздо проще изгнал англичан, чем его отец (Карл VII. — М. Ч.), ибо он изгнал их, накормив пирогами с дичиной и напоив добрым вином»¹. Образ Людовика, как и образ Карла Смелого, во многом требует более детального исследования, поскольку с легкой руки В. Скотта, мы к одному и другому относимся слишком предвзято.

Под властью Фридриха III — слабого монарха — находилась обширная, раздираемая внутренними противоречиями и усобицами империя, которая не могла, на первый взгляд, оказать серьезного отпора агрессивной политике Карла Смелого. По словам английского историка Н. Майкла, император имел мало денег, но еще меньше — власти².

Конфликт между Бургундией и Швейцарией возник в результате непродуманной политики Карла Смелого и, в частности, его гегемонистских устремлений. Так, он намеревался создать галло-бельгийское королевство Великая Лотарингия — от Северного до Средиземного моря общей площадью в 190 тыс. квадратных километров, которое стало бы для его соседей (в том числе и для швейцарцев) более опасным, чем австрийские Габсбурги.

Поэтому 9 мая 1469 г. Карл Смелый пошел на заключение Сен-Омерского договора с австрийским герцогом Сигизмундом Габсбургом, ярым врагом конфедерации, по которому последний, получив от Бургундии деньги отдавал в залог собственные земли в Эльзасе, Зундгау, Брейсгау. Карл Смелый, со своей стороны, обязывался разгромить швейцарские кантоны. Таким образом, он первым нарушил существовавший договор 1467 г. о дружбе с конфедерацией, и дал повод швейцарцам усомниться в своих намерениях (хотя не спешил начинать военные действия).

Однако наместник бургундского герцога Пьер Гагенбах — с полного согласия сюзерена — начал проводить слишком жесткую политику, что вызвало недовольство внутри бывших владений Сигизмунда, и в результате эльзасские города вместе со швейцарцами объединились против бургундского герцога в Нижнерейнскую лигу (14 марта 1473 г.). Австрия, со своей стороны, стала тяготиться союзом с Карлом Смелым из-за несоблюдения последним Сен-Омерского договора: Бургундия не начинала военных действий против конфедерации. Именно этими разногласиями австрийцев и швейцарцев, с одной стороны, бургундцев, с другой и воспользовался Людовик XI.

Понимая, что Карл Смелый не торопится воевать со швейцарцами, австрийский герцог решает вернуть земли, и заключает «вечный мир» со Швейцарской конфедерацией

(30 марта 1474 г.), по которому Сигизмунд признавал кантоны взамен на обещание последних оказать ему поддержку против бургундцев.

На следующий день состоялось заключение союза на 10 лет между конфедерацией, герцогом Сигизмундом, епископами Базеля, Страсбурга, эльзасскими городами³. Невозможное случилось — два непримиримых, казалось, врага — Австрия и конфедерация — сумели договориться. Разумеется, это произошло не без помощи Людовика. Однако в данном случае большая заслуга принадлежит Сигизмунду Австрийскому, который смог сделать то, что не сделает позже Карл Смелый: призвал швейцарцев как реальную политическую и военную силу.

Вскоре в Эльзасе, при поддержке бернцев, вспыхнуло антибургундское восстание, в результате которого Гагенбах был схвачен, предан суду во главе с Сигизмундом и 9 мая 1474 г. казнен в городе Брейзак. Зная мстительный характер Карла Смелого, можно было предположить, что он тут же обрушится всей военной мощью на восставших эльзассцев. Но в том же 1474 г. в Кёльнском архиепископстве вспыхивают раздоры, и бургундский герцог встает на сторону архиепископа Рупрехта, своего родственника. Прежде чем взять Кёльн, 30 августа 1474 г. Карл Смелый осаждает мощную крепость города Нейс, захват которой во многом обеспечил бы бургундцам победу над противниками Рупрехта.

Первоначальные надежды Карла Смелого на быстрый исход осады не оправдались, а времени в запасе у герцога оставалось не так уж и много. Почти вся Священная Римская империя, против которой, по сути дела, вел войну герцог, не могла не помочь Нейсу. Как утверждает французский историк Ж. Бартье, осада Нейса стала национальной войной имперцев против Карла Смелого. «Общественное мнение» сформировалось против бургундцев, и именно оно заставило Фридриха III — пусть даже и неохотно! — выступить в поход в ноябре 1474 г. во главе 60-тысячной армии⁴.

24 мая 1475 г. состоялось сражение бургундцев с войсками Фридриха III. Ощутимых результатов оно не принесло ни той, ни другой стороне, но на следующий день император и герцог заключают перемирие, по которому в июне 1475 г. бургундцы снимают с Нейса осаду. В результате неблагоприятно складывающихся обстоятельств Карл Смелый сумел сохранить лицо перед Европой (герцог так и не дождался обещанной подмоги от англичан, которые предпочли заключить с Людовиком XI мир, чем начать новую войну).

26 октября 1474 г. кантон Берн, воспользовавшись тем, что бургундцы осаждали Нейс, объявил войну Карлу Смелому. Бернцы вторглись в земли графа Ромона, союзника герцога. Разбив при Эрикуре (13 ноября 1474 г.) бургундскую милицию они принялись опустошать беззащитные южные земли Бургундского государства. Так, в марте — апреле 1475 г. они неоднократно вступали на территорию герцогства Бургундия и разоряли его регионы. За этот период они угнали в общей сложности более 3 тыс. голов скота и убили более 2 тыс. чел.

Желая перенести центр тяжести внешней политики на восток, против «подлых» швейцарцев, Карл Смелый 13 сентября 1475 г. заключает мир в Сулёвре с Людовиком XI на 9 лет, неосмотрительно предоставив королю для его интриг свободу действий. Прежде всего, во исполнение планов создания Великой Лотарингии, 30 сентября бургундский герцог осаждает Нанси, резиденцию одного из союзников Франции и Священной Римской империи — лотарингского герцога Рене II. Несмотря на отчаянное сопротивление небольшого гарнизона, не имевшего достаточных припасов, 26 января 1476 г. осажденные капитулировали. 30 января в торжественной обстановке Карл Смелый въехал в город; герцогства Лотарингия и Бар перешли под его власть. Взятием Нанси бургундский герцог решил сразу две задачи: выполняя заветную мечту предшественников, соединяет свои владения в одно целое, и, во-вторых, подтверждает личный авторитет. (По меткому выражению французского историка П. Фредерикса, взятие Нанси стало для Карла Смелого последней улыбкой фортуны⁵.)

В Нанси герцог заявил о том, что он «как никогда самый сильный между Германией и Францией», и желает сделать этот город столицей будущей Великой Лотарингии⁶. Карл Смелый не замечал, или не хотел замечать, что обстановка внутри Бургундского государства складывалась очень неблагоприятная. Война легла тяжелым бременем на подданных герцога, в первую очередь на богатые Нидерланды, которые начинают роптать и проявлять недовольство военными акциями

герцога. Во-вторых, на Бургундском государстве начинают сказываться последствия экономической блокады Нидерландов, предпринятой Людовиком XI. Авторитет герцога еще поддерживается последней военной победой, но Нейс дал хороший повод для размышлений о «непобедимости» и удачливости Карла Смелого.

Оставив беспокойный и нестабильный тыл, герцог решается на поход против швейцарцев, точнее, бернцев. Эрикур требовал отпущения. Надо отдать должное военным способностям бургундского герцога — он внезапно напал на бернцев среди зимы и там, где его меньше всего ожидали. Покинув Нанси 11 января 1476 г., он перешел Юру 6—12 февраля. Узнав о приходе Карла Смелого бернцы стали быстро отступать, оставляя замки и города в области Во (Ваадт), принадлежавшей графу Ромону. 20 февраля бургундцы подошли к Грансону — единственному городу, оказавшему сопротивление противнику. Быстрые действия Карла Смелого застали гарнизон врасплох; к тому же крепость не была обеспечена большим количеством припасов. 29 февраля осажденные сдались, и герцог всех казнил — по некоторым сведениям, вопреки обещанию сохранить жизнь осажденным. Однако никто из современников ничего не сообщает, что Карл Смелый дал такое обещание бернцам⁷.

Несмотря на вторжение герцога в Во и боевые действия с бернцами другие кантоны отнеслись к этому вполне спокойно, считая войну бургундцев с Берном «личным делом» последних. Только 26 февраля начался сбор всех швейцарцев вместе с союзниками, то есть спустя две недели после вступления Карла Смелого на равнину с Юры: казнь защитников Грансона подстегнула конфедерацию к дальнейшим решительным действиям.

Захватив Грансон, Карл Смелый решил взять Нёвшатель — другой город, захваченный бернцами. 2 марта 1476 г. на пути к Нёвшателю бургундцы столкнулись — неожиданно для обеих сторон — со швейцарцами. Так началось сражение при Грансоне. Причиной поражения Карла Смелого явилась несогласованность действий бургундцев: после неудачной атаки рыцарей герцог решил пустить в ход артиллерию, и правое крыло бургундцев стало отходить, освобождая место для артиллерийского залпа. Это послужило (вместе с отступлением левого крыла) причиной для самовольного отхода бургундской пехоты, решившей, что сражение проиграно, хотя оно только начиналось. Карл Смелый пытался остановить бегущих солдат, но было поздно, отступление быстро переросло в бегство. Отсутствие сильной кавалерии у швейцарцев помешало им полностью разгромить врага.

Главным итогом сражения явилась моральная победа швейцарцев, ибо до Грансона бургундцы — даже при предшественниках герцога — не спасались бегством. Грансон привел к падению авторитета Карла Смелого на политической арене. Приверженцы герцога стали тяготиться союзом с ним⁸. Внутри владений герцога вспыхивает недовольство политической Карла Смелого — более или менее сдержанное, оно усиливается практически во всех слоях общества: от низов до высшей знати. Особенно недовольным — как всегда — оказалось население Нидерландов.

Карл Смелый понимал, что единственное средство поднять собственный престиж — победа над швейцарцами. Кроме того, нельзя не учитывать самолюбие герцога, который жаждал мести. Герцог показывает себя с лучшей стороны как военный организатор — в короткие сроки восстанавливает погибшую артиллерию и набирает новое войско. Но его боеспособность была невысока; большая часть армии по-прежнему состояла из наемников. И самое главное — армия герцога не являлась однородной по национальному признаку.

27 мая Карл Смелый выступает на поход на Берн. Путь ему преграждают два города — Муртен и Фрейбург. Чтобы достичь Берна, требовалось взять, по крайней мере, один из двух городов. Бургундский герцог выбрал захваченный бернцами Муртен, принадлежавший тому же графу Ромону. Возможно, что Карл Смелый осадил именно Муртен, показывая желание воевать не с конфедерацией, а только с Берном, поскольку область Во с Грансоном и Муртен входили в сферу влияния последнего⁹.

9 июня начинается осада Муртена, защищаемого небольшим, но очень хорошо организованным гарнизоном. 12 июня бургундцы атаковали мосты у селений Лаупен и Гумминен, принадлежавших непосредственно кантону Берн, и тем самым способствовали объединению всей швейцарской конфедерации поскольку осада Муртена отныне стала рассматриваться не только как «дело» Берна, а как

объявление войны всем кантонам. 19 июня ознаменовалось очередным (как оказалось, последним) штурмом Муртена; через несколько дней неподалеку от осажденной крепости начали собираться швейцарцы с союзниками.

22 июня началось сражение при Муртене. Опрокинув первые ряды противника, швейцарцы усилили натиск, и бургундцы обратились в бегство. Поражение при Муртене оказалось во много раз тяжелее, чем при Грансоне¹⁰. Это была настоящая катастрофа не только для герцога и его армии, но и для всего Бургундского государства. Одним из результатов сражения явился переход герцогств Лотарингии и Бар под власть их прежнего владельца герцога Рене II при помощи денег и военных советников Людовика XI, который снова вернул герцогу свое расположение ввиду благоприятной политической обстановки для Франции.

Потеря Лотарингии вслед за Муртеном нанесла сильный удар по Бургундскому государству. Отныне северные и южные владения Карла Смелого оказались изолированными враждебным Рене II. Карл Смелый не мог оставить без внимания подобное положение вещей. Роковой поход на Нанси был неизбежен, хотя одновременно этот поход явился самой наименее обеспеченной экспедицией, и ничего, кроме поражения, принести не мог.

В первых числах января 1477 г. к Нанси подошло войско Рене II с целью деблокировать окруженный бургундцами город. 5 января произошло трагическое сражение при Нанси. Рассказывают, что когда перед боем Карл Смелый стал надевать шлем, с его наверхшия упало украшение в виде льва. Герцог водрузил его на место со словами: «Это знак Божий!».

Герцог Рене разделил свое 20 тыс. войско на две части. Одна из них атаковала бургундцев (которых насчитывалось 5 тыс.) с фронта, а главные силы во главе с Рене под прикрытием сильной снежной метели совершили обход, и с фланга напали на противника; сражение закончилось быстро. Деморализованные бургундские войска не могли долго сопротивляться и обратились в бегство.

Сражение при Нанси явилось важной вехой в истории Бургундского государства, или, точнее, в эпилоге его существования — в этом бою погиб последний бургундский герцог Карл Смелый. «Когда мы узнали о смерти нашего повелителя (Карла Смелого. — М. Ч.) мы были страшно потрясены, ибо потеряли в тот день честь, благосостояние и надежду на выход из сложившейся ситуации», — с горечью сообщает один из придворных герцога Оливье де Ла Марш¹¹. Впрочем тогда ходило множество слухов о «чудесном» спасении герцога¹².

Тем не менее, остался в живых герцог или нет, это никак не могло остановить происходящий распад Бургундского государства. Оно больше не имело ни денег, ни армии, чтобы защитить себя, оно — что самое главное — не имело герцога. Смерть Карла Смелого разрушила самую главную из слабых ниточек, связывающих воедино различные области и регионы неоднородного Бургундского государства. Отныне партикуляризм и «местный эгоизм», сдерживавшиеся Карлом Смелым, проявляются везде и повсюду. В результате Бургундских войн с географической карты Западной Европы исчезает Бургундское государство — его земли были разделены между Валуа и Габсбургами по Арраскому договору от 23 декабря 1482 года.

Отметим любопытную деталь. Карла Смелого обычно обвиняют в намерении раздробить нарождающееся Французское королевство, и это действительно так. Но Людовик XI так же хотел поступить и с Бургундией. Король проводил политику централизации Франции, равно как герцог занимался укреплением внутреннего единства своих владений. Однако время доказало жизнеспособность именно национальных государств с одним языком, экономикой, культурой.

В рассматриваемое время швейцарцы несли в себе скорее разрушительные и агрессивные тенденции, чем созидательные. Поэтому говорить об оборонительном характере с их стороны в Бургундских войнах — как это делали советские историки — явно ошибочно. Бернцы первыми прислали бургундцам объявление о начале войны. Все военные действия против бернцев Карл Смелый вел на землях союзника, ранее захваченных швейцарцами, то есть — как это ни парадоксально звучит — защищался, а не нападал.

Герцог всегда подчеркивал, что воюет не со всей конфедерацией, а с кантоном Берн, в то время как между кантонами — пусть даже с недостатками и изъянами — намечилось реальное объединение, приведшее в итоге к созданию единого государ-

ства. У швейцарцев — бернцев, цюрихцев и др. — было еще много самостоятельности, но при появлении внешней угрозы в силу вступал принцип взаимовыручки.

Последний бургундский герцог не понял суть перемен, происходящих в Западной Европе в конце XV в. — в эпоху создания национальных государств — и в этом заключалась личная трагедия Карла Смелого. Несмотря на свои таланты герцог, вероятно, полагал, что живет в эпоху классического средневековья, не допуская мысли, что приходит новое время.

С военной точки зрения Бургундские войны представляют немалый интерес. В наследство от Филиппа Доброго — отца и предшественника — Карл Смелый получил прекрасную артиллерию, которую сделал предметом своих особых забот. В результате к началу Бургундских войн он обладал самой значительной и лучшей артиллерией в Западной Европе. Существуют сведения, что некоторые бургундские пушки заряжались с казенной части, использовались прицельные приспособления, облегченные лафеты. В 60—70-х гг. XV в. артиллерийская прислуга состояла из простых пехотинцев, но Карл Смелый имел в войске специально обученный персонал¹³. Примечательно, что в сражениях при Грансоне и Муртене Карл Смелый явно возлагал на артиллерию большие надежды. Возможно, что он был одним из первых, кто понял и по достоинству оценил роль артиллерии.

Тем не менее, несмотря на технические новшества, бургундская артиллерия, как и в целом артиллерия той эпохи, не сыграла решающую роль в сражениях армий средневековой Европы.

Как известно, Бургундские войны продемонстрировали силу швейцарской пехоты — швейцарские наемники отныне считаются самыми лучшими воинами в Западной Европе. Но швейцарцы привнесли в войны не только ударную силу батальев (боевой порядок пехоты), не и нечто другое — жестокость. В сражениях классического средневековья главную роль играла кавалерия, то есть рыцари-дворяне; нередко сражения распадалась на поединки между ними. Если рыцарь просил пощады, победитель брал его в плен и за выкуп отпускал на свободу.

Швейцарцам были чужды правила этой войны. Они убивали всех несмотря на звание — от простого лучника до знатного рыцаря. Тем более что по швейцарским законам сосед имел полное право убить соплеменника, если тот проявит малодушие к противнику¹⁴. Швейцарцев интересовала добыча в лагере, а не тот прозрачный выкуп, который можно было ждать несколько месяцев или даже лет. Позже таким образом будут поступать немецкие ландскнехты и вообще все наемники, в силу обстоятельств опасной профессии, жившие одним днем. Наемники имели свое мировоззрение, свои традиции. Время рыцарских войн начинает постепенно уходить в прошлое.

Примечания

1. ROY J. DE. Journal (Chronique scandaleuse). Т. 2. P. 1896, p. 344.
2. MICHAEL N. Armies of Medieval Burgundy. 1364—1477. Lnd. 1988, p. 25.
3. Lorraine et Bourgogne (1473—1477). Nancy. 1981, p. 34.
4. BARTIER J. Charles le Téméraire. Bruxelles. 1970, p. 199. За 16 дней Фридрих преодолел только 24 мили.
5. FREDERIX P. 5 janvier 1477. La mort de Charles le Téméraire. P. 1966, p. 120.
6. Memoires de l'Europe. Т. 2. P. 1971, p. 64.
7. КОММИН Ф. ДЕ. Мемуары. М. 1986, с. 164—165; Memoires de chevalier Olivier de La Marche. — Choix de chroniques et mémoires sur l'Histoire de France. P. 1837, p.571; ROY J. Op. cit, p. 5—7; HAYNIN J. Memoires de messir Jean, seigneur de Haynin e Louvegny, de chevalier (1465—1477). Т. 2. Le Mons. 1842, p. 295; Dépêches des ambassadeur milanais sur les campagnes de Charles-le-Hardy, duc de Bourgogne (1474—1477). Т. 1. P. Genève. 1858, p. 300.
8. КОММИН Ф. ДЕ. Уж. соч., с. 166—169.
9. ДЕЛЬБРИЮК Г. История военного искусства. Т. 3. СПб. 1996, с. 390.
10. В 1480 г. швейцарцы воздвигли на поле боя памятник в честь победы при Муртене («Бургундский оссуарий»), который 3 марта 1798 г., по инициативе музыкантов-бургундцев

75-го французского полка, был разрушен. В 1821 г. обелиск восстановили, и он сохранился до настоящего времени. В 1816 г. место сражения посетил знаменитый английский поэт лорд Байрон.

11. Mémoires de chevalier..., p. 580. См. также: ROY J. Op. cit, p. 41—42.
12. Десять лет спустя после смерти Карла Смелого, люди, проживающие в графстве и герцогстве Бургундия, ссужали друг друга деньгами при условии вернуть их по возвращению герцога. ХЕЙЗИНГА Й. Осень средневековья. М. 1988, с. 239. Подобные случаи происходили и спустя 50 лет после кончины герцога.
13. НИЛУС А. История материальной части артиллерии. Ч. 1. СПб. 1904, с. 78; ДЕККЕР. История артиллерии. СПб. 1833, с. 61—62; ВУАТ Е. L'Artillerie de campagne. P. 1911, p. 10; BARTIER J. Op. cit, p. 173; GUILLAUME H.-G. Histoire de l'organisation militaire sous les ducs de Bourgogne P. 1848, p. 146; MICHAEL N. Op. cit, p. 17.
14. СВЕЧИН А. А. История военного искусства. Ч. 2. М. 1922, с. 124.

Роль внешнего фактора в политической жизни Англии XVII века

Л. И. Ивонина

Современный английский историк Дж. Скотт пишет в своей последней книге, что история Англии XVII в. характеризовалась тремя процессами. Первый он назвал деструктивным, заключавшимся в состоянии политической нестабильности, которую современники называли «наши смуты». Второй — созидательным, вызвавшим глубокое интеллектуальное развитие в эпоху революций, которое привело к появлению Английского Просвещения. Третий — реконструктивным, представлявшим собой долгий реставрационный путь государственного строительства, пробивавшийся через все революционные штормы столетия. Согласно автору, все эти процессы оказывали значительное влияние на религиозное и политическое развитие Европы¹. Однако, вероятно, существовало не менее важное обратное воздействие? Были ли указанные процессы связаны с тем, что происходило на континенте?

Как известно, в XVII столетии одним из самых ярких проявлений столкновения противоречий переходного периода в истории Европы были две Английские революции: революция 1640—1660 гг. и Славная революция 1688—1689 годов. Исследование международного фактора в политической истории Англии XVII в. представляется весьма значимым для изучения истории европейского континента нового времени, в частности, истории международных отношений в тесной взаимосвязи с историей формирования правового государства, поскольку именно тогда интернационализация внутривнутриполитических процессов становится характерной чертой функционирования европейских государств вплоть до сегодняшнего дня. Думается, взаимосвязь европейской политики и двух Английских революций, как этапов формирования английской парламентской монархии имело ярко выраженное общеевропейское, системное значение. Ведь параллельно с развитием мировосприятия в данный период происходили существенные коренные трансформации во всех областях жизни — политической, экономической, социальной, духовной, сопровождавшиеся бурными всплесками политической активности как внутри самих европейских государств, так и на международной арене.

В XVII в. государства Европы переживали явление, часто именуемое в зарубежной и отечественной литературе «кризисом XVII в.»², означавшим в политической жизни трансформацию либо коренную ломку существующих государственных форм и структур абсолютизма и переход на новую стадию межгосударственных отношений. Подвергшиеся критике со стороны ряда зарубежных исследователей, особенно английских, понятия «кризис XVII в.» и «абсолютизм», однако по-прежнему достаточно широко используются в зарубежной историографии. Дискуссии об абсолютизме продолжаются, тем более, что термина, который бы наиболее адекватно отражал суть этой формы государственно-политического устройства и получил бы признание большинства специалистов, до сих пор не найдено³. Нет и специальных работ, посвященных изучению роли международного

Ивонина Людмила Ивановна — кандидат исторических наук, доцент Смоленского государственного педагогического университета.

фактора в политической истории Англии XVII века. Тем не менее нельзя сказать, что в литературе вопрос о взаимовлиянии внутренних и внешних процессов в политической жизни Англии, особенно в ходе двух Английских революций, не ставился, но ракурс, подходы, масштабы существующих исследований пока не позволяют говорить, что проблема изучена, тем более, изучена специально.

В отечественной историографии внешнему фактору Английских революций XVII века практически не уделялось внимания, а празднование 300-летия Славной революции прошло незамеченным в отличие от годовщины Французской революции конца XVIII века. Правда, М. А. Барг в своей последней большой работе сделал несколько замечаний об общеевропейском, континентальном характере Английской революции середины XVII в., ее взаимосвязи с кризисом XVII в., и о наличии ее «второго акта» — Славной революции 1688—1689 годов ⁴. Уже довольно давно вышли в свет весьма содержательные работы Б. Ф. Поршнева и его ученика Н. Б. Тер-Акопяна, в которых исследовалось воздействие Английской революции середины XVII в. на возникновение социальных и революционных катаклизмов во Франции и Голландии и тем самым на окончание Тридцатилетней войны. Кстати, кроме этих авторов, только А. А. Арзыматов со статьей о русско-шведских отношениях и академик Е. В. Тарле с многими забытой работой «Три катастрофы: Вестфальский мир, Тильзитский мир, Версальский мир» (Петроград — Москва, 1923), упоминаются в весьма объемистой книге «Библиография к Вестфальскому миру», недавно опубликованной в Германии ⁵.

Исследование взаимосвязей европейской дипломатии и двух Английских революций показывает, что эта связь не всегда была прямолинейной. Долгое время в отечественной историографии было принято считать, что Английская революция середины XVII в. оказала чуть ли не определяющее воздействие на возникновение социальных и политических катаклизмов в других европейских странах. Разумеется, этот фактор присутствовал (особенно в отношении соседних государств — Франции и Республики Соединенных Провинций), но степень его влияния отнюдь не являлась столь значительной. Разумеется, события середины XVII в. в немалой степени переориентировали приоритеты английской дипломатии и оказали серьезное воздействие на трансформацию европейской дипломатии в целом. Но еще большее воздействие на международную жизнь в Европе оказала Славная революция 1688—1689 гг., и не менее, если не более весомой, была обратная связь.

Что же касается англоязычной историографии стюартовского периода, то здесь история Английской революции середины XVII в. часто изучается как бы вне Европы. Американский историк Д. Паркер даже упрекает английских специалистов по стюартовскому периоду в очень слабом использовании зарубежных источников, особенно материалов из зарубежных архивов ⁶.

В последние десятилетия в связи с развитием западноевропейской интеграции стали медленно происходить сдвиги в сторону континентальной Европы в мировосприятии и общественном мнении Англии, что нашло отражение и в литературе по истории Англии XVII в., традиционно отличавшейся англоцентризмом и изоляционизмом. Впрочем, эти изменения совершаются не только медленно, но и очень осторожно, чаще ограничиваясь призывами, тогда как основанные на широком европейском подходе фундаментальные исследования, посвященные этой проблематике, можно встретить нечасто. Уже в 1975 г. известный специалист по европейским международным отношениям Г. Кенигсбергер отмечал, что в наиболее критические и драматические моменты английской истории она не может быть понята «в терминах закрытой политической системы». Вслед за ним в подобном же духе стали высказываться С. Адамс, К. Рассел, Н. Тьяк. А в 1991 г. один из зачинателей ревизионистского направления в изучении истории Английской революции середины XVII в. К. Рассел подчеркнул, что в течение всего XVII в. английская политика определялась в британском и европейском контексте. В том же году крупный испанист Д. Эллиот заявил, что «британская история не может и не должна быть островной историей» ⁷.

Тогда же в предисловии к фундаментальному юбилейному изданию «Англо-голландский момент. Очерки о Славной революции и ее мировом влиянии» Дж. Изразль задал вопрос: если долгое время история Англии изучалась отдельно от истории Британии, что же тогда можно сказать о необоснованной и укоренившейся практике рассмотрения английской истории в стороне от континентальной Европы, и о традиции, основанной на посылке, что все значительное, что происходит в Англии, должно быть обязательно внутрианглийскими причинами ⁸. Кстати, указанное издание было первой крупномасштабной работой по вопросу о мировом влиянии Славной революции 1688—1689 гг., и первой попыткой собрать вместе и предложить читателю новые исследования, определяющие место и роль Голландии в Славной революции, ход революции в британских колониях, ее последствия для истории Британии и всей

Европы. Параллельно и вслед за этой книгой появилось немало работ, подчеркивающих и уделяющих внимание международным аспектам Славной революции в Англии⁹.

Заметим, что англоцентризм характерен для всех традиционных направлений английской историографии, а также для марксистских трактовок и «новой исторической науки». Но, во всяком случае, в ряде появившихся в 1990-е годы работ английских и американских историков видны немалые сдвиги.

Попытку преодолеть англоцентризм и изоляционизм предприняли английские и американские историки в вышедшем в издательстве Кембриджского университета в 1996 г. сборнике «Стюартовский двор и Европа. Очерки политики и политической культуры». В предисловии Р. Малколма Сматса отмечается, что большинство работ о стюартовском периоде написано в рамках британских или гораздо чаще узкоанглийских представлений, что имеет тенденцию к пренебрежению широкими перспективами. «Здесь большое количество причин для такой ориентации, глубоко укоренившихся в современной академической жизни. В англоязычном мире британская и европейская история почти всегда существуют как отдельные специальности...». Продолжая дальше эту мысль, Сматс отмечает, что одним из важнейших источников «географического изоляционизма» в изучении стюартовской Англии является историографическая традиция. Профессиональное изучение истории Англии развивалось в конце XIX в., то есть в эпоху интенсивного национализма и государственного строительства в большей части Европы. Как результат, ученые, занимавшиеся политической историей, были прежде всего заняты поисками корней национальных государств и национальных традиций. Это особенно важно для стюартовского века, рассматриваемого как ключевой период формирования британской политической культуры. От поздневикторианского века до 70-х годов XX столетия история подъема парламента и его борьбы против стюартовского абсолютизма не только доминировали в изучении политической истории, но и сделали вспомогательными и подчиненными точки зрения и дискуссии, касающиеся многих других аспектов истории этого периода. Таким образом, последовала эволюция в исторических исследованиях, которая вела от сравнительно космополитического XVI в. к усилившемуся англоцентристскому влиянию в изучении стюартовского периода, усугубляя представления, что только «английское имело свое собственное происхождение и готовилось для будущей доминирующей роли в мировой культуре». Парламентско-центристская интерпретация стюартовского периода начала подвергаться систематическим атакам историков-ревизионистов в конце 70-х годов. Некоторые из них стали восстанавливать широкий европейский контекст британской истории. С. Адамс, К. Рассел и К. Шарп подчеркивали значение результатов Тридцатилетней войны в формировании внутренней политики Англии. Но ревизионизм, конечно, не преодолел полностью традиционный изоляционизм стюартовской историографии. Ревизионистские исследования нарративного характера обычно уделяют больше внимания партийным маневрам, политическим и административным трудностям во взимании налогов и управлении государственным аппаратом, нежели долгосрочным политическим переменам¹⁰.

Несмотря на целый ряд довольно интересных работ по внешней политике Англии XVII в., в англоязычной литературе отмечается, что «внешняя политика Англии скорее описывается, нежели анализируется». Американский историк С. Пинкус полагает, что внутренние конституционные и социальные изменения вплоть до последнего времени доминировали в историографической традиции в силу того, что внимание к внешней политике определялось тем, «сколько побед Англия смогла одержать на континенте». Л. Стоун также отмечал, что в XVII в. Англия являлась не более чем «маргиналом в европейской политической игре»¹¹.

И все же внешняя политика и дипломатия Англии XVII в. отнюдь не выглядела «маргинальной», о чем свидетельствуют мнения современников. Последние нередко рассматривали Англию как одну из сильнейших держав Европы. К примеру, послы Дании, Швеции, Португалии, Испании и Франции вели дипломатическую борьбу между собой за благоволение Оливера Кромвелля. «Море Ваше и сейчас все нации приветствуют появление в своих портах Вашего флота. Ваша власть распространяется подобно ветру, несущему облака по небу или корабли вокруг земли», — говорилось в одном из панегириков лорду-протектору Англии. Разумеется, в такой ситуации внешняя политика Англии не могла не отразиться на внутренней жизни государства. Дж. Блэк пишет в одной из своих последних работ, что «результаты европейской политики XVII в. существенно отразились на изменениях внутри политической системы»¹².

Пожалуй, наиболее решительной и резкой критике англоцентризм и изоляционизм подверглись в книге Э. Джонса «Английская нация: великий миф»¹³, в которой исследуется

происхождение вигской концепции истории Англии, формирования и величия английского государства. Британское историческое сознание начиная с XVI в. до распада империи выработало исторический миф об исключительной роли британской нации и ее превосходстве над другими народами, что нашло отражение в изоляционизме и ксенофобии. И лишь с середины XX в. с большим трудом в Британии стали осознавать, что ее жители принадлежат к европейскому сообществу. Происхождение вигского мифа Джонс прослеживает с эпохи Реформации, открывшей путь к национальному государству и обособлению от Европы. Наиболее значительными создателями вигского мифа были Дж. Фокс, Дж. Мильтон, Г. Барнет в конце XVI — начале XVIII вв., а затем Д. Юм и Т. Б. Маколей, в чьих трудах наиболее четко сформулировано вигское видение истории Англии. Джонс находит много общего в средневековой истории Англии и континентальной Европы, отрицая, что этой стране издавна были присущи свобода и демократия. Что касается ревизионистов, то автор отмечает их положительную роль в начавшемся разрушении вигского мифа.

В принципе, на протяжении всего XVII столетия международный фактор самыми разными путями — косвенными или прямыми, и в разной степени — большей или меньшей — оказывал влияние на внутренние процессы в Англии и на активность английской дипломатии. В свою очередь, английская внешняя политика являлась своеобразным отражением взаимосвязей международных отношений в Европе и внутренней жизни Альбиона, и, по сути, была барометром внешнего воздействия.

Начало XVII в. ознаменовалось обострением противоречий не только в системе европейских государств, но также в их внутренней структуре. Во время политического кризиса в Англии в царствование Якова I и Карла I Стюартов (1603—1640 гг.) равновесие между внутренними и внешними задачами Лондона постоянно нарушалось. Это обстоятельство было вызвано, во-первых, раздвоением внутригосударственных и дипломатических целей между короной и парламентом, и, во-вторых, обострением международной обстановки на континенте, в конечном итоге вылившемся в общеевропейскую войну.

Тридцатилетняя война была наиболее полным проявлением системноструктурного кризиса в международных отношениях в Европе и сама по себе являлась своеобразной «революцией», выразившейся в борьбе между старыми и новыми тенденциями в развитии европейского континента, рационализмом и иррациональным в мышлении и политике. Тридцатилетняя война означала конец «конфессионального века» и стала важным переломным моментом в развитии Европы, как, собственно, и Английская революция середины XVII в., имевшая значение не только для истории собственной страны. Оба эти события не нашли своего полного завершения в середине столетия и фактически продолжались: новая английская государственность, наконец, получила свое первоначальное политическое и конституционное оформление лишь в результате Славной революции 1688—1689 гг., а тридцатилетняя война не только не решила острые международные проблемы, но и породила определенные сложности формирования новой системы взаимоотношений между государствами и вылилась в серию конфликтов, развязанных Францией во второй половине XVII в. и в войну за испанское наследство.

Накануне и в начале Тридцатилетней войны расхождения во взглядах между Яковом I и парламентской оппозицией на государственную власть и конституционное устройство способствовали тому, что поражение антигабсбургского фронта на первом этапе войны и необходимость его поддержки стали важным козырем оппозиции в палате общин в дебатах с короной и по другим проблемам — конституционно-юридическим, экономическим, а также частного характера. Вообще необходимо обратить внимание на некоторую ревизию в современной историографии политики и личности Якова I. Нельзу, очевидно, сбрасывать со счетов его попытки достигнуть религиозного примирения между христианами различных направлений — англиканами, лютеранами, кальвинистами, католиками и православными, в чем он видел ключ к установлению стабильного и мирного христианского мира в век конфессиональных распрей. Экуменические устремления Якова I представляют интерес как элемент внешней политики и дипломатии того времени. Английский король одобрял миротворческие усилия таких западноевропейских интеллектуалов, как Жак-Огюст де Ту, Ж. Отман, Г. Гроций. Он обращался с миротворческими предложениями к монархам и римским папам, в результате чего Англия установила близкие отношения с французскими и голландскими протестантами и руководителями православной церкви. Хотя его видение решения международных проблем было нереалистичным, оно во многом предшествовало экуменическому движению XX столетия¹⁴.

Можно несколько иначе взглянуть и на политику Карла I. Война с Испанией и Францией в 20-е годы XVII в. привела в итоге к царствованию без парламента, ибо неудачи во внешней

политике существенно отразились на взаимоотношениях короля и оппозиции. Во всяком случае, этот король непосредственно связывал мир со стабилизацией внутренней ситуации в государстве. Это, несомненно, отразилось на политике лавирования между двумя коалициями, боровшимися в Тридцатилетней войне ¹⁶.

Вообще активизация внешней политики Англии с 1624 г. отрицательно сказалась на внутренней ситуации в стране: в данном случае нельзя сбрасывать со счетов неудачную стратегию и тактику короны, дипломатию Франции, приведшую в итоге к англо-французскому конфликту вокруг Ларошели в 1627—1628 гг., поражение антигабсбургского фронта на втором этапе Тридцатилетней войны, а также, как следствие любой войны, — особенно на два фронта, — жесткий внутривнутриполитический курс, приведший к противоречиям в парламенте и в стране. Последние вылились в политический кризис 1628—1629 гг., кульминацией которого стала «Петиция о праве» 1629 года. Итогом этого кризиса явилось одиннадцатилетнее беспарламентское правление Карла I и выход Англии из Тридцатилетней войны.

Тем не менее в 30-е годы XVII в. международный фактор продолжал оказывать значительное влияние как на внутренние процессы в Англии, так и на активность английской дипломатии. Растущая активность послов государств-участников Тридцатилетней войны в Лондоне, необходимость решать свои дипломатические задачи на континенте и одновременно стремление не участвовать в военных действиях, заставляли Карла I идти на непопулярные среди оппозиции внутренние меры в области налоговой и конфессиональной политики. Это привело к тому, что в конце 30-х годов англо-шотландская война спровоцировала созыв парламента и начало затяжной и кровавой политической борьбы в Англии середины XVII века.

Тридцатилетняя война втянула в конфликт не только Центральную и Западную Европу, но и Британию. Последним актом Тридцатилетней войны, по мнению Дж. Скотта, был не Вестфальский мир 1648 г., а казнь первого Стюарта, потому что это был опыт разрушения монархии, построения республики и утверждения радикальной Реформации. Более того, события Тридцатилетней войны находили живой отклик в общественном мнении Англии, что выразилось в постановке 55 пьес в английских театрах этого времени на тему Тридцатилетней войны, среди которых особо выделялась пьеса «Гектор Германии, или пфальцграф, первый курфюрст» о Фридрихе V Пфальцском, зяте Якова I и чешском короле в 1618—1620 годах ¹⁶.

В сущности, как это ни парадоксально, сложные политические процессы в Англии середины XVII в. проходили в наиболее благоприятных для них международных условиях. Гражданские войны между Карлом I и парламентом велись во время завершающего этапа Тридцатилетней войны, когда европейские государства, уже обессиленные в финансово-экономическом и внутривнутриполитическом отношениях, прежде всего беспокоили начавшиеся в Мюнстере и Оснабрюке переговоры о мире. Тридцатилетняя война породила множество проблем, естественных для послевоенных периодов, и самая главная из них — политический кризис, разразившийся в ряде европейских государств, особенно тех, кто в первую очередь могли представлять опасность интервенции — Франции и Испании, к тому же продолжавших воевать между собой до 1659 г. и заинтересованных в благожелательной позиции по отношению к ним Англии. В результате исход борьбы между роялистами и парламентом, несмотря на попытки вмешательства европейской дипломатии, определялся в большей степени внутренними мотивами.

Большую роль в деле внешнеполитической стабилизации Английской республики и Протектората играла умелая и сильная дипломатия Кромвеля, который, несмотря на желанную для него, но явно недостижимую в новых условиях после войны идею распространения протестантизма во всей Европе, еще долгое время после заключения Вестфальского мира популярную на континенте, придерживался прагматической и рациональной позиции в международных отношениях, в целом соответствовавшей государственным интересам Англии. При этом репутация Кромвеля как политика и дипломата в немалой степени отражалась на его положении внутри страны, что способствовало развитию форм английской государственности от Республики до Протектората. Некоторые английские исследователи считают, что существование режима Кромвеля целиком основано на успехах его внешней политики и, следовательно, на его высоком авторитете в государствах Европы ¹⁷.

В 50-е годы XVII в. политика большинства европейских государств по отношению к Англии носила двойственный характер: они признавали, сочувствовали и желали помочь в меру своих возможностей Карлу II и роялистской эмиграции. Однако внутренние обстоятельства, дипломатические потребности и государственные интересы этих стран существенно ограничивали их возможности в данном аспекте, нередко сводя их к нулю. При этом, если

отвлечься от существовавших тогда в Европе династических принципов легитимной власти монархов, европейские государства, как видно из документов той эпохи, больше, нежели само существование Английской республики, Протектората или Кромвеля, волновал сам факт усиления политической и экономической силы Англии. Преимущественно этот фактор заставлял их нередко поддерживать оппозицию и состояние внутренних конфликтов в Англии и был важной составляющей европейской политики по отношению к Лондону в будущем.

В этой связи необходимо обратить внимание на англо-голландские войны XVII в., не оставившие какого-либо реального отпечатка на национальном сознании Британии и привлечшие относительно малое внимание историков вне Нидерландов. Англо-голландские войны оказались в тени из-за того, что они не вписывались в историческую парадигму, сформированную британской внешней политикой за последние три столетия. Эта парадигма основана на политике равновесия сил против преобладающей силы на континенте: против Людовика XIV, против первой Французской республики, Наполеона, наконец, против кайзеровской Германии и Гитлера. Конечно, Голландская республика была слабее по сравнению с Английской республикой во времена Кромвеля или Англии при Карле II, и третья англо-голландская война 1672—1674 гг. шла отнюдь не под знаком принципа равновесия сил, поскольку Англия находилась в союзе с Францией, то есть более сильным государством. Во всяком случае, нельзя полностью объяснять англо-голландские войны исключительно стремлением Англии к преобладанию на морях и подавлению Голландии как торгового соперника, как это было принято считать в традиционной стюартовской историографии.

Причина такого одностороннего подхода видится прежде всего в том, что отношения Англии с иностранными государствами начиная с 20-х годов XVII в. находились на периферии государственной политики. Парламент и Кромвель были заинтересованы в безопасности изолированной Английской республики, поскольку Стюарты и семейство герцогов Оранских, из которых происходили статхаудеры Республики Соединенных Провинций, находились в тесных родственных отношениях, а голландский флот был единственной силой, способной совершить интервенцию на британские острова¹⁸. В то же время английские роялисты при Карле II считали голландцев экономическим соперником Англии в тесной связи с тем обстоятельством, что последние — преимущественно республиканцы¹⁹.

После третьей англо-голландской войны наступил период политической нестабильности, наполненный подозрениями и напряжением в отношениях между короной и оппозицией до конца 1688 г., когда Яков II обнаружил, что не может начать четвертую англо-голландскую войну, так как англичане не хотят присоединиться к нему против Вильгельма Оранского²⁰.

Как известно, международные отношения второй половины XVII в. были тесно связаны с территориальной экспансией Франции и активной дипломатией Людовика XIV, стремившегося к абсолютной гегемонии своей страны на континенте и нарушившего систему равновесия в Европе, установившуюся в результате Вестфальского и Пиренейского мира. Государственные интересы Англии и интересы протестантизма требовали от английского правительства поддержания устойчивости формирующейся Вестфальской системы. Но занявший английский престол Карл II, желая добиться финансовой и политической независимости от парламента, обратился за поддержкой к Франции, тем самым попав в новую зависимость, уже внешнеполитического характера. В сущности, договор в Дувре 1670 г. между Людовиком XIV и Карлом II сыграл значительную роль в обострении конфликтов между короной и парламентом вплоть до Славной революции и в возникновении третьей англо-голландской войны, а также положил начало открытой «интервенции» европейских держав во внутренние дела Англии²¹.

Участие английской монархии в европейской политике, не соответствовавшее в целом государственным интересам Англии, было мощным фактором усиления организованной политической активности как в парламенте, так и вне стен Вестминстера, и способствовало оформлению партий тори и вигов — основы дальнейшего развития политической системы Великобритании. Политико-конфессиональные вопросы, выдвигаемые на первый план «партией страны», были самым тесным образом увязаны с ситуацией на континенте. Карл II в отличие от некоторых монархов его времени не смог преодолеть стандарт той эпохи, выражавшийся в том, что религия монарха должна быть религией его подданных. Это, заметим, вызывало страх в английском обществе перед восстановлением католицизма и в итоге способствовало подготовке экспедиции Вильгельма Оранского²².

Но не это было главным в событиях в Англии в конце 80-х годов XVII века. Уже во второй половине этого десятилетия большинство государств Европы, находясь под угрозой политической, территориальной и духовной экспансии Франции, были крайне заинтересованы в разрешении проблемы английского престолонаследия. Политика ослабления англий-

ского королевства сменяется желанием усилить его, посадив на престол вместо короля-католика Якова II статхаудера Голландии. Солидный перевес французским амбициям могло обеспечить только присоединение к Аугсбургской лиге 1686 г. Англии с ее экономическим и военным потенциалом и возглавляемой последовательным противником Людовика XIV — Вильгельмом III Оранским. Это обстоятельство способствовало успешному осуществлению экспедиции статхаудера наряду с благоприятной религиозно-политической ситуацией в Европе накануне Славной революции, обеспечившей ее идеологическое оформление²³. В итоге международный фактор сыграл исключительно важную роль в подготовке Славной революции в Англии, а сама революция во многих смыслах явилась результатом европейской политики 80-х годов XVII века.

Ради справедливости следует еще отметить следующее. Экспедиция принца Оранского на Британские острова отнюдь не являлась авантюрой — она была тщательно продумана и дипломатически подготовлена, дабы обеспечить защиту от возможного противодействия Франции. А Англия приобрела статус великой военной державы уже после 1688 г. и одержала победу над Францией еще задолго до блестящих сражений герцога Мальборо в годы войны за испанское наследство²⁴.

Славная революция как известно завершилась окончательно лишь к концу 1691 г. вследствие не столько внутренних причин, сколько в силу растущего значения в этот период международного фактора, выразившегося в двух противоположных тенденциях. С одной стороны, начавшаяся в Европе Девятилетняя война (1688—1697 гг.) во многом обусловила желание государств-противников Франции вовлечь Англию в войну на континенте и фактическое, а затем и юридическое, признание прав Вильгельма III Оранского на английский трон. С другой стороны, помощь со стороны французского короля якобитам угрожала достигнутым во время Славной революции результатам, особенно принципу протестантского престолонаследия, являвшемуся своеобразным символом формировавшейся английской парламентской монархии. Причем бесконечные планы и попытки якобитов высадиться на Британские острова с целью реставрации стюартовской монархии отнюдь не выглядели фантазией, ибо поддержка якобитского двора в Сен-Жермене со стороны самого могущественного монарха Европы в политическом и военном отношении была достаточно серьезной²⁵.

Вследствие этих обстоятельств Славная революция в Англии имела свое продолжение на международной арене — только в годы активного участия Альбиона в Девятилетней войне, или войне Аугсбургской лиги, и в войне за испанское наследство — были закреплены основные принципы Славной революции и сформировалась политическая система Великобритании. Но уже заключенные в 1697 г. в Рисвике договора подняли и сформулировали важнейшие проблемы развития британского государства и его взаимоотношений с континентом²⁶.

Славная революция в значительной степени являлась продуктом европейской политики конца XVII в. и оказала далеко идущее воздействие не только на англоязычный мир. В международном плане она во многом повлияла на трансформацию европейской системы государств в следующем столетии, поскольку в международных отношениях XVIII в. вплоть до Французской революции англо-французский конфликт играл одну из ведущих ролей. Почву для возникновения этого, да и других международных конфликтов Старого порядка, во многих аспектах подготовила Тридцатилетняя война, по окончании которой происходило становление новой системы международных отношений в Европе, просуществовавшей до 1815 года. Противоречия внутри Вестфальской системы ускорили и углубили развитие политических процессов формирования правового государства нового времени в Англии, завершившихся Славной революцией и в немалой степени воздействовавших на международную жизнь в Европе XVII века. Таким образом, взаимосвязь международных отношений на континенте и политических событий в Англии XVII в. представляется достаточно очевидной.

Примечания

1. SCOTT J. English Troubles. Lnd. 2000, p. 3.
2. См. например: KOENIGSBERGER H. The Crisis of the 17th Century? A Farewell. — KOENIGSBERGER H. Politicians and Virtuosi. Essays in Early Modern History. Lnd. 1986, p. 149—168.
3. См. по этому вопросу: HENSHALL N. The Myth of Absolutism. Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. Lnd. and N.Y., 1992. С критикой концепции Хеншелла выступил ряд историков, отметивших, что он не выдвигает, главным образом, альтернативы понятию «абсолютизм». См.: Der

- Absolutismus — ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West — und Mitteleuropa (ca. 1550—1700). Köln; Weimar; Wien. 1996; DUCHHARDT H. Das Zeitalter des Absolutismus. München. 1998, S. 37—67, 160—163; BAUMGART P. Absolutismus ein Mythos? Aufgeklärter Absolutismus ein Widerspruch? Reflexionen zu einem kontroversen Thema gegenwärtiger Frühneuzeitforschung. — Zeitschrift für Historische Forschung, 2000, № 4, S. 573—589; ARLETTE J. Le temps des guerres de religion en France (1559—1598). P. 1998, p. 441.
4. БАРГ М. А. Великая Английская революция в портретах ее деятелей. М. 1991, с. 6, 8—9.
 5. См. ПОРШНЕВ Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика середины XVII в. М. 1970; его же. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976; ТЕР-АКОПЯН Н. Б. Англо-голландские отношения 1642—1648 гг. и Мюнстерский мир. — Проблемы британской истории. М. 1972; Bibliographie zum Westfälischen Frieden. Münster. 1996.
 6. Достаточно привести обзоры в статьях Д. Эйлмера и К. Хилла. См. ЭЙЛМЕР Д. Английская революция середины XVII в.: современные трактовки. — Вопросы истории, 1998, № 6; ХИЛЛ К. «Ревизионистские» историки и Английская революция. — Там же; PARKER G. The World beyond Whitehall. British Historiography and European Archives. — The Stuart Court and Europe. Essays in Politics and Political Culture. Cambridge. 1996, p. 274—282.
 7. KOENIGSBERGER H. Dominium regale or Dominium politicum et regale. — KOENIGSBERGER H. Politicians and Virtuosi, p. 25; ADAMS S. Foreign Policy and the Parliaments of 1621 and 1624. — Faction and Parliaments: Essays on Early Stuart History. Oxford. 1978; RUSSEL C. Parliaments and English Politics in the 1620s. Oxford. 1979; ejusd. The Scottish Party in English Parliaments 1640—1642, or the Myth of the English Revolution. Lnd. 1991, p. 16; TYACKE N. Anti-Calvinists: The Rise of English Arminianism 1590—1640. Oxford. 1987; ELLIOTT J. National and Comparative History. Oxford. 1991, p. 14.
 8. Anglo-Dutch Moment. Essays on the Glorious Revolution and its World Impact. Cambridge. 1991, p. II.
 9. The Revolution of 1688. Oxford. 1991; The Revolution of 1688—89. Changing Perspectives. Cambridge, N.Y. 1992; TREVOR-ROPER H. From Counter-Reformation to Glorious Revolution. Lnd. 1992.
 10. The Stuart Court and Europe, p. I, 3—6.
 11. PINCUS S.C.A. Protestantism and Patriotism. Ideologies and the making of English Foreign Policy. 1650—1688. Cambridge. 1996, p. I; STONE L. England's Financial Revolution. — New York Review of Books. Vol. 38. № 3. March 1990, p. 30.
 12. PINCUS S.C.A. Op. cit., p. 2; BLACK J. Warfare, Crisis and Absolutism. — Early Modern Europe. Oxford. 1999, p. 219.
 13. JONES J. The English Nation: The Great Myth. Phoenix Mill. 1998.
 14. PATTERSON W. King James VI and I and the Reunion of Christendom. Cambridge. 1997, p. IV, 336—337, 362—364.
 15. SHARPE K. The Personal Rule of Charles I. New Haven, Lnd. 1996.
 16. The Stuart Court, p. 21, 28—29, 112—132.
 17. Oliver Cromwell and the English Revolution. Lnd., N.Y. 1991, p. 147.
 18. JONES J. The Anglo-Dutch Wars of the XVII Century. Lnd., N.Y. 1996, p. 3—5, 12—15, 179.
 19. PINCUS S.C.A. Op. cit., p. 256.
 20. JONES J. The Anglo-Dutch Wars, p. 224—225.
 21. RECKER M.-L. Der Vertrag von Dover 1670 zur Englischen Aussenpolitik der Restaurationzeit. — Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. P. Band. 13 (1985). Sigmaringen. 1986, S. 293—294.
 22. The Stuart Court, p. 228—246.
 23. JURIE P. Lettres Pastorales Adresses aux Fideles de France, qui gemissent sous la captivité de Babylon. Rotterdam. 1688; L'Esprit de la France at les Maximes de Louis XIV. Decouvertes a l'Europe. A Cologne. 1688.
 24. The Anglo-Dutch Moment, p. 229, 363, 388.
 25. SZECHI D. A Blueprint for Tyranny? Sir Edward Hales and the Catholic Jacobite Response to the Revolution of 1688. — English Historical Review. Vol. CXVI. № 466. April 2001, p. 343.
 26. BLACK J. The Treaty of Rijswik and the long-Term Development of Anglo-Continental Relations. — Der Friede von Rijswik 1697. Mainz. 1998, p. 122—127.

Е. С. СЕНЯВСКАЯ. *Психология войны в XX веке: исторический опыт России.* М. РОССПЭН. 1999. 383 с.

Значимость книги доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Е. С. Сенявской вы-

ступает особенно ярко при знакомстве с положениями, высказанными автором относительно прогностического, синхронного и ре-

троспективного «образов войны» в сознании людей (с. 44—53). Свойства и механизмы сознания, психологии политиков и военных таковы, утверждает автор, что при прогнозировании войны они стремятся к созданию крайне оптимистического ее образа, подталкивают к ее развязыванию. Синхронный «образ войны», формирующийся в процессе ее развертывания, как доказала Сенявская, также не бывает адекватным, так как война это исключительно сложное явление, многое в ее ходе сознательно искажается и утаивается в угоду политическим и стратегическим соображениям, к тому же возникает множество неожиданных аспектов. Ретроспективный «образ войны», как показано в книге, формирующийся по ее окончании, выступает одним из инструментов решения текущих политических задач, целенаправленно формируется у общественности во имя определенных политических интересов.

Разработанные автором положения о прогностическом, синхронном и ретроспективном образах войны, особенностях восприятия войны политиками и военными, гражданским населением помогают лучше понять не только психологические аспекты подготовки, ведения и результатов войны, но и извлечь важные уроки для обеспечения безопасности и надежной обороны, принятия важнейших военно-политических решений (с. 33—73). Главное внимание в книге сосредоточивается на исследовании психологии вооруженных сил и народа как фактора успешного ведения войны и победы или, напротив, неудач, поражений и военного краха, а также влияния войны на психологию людей. Выявление изменений, происходящих в людях, социальных группах, обществах, в человечестве, их действиях и поведении под влиянием войн — одна из актуальных задач, и Сенявская вносит в ее решение существенный вклад. Большую методологическую значимость имеют и другие положения книги.

Психологией войн занимались многие ученые. Пионерство автора в этой области состоит в том, что она подходит к этому явлению с позиций исторической науки, рассматривает эволюцию психологического фактора в войнах в рамках всего XX века, дает глубокий сравнительный анализ тех изменений, которые произошли в нем в ходе первой и второй мировых войн, а также крупнейших региональных и локальных конфликтов второй половины нашего столетия. Этот сравнительный анализ производится не только по историческим этапам, но и по странам, армиям основных государств —

участников военных событий. В результате автору удалось разработать модель комплексного историко-психологического анализа мотивации, поведения и самоощущения человека и войсковых масс на войне. Целостный взгляд на психологический фактор в войне сочетается с рассмотрением особенностей его проявления у различных субъектов: армии, сражающихся на фронтах людей, политического и военного руководства, тружеников тыла, общества. Психологический аспект рассматривается в тесной связи с анализом эволюции характера, материально-технической базы, способов и форм ведения войны. В книге проанализирован уникальный отечественный опыт, когда подготовка народа и армии к отражению возможных агрессий сочеталась с формированием стремления к миру.

Большую степень новаторства отличает рассмотрение психологических последствий войн, особенно для непосредственных участников боевых действий. Сравнительный анализ «вьетнамского», «афганского», «чеченского» и других синдромов, поразивших огромную массу людей и сильно сказывающихся на жизни крупнейших стран и народов в течение длительных исторических периодов, дает основу для глубоких философских обобщений о войне. Сенявская справедливо утверждает, что все эти синдромы еще будут нарастать (с. 91—106), что делает необходимой разработку государственной программы комплексной реабилитации участников вооруженных конфликтов.

В книге рассматриваются фундаментальные вопросы роли и места психологического фактора в возникновении войн, их предотвращении и преодолении как социального явления. Это тем более важно, что и в прошлом, и сейчас не принято было рассматривать сознание и психологию как один из источников войн и вооруженных конфликтов, в то время как роль материальных факторов, экономических и политических отношений абсолютизируется. Это удобно для оправдания агрессивных актов; надуманных, произвольных, ненужных войн, возникавших благодаря определенному образу мышления, опыту и психологии властителей.

В книге показано, каким образом такие явления сознания и психологии как «сверхоптимистическое военное прогнозирование», психологическая склонность некоторых политиков и государственных деятелей к военному насилию, кажущаяся простота и быстрота разрешения конфликтов военной силой, ошибки и просчеты в политике и стратегии, способность психики «заражаться» воинственными настроениями и т. п. подталкивают

к применению военной силы там, где это и не диктуется объективными обстоятельствами. В этом плане интересно рассмотрение исторических фактов милитаризации сознания и психологии у многих больших народов, отличающихся высокой культурой и развитием. Обосновывая, что XX век стал апогеем воинственности народов, автор показывает не только как этот дух охватывает значительную часть человечества, но и отмечает принципиально новый уровень этой воинственности, нацеленной на уничтожение огнем и мечом целых народов с их многовековой культурой, на завоевание господства над всем миром.

Крайне «милитаризованное сознание», свойственное политикам, государствам, различным социальным группам и даже народам, то есть настрой на самые разрушительно-истребительные войны, жестокое, карательно-террористическое применение военной силы для «казни гуртом» непокорных наций и т. п. — уродливый феномен XX в., родившийся в условиях фантастических научно-технических достижений.

Наряду с ростом «милитаризованности», и «воинственности» в массовой психологии в XX в., в книге показана и противоположная тенденция: усиление протеста, растущее неприятие, отрицание войны, чему способствовала эволюция самой войны: расширение ее масштабов, негативное воздействие на всю жизнь людей, угроза подрыва основ существования человечества и всеобщей его гибели. Если войны до XX века непосредственно затрагивали незначительную часть территории и мирного населения, то в последнее столетие картина резко изменилась. Во вторую мировую войну было втянуто 80% населения Земного шара, боевые действия велись на территории 40 государств. В войнах XX в. погибло 120—150 млн. человек. Среди погибших во второй мировой войне мирное население составило 50%. Число этих жертв быстро нарастало и в последующих конфликтах. Войны все более разрушают хозяйство. Ядерное оружие поставило под угрозу возможность сохранения самой планеты Земля.

Эти и другие обстоятельства сильно воздействовали на сознание, психологию и отношение людей к войне, военному насилию, армиям, военному делу в целом. Особенно существенные сдвиги в отношении к войне произошли у народов России, Германии, Японии и др. Лидирует по отрицанию войны народ России: «боевой оборонный инстинкт» в сознании вытесняется формулой «лишь бы не было войны». Широко утвердилось умонастроение (не без влияния так называемого

нового политического мышления), что можно поступиться достаточно высокими ценностями, чтобы не воевать. Так и случилось при распаде СССР, смене социально-экономического и политического строя России.

В 90-е годы ослабло восприятие военных угроз, изменилось отношение к армии, упал и продолжает снижаться престиж военной службы, ухудшилось материальное положение военных. Захлестнувший страну пацифизм явился благодатной психологической основой для бездумного разрушения некомпетентными политиками военно-промышленного комплекса, вооруженных сил и других силовых структур, системы военной безопасности страны. И хотя абстрактный пацифизм постепенно преодолевается, народ уже, по видимому, никогда не вернется на тот уровень отношения к войне и армии, который был в период Великой Отечественной войны и в первые годы после нее.

Для правильного понимания накопившегося социологического материала об изменениях в отношении человечества к войне важны положения книги о колебаниях массового сознания и психологии, возможных рецидивах воинственности у народов, склонявшихся к миролюбию и даже пацифизму, об огромных потенциалах новых информационных средств и технологий, используемых политиками для возбуждения милитаристских умонастроений, чувств и порывов. Поучителен в связи с этим авторский анализ развития реваншистских настроений в Германии после ее поражения в первой мировой войне и Версальского договора. Разработанные в книге положения о механизмах, уровнях, колебаниях массового сознания и психологии в отношении войны предупреждают против упрощенных представлений о переходе к мирной эпохе.

Из книги становится яснее, что утверждение мира потребует от людей и человечества колоссального напряжения сил. Победа мира еще больше зависит от сознания, решимости, воли, от субъективного фактора, чем победа в войне.

Перечень поднятых в книге только собственно военно-психологических проблем составил бы не одну страницу: психология боя и солдатский фатализм; героический порыв и паника; особенности фронтового быта; взаимоотношения офицеров и рядовых; взаимодействие и соперничество родов войск; роль идеологии и пропаганды; символы и мифы войны; солдатские суеверия; формирование и эволюция образа врага; феномен участия женщин в боевых действиях и многое другое. Используемые Сенявской документы дают возможность лучше понять

различие психологических настроений, отношений. Важное место в книге занимают приложения, дающие исследователям инструментарий (программы, образцы анкет и интервью и т. п.) для разносторонних исследований роли психологического фактора на войне.

Конечно, труд, охватывающий столь широкий круг проблем, вряд ли может содержать одинаково всестороннее их рассмотрение. Некоторые важные вопросы даются несколько однопланово, без достаточно глубокого осмысления, с большой долей конъюнктурности (например, о перспективах службы женщин в вооруженных силах, соотношении религиозности и атеизма на войне и др.). Так, рассматривая различные взгляды на военную службу женщин, Сенявская заключает, что хотя они сейчас играют большую позитивную роль в вооруженных силах, их служба в армии «явление необычное» в мирное время, а в боевой обстановке «яв-

ление чрезвычайное» (с. 160—170). Думается, данная проблема заслуживает более обстоятельного рассмотрения.

Иногда Сенявская излишне категорична. Так, вряд ли можно согласиться с тем, что во время Великой Отечественной войны у нас «и на уровне пропаганды, и на личностно-бытовом уровне понятие «немец» было отождествлено с понятием «фашист», «был достигнут эффект полного национально-культурного отторжения немцев» (с. 251—317). Несмотря ни на что, у нас и в период войны господствовало уважение к другим народам, в том числе к великой культуре Германии, понятия «фашист» и «немец» разделялись. Впрочем, таких неточностей не много.

В целом, Сенявская проявила широкую эрудицию, высокую методологичную культуру и внесла существенный вклад в исследование рассматриваемой проблемы.

В. В. СЕРЕБРЯННИКОВ

D. M. GLANTZ. *Barbarossa. Hitler Invasion of Russia, 1941*. Tempus Publishing Ltd. The Mill, Brimscomb Port (UK), Charleston (USA). 2001. 256 p.

Д. М. ГЛАНТЦ. *Барбаросса. Гитлеровское вторжение в Россию в 1941 году*.

Американский историк Дэвид Глантц вовлек в научный оборот массу ранее недоступных исследователям источников, советских и германских архивных документов и мемуаров, в своих трудах использовал практически всю современную литературу по этой тематике.

Основной лейтмотив в новой работе Глантца — причины и факторы не только поражения СССР в 1941 г., но — главное — те, что сломали расписанное до деталей германское наступление и обусловили крах «плана Барбаросса». Автор стремится объективно и всесторонне рассмотреть эти факторы и весь ход боевых действий, уделяя должное внимание деятельности советского государства и Красной Армии, стратегическим, оперативным, тактическим решениям, задачам их руководителей.

Глубоко и достаточно остро полемизирует автор с современными западными историками, склонными «панорамно» (а фактически упрощенно) описывать «операцию Барбаросса» как «сущий джаггернаут» (с. 9), совокупность выдающихся драматических событий, игнорируя фон и общий контекст операций, действия советских вооруженных

сил. «Хотя они рассуждают о мотивах, последовательности, временных рамках и объективных обстоятельствах каждой стадии операции, — пишет автор, — эти историки склонны подчеркивать непрерывность (германского) наступления и влияние неумолимых природных факторов» (с. 10). Поэтому и поражение вермахта в конце 1941 г. выглядит для этих авторов как парадокс. Односторонность в их подходе автор объясняет тем, что они игнорировали советские источники и не сумели в полной мере объективно и во взаимосвязи оценить решения и действия советских военачальников.

В приложении дана подборка германских и советских стратегических документов. Подробно разбираются директивы Гитлера, начиная с № 21 от 18 декабря 1940 г., в которой — как основная задача германской армии — ставилось уничтожение в ходе «молниеносной войны» основных сил Красной Армии. Как рассчитывал фюрер, она не успеет мобилизовать и развернуть свои силы и резервы. Еще двумя неделями раньше, на одном из заседаний, посвященных разработке «плана Барбароссы», Гитлер, как вспоминал бывший начальник штаба сухопутных войск

Ф. Гальдер, заявил, что по сравнению с уничтожением советских вооруженных сил «Москва не имеет большого значения» (с. 14).

Характеризуя привыкшую к своей непобедимости германскую армию, автор подчеркивает, что в ней поощрялась инициатива и самостоятельное мышление офицеров, понимание ими смысла решений высшего командования. Сказалось и то, что Германия располагала мощными танковыми группировками, рядом мобильных соединений, налаженной системой связи и управления. Однако, отмечает Гланц, в ряде европейских операций немцам не всегда удавалось окружать противника, пехота нередко отставала от механизированных соединений, за наступающими частями не поспевали подразделения, ведавшие снабжением, в том числе и обеспечением боеприпасами и горючим, то есть уже проявились качества, сыгравшие свою роль в ходе боевых действий 1941 года. Оборонительная доктрина вермахта базировалась на в значительной мере устаревшем опыте первой мировой войны.

Германские военно-воздушные силы, указывает Гланц, были в основном ориентированы на операции тактического характера, поддержку и обеспечение действий сухопутных войск, а не на глубокие и мощные воздушные операции, имеющие стратегическое значение. Обращает автор внимание на недостатки и трудности германской армии в вопросах тылового снабжения, транспортировки военных грузов, обеспечения армии горючим, а промышленности сырьем и рабочей силой. «Вермахт должен был одержать быструю победу или не одержать никакой», приходит к выводу автор (с. 22).

О состоянии советских вооруженных сил накануне войны Гланц уже писал, и довольно подробно, в своих ранее вышедших капитальных трудах¹. В рецензируемой книге он также касается этой темы, отмечая недостаточное внимание советского командования к оперативной обороне, нехватку опытных и надлежащим образом обученных командиров — инициативных, смелых, способных принимать самостоятельные решения. «Чистки» 30-х годов «фактически вырвали сердце и мозг армии» (с. 205), лишили ее наиболее способных военных теоретиков и практиков, во многом вытравив инициативность, оригинальность мышления командного состава. Тыловое хозяйство Красной Армии не было готово к обеспечению боевых действий всем необходимым. Не доставало мощных бронетанковых соединений, структура мехкорпусов не отличалась гибкостью, она была жесткой и маломаневренной. Страдала система управления. Мобили-

зационная система функционировала во многом на уровне 1914 года. Давали себя знать многие проблемы с развертыванием боевых сил. Новая оборонительная линия не была готова. Гланц подчеркивает, что вермахт фактически встретился с армией мирного времени, не готовой к отражению «молниеносного» наступления немецко-фашистских войск. Вместе с тем, подчеркивает автор, Советский Союз «мог превзойти Германию в длительной борьбе» (с. 27), обладая огромными резервами, о которых Германия и не догадывалась, рядом новых и весьма совершенных образцов оружия, танков и самолетов.

При обсуждении современными историками плана и операции Барбаросса самый дебатруемый, как подчеркивает автор, вопрос — как же вермахту удалось обеспечить «ошеломляющую политическую и военную внезапность» (с. 28). Автор скептически относится к традиционным ссылкам на «слепоту» Сталина, игнорировавшего угрозу Германии, его боязнь спровоцировать последнюю и оказаться жертвой западных политических интриганов, пытавшихся втянуть СССР в войну с Германией, расчет на то, что она не рискнет открыть «второй фронт» и лишиться советских поставок. Более серьезные автор считает «институциональные причины», к которым он в числе прочих относит последствия «великих чисток», оценку Сталиным германской операции «Морской лев», а также вторжения немцев в Югославию и Грецию. Фюрер напал на СССР тогда, когда располагал наибольшими, и особенно развернутыми силами, а Красная Армия, переживавшая переходный период, была крайне уязвима, что, собственно и создало «институциональную» неожиданность германского вторжения (с. 31—32).

Автор напоминает, что СССР энергично выступал за всемирное разоружение. Но его руководство принимало усиленные меры по реформированию и модернизации армии, благодаря чему к началу войны «советские вооруженные силы были крупнейшими в мире» (с. 32). Целый ряд «внутренних противоречий», отмечает автор, помешал развитию и реформированию советских вооруженных сил, их подготовке к отражению врага. Он снова упоминает о «чистках» и массовых расстрелах, извращавших оперативно-стратегическое мышление и моральные устои войск, насаждавших определенную робость и неуверенность в сознании командиров. «Коммунистический абсолютизм» и марксистско-ленинский догматизм порождали безразличие к развитию мировой военной науки. От командиров и солдат требовалось беспрекословное подчинение воле партии.

«Операция Барбаросса» началась эффективно, но, как считает Гланц, просчеты авторов этого плана обнаружились сразу. Красноармейцы и командиры беззаветно сопротивлялись фашистским захватчикам, сроки и темпы германского наступления не выдерживались, не соблюдалась синхронность движения основных групп немецких армий. Очень скоро германское командование стало понимать, что «русский километр гораздо длиннее западноевропейского» (с. 56).

Особое внимание автор уделяет советским мероприятиям по формированию и укомплектованию новых частей и соединений во время войны (с. 66—71). Битва под Смоленском и контрнаступление советских войск показали, что Ставка отдает себе отчет о причинах и последствиях произошедшей катастрофы, хотя и переоценивает собственные и недооценивает германские силы (с. 86). Поэтому, считает автор, нередко на советские войска возлагались нереальные и непомерно амбициозные задачи.

Смоленская битва, ожесточенное сопротивление советских войск, подчеркивает Гланц, побудили немцев изменить свою стратегию, в частности перенацелить танковую армию Гудериана против Брянского фронта и на Киев. Оборона Ленинграда сорвала гитлеровский план захвата этого города и тем самым помешала реализации ряда идей «плана Барбаросса». Подробно описана битва под Киевом и Уманью. Окружение больших групп советских войск, отмечает автор, «нанесли серьезный ущерб Красной Армии и разрушили сцепленность советских стратегических оборонительных линий» (с. 135). Гланц полемизирует с историками, полагающими, что немецкое окружение Киева побудило Гитлера изменить главное направление удара и отложить — примерно на месяц — наступление на Москву. Гланц полагает, что это соображение, если и справедливо, то лишь частично, поскольку «не-терпеливый» Гитлер одновременно повернул часть группы «Центр» на Ленинград. Во всяком случае, считает автор, успехи немцев под Уманью и Киевом не ослабили германской уверенности в своей возможности добиться победы при осуществлении «операции Барбаросса» (с. 136).

Разбирая операцию «Тайфун», бои под Вязмой, Брянском, Тихвином и Ростовом и др., автор приходит к выводу, что «вермахт не сумел использовать потрясающие успехи, достигнутые в первой половине октября» (с. 158). Группе армий «Центр» не удалось прорвать советскую оборону западнее Москвы. Танковые армии растянулись, ослабился натиск немцев в центральной части фронта.

В начале ноября вермахт в полной мере стал ощущать силу русского сопротивления. К 4 декабря Красная Армия дала ощутимый отпор войскам вермахта на севере и юге Восточного фронта. Развернувшееся под Москвой наступление советских войск до основания потрясло идею блицкрига, как и представление о непобедимости германской армии. Инициатива переходит к Красной Армии. Некоторые представители верховного германского командования начинают выражать сомнение: а может ли Германия вообще одержать победу в этой войне (с. 204).

Автор подробно цитирует и комментирует неопубликованную рукопись командовавшего под Москвой армейским корпусом, а к концу войны считавшегося специалистом вермахта по вопросам оборонительных операций Г. Хейнрици — «Русская кампания», хранящаяся в американских архивах. По мнению Гланца, Хейнрици убедительно оценил выявившиеся еще до контрнаступления Красной Армии под Москвой причины неудач германской армии (с. 211—212). «Цель, поставленная перед восточной кампанией не была достигнута. Армия врага была разбита, но русская государственная структура не была разрушена» (с. 211). Германская армия не избавилась от угрозы войны на два фронта, напротив, эта угроза еще более усилилась. Гитлер недооценил «внутреннюю стабильность большевистской системы, высокий патриотический дух защитников «матушки Руси». Отношение германских оккупантов к населению захваченных территорий еще более усилило этот дух. (Гланц подчеркивает в этой связи, что германская армия вообще не была готова действовать в условиях народной войны.) Недооценил Гитлер и экономические возможности противника. Вооруженные силы СССР неожиданно для немцев обнаружили высокую боеспособность. Решающее значение, считает Хейнрици, имели ошибочные оперативные решения гитлеровского командования в августе 1941 г., когда «главный акцент» стал делаться не на армейской группе «Центр», а на группе «Юг», частично — «Север». Был упущен лучший шанс на решающую битву в ходе прямого наступления на Москву (впрочем, Хейнрици оговаривается, что иное решение не было тогда очевидным). Сказался и недостаток у германской армии необходимых моторизованных, а также воздушно-транспортных формирований. Вермахт не располагал резервами горячего, что особенно сказалось при продвижении вглубь России. Танковым группам приходилось дожидаться, пока их не догонит пехота. Слишком

велика была и зависимость от железнодорожного транспорта. Непреодолимыми для германской армии оказались пространства России. Ситуация осложнялась особенностями климата и местности, распутицей, болотами, морозами, густыми лесами, множеством рек. Немцы все время «воевали с временем», утрачивая преимущества «молниеносной войны». Тактические успехи Красной армии в первые три недели контрнаступления под Москвой получили развитие, и в дальнейшем привели к «оперативному краху» германских армий.

Глатц убежден, что доступные в настоящее время источники позволяют по-новому оценить рассмотренные Хейнрици «противоречия», лежащие в «плане Барбароссы». Особое внимание он уделяет «мудрым» гитлеровским решениям в августе — сентябре 1941 года. Теперь очевидно, считает автор, что сопротивление Красной Армии вермахту в октябре было слабее, чем в сентябре. После операций против Центрального фронта, разгрома Брянского фронта и вяземской катастрофы армейская группа «Центр» в октябре могла свободно наступать на Москву,

не испытывая тревоги за свой правый фланг. В сентябре же группе «Центр» при ее растянутых на севере и юге флангах пришлось бы иметь дело с гораздо большими силами Красной Армии.

«Самый важный фактор, неоднократно подчеркивает автор, заключался в том, что Красная Армия могла поднять и ввести в бой стратегические резервы» (с. 214). Мобилизованные после начала войны резервы и силы образовали к декабрю 1941 г. мощную силу, которая и сломала острие удара «молниеносной войны». Провал «плана Барбароссы», считает автор, можно было бы предсказать заранее.

Р. Е. КАНТОР

Примечания

1. GLANTZ D. M., HOUSE J. M. When Titans Clashed. How the Red Army Stopped Hitler. Lawrence. 1995; GLANTZ D. M. Stumbling Colossus. The Red Army on the Eve of World War. Lawrence. 1998.

А. В. ЛУБКОВ. *Война. Революция. Кооперация*. М. Прометей. 1999. 261 с.

Конец XX в. — не единственный период российской истории, озаменованный процессами формирования гражданского общества. В значительно больших масштабах формирование гражданского общества разворачивалось в нашей стране в начале этого века, и особенно — в период революции 1917 года. По сути, эта революция может быть названа революцией самоуправления, — столь высокая в ней роль различного рода общественных институтов. Осмыслению исторического опыта того времени мешает чрезмерная заполитизированность современного восприятия революции. В этом смысле рецензируемая монография доктора исторических наук, профессора Московского государственного педагогического университета А. В. Лубкова занимает особое место в современном историографическом процессе. Автор максимально абстрагируется от текущей конъюнктуры.

Вопросы становления гражданского общества, тенденции его развития в условиях догоняющей модернизации рассматриваются на примере бурно развивавшегося в России кооперативного движения. Пожалуй, нигде в мире кооперация не играла такой заметной роли, как в России начала XX века. Однородность большинства современных

работ о кооперации проявляется, в частности (говоря словами В. П. Булдакова), в большом разрыве между фактографичностью и аналитичностью. Автору удалось и развернуть широкую панораму фактов, и проявить смелость в их теоретическом обобщении.

Среди использованных Лубковым источников можно назвать такие традиционные, как мемуары кооператоров начала века, периодические издания, выпускавшиеся в те годы практически всеми крупнейшими кооперативными союзами России («Наше слово», «Кооперативная жизнь», «Жизнь и кооперация» и др.), научные работы деятелей русской кооперации, прежде всего Д. И. Шаховского, Е. Д. Кусковой, А. В. Чаянова, С. Л. Маслова, М. И. Туган-Барановского, С. Н. Прокоповича и многих других. Немало статистических и других сведений о развитии кооперации на местах найдено автором в материалах земств и других органов местного самоуправления разных лет. Но основной массив использованных в монографии источников — это никогда прежде не публиковавшиеся и вводимые в научный оборот впервые многочисленные архивные документы. Среди них — фонды Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), Цент-

рального государственного архива Московской области (ЦГАМО), Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Центрального архива общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Широко привлечены фонды провинциальных архивов — Рязани, Тулы, Иванова, Костромы.

Автору удалось поставить ряд вопросов, касающихся судеб и роли российской кооперации и прежде всего связанных с воздействием кооперативного движения на экономику и политику России переходного времени. В прежней исторической науке, да и сегодня можно встретить утверждения, что демократические институты общественной самоорганизации могут развиваться исключительно в стабильных условиях. Согласно другому стереотипу, кооперация не могла, да и не стремилась как-то влиять на большую политику — ее удел сводился к сугубо коммерческой, в лучшем случае просветительской деятельности¹. Однако, множество фактов, изучение общих тенденций развития российской кооперации позволили Лубкову существенно скорректировать эти выводы.

Способность институтов гражданского общества к адаптации к новым, самым сложным условиям, в том числе в экономической сфере, вполне очевидна из опыта деятельности кооперации в годы первой мировой войны. Война, а затем революция сказались на экономике России самым тяжелым образом: пришла в расстройство банковская система, начались перебои со снабжением городов продовольствием и топливом, останавливались заводы и конторы, люди оказывались на улице, деньги превращались в ничего не стоящие бумажки. Но, с другой стороны, именно период с 1914 по 1918 г. был временем наивысшего расцвета кооперации в России.

Во всяком случае отчасти благодаря кооперации удавалось смягчить кризис как в продовольственной, так и в других сферах экономики. Как показано в монографии, кооперация в эти годы превращается в подлинно народную организацию общественной самостоятельности и взаимопомощи. Более того, в условиях войны и разрухи кооперации оказалось по силам стать механизмом мобилизации усилий в масштабах всей нации, направленных на предотвращение полной остановки экономики страны. Многочисленные факты, собранные Лубковым, со всей определенностью доказывают, что кооперация не только могла, но только стремилась играть активную политическую роль, но и действительно добилась этого.

К примеру, в прошлой историографии возникновение советов в 1917 г. приписывалось исключительно влиянию большевиков на массы. На самом же деле на первых этапах становления советов, не как органов партийной диктатуры, а как демократических органов самоуправления, существенную роль сыграла именно кооперация. Не только в Петрограде, но и в большинстве прочих городов России деятели кооперации входили в число инициаторов создания местных советов, долгое время возглавляли их. Так, в Москве все председатели городского Совета рабочих депутатов, будь то меньшевики (Никитин, Хинчук) или большевики (Ногин) являлись видными представителями кооперативного движения. По линии кооперации еще до февраля удалось наладить активный межпартийный диалог между большинством групп тогдашней политической элиты вне зависимости от их партийной принадлежности. Кооперация играла важную роль надпартийной организации, пытавшейся примирить разногласия между правыми и левыми, радикалами и консерваторами. Тем самым она укрепляла центр тогдашнего политического спектра. Сохранила эту свою роль кооперация и после февраля: ее представители входили в руководство не только советов, но и прочих общественных организаций. Кооператоры были широко представлены во Временном правительстве, в том числе в ранге министров и товарищей министров.

В заключительных главах подробно анализируется кризис кооперации в большевистской России². Автор показывает, как сужение либеральных начал после прихода к власти большевиков подрывало политическую значимость кооперации и ее экономическую самостоятельность. Но даже в этих условиях кооперация продолжала играть важную роль. Она проявилась и в готовности кооперативов взять на себя продовольственное дело, и в лидерстве деятелей кооперации в борьбе с большевизмом³. Но победила логика диктатуры. Политические соображения заставили большевиков шаг за шагом наступать на кооперативное движение, впрочем, как и на другие общегражданские демократические институты, такие как думы, земства. Учредительное собрание.

В монографии нашли свое отражение процессы гуманизации исторического знания. С ее страниц к читателям обращаются многочисленные персонажи отечественной истории. Насколько это возможно, прописаны судьбы кооператоров того времени, их идеалы, принципы, мечта о будущем России. Перед нами проходит целая галерея исторических портретов.

Монография не лишена и определенных недостатков. Автору можно было бы расширить территориальные рамки исследования и не замыкаться в Европейской части России, а проследить и специфику кооперативного строительства в Сибири, где кооперация так же получила громадное пространство. Не помешал бы и более подробный сравнительный анализ российской кооперации и ее аналогов за рубежом. Возможно было бы интересно посмотреть на опыт кооперативного движения в 1914—1918 годы в сопоставлении с процессами, протекавшими в прочих общественных движениях того времени, скажем, профсоюзном или земском.

Впрочем, все эти замечания не отменя-

ют главного достоинства работы, а именно злободневности изложенного в ней опыта общественного строительства в нашей стране.

Б. ВАСИЛЬЕВ

Примечания

1. См., например: КАБАНОВ В. В. крестьянская община и кооперация в России XX века. М. 1997 и др.
2. Кооператоры встретили Октябрь настороженно. Сам. документы в кн.: Хрестоматия по отечественной истории (1914—1945). М. 1996, с. 141—144.
3. См. малоизвестные материалы, помещенные в кн.: Независимое рабочее движение в России. Документы и материалы. Париж. 1981.

Трагедия советской деревни. Т. 2. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, ноябрь 1929 — декабрь 1939. М. РОССПЭН. 2000. 928 с.

Первый том 5-ти томной публикации «Трагедия русской деревни» (М. 1999 г.) охватил период с мая 1927 по ноябрь 1929 г. — начало сталинского наступления на деревню, отмеченное усилением государственного нажима на крестьян, чрезвычайными хлебозаготовками и переходом к вытеснению зажиточного крестьянства из социальной структуры деревни. Второй том документальной серии посвящен наиболее трагическому, переломному периоду истории крестьян России, началу сплошной коллективизации и раскулачивания. Книга вышла под редакцией главного редакционного совета, в который вошли российские и зарубежные историки. В сборник включены 279 документов из партийных и государственных архивов. Многие из них только что рассекречены и публикуются впервые. «Введение (Развертывание «сплошной коллективизации»)» написано Н. А. Ивницким, «Археографическое предисловие» Е. Хандуриной.

В начале декабря 1929 г. на заседании Политбюро по предложению И. В. Сталина и при поддержке других членов высшего партийного органа было принято решение создать специальную комиссию, возглавляемую наркомом земледелия Я. А. Яковлевым для определения темпов коллективизации в различных районах СССР и мерах помощи в этом деле со стороны государства (док. № 2). Документы свидетельствуют, что процесс образования колхозов «ударными темпами» во многом стимулировался и поддерживался местными (областными и краевыми) властями (док. № 2-24).

Документы описывают работу подкомиссии Г. Н. Каминского, исходившей из того, что коллективизация приняла массовый, «сплошной» характер и происходит в непримиримой борьбе с «кулацким элементом». Одна из подкомиссий (председатель К. Я. Бауман) занималась вопросом об отношении к кулаку. Кулацкие средства производства предлагалось экспроприировать и передать колхозам, самих кулаков селять или выселять; в отношении же «тех, кто резко и активно сопротивляется, принять... все меры государственного насилия, вытекающие из диктатуры пролетариата» (док. № 14).

Многие представители «с мест» в подкомиссии Каминского, которая проработала «вопрос о темпах коллективизации», предлагали ускорить ход коллективизации. Более длительные сроки предлагались деятелями наркомзема, Колхозцентра, а также с Северного Кавказа (М. М. Хатаевич) и Казахстана (Ф. И. Голощекин).

Сталин внес существенные замечания в проект Яковлева относительно темпов и сроков коллективизации по основным хлебным районам. Окончательный вариант проекта постановления Политбюро ЦК ВКП(б) был подготовлен комиссией 3 января 1930 г. (док. № 20). В основных зерновых районах коллективизацию намечалось завершить за 2—3 года, на Нижней и Средней Волге и Северном Кавказе в 1—2 года; в потребляющих и сырьевых районах — в 3—4 года. Решение Политбюро предусматривало

не пускать кулака в колхозы, конфисковать кулацкие средства производства, отводить кулакам худшие, отдаленные земли и т. п. Дальнейшая разработка вопроса о кулачестве была передана специальной комиссии Политбюро во главе с В. М. Молотовым. Основной формой коллективизации намечалась сельхозартель. Постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» было опубликовано 5 января 1930 г. (док. № 24).

В том вошли «совершенно секретные» справки Информационного отдела ОГПУ, рассылавшиеся строго ограниченному числу руководящих лиц. В док. № 25 отмечалось, что за последнее время усилилась по ряду районов распродажа и забой рабочего и продуктивного скота, как следствие его массового обобществления.

Из опубликованных документов видно, что процессы коллективизации и раскулачивания переплетались с проблемами хлебозаготовок, над которыми нависала угроза срыва. Снижение объема товарного зерна вело к уменьшению экспорта, сокращало поступление средств на индустриализацию. Невыполнение обязательств перед государством преследовалось в соответствии со статьями Уголовного кодекса (док №№ 27, 29, 37). Очередная сводка информотдела ОГПУ о ходе хлебозаготовок на Северном Кавказе отмечала, что зарегистрировано 30 терактов и появляются повстанческие листовки, направленные против хлебозаготовок, описывался рост антисоветской активности (док. № 27). 2 января 1930 г. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа И. П. Белов рапортует К. Е. Ворошилову о выступлении против хлебозаготовок основной массы крестьян в станице Махосhevской Майкопского округа (док. № 29).

Молотовская комиссия, в которой участвовали представители ОГПУ, занималась разработкой экономических мероприятий и репрессивных мер в отношении кулаков. Со второй половины января, как свидетельствуют документы, роль центральных органов в деле коллективизации и раскулачивания усилилась (док. № 41—47). Результатом стало «совершенно секретное» постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» (док. № 47).

Ориентировочно подлежало высылке до 100 тысяч кулацких семей в Северный край, Сибирь, на Урал, в Казахстан. Конфисковались имущество, инвентарь («выше трудовой нормы»), вклады в сберкассах. В поста-

новлении Политбюро говорилось о роли органов ОГПУ, увеличении их штата. Предусматривались меры по «нейтрализации» религиозных и сектантских организаций. Жертвами постановлений о коллективизации и раскулачивании стали сотни тысяч крестьянских семей. Все это, как отмечается в документах, подтолкнуло процесс коллективизации не только в зерновых, но и в потребляющих и национальных районах. Уровень коллективизации за один месяц вырос в 2—3 раза.

Секретные информационные сводки, справки и обзоры ОГПУ о положении в деревне основывались на сообщениях собственной агентуры. В справке от 5 января 1930 г. (док. № 32) сообщалось об административном произволе и грубейшем насилии над крестьянами. Отмечалось также, что грубые искривления в политике коллективизаций ведут к развалу созданных колхозов и массовому выходу из них, отказу от вступления в них. Это, как сообщалось в материалах ОГПУ, наблюдалось по разным округам (док. № 56). В репрессиях и актах насилия участвовали работники сельсоветов, уполномоченные по коллективизации, милиция, органы ОГПУ, бригады по организации колхозов и т. п. 11 января 1930 г. последовала записка заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды с предложением разработать репрессивно-административные меры в отношении кулачества (док. № 34). Красной нитью через директивные документы проводилась идея, что идет «классовая борьба вокруг колхозного строительства» (док. № 39). Предусматривались поэтапное выселение трех категорий кулаков и репрессивные меры в отношении каждой.

В сборнике воспроизводится сталинская директива всем парторганизациям от 30 января 1930 г. (док. № 48), в которой говорилось об опасности увлечения раскулачиванием в ущерб коллективизации; неправильном толковании политики партии, которая «состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание» (док. № 48). В одной из телеграмм Сталина и Молотова секретарю Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) И. А. Зелинскому указывалось на необоснованность ускорения темпов коллективизации в Средней Азии, предлагалось тщательнее учитывать специфические условия этих районов (док. № 49).

Приводятся протоколы совещания коллегии ОГПУ в конце января 1930 г. с полномочными представителями и ответственными работниками, занятыми решением кулацкого вопроса (док. № 62—63). Были созданы

три комиссии по разработке планов ареста и высылки кулаков (док. № 69). Дела по кулакам первой категории рассматривались во внесудебном порядке. ОГПУ организовала 100%-ную перлюстрацию переписки с заграницей и армией. На местах создается секретный оперативный резерв для помощи в деле раскулачивания. По планам ОГПУ, операция против кулаков первой категории должна была завершиться до начала операции против второй категории, а массовые высылки планировалось проводить прежде всего в районах сплошной коллективизации и приграничных территориях.

В публикации содержится много сообщений об огульном раскулачивании, в том числе и семей красноармейцев, о несанкционированных высылках, неоправданных жестокостях, а также о побегах и сопротивлении кулаков (док. № 50—52, 55—57, 60—63). Вопреки ряду предупреждений Сталина, Молотова и Кагановича о том, что торопливость в раскулачивании «ничего общего с политикой партии не имеет» (док. № 64), темпы коллективизации нарастали. За зерновыми районами в их ускорение включились национальные и потребляющие районы. Принудительная коллективизация вызвала волну массовых выступлений крестьян, перераставших в повстанческое движение (док. № 79—81).

В политсводке секретариата СНК СССР (док. № 79) на первом месте стоял вопрос об отклике крестьян и рабочих на колхозное строительство. В их обращениях затрагивался вопрос о темпах коллективизации и недочетах колхозного строительства. Недовольство вызывали темпы, насилие по отношению к крестьянам, особенно середнякам и беднякам. «Главным ... недостатком колхозного строительства... является отсутствие подготовленных руководителей колхозов, а также слабость руководства сельсоветом коллективизацией».

Сопротивление крестьян тревожило центральное руководство. В конце февраля Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономических отсталых районах» (док. № 98). В нем осуждалась спешка в проведении коллективизации и борьбе с кулачеством, и в то же время говорилось о допустимости и в национальных областях сплошной коллективизации и раскулачивания.

28 февраля Политбюро ЦК ВКП(б) поручило специальной комиссии срочно отредактировать и опубликовать примерный Устав сельхозартели (док. № 106). Устав был переработан по замечаниям Сталина. 2 марта

1930 г. устав и статья Сталина «Головокружение от успехов» были опубликованы в «Правде». Всю вину за перегибы Сталин взвалил на местные органы. Документы № 170—171 представляют сводки писем крестьян поступивших в редакцию «Правды», как отклики на Устав и статью Сталина. Письма эти публиковались под заголовком «Враги компартии действуют». Публикация устава вызвала недоумение и споры, в частности, по поводу п. 7 — о членстве в артели. Добровольность вступления в артель никак не вязалась с практикой сплошной коллективизации, бывшей по существу принудительной. Статья Сталина, по мнению некоторых местных деятелей, давала козырь кулаку.

10 марта был утвержден проект постановления ЦК «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» (док. № 118). Этот документ Политбюро публиковался и рассылался секретарям партийных комитетов вплоть до райкомов, а само Постановление после сталинской редакции было опубликовано в «Правде» 15 марта 1930 года.

Из документов, опубликованных в сборнике, явствует, что практически мероприятия по экспроприации кулачества начались в ряде районов по инициативе партийных комитетов еще до принятия постановлений ЦК от 30 января. В центре возникло опасение, что эти действия могут сорвать выполнение разработанных Политбюро мероприятий. 30 января Сталин пишет директиву всем местным парторганизациям о недопустимости увлечения раскулачиванием в ущерб коллективизации (см. также док. № 49). Однако после постановления ЦК от 30 января 1930 г. раскулачивание приняло еще больших размах (док. № 162).

К 20 марта 1930 г. ОГПУ отдало распоряжение своим представительством на Урале и на Севере принимать необходимые меры по предупреждению и локализации инфекционных заболеваний и призвало Наркомздрав быть готовым к борьбе с эпидемиями среди ссыльных крестьян. Была зафиксирована колоссальная смертность среди их детей; эпидемические заболевания угрожали и местному населению. К этому времени, как следует из отчета по Северному краю (док. № 138), не было принято определенного решения о продовольственном снабжении семей, не имеющих трудоспособных членов. Дело снабжения спецпереселенцев было организовано очень плохо. Не хватало баракос для жилья. Действовала «голодная» норма продовольжения (док. № 136).

Сводка колхозцентра (док. № 141) сви-

три комиссии по разработке планов ареста и высылки кулаков (док. № 69). Дела по кулакам первой категории рассматривались во внесудебном порядке. ОГПУ организовала 100%-ную перлюстрацию переписки с заграницей и армией. На местах создается секретный оперативный резерв для помощи в деле раскулачивания. По планам ОГПУ, операция против кулаков первой категории должна была завершиться до начала операции против второй категории, а массовые высылки планировалось проводить прежде всего в районах сплошной коллективизации и приграничных территориях.

В публикации содержится много сообщений об огульном раскулачивании, в том числе и семей красноармейцев, о несанкционированных высылках, неоправданных жестокостях, а также о побегах и сопротивлении кулаков (док. № 50—52, 55—57, 60—63). Вопреки ряду предупреждений Сталина, Молотова и Кагановича о том, что торопливость в раскулачивании «ничего общего с политикой партии не имеет» (док. № 64), темпы коллективизации нарастали. За зерновыми районами в их ускорение включились национальные и потребляющие районы. Принудительная коллективизация вызвала волну массовых выступлений крестьян, перераставших в повстанческое движение (док. № 79—81).

В политсводке секретариата СНК СССР (док. № 79) на первом месте стоял вопрос об отклике крестьян и рабочих на колхозное строительство. В их обращениях затрагивался вопрос о темпах коллективизации и недочетах колхозного строительства. Недовольство вызывали темпы, насилие по отношению к крестьянам, особенно середнякам и беднякам. «Главным ... недостатком колхозного строительства... является отсутствие подготовленных руководителей колхозов, а также слабость руководства сельсоветом коллективизацией».

Сопротивление крестьян тревожило центральное руководство. В конце февраля Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономических отсталых районах» (док. № 98). В нем осуждалась спешка в проведении коллективизации и борьбе с кулачеством, и в то же время говорилось о допустимости и в национальных областях сплошной коллективизации и раскулачивания.

28 февраля Политбюро ЦК ВКП(б) поручило специальной комиссии срочно отредактировать и опубликовать примерный Устав сельхозартели (док. № 106). Устав был переработан по замечаниям Сталина. 2 марта

1930 г. устав и статья Сталина «Головокружение от успехов» были опубликованы в «Правде». Всю вину за перегибы Сталин взвалил на местные органы. Документы № 170—171 представляют сводки писем крестьян поступивших в редакцию «Правды», как отклики на Устав и статью Сталина. Письма эти публиковались под заголовком «Враги компартии действуют». Публикация устава вызвала недоумение и споры, в частности, по поводу п. 7 — о членстве в артели. Добровольность вступления в артель никак не вязалась с практикой сплошной коллективизации, бывшей по существу принудительной. Статья Сталина, по мнению некоторых местных деятелей, давала козырь кулаку.

10 марта был утвержден проект постановления ЦК «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» (док. № 118). Этот документ Политбюро публиковался и рассылался секретарям партийных комитетов вплоть до райкомов, а само Постановление после сталинской редакции было опубликовано в «Правде» 15 марта 1930 года.

Из документов, опубликованных в сборнике, явствует, что практически мероприятия по экспроприации кулачества начались в ряде районов по инициативе партийных комитетов еще до принятия постановлений ЦК от 30 января. В центре возникло опасение, что эти действия могут сорвать выполнение разработанных Политбюро мероприятий. 30 января Сталин пишет директиву всем местным парторганизациям о недопустимости увлечения раскулачиванием в ущерб коллективизации (см. также док. № 49). Однако после постановления ЦК от 30 января 1930 г. раскулачивание приняло еще больших размах (док. № 162).

К 20 марта 1930 г. ОГПУ отдало распоряжение своим представительством на Урале и на Севере принимать необходимые меры по предупреждению и локализации инфекционных заболеваний и призвало Наркомздрав быть готовым к борьбе с эпидемиями среди ссыльных крестьян. Была зафиксирована колоссальная смертность среди их детей; эпидемические заболевания угрожали и местному населению. К этому времени, как следует из отчета по Северному краю (док. № 138), не было принято определенного решения о продовольственном снабжении семей, не имеющих трудоспособных членов. Дело снабжения спецпереселенцев было организовано очень плохо. Не хватало барачков для жилья. Действовала «голодная» норма продснабжения (док. № 136).

Сводка колхозцентра (док. № 141) сви-

сколько с административно-репрессивными мерами (док. № 230). Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) предложил в основных зерновых районах довести охват коллективными хозяйствами в 1931 г. до 80%, остальных зерновых — 50%, для потребляющей полосы по зерновым хозяйствам — 20—25%, в хлопковых и свекловичных районах обеспечить охват 50% хозяйств. Тем самым был продолжен прежний курс на «сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса», а значит и наступление на трудовое крестьянство.

К недостаткам тома можно было бы отнести отсутствие материалов (или хотя бы упоминания во вводной статье) относительно волны арестов и расстрелов видных ученых экономистов аграрников.

Член-корр. РАН Г. И. ШМЕЛЕВ,
Г. А. ЯСТРЕБИНСКАЯ

Примечания

1. Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономики. Вып. 2, М. 1990, с. 3.

Г. В. КОСТЫРЧЕНКО. *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*. М. «Международные отношения». 2001. 784 с.

Книга кандидата исторических наук Г. В. Костырченко (Институт российской истории РАН) посвящена обстоятельному анализу государственного антисемитизма сталинской эпохи. Она отличается широтой охвата темы, в основе которого находятся преимущественно архивные источники. Фундамент исследования составляют документы бывшего Центрального партархива, которые дают максимально полное представление о практически всех начинаниях ЦК ВКП(б)-КПСС, предпринимавшихся для идеологического обоснования тех или иных действий антисемитского характера, довольно широко использованы и материалы архива ФСБ — как убедительно показывает автор, идеологическая обработка населения была тесно связана с деятельностью карательных органов.

Автор раскрывает генезис государственного антисемитизма в СССР, что он справедливо связывает прежде всего с идеологическим сдвигом ВКП(б) на рубеже 20—30-х годов после установления единоличной власти Сталина, а в определенной степени и с личными антипатиями диктатора по отношению к евреям. По ходу изложения Костырченко характеризует и другие стороны политики партии и государства, в частности, взаимоотношения в кремлевских верхах в довоенный период и в послевоенные годы.

Интенсивный анализ рассматриваемой проблемы начинается с характеристики политики властей в отношении евреев в первые годы после Октябрьского переворота. В ней, как показано в книге, сочетались лояльность по отношению к евреям, широко пользовавшимся вновь полученными правами и занявшим различные посты в управлен-

ческом аппарате, с гонениями на сионистов, стремившихся в Палестину, и на иудаистскую религию (впрочем, как и на другие конфессии). В 20-е годы, отмечает автор, государственного антисемитизма еще не было, но курс властей с самого начала был направлен на ассимиляцию евреев, что соответствовало идеологии пролетарского интернационализма, которой в течение определенного периода придерживались советские лидеры. Как видно из изложения, основой изменения государственной политики в отношении евреев послужил продиктованный Сталиным идеологический поворот к ура-патриотизму и в его крайней форме — шовинизму.

В книге приведены неизвестные до сих пор документы, характеризующие ухудшение в отношениях властей с еврейскими общественными организациями, учреждениями культуры, печатными органами и т. п. Знакомство со множеством документов ЦК ВКП(б) и НКВД-КГБ, которые цитирует автор, обнаруживает коварство, изуверскую избречетельность. В книге фигурируют сотни примеров беспримерного иезуитства в поисках и сочинении компромата на людей, в свое время принявших активное участие в революционном движении, но не сориентировавшихся в партиях, входивших в него, а также тех, кто после Октября принадлежал, пусть короткое время, не к РКП(б), а к меньшевикам, или, еще хуже, Бунду. Книга — существенный вклад в характеристику тоталитарного строя, установленного в СССР Сталиным.

Автор подчеркивает пагубную роль в происходившем в 30— начале 40-х годов идеологов новой генерации. Особенно выде-

лялись в этом отношении А. С. Щербаков, доморощенный «философ» Г. Ф. Александров, Д. Т. Шепилов, вносявшие в сталинские времена немалую лепту в антисемитскую истерию. Но убежденных антисемитов, как это видно из рецензируемого исследования, было немало и в других сферах. Так, среди литературных «столпов», помимо достаточно известного в этом смысле А. В. Софронова, весьма активны были также А. А. Фадеев и К. М. Симонов, о чем ранее было известно мало или вообще неизвестно. Партийные инстанции и карательные органы были завалены доносами.

Отдельный раздел автор посвятил событиям 1939—1941 гг., когда произошло явное ужесточение позиции властей в отношении евреев и, как показано в книге, определенную роль сыграло здесь влияние нацистской Германии, с которой после заключения пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. установились теплые отношения. Прекратилась критика гитлеровского режима, Германии передали некоторое количество немецких антифашистов, нашедших убежище в СССР. Автор освещает малоизвестные факты о судьбе тысяч польских евреев, которые в ходе военных действий на территории Польши оказались в районах, оккупированных советскими войсками, но затем были выданы Германии, где их ждала верная смерть. Немногим лучше была участь тех польских беженцев, которые остались в СССР — их депортировали на север, в условия, к которым они были совершенно неподготовлены.

Большое внимание автор справедливо уделил годам Великой Отечественной войны, когда уже отчетливо проявились симптомы государственного антисемитизма. Именно в период войны в ЦК начались систематические подсчеты доли евреев в тех или иных учреждениях, культурных организациях и т. п. Документы, по большей части засекреченные, содержали данные подобного рода. Определенную роль в конспирации крепнувшего государственного антисемитизма играла, как отмечает автор, оглядка на союзников по антигитлеровской коалиции, особенно же заинтересованность в материальных средствах, которые обеспечивали различные еврейские деятели благодаря своим родственным и иным связям с соотечественниками в США и других странах.

Замысел скрутить советских евреев «в бараний рог» сложился у Сталина именно в годы войны. Не помешала этому даже чудовищная трагедия холокоста. Известно (об этом идет речь и в книге), что геноцид

евреев, который начался и продолжался на оккупированной территории СССР, в советских средствах массовой информации замалчивался — в сообщениях о массовых казнях (Бабий яр, Прибалтика и т. д.) речь шла о советских гражданах без указания их национальности. И в период войны, и после ее окончания Сталин игнорировал влияние, которое холокост оказал на менталитет евреев, потерявших своих близких и родных, обострив их национальные чувства (не уничтоженные ассимиляцией) и побудив острее воспринимать проявления антисемитизма.

Они относятся к последним годам жизни диктатора. Автор придает большое значение в этой связи «крымскому проекту», попыткам руководителей Еврейского антифашистского комитета добиться решения о заселении евреями Крыма, откуда были депортированы крымские татары и который практически обезлюдел. Представляется, что значение этого вопроса автор преувеличивает и данная идея не могла вызвать такой ярости Сталина и его окружения. Она была представлена последним, как проявление наглости, более того, как попытка отделить Крым от Советского Союза. Подобная интерпретация «крымского проекта» отражала все более усиливавшиеся в послевоенные годы ксенофобию советских верхов, разгул антисемитизма. Подчеркивание этого фактора — несомненная заслуга автора.

Костырченко раскрывает механику антисемитских кампаний, начинавшихся и завершавшихся по сигналам со Старой площади. Подчеркивается большое значение, которое для усиления антисемитских настроений Сталина имела политика государства Израиль, создание которого СССР поддержал — в противовес Англии (и США), — но которое в дальнейшем стало сателлитом США. У советских евреев в те годы сколько-нибудь заметной тяги в «сионистский очаг» не было (она появилась позднее, как реакция на государственный антисемитизм).

В книге описаны изоматериальные судьбы многих людей. Но даже из тысяч пострадавших выделяется С. Михозлс, «удостоившийся» персонального заказа на убийство, сделанного Сталиным. Этот сюжет раскрыт автором с максимальной полнотой, включая изощренную маскировку преступления и награждение его исполнителей орденами, в том числе и боевыми.

О свистопляске, связанной с борьбой с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом», написано уже много. Тем не менее и в освещение этой темы Костырченко вносит немало нового, показывая

роль партийных органов, в том числе и главных исполнителей сталинской затеи — Сулова и Шепилова. Автор упоминает и о многих других активных участниках этого мракобесия. Но кое что упущено, например, роль в «борьбе с космополитизмом» одного из руководителей агитпропа ЦК Ф. Головенченко, считавшегося «специалистом» по художественной литературе.

Подробно рассматривается деятельность Еврейского антифашистского комитета и тесно связанного с ним Совинформбюро, его главы С. А. Лозовского. Документы, использованные автором, позволяют полнее и точнее отобразить замыслы верхов. Уничтожив цвет еврейской культуры в СССР, «вождь народов» продемонстрировал, какое будущее ожидает евреев СССР.

Сталинский курс начала 50-х годов Костырченко характеризует как конвульсию сталинского режима — объявление тотальной войны сионизму (о сущности которого большинство евреев, проживавших в СССР, вообще не имело какого-нибудь представления), вакханалия репрессий против «лиц еврейской национальности», вытеснение евреев из культурно-идеологической сферы, из различных отраслей науки. Конечно, Сталин не изгонял с работы и не репрессировал таких евреев как Ю. Б. Зельдович, Ю. Б. Харитон и др., внесших огромный вклад в создание и развитие военно-промышленного комплекса СССР. Но то были исключения. Один перечень лиц, бесцеремонно выброшенных из министерств, с предприятий, учебных и научных институтов (разумеется неполный), содержащийся в книге, свидетельствует, что народное хозяйство и культура СССР понесли значительный урон, лишившись большого количества талантливых специалистов, людей преданных режиму.

Завершает книгу предыстория и последующее развитие пресловутого «дела врачей». Костырченко затрагивает и дискуссионный вопрос: готовилась ли депортация евреев в отдаленные местности. Автор (даже с некоторой запальчивостью) отрицает существование подобного плана. Однако доводы, приводимые им в обоснование своей точки зрения, убеждают лишь частично. Костырченко прав, подчеркивая, что документы, в которых шла бы речь о замысле депортации и подготовке к ней, до сих пор не найдены; но он неточен, утверждая, будто после августа 1991 г. все самые секретные политические архивные материалы сталинского режи-

ма были преданы гласности; к сожалению, это далеко не так (с. 677). Вопрос нуждается в дальнейшем изучении, поиск же аутентичных документов следует продолжить.

Выше речь шла преимущественно о фактической стороне изложения; но содержание рецензируемой книги значительно шире. Автор обстоятельно рассматривает важные для понимания происходившего теоретические вопросы национальной политики ВП(б) на разных этапах советской истории, раскрывает причины изменений в этом курсе, характеризует меры маскировки государственного антисемитизма с целью «сохранения лица», хотя бы перед границей, и т. п.

В книге есть некоторые отступления от заявленной темы. Приведем лишь один пример — первые разделы гл. 5, где речь идет о перегруппировке в 1946 г. внутри правящей элиты, перипетиях борьбы Жданова с Маленковым, шедшей с переменным успехом и завершившейся в конечном счете победой последнего.

Мало кто знает, что антисемитская история, охватившая Сталина и его приближенных, подчас принимала анекдотические формы, в том числе взаимные обвинения в принадлежности к «еврейской национальности». Так, в 1951 г., когда отношения «кремлевского горца» с Берией несколько ухудшились, министр госбезопасности Грузии Рухадзе «информировал» Сталина, что Берия будто бы скрывает свое еврейское происхождение (с. 563). Подобный случай — не единичный.

На с. 394 говорится о «первом» посещении Л. М. Кагановичем Государственного еврейского театра в 1936 году. Подлинно известно, однако, что он уже в 1931 г. провел с коллективом театра (надо думать, после спектакля) беседу, в ходе которой высказал недовольство «инстанций» репертуаром, мало отражающим будни социалистического строительства.

Многоплановое содержание монографии невозможно исчерпать в рецензии. Вместе с тем, и это необходимо подчеркнуть: труд Костырченко отличается тонким анализом огромного массива никем еще не использованных документов, в которых фигурируют сотни имен — палачей и их жертв, участников драмы советских евреев. На данном этапе это практически «закрывает» тему.

Л. И. ГИНЦБЕРГ

Рецензируемый сборник (ответственный редактор М. Ц. Арзаканян) вносит существенный вклад в изучение стержневых проблем политической истории западноевропейских стран в XX веке. Базируясь на разнообразных источниках и литературе, авторы сосредоточили внимание на отдельных этапах истории ведущих стран Западной Европы — Австрии, Великобритании, Германии, Дании, Ирландии, Испании, Италии, Норвегии, Финляндии, Франции, Швеции.

В статье Арзаканян прослежены перипетии борьбы французских голлистов за власть, начиная от генерала Ш. де Голля и заканчивая нынешним президентом страны Ж. Шираком. На фоне основных политических событий во Франции в 1958—1995 годы, автор показывает, с помощью каких механизмов воздействия на политическую конъюнктуру голлистам удавалось добиваться власти и сохранять ее. Представляет интерес, например, пояснение доктрины «зарезервированной области», разработанной генеральным секретарем голлистской партии — Союза за новую республику (ЮНР) А. Шаландоном и председателем Национального собрания, голлистом Ж. Шабан-Дельмасом. Эта доктрина стала на долгое время основополагающей для голлистской партии. Она определяла, в какой мере голлистская партия может участвовать в государственной политике (с. 129). Еще одним важнейшим мероприятием де Голля, не обходившимся вниманием автора, стала поправка к конституции, принятая на референдуме в октябре 1962 г., согласно которой президент республики должен был избираться всеобщим голосованием. Арзаканян критически оценивает деятельность де Голля в качестве президента страны. Законопроект о новом районировании Франции и обновлении верхней палаты парламента — Сената она называет явно неудачным (с. 131). Провал этого законопроекта на референдуме в апреле 1969 г. стоил де Голлю президентского кресла. На примере президентских выборов 1974 г., во время которых голлисты потеряли пост главы государства, принадлежавший им 16 лет, Арзаканян детально показала, как внутрипартийные разногласия могут повлиять на ослабление влияния партии в стране (с. 132—133).

Значительное место отводится автором Ширазу, благодаря которому «голлистская партия смогла, наконец, вернуть себе высший государственный пост, потерянный двадцать лет назад» (с. 142). Рассмотрены

деятельность Ширика по преодолению кризиса голлизма в начале 70-х годов и созданию неоголлистской партии — Объединения в поддержку республики (ОПР) в 1976 г.; его двукратное пребывание на посту премьер-министра в 1974—1976 и 1986—1988 гг.; наконец, его трудное продвижение к президентскому креслу в 1995 г., отмеченное противоборством не только с кандидатом от левых сил Л. Жоспеном, но и с соратником по партии и ближайшим советником Э. Балладюром (с. 134—142). Впрочем оценка «бойцовских качеств» и политического потенциала Ширика, данная Арзаканян, представляется несколько преувеличенной. Особенно, если учесть серию его тактических просчетов и углубляющийся кризис правых сил, последовавшие вскоре после избрания Ширика президентом. В этой связи стоило бы больше внимания уделить позициям французского электората в начале 90-х годов, мотивам его поведения во время выборов в современных условиях.

Две статьи посвящены Великобритании. А. Ю. Прокопов («Британский истеблишмент и правые радикалы в 30-е годы») остановился на малоизученном в отечественной историографии вопросе: деятельности британских фашистов в конце 20-х — первой половине 30-х годов, когда под влиянием мирового экономического кризиса «нередко можно было услышать негативные оценки и критические замечания в адрес парламентской системы, высказывались сомнения в эффективности демократии и ее институтов для решения стоявших перед страной социально-экономических проблем» (с. 26). Автором объясняется рост популярности Британского союза фашистов (БСФ) в 1932—1934 гг., симпатий к нему со стороны истеблишмента, бездействие правящих кругов страны в отношении чинимых фашистами беспорядков. Прокопов исходит из того, что «особенностью политической культуры Британии были давние демократические традиции, терпимость к различным взглядам и особенно внимательное отношение к реализации права на свободу слова любым гражданином или политической организацией» (с. 40). Этим автор объясняет, с одной стороны, то, что БСФ не был запрещен. Фашисты участвовали в нескольких выборах в органы местного самоуправления в 1937—38 годах (с. 46—47). С другой стороны, стремление правящей элиты «ни в коей мере не нарушить основополагающих прав и свобод демократического общества» (с. 45) содействовало росту антифашистского

движения в Британии, которому в конечном итоге удалось дискредитировать фашистов. Хотелось бы получить более четкое представление о том, как Прокопов оценивает специфику британской демократии в подходе к политическим свободам. По-видимому, исходя из вышеупомянутого принципа, и в современной Великобритании достаточно терпимо относятся к функционирующим на ее территории штаб-квартирам исламистов.

Вторая статья («Монархия в политической жизни современной Великобритании») написана Г. С. Остапенко. Характеризуя конституционное устройство Великобритании, автор высказывает небезыңтересные гипотетические суждения о том, сможет ли монарх открыть дорогу диктатуре или же против ее установления сработает «предохранительный клапан», «гипотетически олицетворяемый с британской империей» (с. 56). Остапенко приводит краткие политические биографии всех британских монархов XX в. — от Эдуарда VII до Елизаветы II. Подробно останавливается автор на состоянии дел в современной Великобритании (с. 57—87). На конкретных примерах она продемонстрировала детальное знание принципов взаимодействия короны, парламента и политических партий, описав, например, как Елизавета II своим решением способствовала преодолению политических кризисов в стране при избрании премьер-министрами консерваторов Г. Макмиллана в 1957 г. и Д. Хьюма в 1965 году (с. 87—89). Критически Остапенко рассмотрела перипетии королевской семьи в 90-е годы, пиком которых стал 1996 г., отмеченный разводом принца Чарльза и принцессы Дианы. Уделив особое внимание реформизму принца Чарльза, Остапенко приходит к выводу, что «британская монархия войдет в XXI век, хотя и в измененном виде» (с. 98).

Проблеме «вживания» механизма власти в политическую жизнь в условиях меняющейся международной обстановки и обществено-политического климата в Италии, Испании и Германии посвящаются статьи соответственно Н. П. Комоловой («Италия в поисках новой демократической альтернативы»), С. П. Пожарской («Об истоках перехода от диктатуры к демократии в Испании») и А. Б. Чернова («Германская социал-демократия на пути к власти»). На примере Италии 70-х годов показано, как происходил поиск сближения двух ведущих партий страны — Христианско-демократической и коммунистической — через «стратегию внимания», выработанную первой, и «стратегию исторического компромисса», намеченную

второй (с. 188—190). Анализируя причины провала этого сближения, Комолова считает, что опыт взаимодействия ХДП и ИКП в 70-е годы принес свои позитивные результаты, подготовив «почву для серьезной перегруппировки внутриполитических сил. Но фактически эта перегруппировка происходила уже в последующее десятилетие, когда с политической арены страны исчезли все главные политические партии» (с. 210). Что же помешало тогда успешному исходу событий? Автор детально анализирует внутренний фактор, хотя, к сожалению, только с одной стороны: с позиций ХДП и ее лидера А. Моро, в смерти которого были повинны «красные бригады». Хотелось бы увидеть подобный анализ деятельности ИКП и ее лидера — Э. Берлингуэра. Лишь вскользь упомянут внешний фактор, а именно влияние США на политический курс своего партнера по НАТО (некоторые исследователи считают этот фактор определяющим).

Пожарская излагает логическую цепь, по которой пролегалa «траектория эволюции» Франко, осознававшего неизбежность перемен уже в первые послевоенные годы и пытавшегося поставить их под контроль, канализировав их в русле, приемлемом для режима (с. 212, 222). Основными мероприятиями Франко на этом пути были: учреждение кортесов, восстановление монархии, «оттеснение фаланги от руководства и выдвигание технократов-опусдеистов¹ на авансцену политики» (с. 219), освобождение прессы от цензуры и либерализация режима, наконец, прощение мертвых республиканцев (погибших в годы гражданской войны) как знак примирения «двух Испании». Главным итогом эволюции режима Франко, по мнению Пожарской, явилось исчезновение феномена страха в политической жизни Испании к 70-ым годам; реформы «вели к ослаблению авторитарного режима и созданию предпосылок предсказуемого будущего», основанного на идее консенсуса в обществе и «мирного исхода процесса модернизации испанского государства и общества» (с. 227—228). Рассуждая о «траектории эволюции страны», начиная с 50-х годов, Пожарская дает однозначный ответ на характер режима Франко в это время, определяя его как авторитарный, с наличием двух стадий: эмпирико-консервативной и технократической (с. 213), оставляя вопрос о терминологическом определении первой стадии режима для последующих дискуссий.

Чернов подчеркивает, что «за годы существования ФРГ у СДПГ никогда не было достаточно голосов для формирования однопартийного правительства. Поэтому для при-

влечения широкого круга избирателей она должна была менять свой политический профиль. Это было необходимо также для того, чтобы стать в глазах других партий такой политической силой, которую будущие партнеры сочли бы приемлемой для создания правительственной коалиции» (с. 161). Он выделил два главных момента в послевоенной истории социал-демократической истории. Первый — это переход от лозунга «социализм как непосредственная задача», выдвинутого в 1946 г. (с. 141), к декларации принципов 1959 г., завершившей «длительный процесс дискуссий партии по программным вопросам» и означавшей отказ от единой мировоззренческой основы — марксизма (с. 151). Второй связан с активной борьбой СДПГ за власть на протяжении 50—60-х годов, завершившейся убедительной победой социал-либеральной коалиции на досрочных парламентских выборах 1972 года. Автор справедливо подчеркивает, что «1972 год означал высшую фазу в политической деятельности СДПГ как правительственной партии» (с. 160). Хотелось бы получить более детальное представление об идейной борьбе в рядах СДПГ, ее взаимоотношениях с профсоюзами в момент изменения политического курса, о том, как самоидентифицировал себя ее электорат в те годы.

И. А. Кукушкина, заявив целью своей статьи «Австрийская социал-демократия в годы первой республики» — оценить то, что сделано, когда социал-демократы находились у руля государственной власти в республике (1918—1920 гг.) и формировали правительство (1919—1934 гг.), «не вдаваясь в поиски альтернативы» (с. 163), показала, что «социалистическое движение... выжило и продолжает существовать во второй республике» в наши дни (с. 184).

Статья В. В. Рогинского «Эволюция политического строя стран Северной Европы в первой половине XX столетия», написана в духе сравнительного анализа и содержит убедительные данные о развитии политичес-

кой культуры основной массы населения в этих странах. Это был период «совершенствования демократического строя, укрепления демократических традиций, развития и расширения народовластия, когда все большие слои населения принимали участие в формировании управления своими странами» (с. 23). Может быть автору стоило, говоря о своеобразии этого региона, подробнее остановиться на складывавшемся веками специфическом скандинавском менталитете, темпераменте, его влиянии на политические события.

Интересный материал содержится в статье Е. Ю. Поляковой «Терроризм в Ирландии как метод политической борьбы». Рассматривая нелегкий путь Ирландии к миру, автор выражает уверенность, что «чем глубже будет мирный процесс, тем больше — эрозия республиканской воинственности» (с. 124). Автором затронут комплекс таких важных для современного общества вопросов, как терроризм и насилие, терроризм и национальный патриотизм, терроризм и средства массовой информации.

Сборник отличается оригинальностью исследовательских подходов и решений, содержит важную информацию о формировании массового демократического сознания, существенно дополняя представления о политической жизни стран Западной Европы. Можно упрекнуть редактора сборника в том, что сборник носит слишком общее название, хотя, с другой стороны, этот позволяет высказать пожелание продолжить начатую работу по данной теме.

Г. Н. КАНИНСКАЯ

Примечания

1. Министры-технократы, отмечается в книге, были близки к светской полусекретной организации «Опус деи» (с. 218).

А. Б. КАМЕНСКИЙ. *От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа.* М. РГГУ. 1999. 576 с.

Доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета А. Б. Каменский пишет о безбрежной литературе, посвященной реформам XVIII века, однако, в его книге речь идет об основных фундаментальных трудах (монографиях, сборниках статей, научных ста-

тях) и работах общего плана, часто компилятивных. Исследованию явно не хватает анализа концепций, читателю трудно рассмотреть движение научной мысли по данной теме. Весьма бегло очерчен и круг многочисленных источников.

При наличии многих интересных и до-

казательных наблюдений, много в монографии натяжек, мало аргументированных положений. Наибольшие возражения вызывают задачи, цель работы и путь, которым идет автор в их решении и достижении. Автор ставит перед собой задачу: рассмотреть историю реформ в России как единый, целостный процесс, с тем чтобы получить ответ на вопрос: возможно или невозможно для России поступательное политическое развитие, были или не были в России завершены реформы, или развитие страны было циклическим (с. 12). Этот эксперимент автор предпринимает на примере XVIII века. Весь XVIII век представляется ему чередой сплошных реформ, которые носили прямолинейный, поступательный характер. Их направление было определено петровскими преобразованиями, носившими европеизирующий, модернизаторский характер. Автор вольно или невольно, в силу поставленной им задачи, просто спрямляет исторический процесс: складывается впечатление, что реформаторы XVIII в. были охвачены зудом реформирования, дабы модернизировать, европеизировать страну, приблизить ее к созданию правового государства, гражданского общества.

Неужели все так полезно было для страны в реформаторстве XVIII в., неужели столь мощно, поступательно шел модернизационный процесс, что не было отклонений от реформ, их искривлений в историческом развитии России? Они, конечно, были, но замечать их, или говорить о них автор не считает нужным, так как это разрушает его главный тезис. Не рассматривает он и вопрос о ходе реализации реформ. Писать об истории реформ и мимоходом, вскользь говорить об их реализации и последствиях вряд ли возможно.

Петр I был выдающимся реформатором, но модернизация Петра, как справедливо отметил Л. В. Милов, в таком архаическом социуме как Россия имела и «чудовищный социальный эффект», вызвав к жизни «еще более жесткие, более грубые формы эксплуатации»¹. Реформы Петра I стали апофеозом этатизма, в России не было места для негосударственных форм существования общества. Модернизация и европеизация способствовали консервации самодержавной формы правления, сословного строя и крепостного права.

Чередой, один за другим излагаются многочисленные правительственные указы, анализ которых сводится опять же только к утверждению, как они были хороши для прямого, поступательного развития страны. Но как действовали эти указы на практике?

Что действительно способствовало модернизации страны, что сохраняло, консервировало и укрепляло режим самодержавия, а значит отдаляло Россию от правового государства, гражданского общества, столь искомого Каменским в России XVIII века? Об этом читатель монографии узнает крайне мало, так как это не входит в задачу исследования.

Период после правления Петра I, особенно царствование Анны Иоановны, свидетельствует, по мнению автора, о стабильности режима и дальнейшем продвижении страны по пути петровских преобразований (с. 251). Вряд ли стоит говорить о масштабных реформах второй четверти XVIII в. и о стабильности режима. Представляется, что вторая четверть XVIII в. — период политической нестабильности, вызванной указом о престолонаследии 1722 года. Шесть государей и государынь в отличие от Петра I не законодательствовали, не размышляли о будущем страны. Они формировали штат фаворитов и убажляли их. Дворянство, ставшее экономической силой при Петре, стремилось усилить свои политические позиции, распоряжаться тронем. Поэтому внутренняя политика этих лет была направлена на возвышение дворянства, превратившегося в привилегированное сословие. И в этом можно видеть продолжение петровской политики.

После Петра I вплоть до Елизаветы Петровны в условиях политической нестабильности оппозиционно настроенные к петровским преобразованиям круги пытались изменить установленный Петром порядок. Только возвращение Елизаветы к политике Петра I позволило начать стабилизацию власти. Но в дальнейшем, уже в 1750-е годы, государственный строй России стал нуждаться в совершенствовании. Причинами тому были меняющаяся структура общества, социальные противоборства, условия хозяйственной жизни страны, внешнеполитическая ситуация. Фактически указом 1722 г. Петр I поставил своих преемников в зависимость от аристократии, высшей сановной бюрократии, попиравших закон, что вызвало недовольство всей массы дворянства. Стремление дворян оградить свои права и хозяйственную деятельность поставило на повестку дня реформирование правовой системы, создание совершенного правительства, которое своими правовыми действиями обеспечило бы примирение в государственной политике интересов различных слоев дворянства и власти, которая стремилась представить себя в роли всеобщей силы.

Каменский отказывается от понятия «просвещенный абсолютизм» потому, что

считает совершенно невозможным соединить новейшие идеи XVIII в. с русскими политическими реалиями (хотя автор активно это делает в главах об Екатерине II), а также потому, что в западной историографии применительно к России уже отказались от этого понятия (с. 24). Представляется, что это не совсем правильно. «Просвещенный абсолютизм» — результат эволюции абсолютизма под напором происходящего в стране исторического развития, а также под влиянием развивающейся просветительской мысли, позволявшей еще глубже понять предназначение, роль и пределы государственной власти, отношения ее с обществом. Верховная власть, воспринимая идеи Просвещения, получала теоретическую базу для преобразований в области административного управления, суда, экономики, культуры, если это не меняло существа сложившейся государственной системы, а наоборот способствовало решению задач, стоявших перед государством, укрепляло его и совершенствовало. Развитие начал «просвещенного абсолютизма» пришлось на время правления Петра III, когда, по справедливому замечанию О. А. Омельченко, «главенствовала идея о новой организации всей государственной системы на началах твердой правовой законности монархического толка (правильнее было бы самодержавно-монархического. — В. М.), о законности как основе отношений власти и сословий, прежде всего дворянства, об особом статусе дворянства, как предмете забот всей государственной политики»².

По-иному правление Петра III оценивает Каменский. Кстаи в его оценках много противоречий. То Петр III «не был автором всех осуществляемых им преобразований, поскольку сведений о том, какая из воплощенных им в жизни идей была его собственной, а какая подсказана кем-то... у нас нет» (с. 305.) То «большая часть из задуманного Петром была задумана задолго до его воцарения» (с. 305). Автор считает реформы Петра III радикальными, такими же впоследствии будут названы реформы Екатерины II. Чьи же реформы были радикальнее? При Петре III они носили, конечно, модернизационный характер, отвечали общим тенденциям развития страны, но вызывают удивление и возражение положения автора о решительном разрыве с предыдущей политикой (кого?), отказе от преемственности (в чем?), что создавало угрозу стабильности, социальной и политической (почему?) (с. 314). Оказывается, при Петре III не было «системного кризиса», а потому была сильна оппозиция (с. 314). А может быть причина ее возник-

новения в другом? Станным и малодоказательным выглядит вывод Каменского: «По существу своими законодательными актами он (Петр III) совершил своего рода революцию в системе социальных отношений России: в борьбе с государством дворянство одержало окончательную победу... Думается, есть все основания утверждать, что именно политика Петра III, а отнюдь не Екатерины II, как принято считать, обеспечила расцвет крепостничества во второй половине XVIII в.» (с. 314). Доказывается ли столь ответственное заявление? Отнюдь, автору просто «думается», что было так, а не иначе. Мы считаем, что политика Петра III была политикой аристократически-дворянского либерализма, которая наряду с организацией государственной системы на основе закона, на его же основе предопределяла и взаимоотношения власти и дворянства, дворянство понималось как главенствующее сословие, опора самодержавного государства.

Политика Петра III была, по мнению Каменского, продворянской и крепостнической, чего он не может сказать о Екатерине II. Все екатерининские разделы монографии посвящены доказательству одного тезиса: политика Екатерины II была целью на протяжении всего ее царствования, основана на единых принципах и направлена на реализацию вполне определенной программы (с. 338). Однако на с. 363 говорится: «Документа, в котором программа намечаемых Екатериной преобразований была бы зафиксирована целиком, не существует». Нет документа, нет плана, но имеющиеся документы, указы, законы, считает Каменский, позволяют «реконструировать замыслы Екатерины».

Каменский, как и в предшествующих главах в одном ряду последовательно рассматривает и различные неопубликованные заметки императрицы, и «Наказ», и законодательные акты, чтобы показать, что они в концентрированном виде содержат программу преобразований (с. 371). Программа императрицы, по его мнению, была и целью, и теоретически непротиворечивой, но «реальная практика и конкретные политические обстоятельства вносили в нее определенные коррективы и делали отдельные ее положения трудно, а то и вовсе неисполнимыми» (с. 371). А на стр. 465 говорится, что Екатерине II «почти полностью удалось реализовать задуманное». Но ровно настолько, насколько позволяли конкретные исторические условия и необходимость сохранения стабильности.

Трудно согласиться с положениями Каменского о стремлении Екатерины II ликви-

дивовать крепостное право, чему помешала жесткая критика «Наказа» екатеринским окружением. Каменский давно возражает против оценок политики Екатерины II как продворянской. Во многих работах он выступает против положений о дворянстве, как социальной опоре самодержавия. Но всякая власть всегда ищет и находит свою социальную опору. Если дворянство не являлось опорой самодержавия, то кто же ею был — купечество, крепостные крестьяне, другие сословия? Первое место во внутренней политике Екатерины II занимали вопросы дворянства: дворянской службы, воспитание дворянских детей, свобода в наследовании имений и т. д.

Сохранение и ужесточение крепостного права диктовалось также интересами государства. Нельзя не согласиться с Миловым, что в результате экономических реформ 60—70-х годов XVIII в. массы крестьян Нечерноземья активно вовлекались в торгово-промышленную деятельность, что сказалось на развитии земледелия. Но производство хлеба оставалось общественно необходимым для государства. И, чтобы удержать хотя бы прежний уровень производства хлеба в Нечерноземье, государство пошло на ужесточение крепостного права³. Но и эту новую концепцию автор не удостоил своим вниманием. Прямое усиление репрессий, связанных с ужесточением крепостничества, заставляло дворянскую монархию вести достаточно гибкую политику. В области экономики все новации Екатерины II либерального толка вели к укреплению государственного хозяйства самодержавной монархии, что позволило России занимать ведущее место в Европе и проводить активную внешнюю политику. Екатерина II постоянно подчеркивала неограниченный характер монархической власти, соподчиненность центральных и местных органов. Попытка перенести тяжесть управления на места закончилась неудачей. Такая политика требовала от местной администрации высокого уровня административной и правовой культуры, чем она и не обладала. Власти на местах были замкнуты на себе и лишь подконтрольны надзору высшей власти, занимались своими местными, а не общегосударственными делами. Поэтому центр усиливал свой контроль на местах.

Не можем мы согласиться и с тем, что реформы Екатерины II были попыткой создания либеральной модели развития, направленной на создание гражданского общества (это при сохранении-то сословного строя!) и правового государства (может быть, правового самодержавно-крепостнического го-

сударства?). Но, как признает тут же сам автор, такая модель в России XVIII века была невозможна. Реализовать ее можно было, только уничтожив крепостничество (с. 469). Добавим — и самодержавие. Но как говорил А. Н. Радищев в XVIII в., этому «не приспе еще година».

Мы согласны с Каменским, что «Наказ» в наиболее концентрированном виде содержит программу преобразований, где вместе с другими документами ставилась «задача укрепления государственной власти на принципах самодержавия, централизма, унитаризма» (с. 371). Социально-правовая доктрина, выдвинутая Екатериной II в «Наказе», равно как и ее политическая теория, свидетельствуют о консервативной позиции императрицы. Четко обосновывается положение, что власть и общество стоят выше человеческой личности. Права человека строятся на основе его сословных обязанностей, и в соответствии с этим определяются законами самодержавного монарха. Дифференциация в обществе, по утверждению Екатерины, неизбежна, необходима и естественна, а равенство между людьми может существовать лишь в плане высокоморальном, а также уголовно-правовом. В «Наказе» Екатерина II выступила апологетом собственной самодержавной власти. Политическая теория императрицы в этом документе доходит до уровня практического руководства, а практическая деятельность в ее исполнении поднимается до высот теории.

Политика «просвещенного абсолютизма» была консервативной в политическом и социальном плане. В политической сфере она предусматривала стабилизацию государственного порядка путем правовой модернизации, допускаемой самодержавной властью, и путем регулирования ею всех сторон общественной жизни. Это отражало интересы самой власти, которая в тех исторических условиях была единственной силой, способной обеспечить решение важнейших государственных задач. Интересы самодержавия совпадали с интересами (и в целом ряде случаев даже требованиями) его социальной опоры — дворянства. В социально-правовой сфере политика «просвещенного абсолютизма» стабилизировала и укрепляла феодально-крепостнические порядки, пыталась через издание законов регулировать взаимоотношения подчиненных государству сословий при сохранении и закреплении прав дворянства как особо привилегированного сословия.

В своем стремлении сохранить абсолютизм и государственный порядок Екатерина II прибегала к методам законодательной

регламентации и полицейскому регулированию жизни общества. Такое принуждение к «всеобщей добродетели» и «всеобщему послушанию» наталкивалось на сопротивление общества, и прежде всего дворянства, что несло в себе угрозу дестабилизации государственного порядка. Не меньшую, а, вероятно, даже большую угрозу стабильности представляла нерешаемость (в силу приоритетов социальной политики, а порой и нежелания) самодержавной властью острых социальных вопросов, и прежде всего крестьянского. Поэтому развитие социальных противоречий заставило усилить полицейские методы обеспечения тишины и порядка в государстве, что вело лишь к дальнейшему обострению разногласий между различными слоями общества, ослабляло позиции самодержавия и приближало его кризис.

Совершенно бесплодно искать в политике Екатерины II буржуазные черты, элементы государственного либерализма. Екатерина II, проводя широкие преобразования, допускала развитие элементов, которые в конечном итоге вели к формированию буржуазных отношений, но лишь постольку, поскольку они не меняли сложившегося социального устройства. Преобразования эти вписывались в абсолютистскую систему и были необходимы для решения важнейших задач, встававших перед самодержавным государством.

Исторические реалии России XVIII века позволяют говорить, что все реформы, про-

водимые в стране, определялись прежде всего интересами абсолютистского государства, которое вынуждено было поддерживать требования дворянства. Эволюция военно-полицейского режима шла по пути смягчения некоторых наиболее жестких форм существования привилегированного сословия дворянства.

Развитие абсолютистского государства в XVIII в. проходило в условиях крепнущего крепостничества и оформления сословного строя. Крепостное право, крепостной режим и сословный строй — это связанные между собой части российского общества. И как бы ни увлекался Каменский, опираясь даже на западных историков, многие положения которых весьма спорны, доказать наличие в России XVIII в. прямолинейного постоянного процесса реформирования в направлении правового государства и гражданского общества вряд ли возможно.

В. И. МОРЯКОВ

Примечания

1. История России с начала XVIII века до конца XIX века. М. 1996, с. 106.
2. ОМЕЛЬЧЕНКО О. А. «Законная монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М. 1993, с. 68.
3. История России с начала XVIII до конца XIX века, с. 187—192.

В защиту Д. Я. Самоквасова

Ознакомившись с книгой сотрудника Российского государственного архива древних актов (РГАДА) Л. И. Шохина¹, я, как специалист², обратил внимание на то, что она отличается явным недоброжелательным ко всему тому, что сделал Д. Я. Самоквасов как ученый и администратор. При этом позиция Шохина выражена с необычной для академических изданий развязностью. Автор лишь подобрал в архивах материал, который бы подтверждал «рабочую гипотезу» о том, что Самоквасов — это вовсе не «Бисмарк» в своей сфере (сравнение С. А. Шумакова), а именно «архивный Сталин вчера». Можно только удивляться позиции титульного редактора этой книги С. О. Шмидта. Непонятно, почему научный руководитель и редактор, издатели работы Шохина не призвали автора к сдержанности в оценках и приличию в их выражении?

Приведу некоторые примеры тенденциозности Шохина. Уже во «Введении» говорится, что де «Самоквасов цинично манипулировал фактами, характеризующими архивистов, выставлял напоказ одни и скрывал другие. В Министерство юстиции он сообщал, что все сотрудники с высшим образованием не дорожат архивной работой и всегда охотно променяют ее на другую, более высоко оплачиваемую. ... Трудно представить начальника, с большим презрением относившегося к своим подчиненным» (с. 24). Автор почему-то не поясняет читателю, с какой целью Самоквасов сообщал министру о фактах ухода из Архива Министерства юстиции (МАМЮ) целого ряда способных архивистов по собственному желанию из-за невозможности прокормить семью скудным архивным жалованием в условиях инфляции и дорого-

визны жизни в Москве. Именно Самоквасов, и только он, дважды буквально «пробивал» через министерства и Государственную думу расширение штатов МАМЮ и увеличение его денежной сметы. Как можно утверждать, что «архивная реформа для Самоквасова эпизод, а не дело всей жизни» (с. 323), когда добрых двадцать лет было отдано им заботам о МАМЮ и обо всем архивном деле в России? Сочувственно цитирует Шохин высказанное в полемике мнение самоквасовского архивиста Шумакова о том, что «правовая и моральная стороны архивной службы важнее экономической» (с. 38). Но разве юридическая и нравственная подоплека архивистики противоречит ее денежному и материально-техническому обеспечению?

Суть конфликта Самоквасова с некоторыми архивистами состояла в том, что последние желали бы и при новом начальнике заниматься собственными проектами, прежде всего научными, а новый начальник решил направить все наличные силы на составление отсутствовавших описей и справочников к старейшим фондам архива. При этом он дал упомянутым сотрудникам год на завершение прежних их работ. Шохин приводит исключительно претензии противников самоквасовского решения, причем не соблюдая никакого такта при цитировании не предназначавшихся для печати личных бумаг столкнувшихся тогда сторон.

Противопоставленным науке я считаю двойной стандарт при освещении архивной истории до и после получения ее исследователем ученой степени, принятые этим автором и его научным руководителем. Убеждая своего ученика «учесть часть отзывов» оппонентов и со-

кратить «нюансы о спорах между архивистами» в кандидатской диссертации, научный руководитель тут же утешал его: «Это мы поместим в «[Археографическом] ежегоднике», где мы хозяева, а на кафедре и на Ученом совете мы не хозяева» (с. 442).

Игнорируя все остальные области многогранной деятельности Самоквасова, кроме архивной, Шохин и последнюю обедняет. Так он сетует, что «свою библиотеку Самоквасов завещал МАМЮ, но личный архив, к сожалению, не пристроил куда-нибудь на постоянное хранение» (с. 41). В ноябре 1993 г. я выступал на Архивных чтениях памяти 150-летия Самоквасова. Шохин мог бы поинтересоваться у меня, где остальной самоквасовский архив находится. По документам этого архива мной выполнен не только цикл публикаций, но и подготовлен к печати сборник «История и археология в переписке из архива Д. Я. Самоквасова».

Глава 19 книги Шохина — «Д. Я. Самоквасов как управляющий МАМЮ и реформатор архивного дела в России» напоминает скорее обвинительное заключение суда, а не аналитический разбор. Вот далеко не полный перечень эпитетов: «грубый и деспотичный, высокомерный», «придирчивый, авторитарный и подозрительный», «с прямолинейным мышлением и дурным характером», «болтун, прожектер и карьерист» и т. д., и т. п. И это говорится о заслуженном профессоре Московского университета, одном из основателей научной археологии и архивного дела в России. Любую критику возможно высказать в приличной форме, а не унижаться до ругательств.

Факты — документы, мемуары, первые залы Государственного Исторического музея, коллекции многих других музеев, библиотек и архивов России, Украины и Польши чаще всего опровергают голословные выводы Шохина. Портреты Самоквасова висят ныне не только в РГАДА (бывшем МАМЮ), но и в Государственном историческом музее, и в петербургском Институте истории материальной культуры РАН — преемнике Археологической комиссии, почетным членом которой состоял Самоквасов. Его память посвящено издание: «Археологическая карта России. Курская область» (М. Институт археологии РАН. 1998). Его заслуги буквально сквозь зубы вынужден признать Шохин (с. 324).

Пытаясь очернить археологические достижения Самоквасова, Шохин ссылается на его полемику с Д. Н. Анучиным по вопросу о кладах римских монет на территории Восточной Европы, но при этом умалчивает о докладе и статье того же Анучина «Д. Я. Самоквасов как археолог».

Шохин утверждает, что Самоквасов пришел

в архив как «человек со стороны, ... никогда раньше не работал в архивах» (с. 221). В действительности же он активно «рылся» в московских и петербургских архивах еще при работе над своей кандидатской диссертацией. В варшавский период своей деятельности он опубликовал архивные материалы, в том числе древнейшие документы по истории русского права. Он был знаком, переписывался и сотрудничал в первом Археологическом институте с одним из своих предшественников в МАМЮ — Н. В. Калачовым.

Шохин обвиняет Самоквасова в прямо противоположных и фактически исключающих друг друга вещах. Так, он ругает его и за то, что он привлек в свой архив мало новых способных архивистов, оставил многих прежних работников, и за то, что он слишком резко изменил кадровый состав и традиции МАМЮ (с. 222). Называя Самоквасова «карьеристом», Шохин затем недоумевает, почему тот отказался от поста сенатора. Перевод и издание впервые в нашей стране образцового западного законодательства об архивах Шохин именует «компиляцией» (с. 321).

Шохин приписывает посмертному влиянию Самоквасова даже сталинские репрессии против краеведов 1920-х годов (с. 324—325). В моей работе о Самоквасове имеется специальный раздел «Сотрудник историко-краеведческих организаций», где приведены факты о его взаимодействии с большинством Губернских ученых архивных комиссий и других научно-просветительских обществ Российской империи. Занимаясь историей советского краеведения специально по материалам областных архивов, я не нашел никаких упоминаний «аргумента от Самоквасова» при их разгоне. Зато нашел обвинения в пропаганде самоквасовских взглядов и находок как предлог для репрессий против краеведов.

Я сомневаюсь, что издательству «Памятники исторической мысли» стоило публиковать нескромные автобиографические признания Шохина (с. 438—443). Высоко оценивая свои заслуги и труды, он двухтомную монографию Д. Я. Самоквасова «Архивное дело в России» именует «книжкой» (с. 271).

Очевидно, таким путем Шохин претендует на то, чтобы «воздействовать на практику» современной «службы Социальной памяти» (с. 5).

С. П. Цавелев

Примечания

1. ШОХИН Л. И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. Архивисты и историки во второй половине XIX — начале XX века. М. 1999.
2. ЦАВЕЛЕВ С. П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. Курск. 1996, с. 122.